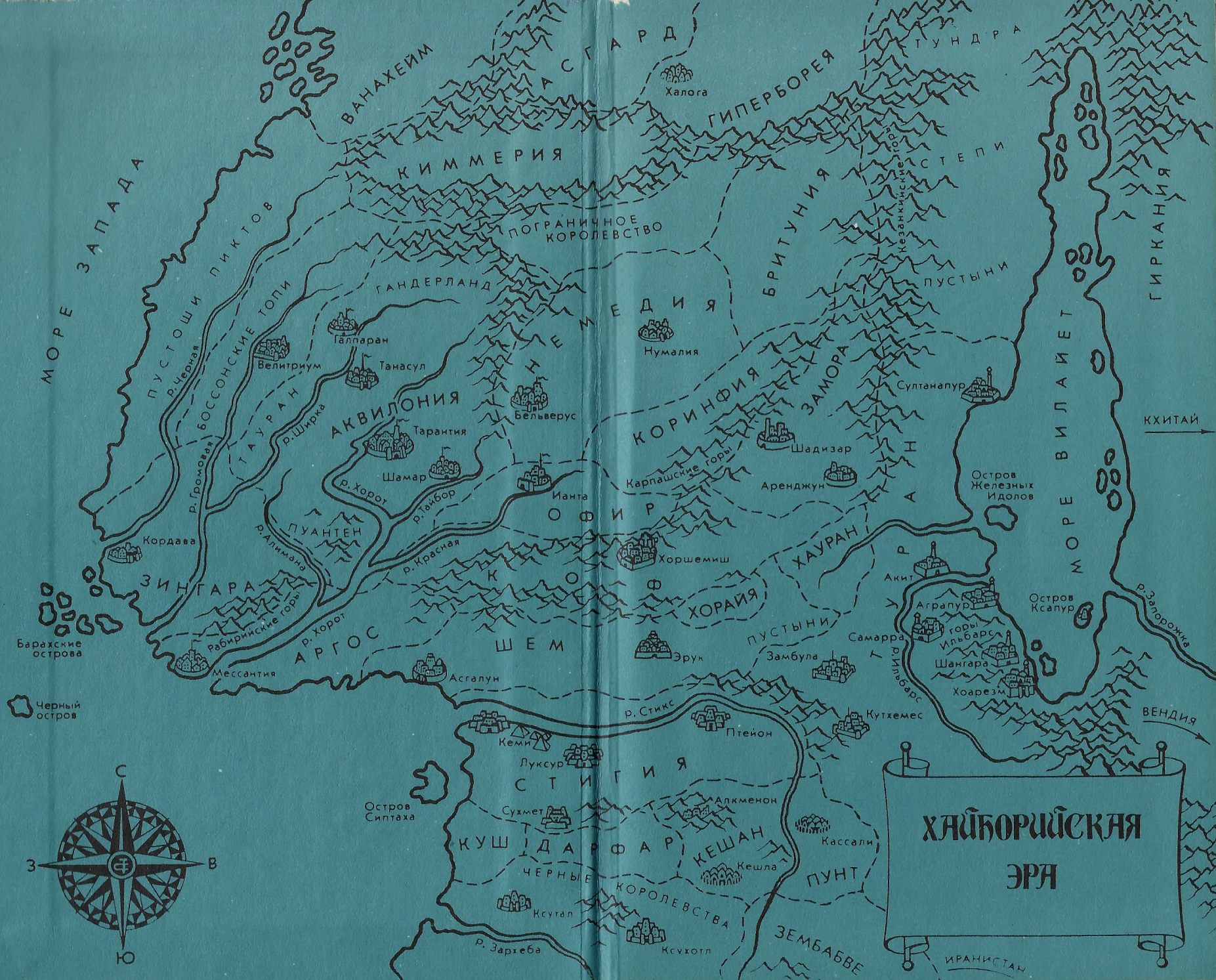

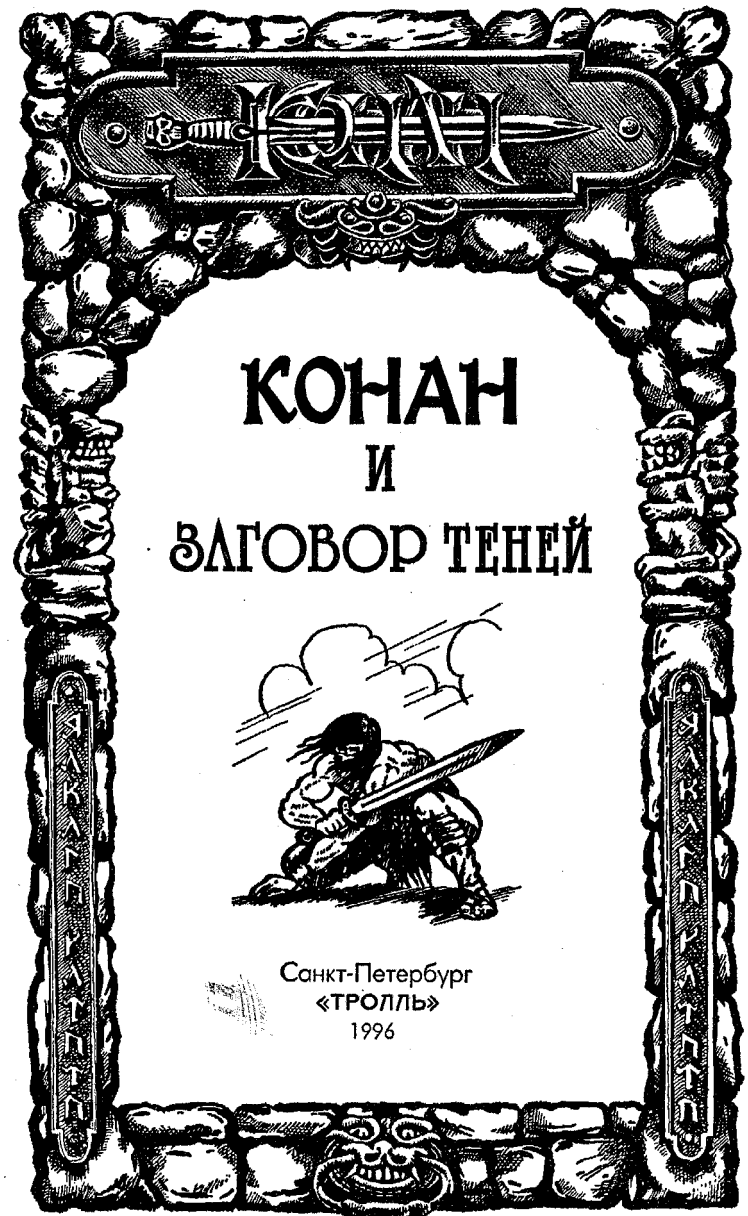

КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ

Северо-Зонаг®

Конан и заговор теней: Романы. — СПб., «Троль»,
1996 — 448 с.

ISBN 5-87365-040-3

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в любой форме,
в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

© Д.Мак-Грегор, 1996
© А.Олдмен, 1996
© К.Стайл, 1996
© Г.Эйлат, 1996
© «Троль», составление и подготовка текста
© «Северо-Запад», серийное оформление
обложки и форзаца

Там, где три четверти года снежные равнины темны полный день и полную ночь, изредка лишь озаряемые всполохами чудесного небесного сияния, где холод сменяется морозом, а тьма — мраком, далеко на севере, за тундрой, меж Кезанкийскими горами и Гирканией лежит маленькая страна Ландхаагген. Древние пергаменты, коих в архивариях Белого дворца сохранилось не более десятка, гласят: «Счастливая земля Хааггена мала и плодородна; холмы, но не горы, кусты, но не деревья окружают ее со всех сторон; реки текут чистые и быстрые, и тварей чешуйчатых, для еды пригодных, в них великое множество. Жители высоки ростом, бледны лицом и белы волосами; глаза имеют голубые либо синие, тела крепкие, а нрав спокойный. Вечно зеленая ветвь маттенсаи хранит благостное место сие для жизни долгой, для мира и порядка».

С той прекрасной поры миновали сотни лет. Плодородная земля Хааггена покрылась льдом, в лед превратились реки, и ледяные глыбы выросли на месте цветущих холмов. Холод и мгла воцарились тут; мрак вошел в души людей, большинству из них сократив срок существования, так что вскоре вся страна заключилась в пределах единственного города с тем же названием, и был этот город пустынен и тих. Дома в Ландхааггене стояли прежние, полуразвалившиеся, утепляемые изнутри мхом и ветошью. На узких, некогда уютных улочках ныне сквозь толщу снега и льда уже не проглядывал камень, и даже в короткое светлое время, когда лучи мутно-желтого тусклого шара слегка, но достигали все же сих печальных

мест, холодный белый покров ставил лишь чуть, с самого верха.

В центре города, рядом с широким и низким храмом Эрлика, возвышался Белый дворец, днем и ночью обдуваемый порывистыми колючими ветрами — там жил правитель Мольдзен, молчаливый, угрюмый, безучастный ко всему старец с длинными седыми волосами; жизнь утомляла его; каждый вздох ожидая конца своего долгого века, он не жалел уже и не помнил ни о чем; закутавшись в шерстяное покрывало, он часто всматривался во тьму небес, где недвижимо висели редкие неяркие звезды, но не было в том занятии для него ни смысла, ни интереса.

На много дней пути — если бы решился кто-либо совершить подобное путешествие — раскинулась снежная равнина, что окружала Ландхаагген. Дальние деревушки, числом не более трех, давно уже не имели с городом никаких связей. Жители их одичали, с трудом добывая себе скудное пропитание; тощая домашняя скотина давала жалкий приплод только летом, в светлое время; халупы, по самые окна, а то и крыши заваленные снегом, едва спасали от холода и ветра.

Так постепенно страна вымирала, и через половину века жизнь замерла бы здесь навсегда. Только медведи и олени, да еще большие черные птицы с белыми грудками и короткими лапами бродили бы в холоде и безмолвии по искристому твердому насту, на коем давно уже не осталось следов человека...

ГЛАВА 1. Постоялый двор

Дождь лил с самого утра без перерыва. Затянутое облаками небо ровного серого цвета опустилось совсем низко и застряло на верхушках гор, что простирались далеко на восток; мокрые скалы тускло блестели; по ним струились водные потоки, с шумом падая на землю с обрывов и унося с собой вырванные с корнем мелкие растения, камни, труху.

Величественные, с первого взгляда необитаемые горы Кофа принимали подобное омовение нечасто — обыкновенно они трещали и плавились под лучами божественного ока Митры, то гневно, то ласково взирающего сверху на землю; и богохульствовал одинокий путник, пытаясь укрыться от палящего солнца в раскаленных камнях, и птицы пролетали мимо в поисках тенистых рощ, и звери прятались от зноя в глубоких норах, выходя наверх только ночью. Но теперь огнедышащий яркий шар, еще накануне сиявший в голубой выси, скрылся в иных мирах, куда нет пути земному существу.

День близился к концу, а дождь все не прекращался. Потемнело серое небо, уже почти сокрытое от глаз сплошной стеной льющей воды, и человек, что пробирался по узенькой тропке меж мокрых холодных скал, заспешил. Где-то в этих краях, точно по направлению к Хоршемишу, находился постоялый двор — приют беглецов и бродяг, коих по свету болтается великое множество, — и пока мгла не опустилась с небес к самым ногам, следовало его найти.

Тропа вихляла не между гор, но по самой горе, иной раз становясь не шире трех ладоней, так что путнику приходилось двигаться боком — едва дыша, спиной обтирая шершавый отвесный склон; под ним, далеко внизу, зияла блестящая от воды черно-зеленая рябь, что скрывала в себе острые камни и глубокие ямы. Но порой тропа резко сбегала вниз, и тогда путник, чавкая сандалиями по слякоти, съезжал по ней, скользя на листьях, на траве и громко рассказывая окружающей среде все, что он думает о личной жизни богов и их внешнем виде.

Он промок до нитки, устал и проголодался, и сие последнее обстоятельство заставляло его шагать все быстрее, сквозь дождь пристально вглядываясь вдаль в надежде узреть маленький, приветливо сияющий в горах огонек. То и дело сплевывая с губ воду, он прыгал с булыжника на булыжник, с кочки на кочку, чуть не падая, перешагивал провалы, и наконец долгий путь его завершился именно так, как и предполагалось: обогнув высокую остроконечную скалу, он увидел желтые окна постоялого двора и, подгоняемый завываниями ветра и желудка, припустил туда, мысленно уже отдавая хозяину приказ немедленно принести ему баранью ногу, ломоть хлеба побольше и пару кувшинов пива.

Возле деревянного строения в два этажа, ютившегося на крошечном пятачке меж огромных валунов и крутых скал, странник заметил деревянный же навес, а под ним еле различимые в вечернем полумраке силуэты лошадей. На плоской крыше дома громоздилось заброшенное гнездо; в окнах мелькали чьи-то тени; голоса сливались в гул, который показался путнику приятной музыкой по сравнению с шумом надоевшего давно дождя. Не желая делать на улице и одного лишнего вдоха, он быстро прошел к крыльцу, перескочил четыре ступеньки разом и толкнул дверь мощным плечом.

* * *

Жаркий спертый воздух паром вырвался наружу. Шесть ртов в мгновение захлопнулись, а шесть пар глаз с нескры-

ваемым любопытством уставились на нового гостя — рослого парня с гривой длинных черных волос. Под мокрой, облепившей тело одеждой четко вырисовывались бугры мышц; молодое, но уже суровое лицо с крупными чертами не отличалось особой красотой, тем более что у правого глаза краснел кривой глубокий шрам — несомненно след недавней стычки; пушистые черные ресницы его намокли от дождя; на поясе в потертых ножнах висел меч внушительных размеров, даже для старого воина бывший слишком велик, но для этого юного великана — в самый раз. Он ответил всем не менее пристальным, но гораздо менее любопытствующим коротким взглядом, прикрыл дверь и, оставляя за собою мокрую дорожку, прошел к длинному столу посреди комнаты, где восседали на широких табуретах с толстыми ножками всякого рода оборванцы. Перед каждым стояла глубокая миска с дурно пахнущими бобами и большая глиняная кружка, откуда так и несло кислятиной. Впрочем, судя по удовлетворенным физиономиям постояльцев, они мало обращали внимания на качество угощения, из чего путник незамедлительно заключил, что они, подобно ему самому, знавали деньки и похуже, чем нынешний.

Один, быстроглазый, всклокоченный парень с приятным смуглым лицом, явно был дезертиром из туранской армии наемников — на плечах его висела черная куртка с вензелем на правой стороне груди и вшитым в воротник медным треугольником — знак сайгада, старшего тройки; он пережевывал свои бобы с таким рвением, словно то были его личные враги, коих он желал уничтожить как можно скорее. Второй, бородач с сизым вислым носом, ерзал на табурете и беспрестанно вздыхал, хотя с тонких губ его не сходила нахальная плутовская ухмылка — этот казался торговцем, что потерял все состояние, но сохранил достоинство. Разглядеть третьего не представлялось возможным, ибо, узрев мокрого незнакомца, возникшего в сей обители столь неожиданно и стремительно, он уронил голову на руки и тотчас уснул, как будто очам его явился сам Хипнош — бог сна. У четвертого, щуплого человечка с длинны-

ми сальными волосами, рожа напоминала изъеденную молью старую тряпку, давно утерявшую первоначальный свой цвет, по всей видимости, серый либо зеленый; после каждой ложки бобов и каждого глотка пива он подмигивал дезертиру и, когда тот сердито поднимал брови в ответ на подобное проявление чувств к своей особе, мерзко хихикал и облизывался. Пятый и шестой сидели по правую и левую руку от пришельца, так что определить, каковы они и кто, он поначалу не смог.

Тем не менее именно с ближайшим своим соседом он и познакомился прежде остальных.

— Эй, хозяин! — зычным густым голосом прогремел тот, чью мускулистую, покрытую черными вьющимися волосами руку он видел справа от себя. — У нас новый гость! И по виду — варвар! Так что тащи-ка бобы, да поторапливайся, пока парень с голодухи не сожрал мои вместе с миской... Иава Гембех, — представился он, поворачиваясь, — родился в Шеме, жил в Шеме и вернусь туда же... Когда-нибудь... А ты, парень, кто и откуда?

— Конан, из Киммерии, — буркнул тот, с удивлением замечая, что у шемита один глаз черный, а другой зеленый.

Решив про себя, что сие есть знак богов и особого их расположения к этому человеку, молодой киммериец тут же забыл об Иаве, озабоченный собственным, весьма плачевным состоянием. Струйки воды с легким журчанием стекали с него на пол, образуя вокруг табурета лужу, так что вскоре он сидел уже будто на острове, дрожа и поджав под себя ноги.

— Варвар... Я никогда не ошибаюсь, — насмешливо произнес Иава. Взгляд его переместился вниз, на лужу у табурета.

— Сырости от тебя, приятель! — Он критически осмотрел Конана, покачал головой и достал из кармана плоскую флягу. Глубоко вздохнув, шемит поколебался мгновение, затем быстро вытащил крепкими белыми зубами пробку, обмотанную намокшей тряпичей, и протянул сосуд с живой влагой киммерийцу.

— А ну-ка, выпей. Это бренд. Сразу согреешься.

Конан благодарно кивнул и принял губами к узкому горлышку. Словно горячий луч огненного ока Митры обжег его глотку; ароматный, тягучий напиток, чуть горький, чуть сладкий, действительно согрел лишь за несколько вздохов. Почти ополовинив флягу, киммериец с сожалением оторвался от нее и вернул владельцу.

— А теперь садись поближе к огню, — заботливо предложил шемит, приподнимаясь и небрежно сталкивая с табурета щуплого.

— Кш-ш! Пусти парня погреться.

В очаге, обложенном с трех сторон круглыми булыжниками, весело трещал огонь; блики его, особенно яркие сейчас, когда за окнами стало совсем темно, подрагивали на лицах, на стенах, отражались в мутной желтизне, плавающей в глиняных пузатых кружках. Конан пересел на табурет щуплого, вытянул ноги, с наслаждением чувствуя, как тепло проникает в него всего, как бурлит разогретая еще брандом кровь, и... как он голоден. От этой мысли киммериец даже вздрогнул. Обернувшись, он обвел взглядом зал, морщась от сразу ударившего в нос запаха протухших бобов из мисок постояльцев, и хрипло позвал:

— Хозяин!

Однако он успел уже совсем согреться, когда наконец хозяин, вынырнувший откуда-то из глубины зала, молча подскочил к нему и шмякнул на стол миску все с теми же бобами. Конан, содрогаясь при мысли о том, что и ему, может быть, предстоит отвесть сие вонючее блюдо, ухватил наглеца за штанину, подтянул к себе и угрожающе прорычал:

— А ну, толстяк, волоки сюда мяса, и побольше! Чтоб на всех хватило! Не то, клянусь Кромом, вместо барана я поджарю тебя!

Если не считать короткого знакомства с шемитом, то были первые его слова здесь, на постоялом дворе. Шесть ртов опять захлопнулись, а шесть пар глаз уставились на киммерийца — как видно, ранее им и в голову не приходило требовать у хозяина что-либо, кроме предложенного лично им. И даже тот, что спал, сейчас пробудился от зву-

ков голоса варвара — пробудился и выпучился на него с изумлением, граничащим с ужасом, хотя вряд ли и сам мог объяснить происхождение таких глубоких чувств — смысла речи Конана он слышать не мог, а потому не должен был и пугаться. Но каковы бы ни оказались причины его страха, он взял-таки себя в руки и смолчал, несмотря на то, что ему безумно хотелось визжать и плакать.

А хозяин, который и в самом деле не отличался стройностью фигуры, возмущенно пискнул и, лягнув гостя свободной ногой, попытался вырваться. Напрасно. Тот держал его штанину только двумя пальцами — так, словно брезговал, — но все прыжки и скачки толстяка не увенчались успехом. Под общий громовой хохот он лишь пыхтел, сопел и фыркал, не осмеливаясь оскорбить грозного пришельца словом, но как стоял на одном месте, так стоять и остался.

— Ну? — спросил наконец киммериец, подвигая миску с бобами поближе к хозяину. — Ты побежал за мясом?

— Да! — в отчаянии выкрикнул несчастный, отверотя нос. И тут же, сопровождаемый весьма ощутимым пинком под зад, полетел вдоль стола, в конце которого грохнувшись сначала на живот, а затем перекатился на спину.

— Мя-аса! — заревел шемит и швырнул на пол свою миску.

— Мяса!!! — заорали остальные, топоча ногами.

— Мяс-с-са... — прошелестел душевнобольной, плохо соображая, о каком мясе идет речь.

Перепуганный хозяин, встав на четвереньки, быстро пополз в укрытие; но, хотя он и продемонстрировал сейчас скорость, удивившую даже его самого, протухшие бобы так и сыпались на голову, лопаясь и растекаясь по волосам; шмыгнув в темный узкий коридорчик, отделявший его комнату от общего зала, толстяк вскочил, задыхаясь не столько от перенесенных страданий, сколько от омерзительного запаха собственного блюда, прыгнул за дверь и, с треском захлопнув ее за собой, поспешно задвинул железный штырь — теперь он был спасен. И все же его баранам, что томились в сарае позади дома, вряд ли предназначалась богами долгая безмятеж-

ная жизнь. Они были робки, покорны и плодовиты, но даже сия праведность не могла спасти их от ножа, ибо — и хозяин твердо в это верил — так и только так они могли уберечь его от той же печальной участи.

Утешая себя подобным образом, толстяк взял огромный кухонный тесак и, вытирая слезы не жалости, но жадности, вылез через окно на задний двор.

* * *

— Что же, киммериец, — с набитым ртом проскрипел щуплый, — обсох ли ты? Могу ли я снова занять свое место?

— Сиди где сидишь, — ответил за Конана дезертир, с тем же рвением, что и некоторое время назад бобы, пережевывая свежее сочное мясо. — Благословение Иштар, отсюда мне не видать твою рожу, гаденыш.

— Ты всегда ешь мясо вместе с волосами, о смердящая ящерица? — добил щуплого презрением Иава. — Пф-ф...

Сам он уплетал кусок за куском с удивительной для такого бывалого бродяги аккуратностью, облизывая пальцы и весело кося на Конана круглым черным глазом. Варвар с неудовольствием поморщился: до того, как хозяин приволок огромный чан, полный баранины, он наслаждался всеобщим молчанием. В тишине был слышен только треск огня да силовое дыхание простуженного бородача — после грохота ливня и такие звуки казались киммерийцу приятной музыкой. Теперь же оживленные богатым угощением постояльцы молчать явно не собирались.

Щуплый убрал из миски длинные сальные пряди пегих волос, обиженно вскинул подбородок и обратился к дезертиру.

— Я не нравлюсь тебе, сайгад?

— А ну, тихо! — властно прикрикнул шемит на обоих, заметив, как побагровело от злости тонкое смуглое лицо парня.

Конан одобрительно хмыкнул. Несмотря на молодость, он уже знал: для того, чтобы предотвратить ненужную драку, смелости требуется не менее, чем для того, чтобы

подражаться. Он подмигнул сайгаду, который шипел подобно разъяренной змее и пытался убить щуплого взглядом, и снова вцепился зубами в баранью ногу. Слева от него душевнобольной вяло грыз кость, время от времени громко и грустно икая, а справа, низко склонив белокурую голову, сидел юноша с бледными тонкими руками. Одежда его была бедна и ветха, и несомненно принадлежала не ему, а более широкому в плечах и в ворота мужчине, однако все прорехи тщательным образом заштопаны, а рукава неровно обрезаны и так же тщательно обшиты толстой суровой нитью.

Конан не сразу обратил на него внимание — до того, как он занял место щуплого, он сидел между шемитом и этим парнем, но тот до сих пор молчал, не шевелился и ни на кого не смотрел. И внезапное появление на постоялом дворе киммерийца, и танец позора здешнего хозяина не произвели на юного бродягу должного впечатления; казалось, собственная, очень важная и глубокая дума занимала его всего. Варвар не мог видеть его глаз, но не сомневался тем не менее, что в них прочел бы он тоску либо давнишнюю боль. Конан был молод — до двадцати лет ему оставалось еще пять лун, — но успел уже повидать в своей жизни и немощных, и душевнобольных, как сидящий сейчас слева от него бедняга, и усталых не от долгого пути, а от самой жизни, и воинов и разбойников, и бедных и богатых, и честных и бесчестных... Вряд ли он вспомнил бы их имена, да и не всегда знакомился с ними, но выражение глаз каждого помнил отлично, так что теперь без труда мог угадать по жесту, по осанке, по посадке головы то, что таилось в глубине зрачков, в душе, в сердце.

Правда, в данный момент его меньше всего волновали чувства сего молодого человека. Он утолял голод — это занятие было для него гораздо важнее всего прочего. А насытившись, он обычно предпочитал хороший сон любой, даже самой интересной беседе, и посему, отложив в сторону кость, бывшую всего дюжину глубоких вздохов назад бараньей ногой, он широко зевнул, обвел комнату осоловевшим от вкусной еды и тепла взглядом, смачно рыгнул и поднял-

ся. Хозяин, чутко стороживший всякое движение последнего гостя, тут же подскочил и, беспрестанно кланяясь, повел варвара на второй этаж, в его комнату.

За окнами давно уже царилась ночь — вязкая, словно болотная грязь, мокрая и зябкая; ни одной звезды не проявилось в черноте небес, лишь с невидимых туч все продолжал сыпаться дождь, то мелкий и колючий, то многоводный, шумный, плотный... Он равномерно бил по крыше, настораживая, но и усыпляя, и с ним опускался на землю тревожный, похожий на обморок сон. Конан сорвал с себя одежду и только прилег на широкий деревянный топчан, как тут же члены его ослабли, и без того путанные мысли в голове смешались и исчезли в тумане, а веки смежились так крепко, что без усилия разверзть их не представлялось возможным. Но киммериец и не собирался этого делать. Он начал поворачиваться набок, дабы устроиться поудобнее и так провести ночь, но не успел: сон сковал его всего...

* * *

Когда в голубом небе меж легких белых облачков засверкали теплые солнечные лучи, Конан пробудился. Бездумно смотрел он в чистую высокую даль, куда медленно подымался невидимый ему пока огненный шар. День обещал быть жарким, но свежим — дождь смыл полугодовую пыль с земной поверхности, обновил воды рек и озер, вернул к жизни растения, кои не погибли от засухи. Сколько таких дней будет еще в его жизни? Сколько раз над головой его поднимется око благого Митры, согревая могучее тело варвара мягкими лучами? О том мог знать лишь сам Хранитель Равновесия, чья власть сурова, но справедлива, чей взор кроток, но тверд, чье имя — Митра — произносят люди с благоговением и надеждой.

Конан, по правде говоря, не относился к числу таких людей: с уст его не раз срывались проклятья в адрес Подателя Жизни, что же касается остальных богов, то их он вообще оскорблял постоянно, и обладая они менее спокойным и невозмутимым нравом, варвару пришлось бы туго.

К счастью для него, боги давно привыкли к тому, что благодарные двуногие существа поносят их почем зря, и если б они задались целью каждого хулителя отправлять на Серые Равнины, то вскоре все население земли составило бы не более пяти-шести человек. Так что Конан не особенно опасался подвоха со стороны богов. Небожителям недостает хитрить, обманывать, подстергать и предавать — все эти занятия присущи людям, им и только им, киммериец был уверен в своих выводах. А выводы сии основывались не на одних умозаклчениях, а истинно на собственном его опыте, что для жизни несравнимо дороже, нежели любое, даже самое изысканное философическое измышление.

Опустив руку, Конан нащупал на полу влажный комок, встряхнул, и, поймав вывалившиеся из него штаны, с гримасой отвращения начал натягивать их на себя. После недолгого раздумья рубаху он отшвырнул в сторону, а надел лишь кожаную безрукавку; затем влез в сандалии, подошвы которых истончали за время долгого его пути; порывшись в глубоких карманах, он обнаружил там среди залежей всевозможных нужных и не слишком нужных вещей серебристых нитей шнурок, коим стянул свои длинные густые волосы в хвост. На этом утренний туалет его завершился.

Внезапно с заднего двора, куда выходили мутные, никогда не мытые окна конановой комнаты, послышался дупераздирающий вопль, могущий лишить жизни слабонервного человека. Варвар вскочил, треснувшись при этом макушкой о деревянный потолок и послав очередное проклятье Нергалу и его приспешникам, и ринулся к окошку. То, что он увидел, заставило его моментально ощутить вдруг образовавшуюся в желудке пустоту: вооруженный огромным топором хозяин, тряся жирным животом, бежал по двору за упитанным, дико визжащим петухом, весьма на него самого похожим. Петух, по всей вероятности, предназначался на завтрак ему, Конану, как дорогому гостю, чей здоровый кулак показался хозяину более веским аргументом, нежели деньги прочих, не таких капризных постояльцев. В мыслях уже представляя петуха в жареном виде,

покоящемся на блюде в окружении разного рода овощей, киммериец поспешил вниз, дабы перед трапезой промочить глотку свежим пивом.

В общей комнате кроме шемита никого не было. Остатки ночного пиршества украшали длинный стол — огрызки, кости, пивные лужицы, хлебные корки; пол, усеянный раздавленными бобами, сверху оказался еще полит какой-то дрянью, и вонял так, что Конану, чей нос слыхивал и не такие запахи, вдруг захотелось уйти отсюда немедленно и навсегда. Но — только с петухом в желудке. А поскольку птица сия, по расчетам варвара, пока что только собиралась занять достойное для нее место на сковороде, он уселся рядом с Иавой и, подозрительно понюхав горлышко кривобочного глиняного кувшина, в один миг почти опустошил его.

— Хорошо ли почивал ты, варвар? — вежливо осведомился шемит, с обычной улыбкой своей глядя на киммерийца.

— Почивал неплохо, — отвечал Конан. — А ты, сдаётся мне, совсем не ложился?

— Какое там... Наш хозяин — да будь он сожран с костями Золотым Павлином Сабатеи — утаил дюжину бочонков отличного пива, плут... А я терпеть не могу кислятины! Вот и пошел этой ночью на поиски... в его погреб... Понравилось тебе нынешнее пиво?

— Угу... хр-рм... — промычал варвар, допивая остатки. — А больше в погребе ничего не осталось?

— Уж не думаешь ли ты, приятель, что я способен за ночь вылакать всю дюжину? — Шемит наклонился, сунул руку под стол и выудил оттуда еще один кувшин. — Пей! И да не замучает тебя жажда на пути твоём, киммериец!

Конан хмыкнул, отмечая про себя, что после ночного возлияния Иава стал слишком многословен и сентиментален.

— Я заплатил этой жирной крысе за постой два золотых, — продолжал шемит, грозя кулаком куда-то вдаль, по всей видимости, полагая, что жирная крыса находится именно там, — два золотых! А он подсунул мне кислое пиво и

протухшие бобы! О, жадность! Ты, ты правишь подлунным миром! Веришь ли, Конан, когда я нашел в погребе сие чудесное, ароматное, свежее пиво, слезы навернулись на глаза мои... Ты пей, пей... И воскликнул я в печали: «О, жадность...»

— Ты это уже говорил,— буркнул киммериец, наконец отрываясь от кувшина.— И я согласен, что жадность — великий грех. Будь я на месте Митры, я б каждого скареду наказывал плетью, пока не пообреет... Но миром правит все же нечто другое...

— Что?

— Не ведаю. Может, отвага и честь, а может, зло и обман.

— Любовь!

Нежный, мелодичный, но слабый голос заставил обоих мужчин с удивлением оглянуться. На лестнице, ведущей на второй этаж дома, стояла девушка, вернее — девочка, та самая, которую прошлым вечером Конан принял за парня. Если бы варвар мог облечь мысли свои в слова, он сказал бы, что юная красотка эта похожа на мальчика, который похож на девочку. Белокурые волосы ее, коротко обкромсанные тупым ножом, были перехвачены кожаной ленточкой; одежда мешком висела на тоненькой невысокой фигурке, не скрывая, но подчеркивая ее изящество и стройность; в чистых голубых глазах киммериец даже с такого расстояния узрел то, о чем он догадался еще не заглянув в них — затаенную боль и тоску, развеять которую вряд ли могли и хорошее вино, и дружеская беседа. Но и скрытая сила чувствовалась в девушке — Конан уловил ее еле заметные импульсы, насторожился.

— Миром правит любовь,— повторила она, спускаясь. Шла она странно — осторожными шагами, слегка покачиваясь, словно только недавно очнулась после тяжелой болезни.

— Что же,— ухмыльнулся немного смущенный Иава,— если я в кого-либо влюблен, значит, я обладаю некой силой, недоступной другому человеку? Так по-твоему?

— Нет, не так,— проворчал Конан, разглядывая девушку.— Слышал я такие речи, и не раз. Она толкует тебе, шемит, о любви ко всем. Я прав, красавица?

— Продолжай,— кивнула она, чуть улыбнувшись бледными губами. Северный говор ее, так хорошо знакомый киммерийцу, смягчал и растягивал слова, каждое из которых звучало в ее устах словно начало песни.— Не знаю, как объяснить, но это что-то вроде веселой пирушки в кабаке. У тебя полный кошель, а у твоих приятелей пустой. И ты не жалеешь своих денег на то, чтоб они напились хорошенько за твой счет. А в другой раз кто-либо из них угостит тебя, понял?

— Если ты накормил меня мясом, а я напоил тебя пивом, сие не означает, что мы влюблены, варвар. А тем паче я не собираюсь любить каждого, кто устроит свою задницу за моим столом... О, Конан! Я вижу, ты не теряешь времени...

Иава схватил со стола кувшин и сунул в него нос.

— Пусто! Ах ты, киммерийская рожа... Пока я толковал о любви, он выдул все пиво! Чтоб тебя жажда замучила когда-нибудь, бездонное брюхо!

— Чтоб ты всю жизнь пил кислятину! — парировал Конан, едва сдерживая смех при виде вытянутой физиономии шемита.

Услышав такое жестокое пожелание, Иава ахнул, сложил руки на груди и вперил в варвара укоризненный взгляд, но затем уголки губ его дрогнули, глаза потеплели; рассмеявшись, он ткнул нового приятеля увесистым кулаком в плечо.

— Ну, пес... Ну и... пес. На! Пей! — Волосатая рука шемита снова нырнула под стол.— И красотку угости!

— Меня зовут Мангельда,— тихо сказала девушка, ежась, словно от холода. И тотчас в комнате в самом деле стало как будто зябко. То ли ветер внезапно рванул на улице, проникая в широкие щели окон, то ли из глаз Мангельды потянуло той тоской, что леденит кровь подобно прикосновению снежного пальца Имира, но и шемит, и киммериец ощутили вдруг некий неуют, сопровождаемый мурашками по коже и дрожью в груди, где-то около сердца.

Конан тряхнул головой, отгоняя наваждение, и подозрительно посмотрел на девушку.

— Кром... Не хочу тебя обидеть, но... Ты, случаем, не суккуб?

Мангельда вздрогнула. Нежная и без того бледная кожа ее побелела; пожав плечами, она чуть приоткрыла пухлые губки, явно желая ответить варвару, но смолчала. И только опять в глазах ее он увидел ответ — та же боль, коей никак не может страдать жаждущая чужой крови тварь...

Конану вдруг захотелось обнять ее, чтобы взять на себя хотя бы малую часть этой боли, этой тоски, согреть ее так, как может согреть лишь чистое сердце — отдав свое тепло. Он решительно встал, взял тонкую хрупкую руку Мангельды так бережно, как только мог, и повлек девушку за собой, наверх. Из головы его вмиг улетучились все мысли о жареном петухе и новом приятеле Иаве, что остался за столом один на один с кувшином отличного пива; он забыл о том, куда и зачем пробирался через горы Кофа; он и не желал сейчас знать ни о чем. Девушка — девочка, идущая за ним покорно, словно ребенок, ведомая им, и, как ни странно, но искренне любимая им, в сие солнечное утро занимала его всего без остатка. Пинком распахнув перед нею дверь своей комнаты, Конан провел Мангельду внутрь, посадил на топчан и укрыл покрывалом — теперь они могли поговорить.

ГЛАВА 2. Мангельда

О ткуда ты, Мангельда? Из Гипербореи? — Почти, — с трудом разлепила бледные пересохшие губы девушка. — Я из Ландхаагтена...

— А это еще где? — удивленно поднял брови варвар. — Сколько живу на свете, о такой стране не слыхивал.

— На севере, за тундрой... Там только снег и лед, только снег и лед...

— Невесело, должно быть... — На этом вежливом замечании Конан решил завершить светскую часть беседы и перейти к делу. — Знаешь, трудно мотаться по свету с таким камнем у печени... Что тебя гнетет, красавица?

Девушка молча покачала головой, опустила глаза, словно догадавшись, что именно они выдают ее боль.

— Послушай, Мангельда... Тьфу! Я не умею разговаривать с детьми! Сколько зим тебе? Десять? Двенадцать?

— Пятнадцать...

— Кром! И ты прошла от тундры до самого Кофа одна? Как же отец отпустил тебя?

— У меня нет отца.

— А мать?

— Никого уже нет... — тихо, едва слышно произнесла Мангельда. Глаза ее закрылись — тяжело, как у старого, смертельно уставшего человека, — а губы зашевелились, то ли шепча молитву, то ли прощаясь с кем-то очень близким. Глядя в отрешенное лицо этой девочки, Конан вдруг совершенно ясно понял, что жизни в ней уже нет, но не скрытая

болезнь тому причиной, а нечто иное, чужое и пока непознанное им, а может, и никем другим. И холод, исходящий от нее, несомненно был того же происхождения — в смерти нет тепла, есть лишь мрак и звонкая, недостигаемо высокая нота, от которой дрожь в груди и мурашки по коже... Губы варвара искривились в злобной ухмылке — мысленно он уже вонзал острие своего меча в ту тварь, что держала девочку в волоске от Серых Равнин, но не отпускала еще, как бы наслаждаясь ее медленным угасанием... В том, что такая тварь существует в действительности, Конан не сомневался ни на миг, как не сомневался в том, что путь его в Султанапур окажется несколько длиннее, чем он предполагал ранее. Только мимолетно испытал он чужую боль и тоску, но и этого было вполне достаточно. Теперь он не собирался оставлять Мангельду. Он отправится вместе с ней, куда бы она ни шла, и грязной обезьяне придется сначала помериться силой с ним, с Конаном, прежде чем ей удастся услышать последний вздох девочки.

Киммериец и сам не ожидал от себя подобных чувств — его суровой натуре свойственны были действия, и только. Он всегда мог вступить за того, кто нуждался в том, но страдать заодно с кем-то... Нет, такого еще не было. Что ж, не было — так будет. До того остро он ощутил в облике Мангельды, в ней самой тот баланс меж юностью и дряхлостью, жизнью и смертью, словно ступил на невидимую грань неизведанного еще человеком, и стоило ему сделать даже не шаг — короткое движение туда, как иной мир откроется его глазам и душе, мир, в котором, возможно, и предстоит ему остаться навсегда. Но там все же было не место человеку — не умом, но некими колебаниями сердца осознал это молодой киммериец. Там — смерть, обратная сторона Серых Равнин, с неизвестным никому названием, но с понятной сутью. Ощущение сие оказалось на миг страшным даже для него — могучего варвара с суровых земель Киммерии... Конан стиснул зубы, стараясь унять в груди бешеный пляс сердца, и легонько тронул тонкую, бледную, почти прозрачную руку Мангельды.

— Эй... Пусть твой Имир обратит меня хоть в ледяной столб, но я пойду с тобой. Слышишь?

— Зачем? — Мангельда открыла глаза, обдав киммерийца холодной сонной мутиью.

— Затем, что... Кром... Я так хочу! И ты не дойдешь одна!

— Я дойду. Я должна, — ровным голосом произнесла она, пытаясь улыбнуться. — Я дойду, Конан.

— Куда?

— К морю Запада.

— А там что? Что ты будешь делать там?

— Возьму лодку, поплыву к югу, к Желтому острову...

— А дальше?

— Да поможет мне Иштар...

— Иштар не поможет, Мангельда. Я помогу. Говори, что дальше!

— Он живет на Желтом острове. Он — Гринсвелд, у нас его называли Горилла Грин... Он похож на обезьяну. Старики рассказывали, будто он и есть обезьяна, будто его подкинул сам Сет к дому Фьонды — рыбачки из соседней деревни... — Мангельда говорила медленно, слабым безжизненным голосом, как будто усталость наконец одолевала ее. Казалось, она хочет спать — так пусты становились с каждым словом чистые голубые глаза. — Сам Сет... К дому Фьонды...

— Постой-ка, красавица... — Конан достал из глубокого кармана штанов плоскую флягу, ранее принадлежавшую шемиту, скovyрнул ногтем пробку, и, отпив небольшой глоток, остальное предложил Мангельде. — Пей, пей все, там не больше трети. Ну? Тебе не стало лучше?

Бледные впалые щеки девушки чуть порозовели; она благодарно взглянула на Конана, но тут же снова отвернулась.

— А теперь продолжай, Мангельда. Что натворила эта горилла?

— Гринсвелд... Горилла Грин... Полуобезьяна-получеловек, воспитанный рыбачкой Фьондой. Он... он украл вечно зеленую ветвь маттенсаи. Наша страна — Ландхаагген, я

слышала, когда-то давно, во времена деда моего деда, была плодородной и теплой, подобно южным королевствам, а люди красивы, здоровы и тихи нравом... Это вечно зеленая ветвь маттенсаи — она хранила Ландхаагген долгое время... А потом трон занял Третий Мольдзен — отец нашего нынешнего короля... О-о, Мольдзены живут долго, так долго, что три поколения простых людей уходят на Серые Равнины за это время... Тот король, рассказывали старики, лица имел два, и души имел две — одна сторона черная, душная, гнилая, другая — благостная, кроткая... Как сладить с собой такому человеку? Когда верх брала первая сторона — Мольдзен лютовал хуже всякого зверя, сотню за сотней отправлял он в темницу, сотню за сотней на страшную казнь. Люди звали его в такие дни Мольдзен Блэханд — Черный Мольдзен. Но случалось, верх одерживала вторая сторона, и тогда на площадях раздавали хлеб, казни отменялись, а из темниц выпускали тех, кто не умер еще от голода и пыток... Мольдзен Вайханд — Белый Мольдзен, так называли короля в эти счастливые для всех дни... Но... время шло, Конан, и все реже черное сменялось белым.

Девушка замолчала, отрешенно глядя куда-то в стенку, мимо киммерийца. Румянец сошел с ее щек, губы вновь побелели — видимо, душа была уже необратимо больна, и жаркий, будоражащий кровь бранд не мог помочь ей надолго.

— Что дальше, Мангельда? — Конан старался говорить как можно тише, но все равно его сильный, низкий, чуть хриловатый голос пророкотал в маленькой комнатке подобно раскату далекого грома.

Мангельда посмотрела на него мутным, невыразительным взглядом; с каждым вздохом она слабела, и киммериец, чувствуя это, отчаянно удерживал ее здесь, в этом мире — глазами, сердцем, словом... Паузы быть не должно, иначе тонкая нить ее жизни прервется... И Мангельда, чуть вздрогнув от звука его голоса, продолжала свой рассказ.

— Вечно зеленая ветвь маттенсаи покрылась льдом, и вся страна покрылась льдом. Избранный богами край, оазис

мира и плодородия среди холодных северных пустынь... Но боги покинули нас, ибо Мольдзен Блэханд совершал грехов неизмеримо больше, чем Мольдзен Вайханд успевал замаливать. Да и умерла уже к тому времени светлая сторона его души... Ландхаагген покрылся льдом... Голубые, зеленые глыбы льда повсюду... Вечная ночь и короткий-короткий день. Ветер, сбивающий с ног даже здорового сильного мужчину. Но сначала три луны подряд шел снег... Он не переставал идти и на миг — все валил и валил, хлопьями, целыми охапками... И даже мы не могли ничего сделать.

— Мы?

— Мы, антархи — «обладающие знаниями». Мое племя произошло от Асвельна, юного хеминга с берегов Ванахейма. Кочевые племена хемингов в ту пору разбойничали и в Гиперборее, и в Бритунии, и даже в Немедии... Асвельн был моложе меня, когда их отряд сравнял с землей деревню на границе Ландхааггена. Легенда гласит, что после того, как последний житель деревни упал с кинжалом в сердце, небесная твердь обрушилась на хемингов, раздавив их всех, всех до одного, — Мангельда выдохнула, чуть покачнувшись, но тут же открыла глаза, впервые за все время посмотрев на Конана прямо и спокойно. Мальчишеская челка ее белых, словно седых волос дрогнула — из-за плотно прикрытой двери потянуло вдруг сквозняком, и таким зябким, сырым, что и варвару стало несколько неуютно в этой крошечной камерке. Он криво ухмыльнулся, пожимая плечами, и жестом просил Мангельду продолжать.

— Когда солнце поднялось над равниной, все лучи его собрались в один, раскаленный, ослепительно красный луч, который ударил в то, что совсем еще недавно было телом Асвельна... И он встал — как прежде юный, красивый и стройный, но голубые глаза его обрели иной взгляд, идущий из глубины — нет, не его сердца, а глубины времени и опыта земного, не приобретенного им самим, но полученного как... как получают наследство. Избранник богов, Асвельн... От него и произошло племя антархов — мое племя. Мы живем... жили... у реки Скарсааны, там, где раньше

никогда не бывало холодно, а теперь никогда не бывает тепло. И вечно зеленая ветвь маттенсаи хранилась у нас, до тех пор, пока Гринсвельд не похитил ее...

— Ты идешь за ней?

— Да.

— Но почему именно ты? Или в Ландхаагтене не осталось мужчин?

— Никого... Никого не осталось... Ландхаагген погибает... Скоро на месте его будет ледяная пустыня... И мы... Без маттенсаи мы, антархи, скоро исчезнем с лица земли. Она — сердце нашего племени. Ее должны вернуть стране мы... И если мы не сумеем, то никто не сумеет. Я поклялась найти ее... Поклялась сама себе. Но я никогда не нарушу мою клятву... Это моя клятва... Только моя... Клятва...

Глаза Мангельды закрылись; она вскрикнула — уже во сне — тонко, жалобно, как ребенок; хрупкое тело ее расслабилось, мягко повалилось на деревянный топчан Конана. Он встал, поправил на ней покрывало, и вышел.

* * *

— О-о-о! Конан! — будто маслом налитые глаза шемита чуть прояснились при виде киммерийца. — А я тут к твоей птичке пристроился! Садись и ты!

— Я предупреждал его, храбрый воин, волею небес посетивший мое ничтожное пристанище, — заюлил хозяин, обретавшийся здесь же, — кушанье сие готовилось только для тебя, отважный лев. А он, гляди-ка, откусил ногу — да и ест ее себе, нечестивец... И тебя поминал... ой, недобрым словом... Варвар, мол, и без петуха обойдется...

— Пошел вон! — прогремел Иава, замахиваясь на толстяка обгрызенной петушиной лапой. — Не слушай его, приятель. Садись и принимайся за благородную птицу, что жизнью пожертвовала ради твоего и моего желудков.

— Пиво осталось? — прорычал Конан, сверху вниз глядя на хозяина темными синими глазами.

— Осталось, ловкий гепард, осталось. — Толстяк сразу понял, что речь идет отнюдь не о кислом пиве для простых гостей. — Прощу тебя, отведай, острый меч...

Конан забрал кувшин, даже не потрудившись проверить, свежее ли пиво, и прямо из-под носа Иавы ухватил петуха за оставшуюся лапу.

— Тебе хватит, шемит...

Обеспечив таким образом приличный завтрак себе и Мангельде, варвар двинулся прочь.

— Эй! — хитро улыбаясь, шемит повертел в воздухе волосатой ручищей. — Флягу от бранда вернешь?

— Верну, — усмехнулся Конан и, больше не оборачиваясь, пошел по лестнице на второй этаж.

* * *

— Когда Горилла уволок ветку?

— Пять зим назад. Мы готовились к смандангу — это ритуал обращения к богам через маттенсаи. Мы долго ждали... После смерти Мольдзена Блэханда в прошлом столетии у нас появилась надежда вернуть Ландхаагтену его первоначальное, подаренное богами состояние мира и плодородия. Но сначала должны были появиться на свет два близнеца, два воина-антарха. Воины рождаются только от старейшины, Конан, от прямого потомка Асвельна, потому мы и ждали так долго... Но пять зим назад Имада — жена старейшины — родила близнецов, и мы стали готовиться к смандангу... В первый же день на верхних листьях маттенсаи растаял лед — знак того, что боги благосклонны к нам по-прежнему и вскоре нам удастся освободить Ландхаагген от власти мрака и льда! На второй день оттаял ствол, почти до середины, и берег Скарсааны показал свои темные воды... Только берег, но я и того не видала за всю жизнь! А на третий день... А на третий день вечно зеленая ветвь маттенсаи пропала. Как это могло случиться? Никто объяснить и понять не мог, даже сам старейшина. Уныние охватило всех... Мы связаны маттенсаи с богами и... с жизнью. Без нее не только Ландхаагген, но и все племя антархов погибнет. Так и произошло.

— Твое племя погибло?

— Да. Почти все. На шестую луну после пропажи вечно зеленой ветви маттенсаи старейшине явился во сне Ас-

вельн — он и поведал, кто похитил ее... Остальное мы узнали сами, это было нетрудно. Гринсвельд давно подбирался к нам. Он хотел обладать нашими знаниями, но он — не антарх. У нас и маленькие дети, которые лишь только научились ходить, знают то, что недоступно простому человеку. Это знание заложено в них с самого мига зачатия.

— И что же это?

Мангельда слабо улыбнулась. Короткий сон и еда снова оживили ее, вернули немного сил. Надолго ли — варвар не знал, а потому и не давал ей замолкнуть, заставляя продолжать рассказ.

— Ты не поймешь, Конан, ибо сие не столько мысленно, сколько чувственно, а передать чувства гораздо сложнее, и времени требует несравнимо больше. Да и зачем тебе? Мы — хранители страны, в этом наша сила. Мы — хранители тайного знания и самой тайны сущего. Мы — хранители равновесия на небольшом кусочке суши, и пока есть антархи, в Ландхаагтене никогда не будет войны. Мы — избранные богов, но мы потеряли с ними связь...

— Маттенсаи?

— Маттенсаи... Мы позволили чужаку не только коснуться ее, но и завладеть ею, а это великий грех, великий... Но Гринсвельд, как выяснили мы потом, вовсе и не был просто плохим человеком. Темная оболочка его оказалась лишь прикрытием. Под ней мы обнаружили страшные провалы, а в них — тоже тайны, но не опыта и знания, а смерти и... То была демоническая сущность, Конан. Ему она принадлежала, нет ли, установить мы не смогли. Но маттенсаи похитил человек тьмы, будь то Гринсвельд или... Впрочем, это не имеет значения. Сначала мне надо попасть на Желтый остров... Первым туда ушел старейшина. Мы ждали его пять лун — напрасно. За это время в нашей деревне умерли его близнецы и еще две женщины. Потом пошел мой брат... Но и он не вернулся. Мы ждали его три луны, и за это время умерло уже вдвое больше — и среди них мой отец и моя мать... Так за маттенсаи отправлялись один за другим те антархи, которые еще могли ходить. Остальные тихо угасали, ожидая и не дожидаясь их. Нако-

нец... Наконец осталось только трое. Я — Мангельда, внучка старейшины, мой маленький брат и девочка, младшая сестра моего друга. Им — продолжать род антархов, им — исполнять сманданг и спасать Ландхаагтен от мрака и льда, если я сумею найти вечно зеленую ветвь маттенсаи. Если же не сумею — значит, и они умрут вслед за мной, ибо без маттенсаи в нас нет крови...

— И ты надеешься добраться до Желтого острова, а потом еще и сразиться с Гринсвельдом? Кром! Я вижу не девочку, но мужа!

— Каждый антарх становится воином, когда того требуют обстоятельства. Не думай, Конан, что я слабая девочка. Сил и нужных знаний во мне столько, что если я доберусь до Желтого острова, Горилле Грину не поздоровится. И он это знает. Поэтому, скорее всего, он попытается остановить меня прежде, чем я подойду к морю Запада... Как он остановил других... Но у меня есть перед ними одно преимущество...

— И какое же?

— Я должна это сделать. Я последняя. Если не я — то кто?

ГЛАВА 3. Чужая клятва

Зачем же Гринсвельду ваша ветка? По тонкому лицу Мангельды блуждала отстраненная улыбка — она была уже в своем мире, за пределами понимания киммерийца. Сила ее, которую ощутил он с самого начала, дремала в ней и никак не могла пробудиться, задавленная более мощной чувственной волной тоски, тяжести долга и боязни поражения.

Но Мангельда пыталась освободиться не тем способом, какой был бы действен в этой ситуации: потеряв близких, заполнив всю себя клятвой, пройдя огромное расстояние пешком, одна, она невероятно устала, а потому боролась именно с усталостью, хотя ни сон, ни беседа уже не помогали ей. И все же какое-то тревожное колебание вокруг себя она уловила уже давно. Открыв незаметно для других внешнюю оболочку сначала одного, потом второго постояльца, а потом и остальных и не найдя в них ничего, лично для нее опасного, Мангельда немного успокоилась. И только ударившись о невидимый и совершенно непробиваемый панцирь Конана, она заволновалась, потеряв при этом большую половину оставшейся в ней жизни; но затем поняла, что закрытость молодого варвара объяснялась не принадлежностью его к чуждому и враждебному ей миру, а исключительно могучей силой его, истоки которой она ощутила в самом далеком прошлом. То есть с его стороны она могла ждать только помощи, более того: только от него и могла она ждать помощи. Сила этого

киммерийца, от самого сотворения земли пополнявшаяся опытом поколений, не обретенная, но впитанная им, его сущностью так же, как и ею были впитаны тайные знания антархов — с момента зачатия, делала его незаменимым помощником, а может быть, и ведущим. Сейчас, когда Мангельда ослабла так, что и без постороннего враждебного вмешательства вряд ли достигла бы даже моря Запада, спутник был ей необходим. Осознав это, она поведала Конану историю Ландхааггена и племени антархов; доверившись ему, она облегченно вздохнула, хотя и не была убеждена в том, что поступила правильно — не потому, что сомнения в этом парне одолевали ее — если Мангельда принимала решение, она не меняла его под воздействием лишь мимолетных колебаний, но потому, что не привыкла взваливать свою ношу на чужие плечи. Впрочем, иного выхода у нее не было.

— Зачем Гринсвельду маттенсаи? — повторил вопрос Конан, но ответа так и не получил. Мангельда крепко спала — толстое покрывало прятало под собою ее худенькое детское тельце, и только тонкая, прозрачно бледная рука безвольно свешивалась к полу. Варвар осторожно коснулся расслабленных пальцев ее, тут же ощутив с жалостью и удивлением их слабость, и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

А внизу Иава уже орал во все горло благодарственную оэду Птеору, обнявшись с сайгадом и щуплым, кои, кажется, за это время нашли наконец общий язык; бородач путано рассказывал что-то душевнобольному, но тот не слушал — с восхищением глядя на шемита, он тоненько подвывал его разухабистой песне, сбивая ритм, и плакал. Хозяин, сумрачно наблюдавший из дальнего угла это гулянье, загибал пальцы, явно подсчитывая убытки, и Конана встретил жалкой кривоватой улыбкой — от этого гостя следовало ожидать беспокойства больше, нежели от всей компании.

Под приветственные вопли гуляк киммериец уселся за стол, и был приятно удивлен, обнаружив, что пьют они не пиво, а вино, причем вино хорошее — туранское красное, славящееся неповторимым ароматом и исключительной

крепостью. Опрокинув первую кружку в свою действительно бездонную глотку, варвар с мрачной усмешкой оглядел постояльцев. Иава заразил-таки песней остальных, и теперь, обнявшись, пели все, понятия не имея, кто такой Птеор, но зато раскачиваясь то влево, то вправо не жалея сил, так резво, что сей шемитский бог непременно должен был быть удовлетворен.

Конан не имел слуха и все песни обычно исполнял одинаково — выкрикивая слова и старательно протягивая последний слог каждой строки, и чем громче он кричал, тем больше нравилось ему собственное исполнение. Но когда так же пели другие, а он еще не успел вступить, девственный слух его страдал невыносимо. Благодарственную оэду Птеору варвар знал отлично и помнил, что поют ее высоко и торжественно, и сердце сладко замирает при первых же звуках волшебной мелодии. А от самозабвенных воплей шемита и его подпевал он чувствовал лишь зуд и звон в ушах, да еще острое желание заткнуть чем-нибудь их пасти, вот хотя бы бараниной — но вряд ли идею эту поддержал бы хозяин, и негоже за два дня грабить его столь бессовестно. Сколько сундуков и сколько кошельков обчистил Конан в свое время в Шадизаре — не счесть, но никогда он не брал последнего, а у здешнего хозяина, кажется, все запасы уже подошли к концу, судя по кислой его физиономии да по дюжине бутылей прекрасного вина на столе. А посему киммериец решил потерпеть те жуткие стоны, издаваемые набравшимися по самую макушку постояльцами, и выпить немного — а может, и много, на все воля Митры — туранского красного, закусить хлебом и луком, и пойти проводить Мангельду.

Эта девочка не выходила у него из головы и на миг. Привыкший к тому, что всякая женщина, будь она красива или умна, или и красива и умна, рано или поздно дарила ему свою любовь — навсегда ли, на одну ночь ли, не имело значения, — Конан даже в мыслях не допускал что-либо подобное в отношении к Мангельде. Чистота ее внешняя и внутренняя определила поведение варвара с первых же мгновений знакомства; сейчас, рассчитывая в уме путь

отсюда до моря Запада, он думал только о том, как уберечь ее от Гориллы Грина в ближайшее время и впоследствии, ибо как велика степень его коварства — трудно было предугадать. Но Конан, коему приходилось уже в жизни своей сталкиваться с существами иного мира, темного и странного, совершенно точно знал, что Гринсвельд наверняка «ведет» Мангельду с самого начала ее долгого путешествия — недаром не вернулись назад те, кто ходил за маттенсаи до нее, недаром упоминала она о его демонической сущности. В этих тварях нет ни беспечности, ни жалости, и надо собрать все умение, все силы для того, чтобы защитить девочку — будь она хоть трижды антархом — от такого монстра. Варвар, знакомый со знаниями и возможностями друидов, обитавших на пиктских землях и бывших, по сути, молочными братьями антархов, возлагал немалые надежды на Мангельду — безусловно, она могла противостоять Гринсвельду, но...

Что бы она ни говорила, Конан отлично понимал, что и ее сила не беспредельна, да и кто знал, каково могущество твари, сумевшей похитить прямо из-под носа у антархов их священную ветвь маттенсаи. Обдумав все это, киммериец пришел к выводу, что полагаться стоит — как и во всех прочих ситуациях — только на себя самого. Он поставил себе цель: сопроводить Мангельду к Желтому острову, помочь ей справиться с монстром и довести ее обратно, до Ландхааггена. А потом уже можно будет с чистым сердцем следовать в Султанапур, которому, увы, придется немного подождать Конана-варвара.

В задумчивости поглощая кружку за кружкой, киммериец не замечал настойчивых призывов Иавы присоединиться к их общему бодрому пению, не заметил он и того, как мысли в голове его начали путаться, а бутыль перед носом превратилась в Гориллу Грина и грозила ему толстым кривым пальцем, бормоча оскорбительные ругательства. Презрительно хмыкнув, Конан ответил Гринсвельду отборными проклятиями и вскоре, грозно уставившись в темное нутро бутылки, всю бранился с ним, то угрожая, а то уговаривая плюнуть на все и вернуть маттенсаи антар-

хам. Гринсвельд не соглашался, и варвар, никогда не отличавшийся терпением, наконец взъярился и тяжелым кулаком со всего размаха ударил Гориллу. И лишь когда тот разлетелся на мелкие осколки, слегка порезав недругу руку, глаза Конана чуть просветлели, и он понял, что разбил всего-навсего бутылку, в которой даже оставалось немного вина.

Варвар пожал плечами, мутным взором окидывая соседей по столу, и в этот момент песня, что орали они охрипшими уже голосами, задела какую-то струну в суровой душе Конана; он прокашлялся и густым, хриплым голосом взревел гимн Крому, широкими взмахами могучих рук помогая себе, а заодно и призывая остальных присоединиться к нему. Гости не заставили себя упрашивать. С восторгом подхватили они незнакомые слова, кто визжа, кто гудя, кто бляя, и миг спустя хор под руководством киммерийца уже гремел, сотрясая весь постоянный двор, и хозяин, опасаясь возможных горных обвалов, поспешил укрыться в подвале, а заодно и припрятать оставшиеся запасы.

Солнце уже садилось за горизонт, красными лучами прощально озаряя комнату, когда постояльцы все же утихомирились. Бородач упал под стол, словно соблюдая давнюю традицию всех пьяниц; сайгад и щуплый удалились, обнявшись — причем щуплый нежно поддерживал гораздо более крупного и гораздо более налижавшегося сайгада, заплетающимся языком щебеча ему что-то на ухо; душевнобольной дремал, положив голову на стол и широко раскрыв рот, из которого словно белый флаг побежденного торчала дочиства обглоданная баранья кость. Куда подевался Иава, киммериец сразу не понял, но с трудом приподняв себя с табурета и выйдя во двор по надобности, там же нашел и шемита — тот привалился боком к навесу и так спал, храпя не хуже лошадей, что удивленно косили на нового соседа и отвечали ему дружественным мелодичным всхрапом. Из лучших побуждений Конан повалил бесчувственного Иаву на землю, зарыл его в солому под навесом, дабы тот почивал спокойно, и удовлетворенный, удалился к себе.

Конан проснулся от яркого горячего света, бьющего прямо в глаза. Он зажмурился, заерзал, пытаясь укрыться в тени, но солнце уже стояло высоко в небе, и комната сплошь была залита его ослепительными лучами. Тогда киммериец глубоко вздохнул, с отвращением учуяв тяжелый кислый запах, извергнувшийся из его рта — следствие неумеренных возлияний прошедшей ночью; сел, и, потирая ноющее бедро, кое отлежал на полу, бросил взгляд на топчан. Там никого не оказалось.

Розовые круги поплыли перед глазами, и в них смутно проявились чьи-то лица, как будто знакомые, но в то же время неузнаваемые. Конан мотнул головой, прогоняя видения, встал, слегка покачиваясь, подошел к окну. И сквозь те же розовые круги он узрел на заднем дворе то, от чего сердце его вдруг ухнуло вниз, да так там и осталось. Тело его одеревенело, а ноги, напротив, ослабли — чуть не падая, варвар ухватился за оконный выступ, ощущая страшную сухость во рту и необъяснимо тяжелую пустоту внутри.

...И подари нам жизнь и любовь.
Пусть буря грядет, пусть снег повалит,
Пусть трясется под нами земля —
На все твоя воля, пусть рушится все,
Но только не жизнь и любовь...

Эти строки из благодарственной оэды Птеору пронеслись в голове киммерийца в одно всего лишь, но невероятно длинное мгновение. Он рванул на себя оконную раму и, глухо застонав, втиснул свое массивное тело в небольшой проем.

Он спрыгнул на землю мягко, как прыгал всегда — подобно дикой кошке; на негнувшихся ногах подошел к Мангельде, насквозь пронзенной тонким, в три пальца деревянным колом, и опустился рядом на колени. Глаза девочки были широко открыты, боль и тоска застыли там, в голубой, уже чуть замутненной смертью глубине. Конан осторожно убрал со лба Мангельды косую белую челку, а потом долго смотрел на струйку розовой крови, вяло стекавшую из уголка рта.

Вечно зеленая ветвь маттенсаи, Гринсвелд, Ландхаагген, антархи... Чужие слова, ставшие неожиданно его личными, как тот меч, что всегда висел на поясе, монотонно крутились в голове, завораживали, отвлекали от действия. Да и какое действие могло быть теперь, когда он остался один на один с тайной, ему не принадлежащей. Направление его пути обозначилось совершенно определенно — Султанапур; сейчас следовало встать, найти для Мангельды последнее пристанище, дабы не потревожил ее тело никто, ни зверь, ни человек, и снова двинуться в дорогу. То, что было задумано ранее, обязательно должно осуществиться. Как видно, Митре все же угоден был его путь в Султанапур, если так безжалостно позволил он прервать жизнь этой девочки... Потому что Конан непременно пошел бы с ней... А может, все дело в Ландхааггене? Может, он уже не нужен богам? Киммериец вопрошал в пустоту, и сам понимал это, ибо боги давно уже предоставили людям решать свои проблемы самостоятельно, даже если они неразрешимы...

И он встал. И, с яростной силой выдернув кол, отбросил его в сторону, взял на руки хрупкое, почти невесомое тело Мангельды. И пошел, сам точно не зная куда, лишь бы подальше от посторонних глаз; злобная ухмылка исказила его до того каменное лицо — он проклинал Митру, Иштар, Эрлика, всех, кого вспомнил; он проклинал себя — особенно проклинал он себя, свои беспечность и глупость, что стоили Мангельде слишком дорого... «И подари нам жизнь и любовь...» Девочке из странного племени антархов досталось немного жизни, и совсем не досталось любви. Со всем...

Пусть буря грянет, пусть снег повалит,
Пусть трясется под нами земля —
На все твоя воля, пусть рушится все,
Но только не жизнь и любовь...

Наконец Конан остановился. Вокруг него были скалы — давно высохшие под жарким оком Митры, взирающим на киммерийца и сейчас. Оглядевшись, он увидел чуть правее глубокую нишу в слоистой черной скале, прошел туда. Он не захотел прощаться с Мангельдой так, как это делали

гипербореицы и бритунцы, туранцы и шемиты, так, как это делали в его родной Киммерии. Он лишь бросил взгляд на ее тонкое белое лицо с заострившимися чертами, но тут же и отвел его. Опустив девочку на землю, сухую и твердую, словно сердца богов антархов, он продвинул ее в нишу так далеко, как только достала рука. Затем, сжав зубы, выворотил из земли длинный и узкий обломок скалы, и им плотно прикрыл могилу, законопатив все щели выдраным с корнями мхом. Удостоверившись, что никто не сумеет отодвинуть камень и проникнуть внутрь, варвар поднялся, постоял мгновение и, погрозив кулаком куда-то вдаль, сам толком не зная кому, пошел назад.

* * *

К вечеру Конан напился вмертвую, а проснувшись на рассвете следующего дня, он уже знал, что ему делать дальше. Путешествие в Султанапур все-таки отменялось. Об этом он догадывался еще тогда, когда нашел на заднем дворе убитую кем-то Мангельду, но догадка сия была призрачна и исходила не из ума — да и в той каше, что варилась в голове его в тот день, вряд ли могла родиться здравая мысль, — но из сердца. Теперь же все для него прояснилось окончательно: чужая клятва по наследству перешла к нему — сие не подлежало сомнению и на миг, да Конан и не думал сомневаться. Он твердо решил взять на себя то, что должна была сделать Мангельда, а именно разыскать Гринсвелда и отнять у него (украсть, купить, взять силой — пока не имело значения) вечно зеленую ветвь маттенсаи.

Лежа на своем топчане, Конан пытался увидеть мысли Мангельды: может, в последнюю ночь ей явился Асвельн? Ведь не рассчитывает же он, в самом деле, на двух детей, что остались от племени антархов... Но, как хитроумно ни ставил вопрос варвар, взывая к Митре — если у него осталась еще хоть капля благородства, в чем Конан после хладнокровного убийства неизвестным злодеем Мангельды сильно сомневался, — никакого ответа он не получил. Как видно, Митре, так же как и Асвельну, было совершенно все

равно, кто владеет священной маттенсаи — антархи или Горилла Грин. Киммериец в раздражении сплюнул на пол: а почему тогда ему, Конану, должно быть не все равно? Уж он-то к антархам совсем не имеет отношения!

Зарывав от бессилия, варвар перевернулся на живот, уткнувшись носом в щель меж досками. Весь прошедший день заливая вином огонь, полыхавший в его груди, он всячески увиливал сам перед собой от причастности к клятве Мангельды, ибо предстоящее ему путешествие к Желтому острову не сулило выгоды — ни богатства, ни славы, — а только риск, вряд ли оправданный тем, что какая-то горилла тиснула прямо из-под носа у антархов ветку, лично для Конана никакого интереса не представляющую. Стоило ли ему продолжать чужой путь с чужой клятвой в сердце? Всякому известно, что нет пути труднее и ноши тяжелее...

Но, как ни уговаривал он себя забыть Мангельду и ее историю и двинуться к Султанапуру, ничего путного из этого не выходило. Покоя на душе не было — то виделись ему тоскливые глаза девочки, то воображение рисовало Гринсвельда, сзади коварно вонзающего кол в ее спину, то слышался плеск волн у скалистых берегов Желтого острова. Так что к утру он принял твердое решение — идти за маттенсаи — и более уже не сомневался. И только он прорычал вслух раздраженно: «Нергал с вами, пойду...», как на душе моментально стало легко и свободно, и долгожданный покой согрел его сердце — видимо, усмехнулся про себя варвар, те, с кем, по его мнению, пребывал Нергал, остались довольны его решением... Что ж, если Митра благословляет его на сие деяние, он пойдет к морю Запада, а потом поплывет к Желтому острову... Конан широко зевнул — мысли опять перепутались, стали повторяться; веки отяжелели вдруг после целой ночи беспробудного сна; но варвар не стал задумываться об этом особенно, а повернулся набок, подложил руки под щеку и сладко уснул — первый раз за последние дни со спокойной душой...

ГЛАВА 4. Гринсвельд

Н а этот раз он уже не был так спокоен. В приступе бешенства он разодрал на себе длинную синюю тунику кхитайского шелка, а затем и собственную грудь, заросшую черной шерстью так, что не видно было кожи. Кровь, брызнувшая из глубоких царапин, не привела его в чувство — напротив, взбесила еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже некуда. Захрипев, он обвел обезумевшими, побелевшими глазами огромный зал Желтой башни, с рычанием ринулся вон и, скатившись по широким мраморным ступеням, рухнул у каменной статуи Густмарха. Несколько раз двинув головой круглые густмарховые колени, он набил здоровенную шишку на лбу, но пришел немно- го в себя и, тяжело дыша, поднялся.

И в тот же миг, глянув в бесстрастные каменные зрачки своего бога, рассмеялся.

— О, мой Гу, не побеспокоил ли я тебя?

Разведя руки в стороны, Гринсвельд склонился перед статуей в шутовском поклоне, фыркая от душившего его смеха. Он всегда мгновенно переходил из одного состояния в другое, даже диаметрально противоположное, и тем весьма гордился. Ну, в самом деле, кто еще мог после такого припадка бешенства рассмеяться весело и беззаботно? Никто. Только он, Горилла Грин, как совершенно справедливо называли его в Ландхаагтенской деревне. Зачатый одной матерью, рожденный другой, он воспитывался третьей —

благочестивой и работающей, и ее-то ненавидел более всех именно за то, что она была самым настоящим кладом доброты, мудрости и кротости, а таких Гринсвельд терпеть не мог с раннего детства. Он знал, кто его отец — черная вонючая тварь из мрака Нергалова царства, безмозглый похотливый демон, вызывавший ужас и отвращение даже у мерзкой обезьяны, что зачала от него Гринсвельда; он знал, кто родил его — отупевшая от бесконечных издевательств рабыня из кхитайского городишки Шепина, тучная, белокожая и рыжая. Гринсвельд помнил ее, смутно, но помнил, особенно ее сплошь покрытые веснушками полные руки. И ее он тоже ненавидел. За все — за то, что она рабыня, за внешность, за тихий голос, за покорный рыбий взгляд... Она была недостойна быть его второй матерью, носить его во чреве — его, Гориллу Грина, красавца с холодной черной кровью в жилах, способного вершить судьбы человеческие, а теперь и обладателя вечно зеленой ветви маттенсаи.

Гринсвельд скачками поднялся по лестнице снова в зал, крадучись, как ходил всегда, подошел к маленькому круглому столику у высокого и узкого окна и, кривя в довольной улыбке толстые губы, протянул руку к маттенсаи. Он поставил ее на самом солнце, но лед на стволе и листьях не таял — все заклинания антархов превратились в прах, в ничто, когда за дело взялся сам Гринсвельд. Тронув кривым, покрытым шерстью пальцем край обледеневшего, но все равно зеленого листа, он вдруг вспомнил, отчего пришел в такую ярость; зрачки его на одно мгновение снова сузились, и в глубине их, бездонной и темной, вспыхнули красные искры. Но спустя вздох Гринсвельд расслабился и даже позволил себе мило улыбнуться. Киммериец принял на себя клятву этой девчонки? В жизни не слышал он ничего смешнее. Уж если Горилла справился со всем племенем антархов, то чем ему может навредить простой варвар?

Он захихикал, не замечая, как потекла слюна по скошенному подбородку, капая на роскошный мозаичный пол. В жизни не слышал он ничего смешнее... Наверное, только Густмарх, его бог, его хозяин, знал, как в действительности

погано сейчас в черной душе Гориллы, ибо — и себе самому он признавался в этом, скрежеща зубами от злости — с антархами он справился так легко лишь потому, что завладел маттенсаи, а значит, обескровил их, лишил силы. На варвара могущество сей чудесной ветви не распространялось, из чего следовало, что остановить его нет никакой возможности.

Оборвав смех, Гринсвельд тонко взвыл от бессилия. Проклятая девчонка! Жаль, что он позволил ей дойти до самого Кофа. С другой стороны, большего наслаждения он еще не испытывал: смотреть, как она идет через тундру, покрытую плотным ковром лишайников, мхов и карликовых кустарников, через Кезанкийские горы, где часты и внезапны обвалы, идет, ежедневно и еженощно желая гибели ему, Горилле Грину, голодная, одинокая и никому не нужная, а главное — последняя (двух малышей, оставшихся в деревне, Гринсвельд не считал, полагая их уже мертвецами)... О, это возбуждало его, это придавало ему сил... Каждый день ее пути он собирался отправить ее следом за остальными антархами на Серые Равнины, но наслаждение было так велико, что он решил не торопиться. К тому времени он уже успокоился, уверовав в свою силу, соединенную с силой маттенсаи: оказалось совсем нетрудно справиться с изможденными, не подозревающими подвоха людьми. Первого, седовласого старейшину, он утопил в Хаусенском болоте меж Бритунией и Немедией. Второго сбросил со скалы на острые камни, третьего... О, безумный Густмарх... Эта идея принадлежала ему... Третьего он повелел отдать тиграм, и Горилла чуть было не упустил его — все же антарх не простой человек и мог бы одолеть тигра, если б Гринсвельд не спохватился... А потом осталась только девчонка. Горилла не ожидал, что она тоже пойдет за маттенсаи, но она пошла, и он допустил ее до Кофа, глупая обезьяна, за что сейчас и клял себя, не жалея.

Он подошел к своему креслу, в спинку которого с обратной стороны было вделано зеркало, повернул его к священной ветви. Затаив дыхание, Гринсвельд всматривался в мутное оконное стекло за маттенсаи — там отражалось

зеркало, по которому сначала пробежала рябь, а потом вдруг желтые всполохи. Снаружи солнце слепило глаза, но Горилла этого не замечал. Он ждал, когда на оконном стекле появится изображение, и оно появилось. При виде огромной фигуры юного варвара с синими глазами и черной гривой густых нечесаных волос Гринсвельд зашипел, в глубине души надеясь, что маттенсаи внемлет его ненависти и поможет ему истребить мальчишку еще до того, как он причалит к Желтому острову. Увы, ни один лист не шелохнулся на священной ветви — по всей видимости, маттенсаи совершенно не интересовали чувства Гориллы Грина, а зря: она была отнюдь не повелителем его, но рабом, и придет время, когда Гринсвельд напомнит ей об этом...

Он смотрел, как собирается в дорогу варвар, как выторговывает у владельца постоянного двора хлеб и кусок солонины, а у красавчика сайгада отличный обоюдоострый кинжал за два золотых. Мощные плечи киммерийца, выпиравшие из кожаной безрукавки, теперь украшала отличная кожаная же куртка — недоумок хозяин, отчего-то расчувствовавшись, сам преподнес ее варвару в подарок. Но более всего Гориллу раздражило то обстоятельство, что парень, как видно, отправлялся в путь не один: здоровенный шемитский нобиль, а ныне ворюга и рвань, явно набивался ему в попутчики. Вот чего еще не хватало Гринсвельду! Судя по разбойничьей роже этого недоноска с ним немало придется повозиться, пока и он не отправится туда, где вечная тьма окутывает тени, бывшие когда-то людьми.

И все же варвар беспокоил обезьяну несравненно больше. Он, как и Мангельда, почувал в нем ту первозданную силу, что могла помочь ей, но уничтожить его, и дело было вовсе не в могучих мышцах и ловких руках — Гринсвельд тоже умел держать меч, и неплохо. Суть заключалась во внутренней силе, которая пропитала всего киммерийца с пальцев ног и до головы. Горилла кожей ощущал эту мощь, волнами бьющую даже из отражения варвара на оконном стекле. Вот он усмехнулся шемиту в ответ на какую-то шутку, несомненно, дурного толка, и его синие глаза холод-

но скользнули по физиономии Гринсвельда — тот даже вздрогнул, хотя киммериец никак не мог его видеть; а вот он легонько хлопнул по плечу хозяина постоянного двора, и тот бухнулся в пыль, не устояв; вот шемит широко шагает за ним по узкой тропе, вещая что-то и размахивая ручищами, а он молча идет впереди, нахмурив черные брови, и не слушает приятеля... Если бы Гринсвельд мог узнать, какая дума занимает сейчас его, он бы дорого заплатил за это!..

Что там? Кто? словно чей-то хвост мягко мазнул по стене — ш-ш-ш — и все, но у Гориллы от постороннего незнакомого звука даже защемило виски. Замерев, он прислушался — тихо.

— Гу? — Он вжал голову в плечи и оглянулся. — Густмарх, это ты?

Но только его собственная тень, согбенная, огромная, до потолка, темнела на стене белого, с желтыми прожилками мрамора. Не меняя позы, Гринсвельд хихикнул и подмигнул ей, ногой отшвыривая кресло в сторону от окна. Хватит! Он уже насмотрелся на варвара до галлюцинаций. Никогда прежде не чудилось ему, что сзади подбирается Густмарх — обычно он беседовал с ним в открытую... Ухмылка исчезла с его губ в какую-то долю мига; выпрямившись, он презрительно посмотрел на маттенсаи и смачно сплюнул, надеясь, что его отношение будет понято ею именно так, как он показал. Мягко ступая, Гринсвельд прошел мимо своей тени, которая почему-то не шелохнулась («опять проделки Густмарха?» — подумалось ему), и покинул зал.

* * *

Желтая башня, окруженная со всех сторон остроконечными скалами, издалека всякому мореплавателю казалась верхушкой такой же скалы, а поскольку подобраться к отвесным берегам острова никто не отваживался, он считался необитаемым. Но и в самом деле, кроме Гориллы Грина никто здесь не жил — только чайки да поморники, невесть откуда прилетевшие на Желтый остров, гнездились

на прибрежных скалах, пронзительными криками заглушая тихий шелест моря.

Треугольная башня, широкая у основания, кверху сужалась и завершалась тонким шпилем; узкие и высокие бойницы, числом всего не более семи, расположены были неравномерно и стекла имели темные, цветом почти неотличимые от грязно-желтого камня башни; входа же и вовсе не наблюдалось — сим секретом весьма гордился хозяин этого странного сооружения, — а находился он в восемнадцати шагах от одной из трех стен, возле ничем не примечательной скалы.

Таким образом Гринсвельд отлично обезопасил себя от постороннего вторжения на свою территорию, а если б кого и обуяло вдруг нестерпимое любопытство и он сумел бы проникнуть на остров, у Гориллы нашлось бы немало способов переправить нахала в следующий пункт — то есть на Серые Равнины, где таких любопытных накопилось уже великое множество. И посему он был спокоен здесь так, как никогда не бывал спокоен в Ландхааггене, куда его занесло еще в младенческом возрасте по странной прихоти недоумка-папаша.

Впрочем, вполне возможно — размышлял на досуге Гринсвельд, — что имелась все же определенная цель его пребывания там: вечно зеленая ветвь маттенсаи. Промедли он день-другой — и Ландхаагген вновь мог превратиться в цветущую страну, где огненное око Митры светит всегда так мягко, в любимое на земле место богов, у границ коего даже ветра замедляют свой быстрый полет. Нет, такого, конечно, нельзя было допускать. На миг Гориллу Грина вдруг обуяло чувство гордости за свою самоотверженность, с коей он борется с богами, но оно сразу утасло при воспоминании о варваре. Вот когда мальчишка покинет эту землю навсегда — можно будет и похвалить себя. А пока, увы, не за что. Не успела мысль сия прийти к завершению, как Гринсвельд начал гордиться собственной справедливостью, надув щеки и громко пыхтя. Густмарх должен быть им доволен! Он все сделал, как нужно. Он все рассчитал, и каждый ход его до сих пор был верен!

И тем не менее, несмотря на столь удачно складывающиеся до сих пор обстоятельства, спокойствие Гориллы Грина было грубо нарушено этим мальчишкой варваром, глупцом, взявшим на себя чужое дело. Всю ночь хозяин Желтой башни провалился на роскошном ложе без сна; всю ночь ему виделись холодные синие глаза киммерийца, меч в его могучей руке, бросок, удар, и — черная кровь, хлынувшая из перерезанного горла; всю ночь он проклинал демона, что распоряжался его судьбой лишь по праву ближайшего родственника, Мангельду, разбойника шемита и, конечно, самого варвара. А на следующее утро Горилла снова сидел у оконного стекла и наблюдал за изображением киммерийца. Его влекло сюда весь прошедший вечер, и он едва справился с собой, обещая себе с первыми же лучами солнца поставить зеркало. И вот — он вновь смотрел, как идет по узкой горной тропе огромный парень с длинными черными волосами, завязанными в хвост, а за ним, шныряя своими разноцветными глазами по сторонам, следует шемит, непонятно с какой такой радости взявший на себя функции помощника варвара. Кстати, рожа его кажется очень знакомой... Где он мог его видеть? И когда? Но тут же он и забыл обо всем, увидев, как ловко перепрыгнул варвар широкую и глубокую щель между скалами, и толстобрюхий приятель его, ни на миг не задумавшись, повторил этот трюк с удивительной легкостью...

Гринсвельд даже широко зевнул от огорчения, представив на своем острове этих непрошенных гостей. Но что он мог сделать сейчас? Разве что попробовать устроить им горный обвал? Тогда надо обратиться к Густмарху с нижайшей просьбой помочь...

Горилла в задумчивости пожал плечами, убрал кресло от окна, втиснул между подлокотниками широкий свой зад. Да, Гу бывает порой невероятно упрям, недаром к его телу — такому же, как и у всех людей — приделана ослиная голова. Сам Гринсвельд, хотя и был зачат демоном и обезьяной, выглядел совершенно обычным человеком, несколько волосатым, несколько низколобым и длинногубым, с толстым мясистым горбом от середины спины и до шеи, но все же

человеком, а этот... Горилла искоса бросил взгляд на дверь в зал: от Густмарха можно ожидать чего угодно, даже прочтения мыслей на расстоянии... Поэтому он заставил себя похвалить своего бога в паре высокопарных фраз, и, успокоившись окончательно, прикрыл глаза. Довольно забивать себе голову всякими глупостями, думать о варваре и его спутнике, о маттенсаи, о Гу... Довольно. Тяжелые веки Гринсвельда опустились, нижняя губа свесилась к подбородку (вот сейчас он выглядел именно тем, кем и являлся на самом деле, то есть обычной обезьяной); все мысли его спутались или пришли в полную негодность. Без усилия он выкинул их прочь и спустя всего вздох уже спал. Сон его был страшен...

ГЛАВА 5. В пути

Клянусь бородой Крома, Иава, никак я не могу взять в толк, зачем ты увязался за мной,— проворчал Конан, за половину дня уже уставший от беспрерывного щебетанья спутника за спиной.

— Клянусь бровями Крома, приятель, я и сам никак не могу этого уразуметь,— весело отвечал шемит, догоняя варвара и пытаясь заглянуть ему в глаза.— А не поведаешь ли ты мне, кто такой Кром? Уж не братец ли зловещего Имира, о коем слышал я столько небылиц, сколько не рассказывают люди даже о пресветлом Адонисе и луноликой Иштар?

— Нет,— покачал головой Конан и вдруг усмехнулся, представив себе в одной колыбели двух пухлых бородатых младенцев.— Не думаю я, что эти парни — родственники. Наверняка они даже не знакомы. Кром — бог моей Киммерии. Только из чрева матери покажется на свет новорожденный, Кром бросает на него сумрачный свой взгляд, тяжелый, что твоя сума со жратвой...— Конан примостился в углублении горы, сел и достал из заплечного мешка кусок хлеба.

— И что? — поинтересовался шемит, следуя примеру приятеля.

— Есть такие, что от взгляда его отправляются прямоком на Серые Равнины. Ну, а кто выжил — тот настоящий киммериец, воин...

— Злобный старикашка ваш Кром. И слабые имеют право на жизнь...

— Ха! — вскинул голову варвар, намереваясь возразить Иаве, но вспомнил тут о Мангельде. Пожалуй, встреча с этой девочкой все же сдвинула что-то в его жизни. Он ясно увидел вдруг ее тонкие руки, огромные, полные жуткой тоски глаза, узкие плечи и хрупкую шею, которую, наверное, любой мало-мальски крепкий мужчина смог бы переломить двумя пальцами... Но была ли она так уж слаба в действительности? Нет. Конан отлично представлял себе прежнюю, незнакомую ему Мангельду. То же изящество, но — без надломленности стана; та же бледность, но — без признака болезни и усталости; и голубые глаза ее тогда, вероятно, частенько искрились весельем, присущим всем юным девушкам... А принадлежность к племени антархов, да еще прямая родственная связь со старейшиной рода несомненно ставили ее в особое положение, придавали ей гораздо больше сил и знаний, нежели другим... Тем не менее и в ее жизни наступил такой момент, когда природная, подаренная богами внутренняя сила оставила ее... Но желал ли Конан ее гибели только потому, что слабость овладела всеми ее членами, ее душой? Нет.

Повторив еще раз себе это «нет», киммериец пожал плечами, удивляясь тому, что собирался возражать Иаве. И ребенку ясно, что изначально право на жизнь имеют все, ибо дана она богами. Другое дело, как все сложится дальше, в какую сторону поведет человека...

— Кром — это мой бог, шемит, и не тебе его судить. У него своих дел полно, чтоб еще чужими заниматься... — счел нужным заступиться за Крома варвар. — И он не злобный старикашка, а справедливый и...

Он хотел добавить еще собственные измышления по поводу поведения богов, как тут новая мысль забрела по чистой случайности в голову Конана, но такая сложная и неоднозначная, что оформить ее он не смог; стараясь удержать ее в себе, запомнить, а потом уже с ней и разобраться, варвар сосредоточился, улавливая клочки чего-то интересного и непонятного, и совсем уже было поймал свою мысль за хвост, как тут шемит оглушительно чихнул, подняв клубок серой пыли, и все пропало. Голова

киммерийца опустела — он сплюнул в досаде, оторвал крепкими зубами ломоть хлеба и начал остервенело жевать его, чувствуя, как подвывает желудок, в данный момент не менее пустой, чем голова. Иава и тут последовал его примеру. Солнце не успело и на локоть склониться к земле, а спутники уже благостно смотрели на мир сквозь полуопущенные веки, разморенные духотой и приятной сытостью.

Вяло потягивая из бутылки пиво, безвозмездно переданное им человеколюбивым хозяином постоянного двора, они не разговаривали — каждый ворошил в уме нечто личное, и прошлое и настоящее, а может, и будущее; каждому дальнейший путь представлялся по-своему. И если шемиту вряд ли была ясна цель их путешествия, то Конан, напротив, отлично знал и саму цель, и возможные средства ее достижения. Воспоминание о Мангельде все еще ранили его сердце, но уже совсем не так больно, как нынешним утром; чувства уступили место расчету — здесь варвар несомненно был в своей стихии. Мысленно он спустился с гор Кофа к границе Аргоса и Шема, мысленно миновал небольшие по территории, но опасные гланские топи, мысленно прошел равнину, за которой лежало величественное море Запада. Уяснив для себя мерзкую и подлую суть Гринсвельда, молодой киммериец предполагал, что на пути им еще встретятся некие препятствия и заранее отблагодарил за них Гориллу тем, что назвал его ослиной мочой и послал к Нергалу — его не могли испугать каверзы злобной обезьяны, пусть она даже обладает демонической сущностью. Все же что бы ни говорила Мангельда, а сражаться со всякой дрянью должен воин, а не храбрая маленькая девочка. А посему варвар хотя и укорял себя за необдуманное решение принять чужую клятву, но укорял слегка, потворствуя лишь расчетливой натуре своей. Вторая же сторона конановой души требовала бурной, беспокойной жизни, такой, к какой привык он еще в Шадизаре. И, вероятно, Гринсвельд способен устроить Конану такую жизнь — как и Конан ему...

Знакомые картины мелькнули перед сонными глазами варвара: лачуга Ши Шелама в воровском квартале «Пустынька», где он, Конан, провел немало времени, то сбывая Ловкачу Ши добычу, то выслушивая его доклад о следующем объекте охоты; бесценный петух купца Хирталамоса, на котором киммериец сумел неплохо подзаработать, и три прекрасных жены того же купца, с которыми он провел три чудесные ночи; затем узрел он пленника подлого мага Яры — некогда сильное, а после жалкое и уродливое существо, сотворенное в иных мирах иными богами — в башне Слона он избавил его от мук способом, отвратительным даже для него, чей меч порой не ведал жалости... Содрогнувшись, Конан отогнал прочь видения и вновь вернулся мыслями в настоящее. Он бросил взгляд на шемита — тот уже спал, умиротворенно сложив могучие руки на округлом тугом животе. Голову его с поредевшими уже и местами побелевшими жесткими волосами прикрывал подобно шлему большой зеленый лист, свалившийся на него невесть откуда еще в начале их совместной трапезы. Варвар усмехнулся — сейчас Иава был похож на гигантский гриб, поеденные червями особи коих видел он в диких лесах близ Рабирийских гор.

Конан действительно не мог понять, зачем шемит пошел с ним, но задумываться о том серьезно не имел причин. Его вполне устраивал легкий, на первый взгляд беззаботный характер спутника, а что там таилось в глубинах его души — Митра ведает... Киммериец уяснил уже, что Иава более двадцати лет странствовал по свету в поисках каких-то новых знаний; что сносил он за это время столько сандалий, башмаков и сапог, сколько хватило бы, чтоб обусть половину шемской наемной армии; что он был и купцом, и воином, и разбойником, и даже пиратом, но то были лишь краткие вехи его жизни — прежде всего он был бродягой, а сам называл себя путешественником и, по всей вероятности, сие определение находилось ближе к истине; что бывал он во многих переделках, и не всегда ему удавалось выйти из них победителем... Да и то сказать, есть ли на земле люди, кои

никогда не проигрывают? При этой мысли Конан неожиданно для себя самого горделиво выпятил нижнюю губу, но тут же вспомнил, что и у него случались промашки и сбои, что и его порою дурачили, как то было, например, в Шадизаре, когда заезжий туранский вор Кимшохада примитивнейшим образом подменил ему истинный священный кинжал Гро Балан, подсунув обычный клинок, не стоящий и пары медных монет.

Скривившись при этом малоприятном воспоминании, киммериец подумал вдруг, что так или иначе, но в мире постоянно сохраняется равновесие — сие есть закон, как сказал бы сумеречный дух Шеймис, его старый знакомый — и поражение не бывает одного толка: иной раз оно может унижить, привести в ярость, может даже нанести глубокую рану, но затем довольно быстро забывается, и впоследствии только легкая досада заденет — не сердце, а ум; но случаются и другие поражения — их нельзя забыть до конца жизни, они разрывают душу, они мучают в ночных кошмарах и в видениях при свете дня... Конан сам видел людей, которые испытали это на себе. Не придется ли и ему вкусить подобной отравы? Ведь его поход к Желтому острову любой здравомыслящий человек назвал бы безумием! И хотя Конан и на миг не допускал печального для себя исхода в битве с Гринсвельдом, все же какая-то неясная тревога угнетала его, вызывая мимолетное томление души — так морская волна легко касается прибрежного камня, не омывая, а лишь оставляя на нем влажный след.

— Хей... — тихо позвал киммериец спутника. — Поднимайся, разноглазый... Нам пора.

— Ах ты, киммерийский бык, — не поднимая ресниц пробурчал Иава. — Ты что, никогда не спишь?

— Сплю, — пожал плечами Конан. — Но редко. А теперь я не могу терять время на такой пустяк как сон. Хочешь храпеть тут — оставайся, а мне надобно идти.

Он развернулся к приятелю спиной и двинулся вниз по тропе, будучи в полной уверенности, что шемит последует за ним. Так и вышло. Иава проворно собрал в сумку ос-

татки припасов и, призывая на голову варвара всевозможные кары, припустил следом.

У подножия горы Конан остановился. Впереди была огромная отвесная скала, лишь в некоторых местах покрытая пучками полусохших растений. Она тянулась на много сотен локтей и вправо и влево, словно неприступная стена великого города, но сотворенная самой природой. В этом месте кончилась и тропа, оборвавшись перед заросшей травой узкой и неглубокой канавкой, что вилась меж кустами и валунами-исполинами. Недолго думая, киммериец перешагнул ее и уверенно направился прямо к высокой, гладкой, без единого выступа скале. Прежде ему не раз приходилось одолевать казавшиеся неприступными стены — хотя вес его был не меньше веса молодого льва, он и двигался подобно льву: взлетал наверх одним пружинящим прыжком, замирал там, а потом так же бесшумно соскальзывал вниз.

Сия скала, однако, такой мощной громадой возвышалась пред ним, что только птица достигла бы ее вершины. Варвар остановился у основания, в задумчивости глядя ладню теплым, нагретый за день солнечными лучами камень. Скорее всего, придется обходить эту стену стороной, на что уйдет не меньше четверти дня... Ну уж нет... Киммериец скинул сандалии, связал их и перекинул через плечо, затем нащупал на ровной поверхности небольшое углубление, а повыше — еще одно. Оттолкнувшись от земли, он в долю мига очутился на стене и медленно, очень медленно полез наверх, напавшая незаметные для глаза выступы.

— Ты забыл про меня, Конан?

Иава расположился на толстой мягкой кочке под огромным валуном и оттуда наблюдал за варваром, довольно верно насвистывая все ту же благодарственную оэду Птеору. В наглых глазах его Конан, обернувшись на зов, и на расстоянии заметил насмешливый блеск, а заметив, на удивление себе самому не взявшись, как то бывало всегда прежде, ибо он не выносил, когда над ним насмехались; фыркнув, он лишь передернул плечами и свистнул шемиту, призывая его лезть за ним.

— Прыгай, приятель, — Иава не спеша поднялся, отряхнул штаны. — Прыгай. Уже двадцать первую весну я хожу по свету и за это время истоптал столько...

— Слышал, — невежливо перебил киммериец, тем не менее спрыгивая на землю. — И что с того?

— Я уже бывал здесь, и не раз... Подойди-ка поближе...

Конан усмехнулся, но повиновался. Когда шемит велел ему спрыгнуть, он и не задумываясь сразу понял, что тот знает какой-нибудь другой, менее сложный путь. Не стал бы он иначе звать его — бывалый путешественник никогда не заставит спутника проделывать трудный переход дважды. Так и вышло. В ожидании киммерийца Иава не двинулся с места, и когда тот встал рядом с ним, он зацепил крепкими пальцами пук травы, торчащий из кочки, и с силой дернул его. С громким чавкающим звуком кочка оторвалась от земли — будто голову врага поднял ее вверх шемит, и глазам изумленного киммерийца открылась вдруг большая черная дыра, видимо, весьма глубокая, ибо из нее несло такой вековой сыростью и затхлостью, какой не может быть у поверхности земли.

— Заходи, — скомандовал Иава, аккуратно опуская кочку рядом с дырой.

Более Конан не раздумывал. Встав на колени, он ловко нырнул в мрачную пасть ногами вниз и в один только миг уже исчез там весь. Крякнув, Иава полез за ним, таща за собой кочку — ею нужно было снова заткнуть вход. Шемиту оказалось гораздо труднее втиснуться в эту дыру, чем гибкому варвару, все тело которого состояло из одних тугих мышц: сначала пришлось втянуть зад, поджать живот и скрестить на груди толстые руки; но все же и он через несколько тяжелых вздохов спустился вниз.

Мрак цвета сырой земли окутал спутников здесь. В жуткой недвижимой тишине, густой и вязкой, любой звук, любой шорох слышался иначе — то как стон неведомого монстра, то как хруст его же зубов... Сколько людей погибло в таких лабиринтах от голода и страха, не зная выхода на свет, и сколько из них сошло с ума, прежде чем уме-

реть... Впрочем, в данной ситуации вряд ли было целесообразно задумываться о таких вещах, да варвар и не задумывался — за него этим занимался более чувствительный шемит, семенящий вслед за приятелем по длинному прямому коридору.

Опускаясь вниз, Конан был готов к тому, чтобы ползти какое-то время на брюхе, но, свалившись на дно ямы, выяснил, что попал в настоящий подземный ход — высотой почти в его собственный рост, широкий и достаточно сухой. Поднявшись, он подождал Иаву, который миг спустя со стоном грохнулся к его ногам, и пошел вперед, вытянув перед собою руки, дабы не треснуться носом о возможное препятствие.

Слава Митре, ни грызунов, ни насекомых не было в этой дыре. Пару раз Конан наступил, правда, на что-то мягкое, но оно не пискнуло и не дрогнуло под его ногой — он решил, что это комки грязи, и более уже не останавливался и на вздох. Он шел быстро: глаза его немного привыкли к темноте, и теперь он отлично разбирал дорогу; Иава едва успевал за стремительно идущим варваром, дышал тяжело, бормотал сквозь зубы проклятья на своем языке, но не просил приятеля подождать. Он третий раз уже бывал здесь, и сейчас ему казалось, что тогда, давно, лет восемь назад, в коридоре не было скольких комочков грязи, что так противно хлюпают и ежатся под ногами. Его не пугали ни крысы огромных размеров, ни гигантские жуки с прозрачными крыльями, ни склизкие улитки, плюющиеся едкой дрянью, каких он видал в разного рода подземных переходах, и все же тонкая натура шемита не выносила всякой вони и уродливой мрази, особенно, если она была мокрой. Почти варварская грубость и нежная поэтическая нота его души уживались друг с другом замечательно в большом, крепком теле Иавы. Он любил и хорошую драку, и веселую пирушку, и грустную песню одинокого бродяги, и ласковые девичьи речи, и птичьи трели, и легенды, слагаемые разными народами, и порою даже тихие слезы печальной радости после особенно жаркой ночи любви.

О, Халана... Шемит вдруг вспомнил — совсем некстати во мраке дыры — черноокую девушку, которую любил в Эруке еще в пору своей и ее юности. То была единственная его истинная любовь... Сколько же лет ей сейчас? И жива ли она? Халана... Вслух прошептал это имя, Иава вздрогнул, ощутив, как по коже побежали колющие мурашки, и на вздох замер. В тот же момент что-то липкое коснулось его ноги. Очнувшись от грез, он с удивлением посмотрел вниз. Сидящее у самой сандалии его чудовище на шести тонких кривых лапках, с огромными выкаченными глазами на длинной змеиной голове, с раздувшимся бородавчатым тельцем, было как раз-таки мокрым — мало того, с него просто-напросто стекала слеза! Шемит дернул ногой — бесполезно. Присосавшись к ноге всеми лапами, тварь и не думала слезать. Рот Иавы искривился от отвращения; зажав нос пальцами, он наклонился и, стараясь коснуться маленького монстра не кожей, но только рукавом куртки, резко толкнул его. Чудовище всхлипнуло и — вдруг выпустило на ногу человека толстую струю какой-то гадости, вероятно, ядовитой, потому что в голове шемита помутилось; качнувшись, он ухватился за стену, другой рукой разрывая воротник. Ничего не заметивший варвар уже ушел далеко вперед, и только тихий звук его уверенных шагов еще слышался Иаве, который медленно сползал на пол, уже не пытаясь удержать ускользающее сознание...

...Тем временем далеко впереди Конан узрел крошечное светлое пятнышко — несомненно, выход на ту сторону. Довольно хмыкнув, он прибавил шаг: еще совсем чуть, и они с шемитом окажутся на воле. Киммериец успел соскучиться по свежему воздуху, по свету и дневным, настоящим звукам. А здесь — Кром, ну и скука! — какая-то толстая тугая тишина. Кажется, ничто не пробьет ее — ни слово, ни песня...

— Хей, шемитская рвань, а не споешь ли ты мне оэду Птеору, а? — Конан громко захохотал, радуясь своей шутке, и обернулся, желая увидеть оскорбленную физиономию приятеля.

Никого.

— Хей! Иава, где ты?

Варвар сделал несколько осторожных шагов назад, вытягивая шею в надежде разглядеть спутника... Никого. Не мог же он спрятаться... Да здесь и негде... В раздражении сплюнув, Конан нашарил на поясе верный свой меч и решительно двинулся обратно.

ГЛАВА 6. Лемминги

Конан нашел Иаву скоро: пройдя еще с десяток шагов, он наткнулся на его расprostертое тело, на коем гордо восседала мерзкая, неизвестного киммерийцу происхождения склизкая тварь. Одним коротким и резким ударом меча варвар разрубил тварь пополам, едва успев отскочить от фонтанчика слизи, брызнувшего из ее нутра, и, скинув кончиком клинка на землю ее вонючие останки, присел возле своего поверженного спутника.

Казалось, Иава уже не дышал. И в темноте видна была мертвенная бледность его тугих щек. Но темные густые ресницы все же чуть подрагивали; киммериец осторожно поднял голову приятеля, зачем-то подул на его лоб, потом достал из его сумки запечатанную бутыль, вытащил из нее пробку, и, пальцем раздвинув зубы шемита, влил ему в рот пива. Шемит, все еще пребывая в беспамятстве, зачмокал губами, но предложенный приятелем напиток проглотил и даже приоткрыл рот в ожидании следующей порции. Усмехнувшись, Конан убрал бутыль — такой больной может оставить их обоих вообще без пива! С трудом приподняв здоровенную тушу спутника, он взвалил ее себе на плечо и, воздавая хвалу Кром, одарившему его недюжинной силой, медленно пошел к выходу.

Как видно, Кром, который весьма редко удостаивался похвалы юного варвара, был доволен, ибо ни одной гадости более не встретилось на дороге Конана, и до лаза, ведущего наверх, он добрался быстро и без ненужных приключений.

Вывалив Иаву на землю, киммериец с наслаждением вдохнул чистый предвечерний воздух; огненный глаз Митры, готовясь опуститься за горизонт, потускнел, мимо него плыли на легком западном ветре светло-серые пухлые тучи, и небо, подобное им по цвету, казалось такой же тучей, только огромной, растекшейся по всему миру... Сидя на теплой еще земле рядом с неподвижным телом шемита, Конан смотрел в это небо, рассеянно жуя хлебную корку, и вновь вспоминал Мангельду. Но образ ее, еще утром такой ясный, сейчас почему-то едва проявлялся в воображении варвара: черты были зыбки, расплывчаты, и ему никак не удавалось восстановить их в памяти, а тонкий изящный силуэт колебался, чуть подрагивая, как колеблется и дрожит в воздухе дыхание костра. И только тоску, исходящую из глаз ее, Конан помнил отлично — словно и тоска вместе с клятвой перешла к нему по наследству. Хорошенькое наследство! Киммериец усмехнулся невесело, качнул головой. Надо же было именно ему наткнуться на Мангельду, едва живую от невероятной тяжести боли и долга... Видно, и впрямь боги пересекли их пути в горах Кофа, ибо кроме Конана никто не принял бы на себя чужую клятву, которая, к тому же, сопровождалась всевозможными неприятностями: и дальняя дорога, ни разу не совпадающая с прямым и людным трактом, а проходящая по горам, лесам, топям и самому морю Запада; и риск, поджидающий всякого путника, всякого бродягу в любом его путешествии; и сомнительная честь сразиться с полудемоном-полуобезьяной — варвар предпочел бы, честно говоря, кого-нибудь попроще, да вот хоть десяток-другой разбойников либо солдат... И нельзя забывать еще про обратный путь! Мало добыть вечно зеленую ветвь маттенсаи — потом надо доставить ее двум ребятишкам, что живут почти на другом краю земли от моря Запада!

От последней мысли Конану стало дурно. Он совсем забыл о конечной цели своего предприятия. Тащиться в неведомый нормальному человеку Ландхаагтен? Через Кезанкийские горы, через тундру, а там — вечная мерзлота, снега и льды, бр-р-р... И попробуй в этой мрачной и холод-

ной пустыне отыщи деревню антархов! А что, если к тому времени малыши погибнут?

Давно киммериец не испытывал такой досады на самого себя. Дурены! Истинно дурены! Как можно было не подумать о том, что отобрать у Гринсвельда маттенсаи — лишь половина дела... В ярости Конан несколько раз сильно ударил себя в грудь, громко предлагая Крому как-нибудь наказать неразумного сына своего — но лишь далекий шум донесся до его ушей, и было то согласие киммерийского бога или нечто иное, понять он не мог. Посидев пару вздохов молча, сверля взглядом низкую рыхлую тучу, плывущую, казалось, всего-то в сотне локтей от него, варвар вдруг словно очнулся. Он прислушался к себе, с удивлением ощущая бурление в желудке, недоверчиво хмыкнул, но разбираться не стал, а быстро извлек из мешка ломоть хлеба и уплел его, ибо хотя он и пообедал довольно плотно всего один короткий переход под землей назад, но от переживаний у него разыгралось чувство голода, а голод — это тот бог, которому Конан всегда потворствовал и был готов приносить ему жертвы хоть дюжину раз на дню. Правда, бог сей предпочитал обычно нечто более существенное, нежели хлеб, но сам варвар считал, что привередничать не стоит. Бывают в жизни моменты, когда и простой хлеб кажется лакомством...

— Пи-ить...

Слабый тонкий голос достиг ушей киммерийца. Он оглянулся на Иаву. Тот лежал все в той же позе, в какой был сброшен на землю варваром, но бледные щеки его значительно порозовели, и губы окрасились в обычный свой цвет. Вот только глаза, поблескивающие тускло из-под полуприкрытых век, были пусты. С изумлением заглянул Конан в их бессмысленную черноту, надеясь заметить хотя бы искорку прежней насмешливости или хотя бы наглости. Но печать далеких миров как маска лежала на лице шемита, отражаясь и в зрачках его. Варвар быстро выхватил из его сумки бутылку с пивом и, сам глотнув лишь раз, остальное начал аккуратно вливать в чуть приоткрытые губы приятеля. Когда в сосуде оставалось уже не более четверти, Конан,

не спускавший пристального взгляда с окаменевших черт Иавы, узрел вдруг хитрый огонек, мелькнувший между щеточек ресниц. Он тут же заткнул бутылку пробкой и уселся, скрестив ноги, рядом с тушей спутника.

Киммериец уже подозревал, что дело тут нечисто — прежде не приходилось ему встречать умирающих, способных вылакать столько пива за раз, а потому он решил восстановить справедливость, то есть шемиту более ни глотка не давать — пусть утоляет жажду простой водой, коей здесь, в горах, сколь угодно. Если хорошенько поискать... По правде говоря, Конан не был уверен в том, что хитрый огонек в глазах спутника ему не померещился, но наказание отменять не собирался. К тому же, вполне возможно, что укушенный неведомой тварью Иава в скором времени отправится на Серые Равнины, и тогда никакого пива, да и воды, ему не потребуется вовсе. Смерть так близка, она всегда рядом; из мрачного царства Нергала тянутся ее длинные руки, шарят жадно по земле в поисках новых жертв, и находят — каждый миг находят. Может, маленький вонючий монстр, на коего имел неосторожность наступить шемит, и есть посланец Серых Равнин?

Конан потряс головой, прогоняя странные, несвойственные ему размышления о смерти. Он знал о ней немного, но того, что знал — с самого раннего детства — было вполне достаточно, чтобы не стремиться на Серые Равнины, но и не бояться туда попасть. Только бы смерть оказалась достойной — в бою, от руки сильного и отважного врага, с которым ты дрался до последнего вздоха, но он поразил тебя в сердце, а потом выпил за тебя кружку доброго крепкого вина в какой-нибудь захудалой харчевенке... Кром... Жаль, если Иаве суждено погибнуть иначе. Конан, напрочь уже позабывший про хитрый огонек, с сожалением посмотрел на шемита и... и кулаки его мгновенно сжались от ярости, а литые мышцы напряглись и дрогнули под кожей.

— Пи-ить,— протянул Иава, в упор глядя на приятеля насмешливым взором. Как видно, его ничуть не смутили вмиг похолодевшие синие глаза варвара и его же внушительные кулаки; напротив, столь опасная для него ситуа-

ция лишь забавляла шемита, и скрывать этого он не собирался.

— Пи-ить,— явно дразнясь, повторил он.

Тенью гепарда-охотника метнулся Конан к спутнику. В нем, ослепленном сейчас яростью, в долю мига лишь проснулось первобытное чувство, и без того довольно редко дремавшее — убить обидчика, и немедленно. Коршуном падая на недвижимое тело Иавы, он ощутил уже в руках своих его толстую шею, рыча, он торжествовал уже победу, как вдруг осознал, что никакой шеи в руках его нет, и лежит он вниз лицом, уткнувшись носом в колючую кочку, а спину его прижимает жирное колено шемита.

Дикий рев вырвался из глотки варвара. Подобного унижения он еще не испытывал. Тряхнув головой так, что длинные черные пряди волос отлетели назад, он извернулся — мускулы спины перекрутились подобно веревке — и со злобой загнанного зверя вцепился зубами в ногу Иавы чуть выше колена. Взвизгнув, тот отпустил Конана и отпрыгнул в сторону. Получивший свободу киммериец не стал ждать и вздоха. Он вновь кинулся на шемита, желая сейчас только одного: растерзать эту кучу мышц, мяса и костей на соответственно мышцы, мясо и кости. В затуманенном яростью мозгу его не было места разумным мыслям, и пролетая опять мимо Иавы, он грохнулся оземь уже почти в полном безумии. И кто знает, чем закончилась бы эта потасовка, если б, приземляясь, Конан не треснулся со всего маху лбом о камень; миг — и все, что кружилось еще в несчастной голове парня, рассыпалось в прах и улетело в небо, а то, что осталось — звалось пустотою, в чьем бесконечном черном коридоре не бывает ни мыслей, ни чувств...

* * *

— О, пресветлый Адонис и любовь твоя Иштар... О, прекрасная Иштар и любовь твоя Адонис... Вдохните жизнь в заблудшую душу юного воина... Пролейте свет и тепло в сохранившиеся извилины его серого камня... А-а-а... И-и-и... Э-э-э...

— Кром... Перестань выть...— хрипло попросил варвар, со стоном отрывая голову от земли. Словно тонкие короткие стрелы чернокожих туземцев вонзились в его виски, впрыснув яд под кожу; от боли искры вспыхнули в глазах киммерийца. Усилием воли повернулся он набок и, приподнявшись на локте, с удивлением посмотрел на шемита.

— Где... Где я? На Серых Равнинах?

— Ты в горах Кофа, Конан. Я не был на Серых Равнинах, но сдается мне, природа там несколько иная. Но напугал ты меня, варвар, ох и напугал. Всю ночь возносил я молитвы всем богам по очереди, и Крому твоему тоже... Уж не знаю, кто из них внял моим мольбам, только ты очнулся наконец, и я рад.

— Хватит болтать! — взмолился киммериец, пытаюсь сесть. Яркий свет тут же ударил ему в глаза и он невольно отпрянул снова в тень.— Утро уже... Тьфу! Скажи лучше, что со мной? Я попал под горный обвал? Или внезапная молния врезала мне между глаз?

— Гм-м... Хм... Под горный обвал.

— И ты меня вытащил? Что ж, благодарить не буду. Я бы тоже тебя вытащил.

— Да, конечно... Еще бы! Ну и ну...— горячо, но не слишком понятно отреагировал Иава, отворотя глаза.

Конан подозрительно посмотрел на чем-то весьма смущенного шемита, но, поскольку он решительно ничего не помнил из прошлого вечера, то и дознаваться более не стал. Поднявшись, он оцупал свой лоб, с неудовольствием обнаружив здоровенную саднящую шишку, и, подхватив с земли мешок, пошел вперед, нисколько не заботясь тем, что Иава еще не успел собраться.

Не успел он отойти и десяти шагов, жмурясь от ослепительных солнечных лучей, как неясный шум вдали, чем-то напоминающий шелест крыльев птичьей стаи, летящей в небесной выси, заставил его остановиться и настороженно прислушаться. Иава бесшумно подошел сзади и тоже встал. Лицо его было странно мрачно, черные брови насухлены; напрягшись, он вглядывался в бесстрастные громады гор,

залитые ярким светом, как бы думая увидеть там источник этого шума.

— Лемминги...— наконец вымолвил он, поворачиваясь к Конану.

— Кто? — недоуменно переспросил варвар.

— Лемминги. Такие зверьки, вроде крысы. Пойдем скорее, приятель,— Иава дернул Конана за руку и припустил вниз, прыгая с выступа на выступ подобно разжиревшему горному козлу.

Киммериец, не ожидавший от спутника такой прыти, хмыкнул и присел на корточки, с удовольствием ленивого зрителя наблюдая за скачками шемита. Не слишком богатое воображение варвара приставило к черной голове Иавы два длинных и кривых словно турецкие ятаганы рога; сие чрезвычайно развеселило Конана; он хлопнул в ладони и оглушительно захохотал, радуясь своему остроумию как ребенок. Но когда шемит вдруг скрылся из глаз, киммериец снова насторожился. Непонятный шум, так напугавший Иаву, приближался. Теперь он был похож не на шелест птичьих крыльев, а на рык водопада, и в нем слышался Конану какой-то писк, или визг, или стон...

Ринувшись вниз, варвар в несколько прыжков догнал шемита, который уже ждал его, осуждающе покачивая головой.

— Кром... Да что с тобой, разноглазый? Какие крысы? Куда ты бежишь?

Конан был не на шутку раздосадован, тем более тем, что и в самом деле в шуме сем чудилось ему нечто странное, необъяснимое, а потому и опасное.

— погоди, Конан. Сейчас не время. Давай-ка найдем местечко и схоронимся. Если успеем...

Пригнувшись зачем-то, Иава метнулся вдоль подножия горы. Киммериец, каждый шаг сплевывая и ругаясь, двинулся следом.

— Сюда!

Шемит остановился, призывно махнул рукой приятелю.

— Отличная норка, парень, а? — Иава улыбнулся подошедшему варвару, и в тот же миг сверху на них неожидан-

но посыпалось что-то мягкое, теплое и тяжелое — будто расплавленные оком светлого Митры булыжники. Но, насколько знал варвар, булыжники не имели обыкновения царапаться, а то, что падало на его голову, обладало весьма острыми когтями, ибо тут же расплосовало ему лоб и обе щеки.

Едва придя в себя от изумления, Конан выхватил меч и начал остервенело размахивать им, круша сам не понимая что. В запале он не сразу расслышал крик шемита, и к тому моменту, когда тот за полу безрукавки затащил-таки его в нору, лицо и макушка его оказались довольно сильно исцарапаны, а на земле лежало десятка два зарубленных грызунов, с виду и впрямь похожих на крыс.

— Кром! Кто это?

— Лемминги. Я же говорил тебе.

Шемит пострадал гораздо меньше — только через нос его проходила глубокая кровоточащая царапина; казалось, однако, его нисколько не беспокоила эта рана. Он возбужденно сверкал из темноты глазами и громко сопел, из чего Конан незамедлительно заключил, что вонючему маленькому монстру из подземного хода все же удалось отравить Иаву.

— Нет, приятель, — читая мысли, радостно отвечал шемит. — Я совершенно нормален! Пусть меня слопают Золотой Павлин Сабатеи, если я лгу! Лемминги! Ты понимаешь?

— Не понимаю, — мрачно буркнул Конан. Иаве не удалось его переубедить, и киммериец уверился окончательно, что спутник его потерял рассудок. И в самом деле, не станет же нормальный человек радоваться, что его исцарапала какая-то крыса.

— Лем-мин-ги! — отдельно повторил Иава ликующим шепотом. — Я так хотел увидеть сходжение леммингов с гор, и вот... Я увидел! Своими глазами!

Он пристроил свой громоздкий зад на огромном валуне и с мечтательной улыбкой воззрелся на варвара.

— Лемминги, — как полоумный снова повторил он. — И я их увидел.

Затем он вскинул голову и победно загоготал, потрясая кулаками. Этого Конан уже вытерпеть не мог. Покрутив у виска пальцами, он повернулся к шемиту спиной и двинулся по направлению к выходу из норы. Но не сделал он и двух шагов, как в пещеру вбежало десятка два так любимых шемитом леммингов, пища и возясь друг с другом по дороге. Несколько грызунов, приняв, очевидно, варвара за могучий дуб, полезли на него, цепляясь коготками за штаны; он попытался сбросить их — бесполезно; пришлось каждого брать рукой и отшвыривать в сторону, а это было совсем непросто, так как гнусные лемминги очень больно кусались, да и следом за ними на ноги все лезли и лезли новые.

Громко проклиная всех крыс на свете вместе с Митрой, их породившим, Конан яростно боролся с грызунами, и схватке этой, казалось, не будет конца. Он приспособился уже ломать им шею прежде чем отбросить, но следующие партии, волнами прибывавшие в нору, накидывались на него все с тем же тупым упрямством. В один момент обернувшись на Иаву, варвар заметил, что тот испытывает те же проблемы, что и он сам: серо-коричневые тушки облепили его всего, слепо тыча носами в разные стороны. И шемит, забыв на время свою безумную радость от встречи с ними, вел неравную борьбу; он оказался неплохим стратегом и тактиком — он встал так, чтобы спина его плотно касалась стенки пещеры; отрывая от себя очередного грызуна, он метал его в кучу вновь прибывших, тем самым заставляя их покинуть нору.

В изнеможении уже сражались спутники с тучами леммингов. Глаза Конана были залиты кровью и потом, расцарапанные руки горели; у него не оказалось и свободного вздоха, чтобы достать меч или, еще лучше, нож. На волосах его висел без малого десяток зверьков, клацая зубами у самых ушей; вот один уже ткнулся мокрым носом в ухо, а другой впился в шею — как раз в том месте, где билась голубая жилка... Сплевывая кровь, варвар без остановки работал кулаками и ногами, пиная маленьких тварей. Но наконец, когда спутники уже почти потеряли надежду из-

бавиться от грызунов, те поняли, что от них требуется (а может, просто догадались, что не туда попали), и начали потихоньку передислоцироваться к выходу.

Когда последний лемминг покинул пещеру, приятели, не сговариваясь, кинулись к валуну, на коем Иава восседал до начала военных действий, и быстро подкатили его к проему. То, что увидели они на воле, заставило обоих содрогнуться: через полсотни локтей гора круто обрывалась, и серо-бурые полчища леммингов сыпались вниз, отчаянно вереща; сплошным потоком пролетали они мимо норы, и поток этот не прекращался. Опасаясь нового нашествия, Конан выворотил из земли еще один камень и водрузил его на валун, почти полностью перекрыв вход в пещеру. Теперь, когда они были в безопасности, можно было заняться своими ранами.

Разодрав на длинные полоски ветхую, но чистую туннику, извлеченную со дна сумки, Иава ловко и быстро перевязал голову киммерийца; затем полил на руки себе и ему немного пива, чтобы смыть слюну леммингов и кровь. В отличие от Конана, который тут же стал слизывать пиво, смешанное с кровью, брезгливый шемит тщательно вытерся куском ткани, а потом уже последовал примеру варвара. Сидя в пещере как две покусанные собаки, спутники, глухо ворча, зализывали свои раны, и ни один из них пока не представлял себе, как им отсюда выбраться.

Варвар, который понятия не имел о существовании на земле столь странных и неприятных существ, тем более не знал, как долго будет продолжаться их поход с гор. Все происшедшее казалось ему чьей-то глупой шуткой. На мгновение лишь мелькнул похожий на воспоминание образ Гориллы Грина — Конан представлял его себе как обычную большую обезьяну, — но развивать эту идею он не стал.

— Лемминги, — вдруг мечтательно произнес Иава, и киммериец в ужасе уставился на него. Похоже, остыв после боя, приятель его вновь тронулся умом.

— Нет, Конан, — улыбнулся шемит, опять читая мысли. — Я здоров. Но я, клянусь тебе светлым Адонисом, так мечтал увидеть их...

— Зачем? — рыкнул варвар, в досаде готовый выкинуть спутника из норы прямо в лапы его любимым крысам.

— Зачем? — повторил Иава. — Не знаю, как тебе сказать... — он пожал плечами и грустно усмехнулся. — Наверное, просто затем, что я хотел это видеть... Как они спускаются с гор целыми тучами и бегут к морю, по пути совокупляясь, рождая потомство, и умирая...

— К морю? Зачем? — заинтересовался Конан. Он тоже направлялся к морю и иметь таких спутников, как эти вонючие грызуны, вовсе не желал.

— Не знаю. Не знаю, Конан, и никто не знает. Я думаю, и сами лемминги, даже если б умели разговаривать, не смогли б тебе этого объяснить. Они бросаются в море и плывут, плывут, пока не утонут...

— Тупое нергалово отродье, — фыркнул варвар.

— Природа... — не согласился Иава. — Слышал я когда-то от одного старика, что лемминги падают на землю с неба. Ну, как дождь или снег... Будто бы живут они на тучах — оттого и тучи всегда серые, — а потом Митра вдруг обращает на них свой божественный взор, и удивляется, мол — что они делают в небе? Дунет — они и валяются вниз, на землю... Вздор. Я всегда думал, что живут они высоко в горах, куда человек дойти не может...

— Я могу, — вставил Конан, с неподдельным интересом слушающий рассказ шемита.

— Ладно, ты можешь. Так вот, живут они высоко в горах, а как поедят всю траву в округе, так и спускаются вниз. Только к морю зачем? Не пойму... — Иава горестно вздохнул. — Да что лемминги! А куда сам я иду? Тоже не знаю. Болтаюсь по миру двадцать лет... Ни дома, ни сада, ни сына...

Эти слова шемит произнес еле слышно, но Конан, который при первых же нотках печали в голосе приятеля потерял интерес к беседе, переспрашивать не стал. Перед глазами его опять замаячила гнусная физиономия Гринсвельда, и он мгновенно ощутил привычный зуд в груди, сопровождаемый бурчанием в желудке — явные признаки того, что следует поторопиться. Не обращая более никакого

внимания на спутника, что скрючился — насколько позволяли его габариты — в темном углу и, подвывая, тихонько напевал знаменитую песнь гордого одинокого пирата. Киммериец заглянул в щель между валуном и стенкой пещеры. Падение леммингов продолжалось, но, к великому удовольствию варвара, темп его несомненно замедлился; наверняка солнце не успеет опуститься и на пару локтей, а последние ряды мерзких крыс уже полетят в низину вслед за собратьями. Удовлетворенно хмыкнув, Конан устроился возле щели поудобнее и принялся ждать — что-что, а ждать он умел всегда...

ГЛАВА 7. Хозяева древнего леса

К вечеру спутники оставили позади горы Кофа. Иаву сие обстоятельство весьма ободрило — он громко пел густым хрипловатым голосом легенду об Иштар и наперснице ее Ашторех и, приплясывая, маршировал рядом с варваром. Поначалу Конан шагал молча, но вскоре и его захватил веселый, не вполне соответствующий содержанию напев. Махнув рукой, он громовым басом дотянул вместе с приятелем последнюю строку, и дальше они орали уже хором, гордо показывая друг другу пальцами назад — там, в горах, разбуженное эхо послушно повторяло за ними слова, раскатисто и немзыкально дребезжа. Так, с песней, дошли путники до огромного, мрачного леса.

Вековые деревья стеной опоясывали свое царство; тяжелые черно-зеленые кроны их шапками нависали над толстенными, в три обхвата стволами. Ни пеня птиц, ни шелеста листьев не слышали приятели, подойдя вплотную к суровым исполинам. Казалось, ветер не достигает места сего — такую тишину застали здесь люди. Но вместо ветра веяла отсюда иная сила: жуткая, леденящая душу и кровь. Варвар, который терпеть не мог всякие проявления чего-то неземного, сразу учуял ее и встал перед лесом как перед врагом: ошетилившись, положив руку на эфес верного меча. Иава также почувствовал исходящее из черных глубин лесного царства дыхание. Для него, прошедшего чуть не весь свет вдоль и поперек,

оно не явилось неожиданностью — тем рьянее он пустился уговаривать приятеля обойти стороной это чудовище, таящее в себе, может быть, нечто такое, что земным жителям знать и видеть не полагается. Жизнь — одна, в этом шемит не сомневался. В этом же попытался убедить он и молодого киммерийца, но тот стоял молча, не двигаясь и не спуская холодных синих глаз с леса, словно впитывал в себя витающее в воздухе знание о нем, словно уже приготовился к схватке с ним.

Солнце медленно опускалось за размытую полосу горизонта; от приближения сумерек на душе у обоих стало особенно сумрачно. Волнами накатывала безнадежность, объяснимая трудно тем более, что ничего не стоило им вернуться на пару бросков копья назад и найти приют на ночь в какой-нибудь уютной пещере вроде той, в какой прятались они от леммингов. Но варвар был упрям как два связанных вместе осла, ибо ничего не отвечал на горячие призывы Иавы, а оглянувшись вдруг на заходящее око Митры, подмигнул ему, вынул из ножен меч и ступил в лес. Проклиная тот день, когда судьба свела его с этим киммерийским дурнем, шемит пошел за ним.

А там на них пахло таким холодом, что Иава сразу заткнулся, в брезгливом ужасе рассматривая могучие корявые стволы, обвитые толстыми, как его рука, вьюнами. Собственно, то были не вьюны, а те же деревья, только извивающиеся как змеи вокруг прямых родственников. В некоторых местах на серой траве валялись трухлявые останки сгнивших без солнца исполинов, и змеевидные паразиты, которым уже не за что было держаться, тем не менее устояли: образуя собою хитро переплетенные ширмы, они казались изобретением свихнувшегося божества — лесного или болотного, — протухшего в одиночестве в своих унылых владениях.

Под ногами путников лежал ковер, состоящий из плотно прилегающих — будто приклеенных — друг к другу сухих веток и сухой же серой травы; кое-где проглядывал мох, но и он не имел обычного своего цвета, а был бурожелтый, с пятнами плесени.

Расстояние между деревьями было не более одного-двух конановых шагов, а ветви их вверх, да и посередине, крепко переплетались, совсем не пропуская солнечных лучей. Воздух тут был затхлый, вонял гнилой древесиной и болотом — хотя вряд ли в лесу имелось болото, и — ни звука. Плотная тишина придавила людей к земле: ноги их быстро отяжелели, в ушах зазвенело, а плечи налились неимоверной тяжестью, словно на них — как на Первосотворенных великим Митрой — сложили весь мир с его бедами и заботами.

Иава мысленно уже попрощался с родным Шемом, куда мечтал попасть вот уже многие годы, с Халаной, чей облик все еще ясно виделся ему во сне, с теми знаниями, кои приобрел он за время скитаний. В голову варвара такие мысли не приходили.

Для него, чей земной путь исчислялся всего-то девятнадцатью годами, древний лес этот был не более чем очередной гадостью Нергала; всей первобытной природой своей ощущая здешний, совершенно особенный, пугающе нечистый дух, он двигался мягкими бесшумными шагами — так дикая кошка, убрав коготки, пробирается в поисках добычи по своей территории. Плавный ход киммерийца заставил и шемита ступать осторожнее. Сухие ветки под ногами трещали при малейшем неловком движении — в царстве тишины звуки эти были подобны разрыву молнии, и варвар, бросая на спутника быстрый сердитый взгляд, замирал, вглядываясь в черноту леса.

Они прошли совсем немного, как вдруг Конан остановился, понявшись, нащупывая спиной твердую плоть дерева. Шемит встал рядом. Плечо его оказалось лишь на пять ладоней ниже мощного плеча варвара, в остальном же он мало уступал своему молодому приятелю — могучая, хотя и чуть заплывшая жирком грудь, толстая шея, мускулистые руки — и вдвоем они представляли отнюдь не слабое войско. Вот только с кем собирался бороться насторожившийся Конан, Иава понять пока не мог. Но, полностью доверяя его природному чутью, молчал, ожидая событий терпеливо и без особого волнения. Первая волна страха,

накатившая на него при входе в лес, оказалась и последней.

По опыту шемит знал, что нет никакого смысла в боязни чего-либо: дрожь и плача скорее попадешь на Серые Равнины или куда-нибудь в ту же сторону. Слегка подтолкнув варвара плечом, Иава поймал его сумрачный ответный взгляд и соорудил смешную рожу, желая хоть немного снять овладевшее парнем напряжение. Конан сплюнул — причем умудрился сделать это так же бесшумно, как и шел, — но потом все-таки ухмыльнулся, оторвался от дерева и медленно двинулся дальше.

Вой, внезапно разорвавший тишину, заставил обоих вновь прилечь к дереву, но на этот раз Иава уже не ощутил спиной спасительную твердь. Исполни словно отрекался от гостей, пропустив по шершавой коре своей холодную обжигающую дрожь. Отпрянув, шемит дернул Конана за рукав, и в тот же момент где-то совсем близко раздался дикий крик, оборвавшийся вдруг странным клекотом, который подхватили и другие голоса. Хрипы, стоны, мурлыканье, гулы, раздававшиеся со всех сторон, вместе составляли довольно омерзительную, жутковатую песню. Варвар быстро метнулся к поваленному великану, жестом велел Иаве сделать то же самое, и, присев возле раскидистых огромных корней, каждый из которых вполне мог сойти за отдельное деревцо, выставил перед собой меч.

Голоса приближались. Теперь в их пении ясно слышались торжествующие нотки. Затаив дыхание, люди всматривались в чащу; теперь тишина, что уползла недовольно куда-то под землю, казалась им приятной и безобидной. Звуки, заполнившие лес, были куда страшнее и несомненно опаснее. Иава покосился на смуглое, гладкое, литое тело варвара, изрисованное белыми полосками старых шрамов, и зажмурился от вдруг возникшей перед глазами картины, услужливо предложенной его живым воображением: растерзанный на окровавленные куски Конан лежит под деревом, и он, Иава, никак не может собрать его воедино, чтобы закопать в долине. Мысль понеслась дальше, и неизвестно, куда бы привела она шемита, если бы в этот момент из-за

могучих стволов не появились исполнители той самой гнусной песни.

«Красавцами их не назовешь», — отметил Иава про себя, морщась от крайне неприятного вида пришельцев. Все они, видимо, когда-то были людьми — руки, ноги, головы, тела — все было в полном порядке, если не считать жутко искривленных пальцев с длинными, загибающимися желтыми когтями, пустых глаз и кроваво-красных губ; верхняя губа каждого, приподнятая двумя выпирающими клыками, придавала их рожам тупое и злобное выражение. Свальявшиеся волосы сосульками обрамляли бледные лица, вся одежда истрепалась и повисла на тощих фигурах клочьями, и единственное достоинство этих чудовищ, как опять же отметил шемит, было в их численности. Два с лишним десятка нетерпеливо перебирали худосочными ножками прямо перед ними, а сколько еще ждали своей очереди в чаще — судя по звукам, доносящимся со всех сторон, не меньше полсотни.

— Лесные вампиры, — шепнул Конану шемит, вытягивая нож. Другой рукой он начал лихорадочно шарить в сумке, отыскивая купленное давным-давно у одного кхитайского колдунишки средство: по словам того, только запаха этой мази достаточно, чтобы вампиры с позором бежали прочь. Надо сказать, что Иаве пришлось как-то раз испытать действие кхитайского снадобья, и не где-нибудь, а на западе Аргоса — именно там, в непролазных чащах, и обитают, как известно, лесные вампиры, жуткие соседи аргосских крестьян; когда-то они нанесли страшный урон войску, идущему в поход на Зингару, перекусав чуть не половину солдат.

Знай бродяга, что монстры частично переселились на восток, в этот сумрачный лес, он ни за что не позволил бы варвару сюда войти. А впрочем, у него было средство, от которого так быстро бежали и так громко были западные вампиры... Но где же оно? Лоб шемита мгновенно взмок, когда, в очередной раз ощупав все предметы в сумке, он понял, что круглой железной коробочки, где хранилась мазь, нет. Сейчас не время было думать, где

она могла потеряться. Изможденные твари, оскалившись, подвывали и подходили все ближе, ближе... Они жаждали крови. И они знали, что напьются ее здесь же, теперь же...

* * *

Гринсвельд ликовал. Уставившись в грязные разводы оконного стекла, он боялся моргнуть, чтобы не пропустить и мгновения столь восхитительного зрелища. Как видно, отец-демон все же не оставил его — откуда иначе на востоке Аргоса, где сплошные безлюдные, безводные, высушенные солнцем и временем земли, появились вампиры? Горилла точно знал, что сии прелестные существа обитают исключительно на западе страны, в лесах, которые тянутся вдоль Хорота, и никогда, никогда прежде не мигрировали. И вдруг добрая сотня лесных вампиров переселилась на восток... А может, идея эта принадлежала Густмарху? О, молчаливый, мудрый Гу... Неужели он соизволил помочь своему презренному рабу?

Гринсвельд умел быть благодарным. Он решил дожидаться гибели двух недоумков, а потом поймать для Густмарха парочку жирных чаек — не раз он наблюдал в мертвых глазах своего божества живое пламя наслаждения, когда из разорванных тушек на его каменную ослиную голову лилась горячая кровь... Гориллу даже передернуло от приятного воспоминания. Он готов был истребить всех птиц на Желтом острове, только бы вновь из глаз Гу выплеснулось на него знакомое чувство; ток его порой снился Гринсвельду, и тогда он пробуждался весь, до кончика носа мокрый от вонючего пота, но радостно возбужденный, и потом весь день ему мерещились эти жуткие глаза и кровь, кровь и глаза...

Обильные слюны капали на цветастый, толстой мягкой ткани халат хозяина Желтой башни, оставляя на нем поверх старых новые темные пятна; не отрываясь от окна, он вытер рот тыльной стороной ладони, громко засопел — схватка с вампирами была в самом разгаре и, кажется, его враги вот-вот будут разорваны на куски... Зрачки Гориллы по-

дернулись мутной пленкой: он словно чувствовал запах крови, ее вкус... Вот шемит упал под тяжестью десятка лесных красавчиков, а вот в рычащем, визжащем, вопящем клубке мелькнула черная грива киммерийца...

Задышавшись от нетерпения Гринсвельд сжал подлокотники кресла и подался вперед, впиваясь горящим взором в зеркальное отображение. Сейчас, сейчас все будет конечно... И когда спустя миг раздался победный вопль монстров, Горилла вскрикнул, в экстазе выдрал у себя клочок волос и, не выдержав напряжения, упал на пол. Разум покинул его.

* * *

— Ну, отродье Нергала, посмотрим, что за дрянь течет в ваших жилах! Клянусь Кромом, что-то вроде мочи! — Выставив меч перед собой, Конан медленно подходил к молчаливому строю вампиров, что уставились на него голодными глазами. Отвлекая их руганью, он надеялся прорубить себе и шемиту коридор, по которому можно будет сбежать из этого поганого леса. А в том, что только так и можно спастись, варвар не сомневался.

— Что застыли, ублюдки? Хотите попробовать киммерийской крови? Ха!

Не успел Конан договорить, как строй монстров дрогнул; видимо, зря он произнес слово «кровь» — будто очнувшись, вампиры выдохнули, вновь затянули — сначала еле слышно, а потом все увереннее, громче — свою жуткую песню и начали окружать приятелей, совсем не обращая внимания на грозное оружие варвара. Носы их не учуяли опасности: люди пахли людьми и ничем более, а потому и бояться их было нечего.

Конан не двинулся с места. Спиной он уже ощутил крепкую спину Иавы, и теперь был готов к своему последнему бою, наперед зная его исход и жалея о том лишь, что жизнь уйдет из него по капле не в землю, но в глотки грязных тварей. А что случится потом... Но об этом лучше не думать. Он и не думал. Мозг его привычно заработал в поисках возможных путей спасения; бросив быстрый взгляд

в стороны и вверх, варвар злобно ухмыльнулся: они находились в настоящей ловушке. Закрытые даже сверху, они не смогут уйти отсюда... Никогда...

Круг вампиров сужался. Самые нетерпеливые приплясывали, протягивали высохшие руки к людям. Конан метко плюнул в морду ближайшего, заставив его отшатнуться и в ужасе скорчиться, а затем сделал неуловимое движение и — с глухим стуком на землю упала рука со скрюченными пальцами, срезанная его мечом.

Монстры завопили. В рядах их начался разброд, ибо задние не могли понять, что произошло, и стали яростно расталкивать соседей, боясь лишиться своего глотка свежей крови. Заверещал пронзительно престарелый монстр с трясущейся как лист головой и белыми жидкими прядями длинных волос; истерично зарыдал оплеванный, решивший, по всей видимости, что Конан его отравил; тот, у которого киммериец отнял правую кисть, мгновенно стоял, обиженно скуля, но вдруг подпрыгнул, и кинулся на человека, норовя вцепиться ему в шею клыками. Не успел он коснуться обрубком своим конанова плеча, как тут же рухнул наземь, разрубленный пополам как сухое полено дровосеком.

Не дожидаясь, пока на него бросятся остальные, варвар снова поднял меч и — престарелый ублюдок упал рядом с первым.

Ярость клекотала в груди киммерийца; одна мысль — лишь одна — билась в его мозгу, подогревая гнев: чужая клятва. Он не сможет ее исполнить. Сознание того, что он, Конан, оказался несостоятелен, ранило его больше всего. Только день он прошел за Мангельду, и тут же попал в поганые лапы грязных тварей... Даже она, маленькая хрупкая девочка, сумела одолеть гораздо большее расстояние...

Конан рубил наотмашь, не останавливаясь и на краткую долю мига. Меч его тонко свистел, с невероятной силой опускаясь на головы нергаловых гадин. За спиной его шла не менее жестокая битва. Иава с одним кинжалом положил уже около дюжины вампиров, отпиная легкие бес-

кровные останки и ловко уворачиваясь от клыков и когтей.

И все же спустя некоторое время киммериец почувствовал, что начинает выдыхаться. Монстров, казалось, меньше не становилось.

Некогда было смотреть, оживают ли уже разрубленные — Конан подозревал, что да, — следовало попытаться все же сдвинуться с одного места и прорубить коридор. Другого плана остаться в живых варвар так и не придумал. Меч его летал все с той же скоростью, кроша тварей, но размеренное поначалу дыхание сбилось, да и ран прибавилось: кожа лохмотьями свисала с рук обоих приятелей, и кровь, струившаяся из глубоких царапин, опьяняла вампиров, заставляя их лезть под меч и кинжал без страха. Коготь монстра достал наконец и лица Конана, прочертив на лбу его ярко-красную полосу, так что теперь он почти ничего не видел: кровь заливала глаза, попадала в рот, и вампиры, завистливо визжа, с утроенной энергией кидались на него. Одни, коснувшись ран людей, отбегали все-таки в сторону и там, схоронясь под деревом, жадно слизывали алую влагу; другие, опасаясь меча, искали новые пути к победе — подныривали под ноги спутникам, хватали с земли ветки и тыкали им в лица, заползали с боков...

И вот наконец стало ясно, что бой подходит к своему печальному финалу. Застрял в толстой ветке, крепко зажатой обеими руками вампира, верный меч киммерийца, и в тот же момент с дерева подобно обезьянам прыгнула на его голову горсть тварей. Иава, оставшись без опоры, оглянулся — в этом состояла его тактическая ошибка: в один только миг на него кинулись оставшиеся на ногах монстры, повалили наземь, начали рвать клыками...

— Асвельн... — прохрипел Иава, теряя сознание. — Конан, позови Асвельна!

... Словно северный ветер нашел вдруг дорогу в этот лес, подняв с земли ворохи сухих листьев. Словно лучи огненного ока Митры нашли вдруг к вечеру дорогу в этот лес, подпалив мох и ветви. Словно мир задрожал под тяжестью

деревьев-исполинов, и лопнула земная кора, обнажив черное пустое нутро свое... Не успев напиться крови — успев лишь начать — монстры словно пиявки стали отваливаться от своих жертв, на глазах друг друга высыхая, крошась и исчезая бесследно. А сверху, просачиваясь сквозь плотные переплетения ветвей, на них медленно, медленно опускалось огромное ярко-белое облако; его дыхание обжигало; тело его обволакивало стволы-великаны, растекалось по канавкам в бурой коре...

Гринсвельд, в своей Желтой башне валяясь на полу без чувств, уже не слышал, как победный вопль вампиров сменился диким визгом ужаса.

ГЛАВА 8. Аристо-Мано

О ткуда ты знаешь про Асвельна? — мрачно спросил Конан, засовывая меч обратно в ножны.

— Какого Асвельна? — очень натурально удивился шемит. — Сайгада? Или хозяина постоянного двора?

— Ты! — Варвар подлетел к приятелю, рывком притянул его за ворот к себе. — Клянусь бородой Крома, шемитская рвань... Если под твоей плечью таится какое-то зло, я удавлю тебя! Ты понял?

— Я понял, Конан, — спокойно ответил Иава, легко отцепляя железные пальцы киммерийца от воротника своей куртки. — Но и ты пойми: если человек не отвечает на вопрос, значит, ответа нет. Или...

— Ответа нет? — сощурился варвар, чувствуя, как утихший было гнев вновь начинает закипать в его груди. — А я тебе вот что скажу...

— Или время для ответа еще не пришло, — закончил Иава, не обращая внимания на зло сверкающие синие глаза киммерийца.

Конан угрюмо смотрел, как спутник его аккуратно вытирает ничем не замутненное лезвие кинжала о посвежевший почему-то мох; как он роется в своей сумке, недоуменно пожимая плечами и ворча на старом шемитском; как делит пополам с глубоким вздохом последний ломоть хлеба... Да, не просто так Иава навязался в провожатые, не просто так. Для обычного человека он слишком осведомлен. Может быть, он каким-то образом сумел подслушать

его разговор с Мангельдой? Нет, это маловероятно. Как бы ни был Конан увлечен рассказом девочки, он непременно почувствовал бы чье-то приближение... А тот сквозняк... Иава? Или Гринсвельд?

Укладываясь под деревом подальше от спутника, киммериец не переставал думать обо всем произошедшем с ним, с Мангельдой, со всеми антархами... Он окончательно запутался. Теперь ему стало казаться, что шемит — посланник Гринсвельда. Правда, все события красноречиво свидетельствовали об обратном, но чего только не бывает на свете, и если доверять каждому, кто прошелся с тобой по горам один только день, неминуемо лишишься головы.

И на рассвете, обуреваемый этими и подобными мыслями, Конан шагал за громоздкой фигурой спутника, решив про себя не выпускать его теперь из виду ни на вздох. Вот древний лес, очищенный — ими или Асвельном? — от вампиров, остался далеко позади, а вот простерлись перед ними высушенные солнцем равнины, на коих одиноко произрастали несколько чахлах кустиков с бурыми, тронутыми тлей листьями и тонкими корнями, что стелились по поверхности земли.

Небо — пронзительно синее, отливавшее к горизонту фиолетовыми и розовыми оттенками — обещало ясный день. Вдалеке белели густые рыхлые облака — вещие сны Митры, парящие в небесах. Скоро, совсем скоро светложелтый шар, подымающийся над миром, согреет все вокруг своим добрым мягким теплом, и тогда идти станет веселее, и все странное покажется простым, как это всегда бывает поутру.

Но с наступлением нового дня подозрения Конана не рассеялись — напротив, одолели его, заполонили мозг. Там, в древнем лесу, ему снился Асвельн — огромная белая фигура, сплошь состоящая из облака, без лица, без волос, без пальцев. Асвельн ничего не сказал. Только указал на хранящего шемита и качнул головой. Что это могло означать — варвар не уразумел. Никогда он не понимал намеков, не понял их и сейчас, но благоразумно решил держаться от Иавы подальше, не гнать прочь, но и в планы свои не

посвящать... Хотя, какие там планы... Протопать неблизкий путь до моря Запада, взять лодку, доплыть до Желтого острова... А может, шемит знает и о маттенсаи? При этой мысли Конана бросило в холодный пот. Он уже начал подумывать о том, чтобы потихоньку улизнуть от навязчивого спутника, как тот обернулся, встал, поджидая варвара.

— Конан, здесь нам нужно сделать небольшой крюк.

— С чего это? — недовольно проворчал киммериец, не глядя в глаза приятеля.

— Если ты не желаешь снова попасть в переделку — послушай меня. Иначе нам будет очень непросто добраться до моря Запада.

— Почему я должен обходить сухую и безлюдную равнину и ползти по болоту? Кром, я не хочу терять время зря. Я пойду прямо. А что будешь делать ты — не моя забота. Можем попрощаться здесь.

Иава молча смотрел на Конана, чей гнев ему вполне был понятен, и с грустью осознавал, что уговорить его сделать крюк — невозможно. И хотя шемит был вдвое старше парня, а следовательно, и опыта имел поболее, преодолеть чисто варварское упрямство и ему оказалось не под силу: сие выяснилось еще при подходе к древнему лесу.

— Конан, стой.

— Что тебе надо? — Киммериец обернулся, угрожающе положив руку на эфес меча.

— Мне надо, чтобы ты пошел со мной. Лучше ползти по болоту, чем попасть в Алисто-Ману. Ты слышал о таком?

— По-аргосски это что-то вроде «сердитого суслика», — мрачно проворчал варвар.

— Вроде... А точнее — «злое сельцо». Я побывал как-то в гостях у этих ублюдков... Живут они богато, хотя и ничего не делают. У них даже ребенок поленится поднять оброненную куклу. Грабят дальние деревни, угоняют скот и продают его в Шем... Но самое гнусное то, что они берут пленных. Заставляют их работать от зари и до зари, а потом, когда человек уже еле дышит, сжирают под дикарские пляски...

- Откуда ты знаешь?
- Я сам пробыл у них без малого две луны, — неохотно пояснил Иава.
- И почему же тебя не сожрали?
- Не успели.
- Если ты ушел от них, то я и подавно уйду, — самодовольно заметил Конан, разворачиваясь.
- О, упрямый варвар... Мне помог случай!
- А мне помогут мои руки и мой меч!

Раздраженно плюясь, шемит последовал за Конаном. А тот, загребая сандалиями пыль, быстро шагнул на юго-запад, и черная грива его, покрывавшая могучие плечи, колыхалась под порывами теплого ветра. Он не оглядывался, явно потеряв всякий интерес к попутчику; голод и жажда гнали его напрямик к Алисто-Ману, где наверняка можно было раздобыть и еды и воды. Все, поведенное шемитом, мало волновало Конана. Он не хвастал: меч и руки, да еще природой подаренная смекалка не раз выручали его из всякого рода бед и опасностей. Не чужда ему была и осторожность, но только не в тех случаях, когда требовалось достичь определенной цели — к цели варвар шел чаще всего напролом, ибо настоящим хитрецом величать себя не мог. Хитрость — наука купцов и воров, а Конан, хотя и обучался воровскому ремеслу, все таки не считал сие достойным для себя занятием. Деньги, слава и женщины — обладать всем этим он стремился, как и любой другой в меру тщеславный юноша, но лгать и притворяться пока ему приходилось лишь при крайней необходимости, и это его вполне устраивало. Воин — истинный воин — должен уметь все, и если обстоятельства не позволяют применить руки и меч, надо действовать иными способами, могучими принести удачу или победу. Но все же лучше — Конан искренне был в этом убежден — руки и меч. А потому, полностью уверенный в своих выводах, он спешил к «злому сельцу», в мыслях предвкушая уже отличный обед, за который готов был даже заплатить.

Наконец равнина резко пошла вверх, и там, на возвышении, варвар увидел ровный, словно солдатский, строй кро-

шечных аккуратных домишек. Довольная ухмылка пробежала по его губам, а желудок моментально отозвался протяжным урчанием. Вслед за ним, переходя с рыси на иноходь, а с иноходи на галоп, поспешал Иава. С ног до головы покрытый серой пылью, в отличие от Конана не спавший всю ночь, он тоже хотел есть и еще более хотел пить, но его многолетний опыт бродяжничества подсказывал, что если голод можно рано или поздно утолить, то отнятую жизнь вернуть обратно нельзя; благоразумие, которое, как полагал Иава, тоже имеет пределы, в их с Конаном путешествии просто необходимо.

— Конан! — крикнул он, видя, что варвар уже начал забираться на холм.

— Ну, — с неудовольствием обернулся тот.

— Скажи, если лев рвет зубами козленка, а ты проходишь мимо и безумно голоден...

— Отниму козленка, — буркнул киммериец, не дожидаясь вопроса, и полез дальше.

— О, божественная Иштар... — прошептал шемит. — Лучше отправиться в путь с гиеной на спине и змеей в кармане, чем с неким юным варваром. Пусть меня разорвет Золотой Павлин Сабатеи, если я еще раз пойду за этим парнем...

А пока, карабкаясь на холм следом за киммерийцем, Иава заранее холодел от ужаса, живо представляя себе железные цепи, коих у обитателей Алисто-Ману всегда было вдоволь для гостей любого роста, пола и возраста — до сих пор на широких лодыжках шемита сохранились следы ржавых тяжелых оков, до сих пор в ушах его звенел унылый голос надсмотрщика, волочащего за собой длинную толстую плеть. Он вдруг вспомнил костер, вокруг которого, размалеванные словно туземцы, скакали необычно оживленные ублюдки, а в самой середине костра — женщина, привязанная к врытому в землю столбу. Ее дикие вопли, корчи, предсмертный хрип... Вздвогнув от вставшей перед глазами картины, Иава чуть было не скатился обратно к подножию холма. Но, с трудом удержавшись на ногах, сразу ринулся вперед с удвоенной скоростью, увидев, что кимме-

риец уже входит в гостеприимно распахнутые перед ним деревянные ворота.

* * *

— Что страшного нашел ты, разноглазый, в этих недосках? Неужели похожи они на львов, раздирающих козлят? — Варвар захохотал, ковыряя в зубах кончиком кинжала, приобретенного им у сайгада. — Разве что жилистые, а так... Тьфу, кожа да кости... Я с десятком таких справлюсь, не успеешь ты выпить и кружку пива. Хей, Иава, не криви рожу. Переночуем здесь, а утром — движем дальше. Ты опять потащишься со мной? Не пойму, зачем...

Так разлагольствовал разомлевший от обильной еды и чуть подобревший варвар, величественно принимая все новые и новые кушанья, подносимые ему с подобающим почтением худосочными хозяевами. Он осушил уже без малого четыре чаши прекрасного белого вина, один съел жирного поросенка и полную миску лапши, и теперь, вяло подхватывая с блюд куски и отправляя их в рот, готов был либо ко сну, либо к веселью — в зависимости от обстоятельств. Но веселиться с шемитом он, помня все случившееся, не желал, а бледные тоскливые физиономии здешних жителей никак не подходили для дружеской пирушки, так что Конан склонялся все же к тому, чтобы кликнуть кого-нибудь порасторопнее, потребовать себе комнату и кровать и забиться сном до самого утра.

Иава, бросая на варвара удрученные взгляды, тем не менее проворно уплетал и ливерный паштет, и свежеспеченные булочки, и кролика в вине, и фрукты — все яства с исключительной быстротой попадали не только в его желудок, но и в сумку, что покоилась на его коленях. При этом шемит старался не обращать внимания на довольно бестактные покашливания хозяев, застывших вокруг стола в полупоклоне. В конце концов — он знал точно — не их трудом пойман кролик, зажарен поросенок и сварена лапша. В Алисто-Мано все работы выполнялись рабами, а рабство Иава не признавал ни в каком виде, потому и содеянное

теперь полагал не воровством, а местью жестоким и хитрым эксплуататорам.

Решив таким образом проблему пропитания в дальнейшем путешествии, следовало подумать, как бы сие путешествие продолжить. Шемит был уверен, что так просто их отсюда не выпустят. Жаль, что Конана, судя по всему, подобные мысли не посещали. «И куда только подевалось его первобытное чутье?» — с раздражением говорил себе Иава, глядя на варвара, который уже откровенно зевал во весь рот, лениво перебирая пальцами крупные, налитые соком виноградины на огромной грозди.

— Конан, — не выдержал наконец Иава. — Надо идти. Слышишь?

Киммериец благодушно молчал. Он, который, в отличие от хозяев, всецело одобрял поступок спутника — а почему бы и не взять то, что все равно приготовлено для них? — ни о чем более думать не желал. Спать. Только спать. Голова была пуста так, как может быть пусто высохшее озеро; веки отяжелели, а губы не могли шевельнуться даже для того, чтобы произнести одно лишь слово: «Спать!» Словно в тумане видел Конан бледные тощие морды, разноцветное пятно стола, волосатые ручищи шемита слева... Кажется, тот что-то пытался ему сказать?

Иава в ужасе наблюдал за тем, как смягчаются грубые черты киммерийца, как соловей и светлеют его синие глаза, а нижняя тяжелая челюсть отвисает как у полоумного. От бессилия у шемита даже свело мышцы плеч. Он понял, в чем заключалась хитрость хозяев: сначала опоить незваных гостей, а потом и пленить. Окинув быстрым взором все, что стояло на столе, Иава решил, что отравы, по всей видимости, находилась в белом вине, кое Конан употребил так решительно и в большом количестве. Сам он — то ли по наитию, то ли от расстройства — вина не пил, довольствуясь чистой родниковой водой, и потому сейчас чувствовал себя превосходно. Что же за снадобье бросили они в чашу варвару? И каково его действие?

С лихорадочной быстротой перебирая в уме возможные способы отступления, шемит в отчаянии понимал, что если

и сумеет уйти отсюда живым, то бесчувственного Конана утащить с собой ему безусловно не удастся. И не только потому, что тот весил не меньше взрослого быка, а еще и потому, что уходить наверняка придется с боем, и тут уже Иава на силы свои не рассчитывал. Скорее всего, участь его — погибнуть бесславно в этой дерьмовой деревушке, ибо единственная здравая мысль — оставить варвара здесь, а самому сбежать — в голову шемиту не пришла.

Глядя, как четверо крепких мужчин бережно оттаскивают массивное тело киммерийца наверх, он тоскливо думал о маленькой храброй девчушке, погибшей в горах Кофа, о далекой стране Ландхаагген, что так и не дождетсЯ спасения, о вечно зеленой ветви маттенсаи... Зря он не признался Конану сразу — ведь все варвары так недоверчивы!

Когда по лестнице скатилась рваная сандалия Конана, шемит спохватился. Он встал и, демонстративно вытащив из ножен свой кинжал, протер лезвие его полой куртки; затем решительным шагом обошел застывших, кажется, навеки в подупоклоне молчаливых хозяев, и двинулся по той же лестнице наверх. В коротком темном коридоре Иава обнаружил только две двери. Одна оказалась заперта, зато вторая распахнута гостеприимно. Ожидая увидеть за нею спутника, шемит вошел внутрь. В тот же миг сверху на него обрушилось что-то тяжелое и твердое; яркий красный свет вспыхнул и сразу погас. Иава глубоко вздохнул и медленно осел на пол.

* * *

Гринсвельд, едва не лопнувший от злости при виде спокойно покинувших древний лес путников, снова торжествовал. Дурень варвар не послушал умного совета своего приятеля и полез в Аристо-Мано как безмозглая рыба в сети рыбака! Не иначе сам Густмарх посодействовал Горилле: задурил мальчишке голову, заставил забыть о главном... Теперь варвар валяется на дощатом полу без признака сознания, храпит во всю глотку и не чувствует железа на ногах и руках своих. Жаль, никак нельзя увидеть шемита — в комнате его нет, и где он — неизвестно. Несомненно

лишь одно: и его постигла та же участь, хотя он много сообразительнее и осторожнее киммерийского пса. Насколько знал Гринсвельд, из Аристо-Мано выбраться весьма не просто, весьма... Тамошние ублюдки хитрые бестии: увидели двух забредших к ним здоровяков и — мигом сменили тактику. Изобразили гостеприимных хозяев, накормили, напоили... То есть опоили... На всякий случай Горилла решил отблагодарить Гу новым жертвоприношением. Но — не сейчас, потом. Когда проснется варвар и увидит...

* * *

В маленькое, треснутое посередине оконце уже пробивались солнечные лучи. Пропущенные сквозь призму грязного стекла они теряли свой первородный живой цвет и свет; серая пыль клубилась в них; вяло скользя по лицу человека они не пробуждали, а лишь навевали томительные сны, отчего еще труднее было разомкнуть отяжелевшие веки. Но время жизни уже настало — сон, как и полагается, отступил, но не вспорхнул легко в далекую высь, а, с трудом оторвавшись от плененного им тела, поднялся медленно, тяжело, как обьеvшийся орел, не чающий уже долететь до вершины горы, до своего гнезда.

Но прежде, чем явились Конану более-менее ясные мысли, инстинкт уже подсказывал нечто неладное. Не шевелясь, лежал киммериец, спиной ощущая жесткие доски пола и стараясь припомнить, как он оказался здесь. С улицы раздавались чьи-то злобные крики, ругательства, а в доме было на удивление тихо, так что и подозрения варвара начали понемногу улетучиваться. И все же, когда дверь едва слышно скрипнула, приотворяясь, он в один миг оказался на ногах, готовый как к самому бою, так и к любому его исходу.

— Тс-с... — Иава проскользнул в комнату, осторожно затворил за собой дверь. — Надо уходить отсюда, Конан, и поскорей.

Громкий шепот шемита, его вытаращенные разноцветные глаза, к тому же налитые кровью, в другое время и в другом месте наверняка заставили бы варвара расхохотать-

ся, но сейчас ему было не до смеха. С яростью и удивлением рассматривая на руках и ногах своих толстые цепи, он, как ни казалось ему самому сие странным, испытывал что-то похожее на стыд. Во всяком случае, когда он поднял голову, выяснилось, что смотреть в глаза шемиту ему было не слишком-то просто. Но Иава то ли не замечал этого, то ли делал вид, что не замечает. Подойдя ближе, он тронул Конана за плечо и повторил:

— Надо уходить отсюда. Ты сможешь порвать цепь?

Киммериец покачал головой. Нет, такую цепь он разорвать не сможет. Хотя бы потому, что она слишком коротка — оба кулака его никак не поместятся меж скованных ног.

— Ах ты... — досадливо пробормотал Иава, разглядывая оковы. — Чтоб их к богу Шакалу всех... Ублюдки... Хорошо я догадался надеть на башку ведро — а то валялся б теперь...

— Почему на тебя не нацепили этих украшений? — угрюмо поинтересовался варвар, не глядя на приятеля.

— Говорю же — они треснули меня чем-то... Молотом, наверно. И думали, что я готов... А треснули-то по ведру! Я еще тряпку под него подложил, чтоб не очень зазвенело в случае чего... Ну, да не время сейчас об этом. Давай-ка выбираться.

— Как?

От злости у Конана свело скулы. Он с силой дернул руками, но лишь натянул до отказа цепи да содрал ими кожу на запястьях.

— Погоди...

Шемит сунул нос в свою сумку и долго рылся там, охая, крихтя и ругаясь все тем же громким шепотом. Конан, в нетерпении наблюдавший за процессом поиска, недоверчиво хмыкнул, увидев извлеченную из недр сумки железную плоскую палочку с шершавыми боками. Вряд ли невзрачный предмет этот обладал какими-то чудесными свойствами, хотя, судя по последним событиям, шемит всегда знал, что делал. Смирившись, Конан отказался от комментариев и уселся на пол, а Иава, встав перед ним на колени, начал

пилить своей железкой широкое кольцо на его ноге. Тощего недоноска, вдруг вошедшего с надменным видом в комнату, картина сия повергла в состояние близкое к обмороку. Судорожно икая и не сводя глаз с могучей фигуры варвара он попятился к дверям; рот его при этом был открыт так широко, как только позволяла крошечная нижняя челюсть, а руки сновали по оборкам рваной туники, словно искали на ней некое кусачее насекомое и никак не могли найти.

Иава обернулся на звук шагов, но особого интереса не проявил. Пожав плечами, он вновь склонился над цепью и продолжил свою работу. Конан же, сплюнув на дощатый пол со всем возможным презрением, ловко метнул нож с коротким обоюдоострым лезвием, который и пригвоздил недоноска за край туники к стене. Более парень неудобства не доставлял, кроме, разве что, тихого поскуливания и дерганья ногой, но на это варвар решил не обращать внимания.

И все же, когда шемит допилит наконец кольцо на конановой ноге, в комнату пожаловали новые, еще менее приятные гости, и они, как было ясно с первого же взгляда, как раз имели намерение причинить путникам столько беспокойства, на сколько были способны. Они влетели все вместе, и каждый сжимал в руке рукоять стигийского кинжала — смертоносного оружия, неведомо как оказавшегося здесь. «Не иначе, — подумал шемит, — их снабжает какая-то тварь. Не могут же быть у всех одинаковые клинки...» Но мысль эта лишь мелькнула в его голове, ибо всего миг спустя после появления работников Иава уже стоял со своим верным кинжалом наизготовку, с удовлетворением и даже удовольствием ощущая плечо варвара рядом со своим плечом. Молча, без единого звука, ринулись друг на друга люди. Одни бились за обладание чужой жизнью, за возможность распоряжаться чужими временем и силами. Они никогда не задумывались над тем, праведны их поступки или нет — и не потому, что были глупы. Просто само устройство их души не предполагало каких бы то ни было раздумий.

Они как звери жили одними инстинктами, но, в отличие от зверей, не обладали и долей возможного благородства, и о чести имели весьма смутные представления, считая ее нелепой выдумкой бродячего комедианта.

Другие боролись за свою жизнь и свою свободу. Но обе стороны дрались с такой яростью, какая, обладая чувства физической основой, несомненно в одно лишь мгновение уничтожила бы в этой комнате всех.

Первая четверка оказалась разбита варваром и Иавой достаточно быстро. Пожалуй, за это время Конан едва успел бы выпить кружку пива. Но и вдоха не прошло, как новая партия рабовладельцев ворвалась в комнату. Этих было больше, и экипированы они оказались лучше: чешуйчатые кольчуги, морионы — шлемы с полями в виде перевернутых полумесяцев, длинные мечи и все те же стигийские кинжалы. По сравнению с ними Конан со скованными руками, голый до пояса и босой, представлял бы довольно жалкое зрелище, если бы на обнаженном торсе его не играли и переливались первозданной силой тугие мускулы, если бы на устах его не блуждала опасная полуулыбка, а в синих глазах не сверкал неукротимый огонь гнева и... радости битвы. Да, молодому киммерийцу по душе был хороший бой, пусть даже в таких неудобных условиях и с такими гнусными противниками. Он был прав, и знал это. А за правду, да еще свою собственную, бороться необходимо — и кому же еще за нее бороться?

Варвар не задумываясь кинулся на ближайшего и смел его одной только массой; затем он ступней придавил ему горло и, только изо рта врага хлынула кровь, снова отскочил, готовый сразиться со следующим. За то же время Иава, сделав обманное движение, поднырнул под руку здоровому, хотя тоже весьма бледному мужчине его лет, и воткнул под кадык клинок по самую рукоятку. Ахнув, тот качнулся и начал валиться, увлекая за собой обезумевшего от страха соратника. Воспользовавшись этим, соратника шемит отправил следом.

Конан носился по комнатухе, сбивая врагов с ног, ловко уворачиваясь от их сильных, но неуклюжих ударов, и сам

разил, метя в незащищенные места, так что вскоре и этот бой закончился в пользу спутников.

Оттащив трупы к стене, они постояли немного по обе стороны двери — не нагрянут ли новые гости? — и, никого не дождавшись, уселись на пол. С видом фокусника Иава достал из сумки ломоть хлеба и отличный кусок кролика, разделил все это на две части и большую отдал Конану. Тот сразу запихал в рот свою долю целиком и с энтузиазмом молодости проглотил, почти не жуя. Шемит, мучимый более жаждой, чем голодом, ел неохотно — за тем лишь, чтобы подкрепиться перед дорогой. Печаль снизошла вдруг к его сердцу откуда-то из-за облаков. Глубоко вздохнув, он попытался затянуть благодарственную оэду Птеору, но, увидев, как сморщился киммериец, оборвал пение; вместо этого он сказал, обращаясь к мертвецам:

— Что, парни, пожалели теперь, что накормили нас?

И словно в ответ в маленькое оконце влетело — как показалось сначала варвару — само солнце, только сильно уменьшенное в размерах. Пылающий шар приземлился точно между Конаном и Иавой, и несколько мгновений путешественники в изумлении смотрели, как разгорается пламя, прожигая дыру в полу и чуть не задевая их штаны. При ближайшем рассмотрении киммериец понял, что злобные рабовладельцы (видимо, отчаявшись захватить пленников силой) швырнули им тряпичный мяч, облитый какой-то хорошо горящей дрянью; треща, огонь быстро побежал по доскам; еще немного — и вся комната должна была превратиться в один большой костер.

Конан толкнул шемита к двери, подхватил с пола его сумку и свой мешок и выскочил следом.

Толпа встретила их во дворе восторженным воем. Сколько там было народу, и имелись ли воины — спутники рассматривать не стали. Не замедляя бега, они проскочили сквозь толпу, сшибая тех, кто загораживал дорогу, и ринулись прочь. Восторженный вой тут же сменился разочарованным воплем; вслед им полетели камни, но настоящей погони, кажется, не было. Тем не менее они, словно сговорившись, неслись вперед, через все Алисто-Мано, провожа-

емые гневными криками, визгами и проклятиями. Кое-где Конан заметил — в подтверждение рассказа Иавы — изможденных людей в цепях, безучастно глядевших на беглецов, и врытые в землю обугленные столбы... Только на миг в глазах киммерийца мелькнула жуткая картина: он сам, привязанный к такому же столбу и превратившийся в пылающий факел. Передернувшись, Конан еще раз обругал себя за то, что не послушал мудрого совета спутника, и, дав себе слово на обратном пути разобраться с ублюдками из Алисто-Мано, увеличил скорость, догоняя шемита, который бежал вразвалку, но очень быстро, выставив перед собой тугое ядро живота.

Без усталости работая ногами спутники вскоре достигли края холма. Кубарем скатившись вниз, они вскочили и снова бросились бежать, хотя за ними никто и не гнался. Но теперь их влекло вперед уже не желание поскорее убраться из этих поганых мест, а чувство потерянного зря времени. «Ландхаагген... — стучало в голове варвара и ветер свистел в ушах, — маттенссаи... с-са-а-и-и... и-и...» И он, испытывая странную смесь отчаяния и радости — радости от стремительного бега, — летел по равнине, и если б мог, долетел бы так до самого моря Запада... И только когда Иава, выдохшись, упал на сухую землю, Конан остановился.

ГЛАВА 9. К морю Запада

За два дня пути приятели подъели все запасы, и теперь питались лишь сладкими кореньями, которые Иава ловко выискивал в земле по каким-то только ему известным признакам. С питьем дела обстояли много лучше: путешественники шли вдоль ручья, так что в чистой воде недостатка не было.

Далеко позади осталось «злое село» Алисто-Мано, а еще дальше — древний лес вампиров. Образ Мангельды почти стерся в памяти варвара, и только ту самую боль в ее глазах помнил он очень хорошо: сердцем ли, кожей ли, но, просыпаясь порой перед первыми лучами огненного ока Митры, он чувствовал, как царапает в груди его тонкими острыми коготками тоска, и тогда он ворочался, вздыхал, и давил могучей дланью своей грудь; девятнадцатилетний ум его не мог пока постичь источника сих страданий, но инстинктивно он находил выход, начиная думать о реальном и необходимом — о дороге к морю Запада, о лодке, на коей поплывут они с Иавой до Желтого острова, о Гринсвельде и вечно зеленой ветви маттенсаи, без которой погибнет далекая страна Ландхаагген...

Под палящим солнцем и без того смуглая кожа путников разве что не обуглилась: Конан теперь был красивого бронзового цвета и напоминал ожившую статую воина у городских ворот Кордавы, а шемит — красного, и напоминал, увы, всего лишь освежеванную бычью тушу. Плешь его, вокруг которой кучерявился черный с проседью венчик из

жестких волос, блестела подобно лесному озеру под светом солнца; крючковатый нос, от природы тоскливо свисавший к верхней губе, каким-то образом умудрялся бодро задираться к небу, а большие, навывкате разноцветные глаза блестели знакомым и почему-то действующим на варвара успокаивающе насмешливым блеском.

К вечеру в этих краях обычно начинал дуть сильный ветер, и он доносил до путников чистый, пленительно свежий запах моря. Но все же до самого моря оставалось еще не менее полутора дней пути. На сухой, выжженной солнцем равнине все чаще появлялись зеленые кусты и островки травы, и чем дальше углублялись путешественники в сей приморский край, тем зеленее и плодороднее становилась земля. Вскоре Иава уже питал приятеля плодами диковинных деревьев и желтыми сочными ягодами, по вкусу напоминавшими морoshку.

Когда далеко впереди показалась сине-зеленая полоса леса, путники прибавили шаг. Птицы, порхавшие высоко в небе, под облаками и меж ними, весело щебетали; полет их, как заметил шемит, неизменно завершался где-то в лесу, так что можно было с уверенностью сказать, что жизнь там, в отличие от владений вампиров, есть — сие весьма ободрило варвара: от кореньев да ягод у него сводило живот, и он вот уже два дня мечтал о куске хорошего мяса. Пообещав Иаве поймать и зажарить кабана либо оленя, киммериец прибавил прыти, и спутник его, как видно, вовсе не страдавший из-за отсутствия мяса, вынужден был бежать следом, в очередной раз проклиная тот день, когда он встретил на пути своего этого парня.

Лес и впрямь оказался чудесным: пышным, не топким, чего вполне можно было ожидать вблизи моря, и довольно густо населенным всяческим зверьем. Пара непуганых енотов встретила путешественников, стоило им только войти в лес. Конан пригнулся было, намереваясь подловить того, что оказался полюбопытнее — подергивая носом, подошел ближе к людям, — но шемит остановил приятеля, пояснив, что здешних енотов есть нельзя: мясо их жесткое и горькое, ибо живут они в мангровых зарослях и ими же

частенько питаются, а мангры тут не только опасны полчищами вечно голодных комаров, но и ядовиты. Конан с сомнением посмотрел на спутника, но, помня прошедшие события, спорить с ним не стал. В конце концов, в этом лесу явно можно встретить и других животных, повкуснее отравленных енотов.

Но и следующего зверька — жирного бурундука — Иава не разрешил варвару убить.

— Потерпи немного, Конан. Здесь есть кабаны, медведи, олени... Если наткнемся на озеро — аллигаторы и панцирные шуки... Ты пробовал когда-нибудь панцирную шуку? О-о-о... Я умею готовить из нее такое блюдо... А бурундуки — хозяева леса! Понимаешь? Половина его посажена их далекими предками и ими самими! Посмотри на его щеки. Он набивает их семенами, которые потом прячет. Но по дороге к своему тайнику часть семян теряет, и они-то произрастают через некоторое время... Понимаешь?

Горячая речь Иавы не убедила киммерийца, тем не менее и на сей раз он согласился еще немного подождать. И в скором времени воистину поразительное терпение его было вознаграждено: огромный и тупой кабан вышел из глубины леса прямо на них и, как до него еноты, начал с удивлением разглядывать посетителей. Злобные от природы глазки его посверкивали в бурой густой шерсти, а пяточок подрагивал, принюхиваясь к незнакомому запаху. Конан, нимало не смутясь гостеприимным поведением кабана, всадил в его загривок меч по самую рукоять; не медля, он развел под вековой сосной костер, подвесил на палке добычу, и начал медленно поворачивать ее над огнем. И все же через некоторое время не выдержал: сорвав недожаренную тушу, он вонзил в нее зубы, обжигаясь и постанывая от боли и удовольствия. Шемит, до этого грустно взиравший на погибшее животное, поступил точно так же, с той только разницей, что впился в мясо с другой стороны.

...Незаметно сгустились сумерки, и разомлевшие от сытной еды путешественники решили готовиться ко сну. Лес зелеными раскидистыми ветвями своими сдерживал

порывы ветра, и потому лишь легкий сквозняк обдувал приятелей с юго-запада.

Лежа под сенью огромного кипариса, Конан вновь вспоминал Мангельду, но сейчас не испытывал той тоски. Сердце его, словно обложенное кусками кабаньего мяса, не воспринимало ничего. Ленивые мысли проплывали в голове, не волнуя и не тревожа, а дрема, постепенно обволакивающая варвара, вскоре растворила и их. С наслаждением Конан проваливался в мягкую теплую тучу сна, в забыты уже слыша тихий, будто издалека, храп шемита.

* * *

— О, Птеор! О луноликая Иштар! — выкрикивал шемит, когда к вечеру следующего дня они подходили к берегу моря. — Порадуйтесь за сына вашего и раба! Ну, и за этого парня тоже... Мы видим море! Великое море Запада! Я уже слышу плеск его волн, я уже дышу им!

Киммериец, отнюдь не разделявший восторгов спутника, тоже был весьма доволен: большая часть пути ими пройдена, и теперь осталось только взять лодку и доплыть до Желтого острова, а там... Но Нергал с ним, с Гринсвелдом... Конан, в глубине души уверенный, что противник ему достался серьезный, задумываться о дальнейшем не желал, полагая, что так или иначе с обезьяной, пусть и демонического происхождения, справится. Несмотря на молодость, опыт в подобных делах у него имелся, и немалый.

— Хо, варвар, погляди-ка!

Возбужденный видом моря Иава указывал толстым волосатым пальцем на полдюжины деревянных домишек, стоящих на невысоком холме довольно далеко от берега.

— Мы вышли как раз туда, куда нужно! Это рыбацкая деревня. Они нам дадут лодку! Они нам поведают, как добраться до Желтого острова!

Фыркнув, Конан пожал плечами, но направил-таки стопы свои вслед за шемитом, что подпрыгивал, гоготал и размахивал руками как мальчишка. Песок под ногами был влажен и приятно охлаждал иссеченные сухой травой и

землей ступни киммерийца, и с каждым таким шагом хорошее настроение, утерянное еще на постоялом дворе в горах Кофа, возвращалось к нему. Неожиданно для самого себя он вдруг подпрыгнул, гикнул, и помчался за шемитом, ощущая радостное возбуждение, смешанное со стыдом: мужчине-воину не подобает скакать подобно козлу. Впрочем, здесь никто из знакомых видеть его не мог, да и никто, кроме шемита, не мог, а его Конан в расчет не брал, считая, что тот и сам скачет не хуже. Тем не менее у холма киммериец остановился, принял степенный вид — ему нужна была лодка, а прыгающим дурням ни один нормальный человек лодку не доверит, — окликнул Иаву и, выразительно постучав кулаком по лбу, начал взбираться наверх.

К рыбацкой деревне они подошли вместе. Она и вправду была невелика. Крепкие, хотя и не слишком привлекательные на вид хижины, низкие, с плоскими крышами, разделялись между собою заборами из досок, обвязанных веревками. Во двориках всюду развешаны были сети, у стен строем стояли гарпуны и остроги различных видов, гроздья нанизанных на нити рыбин свисали с крыш. Женщины с коричневыми лицами разбирали тазы, полные рыбы — как видно, мужья недавно вернулись с лова, и теперь они сортировали добычу. Конан плохо разбирался в рыбацком хозяйстве, но от острого запаха желудок его, не далее как утром освобожденный от остатков кабана, заурчал, запросил ухи и жареной камбалы, начиненной орехами — о кушанье сем слышал он во времена былые в Шадизаре, от Ловкача Ши. Конечно, в крайнем случае его устроила бы и сырая рыба, но сей случай крайним никак не считался. Конан сунул руку в карман, с удовлетворением ощупывая там тяжелые шершавые кружочки, и решительно ступил в ближайший двор.

Но Иава его опередил. Зайдя в соседний двор, он, беспрестанно кланяясь, что-то горячо объяснял древней старухе с длинными седыми патлами, что сидела на ступеньках крыльца и грелась на солнышке. Вид у старухи был весьма мерзкий — Конан издалека чувствовал, как воняет от нее старостью и затхлостью — и шемита она, кажется, вовсе не

слушала. Наконец, так и не открыв глаз, она резко взмахнула костистой рукой и хрипло каркнула:

— Фах!

Иава озадаченно хмыкнул, затем повернулся к приятелю и перевел:

— Убирайтесь отсюда, протухшие крабы клешни!

— Фах! — подтвердила старая карга и сплюнула в сторону Конана.

Одним прыжком варвар перескочил изгородь. Подходя к крыльцу, он отметил, что шемит с несвойственной ему неразборчивостью попал в самый бедный дворик из всех. Сети здесь были рваные, а рыбы мало — всего-то три грозди под крышей.

— Ах ты...

Конан навис над каргой, с отвращением ощутив именно тот запах, какой и предполагал. Он понятия не имел, что делать дальше, ибо прежде ему не приходилось сражаться с дряхлыми стариками, но Иава явно оказался в полной растерянности, и варвар решил принять этот удар на себя.

— Клянусь Кромом, ты дашь нам лодку! Или я отправлю тебя кормить рыб!

Получилось грозно, но не слишком удачно: карга так и не открыла глаз и вообще, похоже, уснула, так как нижняя челюсть ее отвалилась, голова упала набок, и она снова, но уже едва слышно, пробормотала свое «фах!»

— Слушай-ка, киммерийский бык, — несколько смущенно произнес Иава. — Давай попросим лодку у кого-нибудь другого. И рыбы заодно. Нергал занес меня в этот нищий дворик... Им и самим тут жрать нечего...

Пожав плечами, Конан изъявил согласие, в глубине души довольный тем, что не ему пришлось предлагать отступление. Поворачиваясь, чтобы уйти за приятелем, он (от досады ли, из озорства ли) несильно щелкнул старуху по носу и — замер от внезапно разорвавшего тишину дикого пронзительного вопля.

Широко раскрыв рот карга орала подобно туранской праздничной зурне — Конану приходилось слышать эти мерзкие, убивающие покой и всякое желание жить звуки. Круглые

глаза ее, когда-то блекло-голубые, а сейчас и вовсе почти бесцветные, в ужасе смотрели на могучую фигуру варвара; поднятые вверх тощие костистые руки тряслись крупной дрожью; но самое отвратительное заключалось в том, что старуха, по всей видимости, и не думала когда-нибудь заткнуться. Голоса у нее хватало, и воздуха в легких тоже.

Шемит, оглушенный и обозленный донельзя, ринулся к вопящей карге, наклонился над ней и рывкнул что было силы:

— Фах!

В то же мгновение она закрыла рот, уставившись совиными глазами на Иаву; взгляд ее стал тускнеть, руки плечами повисли вдоль тощего тела. Когда шемит разогнулся, старуха уже мирно спала, отвесив челюсть и басовито похрапывая.

В изумлении и раздражении Конан наблюдал эту сцену: суровая, чисто киммерийская натура его не выносила лицедейства. Ничего не поняв в увиденном, он решил, что старая карга просто-напросто обдурила его и его спутника, и, заподозрив, что вся деревня состоит из таких же ублюдков, надумал отомстить им похищением самой лучшей лодки. Благое намерение приобрести ее за живые золотые пропало без следа; свистнув Иаве, злобно взиравшему на спящую старуху, варвар направился вниз, к берегу, где у небольшой пристаньки цепями были привязаны дюжины две неплохих суденышек. Насмешливые взгляды соседей карги действовали на Конана подобно хлысту для лошади: он пошел быстрее, спиной ощущая и спиной же отталкивая от себя эти взгляды.

— Конан, подожди, — шемит догнал его уже на берегу. — Ты сам виноват. Не надо было щелкать ее по носу. Она решила, что ты Санабо — их морское божество.

— А кто ей сказал, что я Санабо? — фыркнул Конан, не сбавляя шага.

— Я же говорю — ты щелкнул ее! Она здешняя колдунья, и ни один человек не осмелился бы поступить с ней так. Ты поступил. Значит, ты ее не боишься. Значит, ты Санабо.

— А может, я Адонис. Или Нергал. Они тоже вряд ли ее боятся,— резонно заметил Конан, но гнев его все же пропал, испарился в свежем морском воздухе.

Синяя, как глаза киммерийца, гладь расстилалась перед спутниками. Только у берега вяло плескались волны; вдали море было ровным, и косые лучи заходящего солнца подпускали в его синеву свои красные блики. Там, где в полосе горизонта море сливалось с небом, мелькали черные точки — птицы, населяющие ближние, но отсюда невидимые острова. Эти проводники — Конан не раз слышал легенды о них — могут указать потерпевшему крушение путь к берегу, надо только не выпускать их из виду, и тогда рано или поздно, но доплывешь до твердой земли.

Стоя перед величественно спокойным морем, спутники на время забыли о цели своего путешествия. Иава наслаждался этим прекрасным созданием природы, а Конан опять вспоминал маленькую девочку, которая должна была стоять здесь вместо него, смотреть в синюю даль и вдыхать свежий солоноватый морской воздух. Он не стал думать о том, что ей никогда уже не вдохнуть не только такого, но и самого обыкновенного воздуха — к чему скорбеть? Разве не все когда-нибудь придут на Серые Равнины? Да и не для того погибла Мангельда, чтобы он прохладился тут на берегу, вдали от Желтого острова и Гориллы Грина.

Вздвогнувшись внезапно от какого-то непонятного мимолетного ощущения, Конан обернулся на Иаву. Тот застыл подобно изваянию, но смотрел он совсем не на прекрасную морскую гладь. Медленно со стороны деревни к ним шла женщина. Босые ноги ее утопали в песке, длинные, почти до пояса черные волосы волнами лежали на белоснежной тунике. Высокая тонкая фигура ее на фоне зеленого холма казалась ненастоящей, пришедшей из странных снов. Конан, кроме Мангельды не встречавший женщин по крайней мере две луны, улыбнулся ей как умел — то есть скривил обычно твердо сжатые губы,— сделал шаг навстречу, но сильная рука шемита вдруг крепко ухватила его за запястье.

— Погоди... Погоди, Конан,— тихо произнес Иава, не спуская глаз с незнакомки.

Она подошла ближе и остановилась в двадцати шагах от них. Она тоже не спускала глаз — с Иавы. Так они смотрели друг на друга, не двигаясь и не произнося ни слова, пока варвару это не надоело наконец. В сердцах он сплюнул в песок, рывкнул:

— Ну, хватит! Клянусь Кромом, у меня нет времени выстаивать тут... А ты, шемит...

Недоговорив, Конан махнул рукой и направился к лодкам.

— Халана...— прошептал Иава, пробуя улыбнуться.— Это я.

* * *

Уже минула ночь, прошло утро, и солнце — всевидящее око светлого бога — уже поднималось в зенит, а престарелые влюбленные (как про себя обозначил их варвар) все сидели на перевернутой лодке, держась за руки, и смотрели друг на друга. Ладно бы разговаривали, так ведь просто сидят и молчат! Молодой киммериец был не на шутку раздосадован подобным поведением. Особенно возмущал его шемит, кажется, совершенно забывший о существовании спутника, который нынешней ночью никого не держал за руку, а мерз под лодкой, лишь изредка забываясь сном. Да и что толку в нежных взглядах? Или Иава до сих пор не знает, что нужно женщине? Конан презрительно хмыкнул. Сам он в таких случаях никогда не терял времени, и — самодовольная усмешка пробежала по его губам — пока никто не жаловался! Даже строптивница Карела!

При воспоминании о Кареле Конан невольно вздохнул. Нергал ее знает, эту странную девчонку... То ласкова, то резка словно степной ветер... А впрочем, все женщины таковы... Только в одних больше одного, а в других — другого... Сидя в песке, задумчиво зализывая на запястьях раны от цепей, киммериец вспоминал тех, кого приходилось ему встречать прежде на пути своем. Среди них были,

конечно, алчные и хитрые, но больше все-таки смелых, честных, самоотверженных, готовых любить без слез, без просьб, без жалоб... Он был благодарен им — как, наверное, и они ему...

Варвар зевнул. Ему захотелось вдруг покончить поскорее с делом Мангельды, с кочевой жизнью, хоть на время перестать ломать голову над тем, где достать еды и воды... Конечно, путь к богатству и славе не близок, но это и все, что известно про него людям. Ступил ли уже Конан на сей путь? Да, ступил, он не сомневался. И дальше пойдет по нему же, никуда не сворачивая, что означает лишь одно — жить как жил всегда: брать на себя много и стараться взять еще больше, желать не долю, но всё целиком... А пока... А пока хорошо бы наняться в армию, жить себе поживать в казарме, а после службы гулять в кабаках да обнимать красавиц...

Воображение варвара услужливо нарисовало юную пышнотелую Минию, дочь шадизарского стражника. Она подарила Конану несколько жарких ночей, она укрыла его однажды от погони, она даже хотела уйти из города вместе с ним — никак не могла понять, что в дороге мужчина должен быть один... Ну, разве что попадется случайная попутчица...

Округлые формы Минии не выходили из головы. Взор киммерийца затуманился: неплохо было бы, если б она оказалась сейчас тут. Он показал бы тогда шемиту, чем надо заниматься с женщинами! А то сидит, молчит... За руки держит!

Сплюнув, Конан решительно подошел к лодкам, выбрал самую, на его взгляд, крепкую, и стал отвязывать цепь. Нергал с ним, с шемитом! Он поплывет к Желтому острову один! В конце концов, и Гринсвельд, и вечно зеленая ветвь маттенсаи его, Конана, личная забота. Видит Кром, киммериец никогда не отказывался намотать на меч кишки грязного демона...

— Конан!

Варвар не обернулся. Почему-то ему очень не хотелось встречаться глазами с красавицей Халаной.

А Иава уже подходил к нему, мягко, еле слышно ступая по песку — грузное тело его на миг заслонило варвару солнце, — и так же мягко взял цепь из его рук со словами: «Не надо, Конан. Халана даст нам свою лодку...»

— Нам? — Киммериец резко поднялся, с удивлением глядя на шемита. — Я думал, ты остаешься...

— Я вернусь. Потом.

Он обернулся на женщину, и она с улыбкой кивнула ему.

— А я буду ждать тебя.

Это были первые слова, которые Конан услышал от Халаны.

ГЛАВА 10. Желтый остров

Давно уже тонкая полоса берега растворилась в синеголубой дали, а впереди все еще простиралась бескрайняя гладь, и казалось, никогда не мелькнут на горизонте долгожданные очертания Желтого острова. Весла мерно разрезали темные воды, тихим плеском не тревожа тишину; так крики морских птиц испокон веков неразделимы с этой тишиной, столь прекрасной в штиль, и столь жуткой перед штормом.

Молча спутники налегали на весла, опуская их в воду сильно и плавно. Каждый в эти мгновения, слитые в один отрезок времени для обоих, думал о своем, стараясь не слишком углубляться в волнующие душу воспоминания. Здесь, на огромном водном пространстве, они были одни, и никому больше — ни друзьям, ни врагам — не было места в длинной узконосой лодке, быстро летящей по зеркальной глади к Желтому острову. Все образы остались на берегу; все чувства остались на берегу; в подобные путешествия обычно берут лишь знания, волю и силу — это отлично знали оба мореплавателя, и с этим были совершенно согласны.

...К вечеру, когда порыжевшее солнце уже обмакнуло свой край в море, Конан узрел вдалеке темное пятнышко, то исчезающее в мерцании красных лучей, то проявлявшееся снова. Спутники переглянулись, но и только: весла их все так же мерно опускались в воду, сердца бились ровно, а ход мыслей не поколебался и на миг.

— Конан, — наконец прервал долгое молчание Иава. — Наверное, я должен сказать тебе...

— Ну? — Голос варвара не дрогнул, но в душе его вдруг стало пусто и темно — лишь на вздох. Кто сидит с ним в одной лодке? Не следовало ли задаться сим вопросом раньше?

— Я все знал. С самого начала знал. И про антархов, и про Мангельду, и про Гринсвельда...

Конан молчал.

— Знаешь, куда я ушел из Шема двадцать лет назад? В Ландхаагген. Мне говорил об этой стране отец, он тоже был там когда-то. С детства я слышал его рассказы о Мольдзенах, о ледяных пустынях, о вечной ночи... Легенда... Красивая, хотя и печальная легенда — так казалось мне тогда. Как я мечтал попасть туда, своими глазами увидеть то, что так часто видел во сне — глыбы льда, Белый дворец, деревню антархов... Мертвая страна, которая когда-то обязательно обретет свой первоначальный вид...

Я прожил там семь лун. В доме старейшины меня научили многому из того, что потом не раз помогало мне в жизни. Я полюбил этих людей. Так же страстно, как и они, я желал рождения близнецов... И мне не терпелось начать сманданг и разморозить наконец это ледяное царство! Так же страстно молил я Асвельна о помощи и оберегал маттенсаи... Им и в голову никогда не приходило прятать ее... А ведь Горилла еще тогда крутился поблизости! Почему он не стащил ее раньше? Я думаю, он тоже ждал рождения близнецов. Чтобы потом, когда спасение будет совсем близко, отнять его у них. Так что украл он не маттенсаи — надежду.

— Потому ты и пошел со мной? — прервал спутника Конан, у которого отлегло от сердца после рассказа Иавы.

— Ты появился в горах Кофа весьма неожиданно, парень, — засмеялся шемит. — С Мангельдой должен был идти я. Так хотел Асвельн. Но не успел я поведать девочке всю историю, как ты уволок ее в свою каморку! Я не знал, что делать!

— Спросил бы у Асвельна, — хмыкнул киммериец.

— С тех пор я больше не видел его. Ну, если не считать древнего леса... Но сдается мне, он не возражал против твоего участия в этом деле. Иначе ни за что Мангельда не рассказала бы тебе все, будь уверен, варвар.

— Ты думаешь, Асвельн выбирал между мной и тобой?

— И выбрал тебя, — кивнул Иава. — Знаешь, Конан... Многие — поверь мне, многие — обладают железной волей и первобытной силой. Но в тебе та же воля и та же сила образуют гармонию. Понимаешь?

— Нет, — качнул головой киммериец. — Но я и не хочу понимать. Клянусь Кромом, Иава, мне нет дела до того, как я устроен. Я живу и я действую — это все, что нужно.

— Я только хотел сказать, что другого такого нет, — сказал шемит, пожимая плечами. — Хотя, может, ты и прав. Может, тебе и не надо этого знать.

— Желтый остров... — Конан приподнялся, разглядывая возникшую перед ними скалу буро-желтого камня. — К сумеркам доплывем.

— Пораньше, — отозвался Иава, и впервые за все плавание с силой налег на весла.

* * *

Только издалека Желтый остров казался неприступным. Мрачные желтые утесы-великаны высились чуть дальше от берега, а сам берег являл собой узкую, не больше пяти шагов, каменистую полосу.

Затащив лодку в грот, обнаруженный после недолгих поисков, путешественники двинулись вглубь острова. Трудность сего похода заключалась в расположении скал и валунов: они почти примыкали друг к другу, и людям приходилось не идти, но протискиваться меж ними, иной раз ценой огромных усилий высвобождая застрявшую ногу либо шемитов живот.

Спустя некоторое время киммериец, охваченный с первых же шагов на острове странным тягостным чувством, понял, отчего так давит грудь тоска — здесь не было жизни. Никакой растительности кроме жалких клочков моха да сухих прутьев, бывших некогда кустами; ни зверей, ни

птиц — только белые чайки с паническими криками порой пронеслись над ними, но не кружили, а исчезали где-то за вершинами скал. Самым живым оказался прозрачный ручей веселого синего цвета, бурлящий и брызжащий пеной; от него так и веяло прохладой, и спутники, встав на колени, долго пили его чистую пресную воду, на миг лишь отрываясь и тут же снова припадая губами к спасительной ледяной струе.

Желтая башня возникла перед ними неожиданно. Впрочем, так и бывает обычно, и Конан, лишь на полвздоха ощутив укол в сердце, упорно полез через два почти сросшихся в объятья валуна.

— Конан, погоди, — тяжело дыша, Иава уселся на плоский, черный с желтизной длинный камень, простер ободранные руки к варвару. — Нельзя идти туда сразу. Много ли ел у нас после целого дня пути?

— Я пойду, — упрямо бросил киммериец, пробуя босыми пальцами ноги следующий валун.

— Ты хочешь стать хорошей закуской для этой обезьяны? — в отчаянии выкрикнул шемит. — Стой, говорю тебе, ослиная шкура!

Конан молча перепрыгнул на другую сторону валуна.

— Там нет входа, понял? — буркнул Иава и отвернулся.

Он рассчитал правильно. Киммериец замер, животом и щекой прижимаясь к нагретой солнечными лучами поверхности камня. Желтая башня была так близко... Интересно, а знала ли Мангельда все эти хитрости?

Конан прикрыл веки, но и теперь, почти у цели, тонкие черты ее лица не проявились четко — сквозь клубы тумана проглядывали чьи-то знакомые глаза, и только. Он даже не смог бы с уверенностью сказать, что это глаза Мангельды, ибо сейчас ни боли, ни тоски не воспринимало его уставшее сердце. Пожалуй, до сих пор он и не чувствовал, как много на себя взял. Все эти дни чужая клятва точила его душу, и лишь здесь, на Желтом острове, он имел возможность снять наконец груз, освободиться, зажечь своей, только ему принадлежащей жизнью...

— А где вход, Иава? — внезапно спросил Конан, все еще не отрываясь от камня.

— Здесь, недалеко, — неохотно ответил тот. — Ты хочешь пойти ночью?

— Если бы я был Митрой, я б сделал день! — в раздражении рыкнул варвар. — Ты можешь остаться, шемит, и подождать утра. Где вход, показывай!

С глубоким вздохом приподнял Иава свое грузное тело с уютного сиденья. Сил у него не было даже на то, чтобы осыпать подобающими проклятиями упрямого киммерийского верблюда — и он, как Конан, только здесь почувствовал всю тяжесть своей усталости; и он только здесь понял, как много на себя взял. Какая-то очень важная мысль мелькнула — и тут же пропала. Шемит остановился на пару мгновений, прислушался к своим ощущениям. Так он делал всегда, когда хвост нужной, может быть, даже жизненно необходимой мысли ускользал от него. Иногда способ сей помогал, иногда — нет. Сейчас ему повезло: мысль вернулась, и заключалась она в том, что от антархов кроме клятвы вернуть маттенсаи в Ландхаагген они с Конаном получили еще и такую малоприятную штуку, как чужое состояние души. Тонкая нить, связывающая антархов с богами и Асвельном, попала в руки двух самых обыкновенных людей — еще бы силы не покинули его, Иаву, здесь! Сквозь собственную простую оболочку шемит почти не ощущал той боли и той тоски, что с таким трудом выносила Мангельда. И тем не менее чувства сии все время были с ним — и с Конаном — и, разумеется, незаметно отняли большую часть сил...

Иава разочарованно хмыкнул. Мысль была, несомненно, интересная. Но — и тоже несомненно — абсолютно бесполезная. Что он сделает с ней? Превратит в копье и метнет в Гориллу? Или съест на завтрак? Тьфу! Шемит повернулся к варвару и буркнул:

— Здесь!

Перед ними гордо возвышалась ничем не примечательная скала. В сумерках она казалась особенно мрачной и зловещей — только и всего. Ни двери, ни, тем более, ворот не было и в помине. Конан с сомнением оглядел ее отвес-

ную шершавую стену, ткнул ее кулаком, потом плюнул, и, не дождавшись никакого результата, сказал:

— Заходи первый.

Кряхтя, Иава опустил на колени, пошарил рукой в земле у основания скалы. Нащупав железный крюк он даже несколько удивился, ибо все же не предполагал, что Асвельн так точно укажет ему место входа в Желтую башню. Что было силы шемит потянул на себя крюк, но тот не поддался и на волос.

— А ну, подвинься, — Конан рухнул на колени рядом с приятелем и обеими руками вцепился в железку.

Со скрипом поехала в сторону засыпанная твердой землей плита, на которой они сидели. Едва успев отскочить, спутники невозмутимо наблюдали, как открывается перед ними черная широкая дыра, особенно жутко выглядевшая в только что наступившей ночи.

Не раздумывая, Конан швырнул в дыру свой мешок и следом прыгнул сам — сил на благоразумие у него уже не хватало. Слава Митре, глубина была едва ли в два его роста, так что он благополучно приземлился, и тихо свистнул Иаве, призывая его последовать за ним.

Шемит оказался менее удачлив: при падении он вывихнул ногу, и теперь на все лады проклинал варвара, не имевшего терпения подождать до наступления утра. Как ни странно, сил у него вдруг поприбавилось. Довольно легко поднявшись, он послушно сунул Конану больную ногу, с исключительным мужеством стерпел короткую боль, и, чуть прихрамывая, двинулся за приятелем по огромному, освещенному тучами светлячков коридору.

— Откуда ты знаешь про этот вход? — поинтересовался варвар, бодро шагая босыми ногами по сырому, сплошь усыпанному мелкой галькой полу.

— О, Конан... — пробормотал шемит, ковыляя сзади. — Порой ты несказанно удивляешь меня...

— От Асвельна? Кром! Я так и понял. Но почему он ни разу не приснился мне? Ты же сам сказал, что он выбрал меня! Ну, что молчишь, шемитская рожа? Или тебя опять кто-то укусил? Как тогда, в норе под горой?

Иава смущенно фыркнул, но не выдержал, расхохотался.
— Что смешного я сказал тебе, разноглазый? — прорычал Конан, останавливаясь.

— Не сердись, киммерийский бык, — давясь от смеха, еле вымолвил шемит. — Но меня тогда никто не кусал.

— А что же ты тогда валялся без чувств, словно старая девственница, впервые попавшая в объятия мужчины?

— Ну... Как тебе сказать... Понимаешь, я терпеть не могу разных ползучих тварей... И особенно... Особенно мокрых... А та была именно мокрая, Конан. Ну, и я...

Выпучив глаза, киммериец несколько мгновений с изумлением взирал на приятеля.

— Так ты... Кром, как это называется... Упал в обморок?

— Угу, — Иава снова хихикнул, но лицо его помрачнело.

Конан открыл рот и, трясаясь в беззвучном хохоте, начал сползать по стене вниз.

* * *

Гринсвельд стоял на четвереньках перед окном, где снова трепетало в солнечных лучах зеркальное отображение варвара. Если бы только он обладал способностью убивать взглядом на расстоянии, мальчишка и его спутник сейчас бы уже бродили по Серым Равнинам бесплотными, ни на что не годными тенями.

Горилла Грин обожал свою игру; он жил ею так, как люди живут мечтой либо надеждой. Он просчитывал каждый ход, испытывая при этом невыразимое и ни с чем не сравнимое наслаждение, и как сладко было потом наслаждаться очередной победой! Да и что может быть лучше игры, где правила диктует только один участник, нарушая их тогда, когда ему того захочется? И вот сейчас его жизнь — именно жизнь! — разрушена двумя недоносками, кои осмелились сами придумывать правила в чужой игре...

Звериная сущность, ценою невероятных усилий запиханная гориллой в самую глубь, снова начала проявляться, и справиться с ней он уже не мог. Дикая от природы

необузданная сила и страсть разрывали его с прошлого вечера, когда он, уверенный в том, что враги его уже изжарены и съедены ублюдками из Алисто-Мано, опять увидел их — живых и совершенно невредимых — у берега моря. Только Густмарх знал, как бесновался Горилла Грин, как прыгал из угла в угол по залу, как катался по полу, издавая хриплые гортанные звуки, издавна присущие его обезьяньему племени. Так продолжалось всю ночь и все утро.

Совершенно изможденный, днем он не стал ставить зеркало, интуитивно боясь вновь увидеть варвара и вновь перенести столь утомительный припадок бешенства. Но к вечеру не выдержал. В конце концов, должен же он быть готов к встрече гостей!

То, что отразилось в оконном стекле, едва не заставило его расстаться с жизнью самостоятельно, со всей силы треснувшись лбом об стену: враги его правили к Желтому острову, не остановленные ни морским чудовищем, ни штормом, ни дырой в днище лодки. Все, о чем так молил он Густмарха, осталось нереализованным. И те великолепные картины гибели двух искателей приключений, что беспрестанно рисовало его воображение, превратились в прах, в дым! Гу — идиот с ослиной башкой — даже не подумал исполнить нижайшие просьбы своего раба. Раба? Ну уж нет. Теперь — нет.

Гринсвельд подскочил, обливаясь слюной, которая потоком извергалась из его оскаленного рта, и прыжками ринулся вниз.

* * *

— Тупик, — объявил Конан, остановившись перед сплошной стеной, завершающей подземный ход.

Иава подошел, с сомнением оглядел плиту, сплошь усыпанную вонючими рыхлыми лепешками непонятного происхождения. Если бы они лежали на полу, шемит без труда установил бы, откуда они взялись, но на отвесной стене...

Конан треснул по ней рукоятью меча, и тут же лепешки с чавканьем попадали вниз, осыпалась труха, обнажая трещины в древнем камне; вдвоем они ощупали каждую

выпуклость, каждую впадинку на плите, но ничего такого, что могло бы открыть им вход в башню, не нашли. Тогда варвар попытался сдвинуть эту стену руками. Наклонившись, он засунул пальцы под самое ее основание, напрягся — вены на шее и лбу его вздулись так, что шемит начал опасаться за здоровье приятеля — и...

— Помоги... — прохрипел Конан, обливаясь потом.

Иава подскочил, ухватился за плиту с другой стороны. С удивлением почувствовал он, что камень дрогнул, поддаваясь. Застонав в унисон, спутники сделали рывок, еще один, еще... Стена, приподнятая от земли на целый локоть, пошатнулась в их руках, и вдруг повалилась, увлекая за собой не удержавшегося на ногах Иаву. Он рухнул на нее сверху и так застыл, чувствуя, что встать пока не в силах.

— А тут еще одна, — с ужасом услышал он неуверенный голос киммерийца.

— Где?

Шемит поднял голову. Перед ними, прежде закрытая плитой, преспокойно высилась самая настоящая дверь с круглой золотой ручкой. Сверху донизу ее покрывала тонкая ажурная решетка из золотой и серебряной проволоки, а посередине словно глаз демона сверкал большой рубин, который Конан, нимало не смутившись, тут же и выломал. Сверхив сие злодеяние он дернул ручку — дверь с легким скрипом отворилась — и вошел внутрь.

ГЛАВА 11. Бой в Желтой башне

Сокрушив статую своего бога, Гринсвельд, тяжело дыша, стоял над обломками и со странным спокойствием ощущал сосущую пустоту в душе. Вот и все. Нет Густмарха. А это значит, нет и его, Гориллы Грина. Гу был его талисманом, его землей и солнцем, его жизнью. Ему ведал он все мысли, чувства, мечты; с ним бежал из Ландха-агтена, в снежном вихре страшась потерять не столько украденную маттенсаи, сколько своего Гу; его одного любил.

Здесь, в Желтой башне, Гринсвельд нашел статую древнего божества, вряд ли в настоящие времена кому-либо известного, и нарек Густмархом ее, ибо до того тот не имел внешнего выражения и жил лишь в его, Гориллы, сердце — выдуманный когда-то очень давно, в доме рыбачки Фьонды, под страшные завывания пурги. Тогда же и слился он с сущностью самого Гринсвельда, обогатив его несказанно: теперь две души поселилось в черном нутре обезьяны, и если одна чего-то очень хотела — вторая поощряла ее свершить задуманное. Таким образом Горилла получил и друга, и советчика, и помощника. Со временем он привык сваливать на Густмарха все неудачи, но не забывал и восхвалять его при своих победах, так что уживались они вдвоем замечательно.

Гринсвельд и не подозревал, что мудрецы, днями и ночами сидящие над умными книгами, без труда определили бы это состояние как раздвоение внутреннего облика. Он и знать не хотел, что Гу не было, нет и никогда не будет. Он

жил с ним, и с ним он уйдет на Серые Равнины — последнее пристанище всех тех, кто живет на земле.

...Опустив тяжелую башку, Горилла пробовал соединить осколки любимого бога. Он забыл на время о скором появлении здесь, в его владениях, мальчишки варвара и бродяги-шемита. Остыв после припадка безумия, он был пуст и слома́н так же, как его несчастный Густмарх, чьи бесполезные и жалкие останки валялись сейчас у его ног. Как странно кончилось время, отпущенное им двоим небесами... Сам, своей волей и своей силой Горилла Грин оборвал нить собственной жизни... Разве мог он даже представить себе такое когда-то? Да что когда-то! Только сегодня утром!

В волосатой лапе его вдруг злобно сверкнул и тут же погас каменный зрачок... Гринсвельд затаил дыхание, надеясь еще раз увидеть этот блеск, но более ничего не произошло. Тогда он сел на пол, прижал к обвислым щекам глаз Гу, и отчаянно, дико завыл, подняв голову к завешенному паутиной потолку.

* * *

По винтовой лестнице спутники поднялись из подвала башни на первый этаж. Роскошная мраморная лестница, возле которой лежала груда каких-то осколков, шириной была почти во весь зал. У стен рядами стояли на подставках бронзовые светильники, все разного размера и формы: по всей видимости, Горилла натаскал их отовсюду, не особенно заботясь о красоте и симметрии. Чудесные мягкие ковры работы туранских мастеров устилали пол, но и они не сочетались между собою ни цветом, ни рисунком.

Пока Иава с благоговением рассматривал и зарисовывал в маленькую книжечку узоры витражей на единственном здесь окне, Конан внимательно осмотрел первый этаж, но не обнаружил никаких признаков маттенсай. Не было здесь и следов хозяина, кроме, разве что, обломков статуи, невесть кого изображавшей при жизни. То, что разбил ее Гринсвельд, сомнений у варвара не возникало, ибо в Желтой башне жил он один: так сказал шемит, а тому так сказал Асвельн. На всякий случай Конан еще раз порыс-

кал по залу, производя при этом шума не больше, чем кошка, и двинулся напрямик к лестнице, жестами объяснив Иаве свои намерения.

Нервы молодого киммерийца были натянуты до предела и чуть не звенели в вязкой тишине башни. Шемит, напротив, был спокоен и внешне и внутренне. Словно верного друга за спиной ощущал он все прожитые годы, весь опыт, накопленный им кропотливо за время странствий; он не рассказал Конану и самой малой части того, что случилось когда-то пережить, что посчастливилось когда-то узнать. Мечтая на склоне жизни вернуться в покинутый давно Шем, он так तो ропился жить, что успел очень многое — иные знаменитые мудрецы, сидящие в богатых дворцах в качестве советников, не знали столько, сколько простой бродяга, за двадцать лет исходивший чуть не все дороги на свете. Впрочем, Иава был вполне благородного происхождения и не менее благородного образования, но теперь это уже не имело никакого значения, ибо время стирает все, а образ жизни строит новое, так что сейчас Иава был только тем, кем был сейчас.

Поднимаясь по мраморной лестнице, он улыбался в спину мальчику, к которому привязался всей душой, и не сразу заметил то, что заметил Конан: огромную, покрытую черной шерстью обезьянью лапу со сморщенными пальцами и кривыми желтыми ногтями.

Горилла сидел в своем любимом кресле и ждал гостей. Он не прятался, но и демонстрировать себя не собирался. Кресло стояло почти против входа в зал; он не стал двигать его; он просто уселся поудобнее, прикрыл глаза, кожей чуя приближение варвара и его спутника. В душе его было по-прежнему пусто, но на Серые Равнины он уже не желал. Если это случится — пусть, но сначала туда должен отправиться этот киммерийский пес... Гринсвельд приподнял веки, хмуро посмотрел на входящих. На лице мальчишки он с удовлетворением заметил некоторую растерянность, зато шемит, против ожидания, ответил ему таким же твердым и угрюмым взглядом, и Горилла кивнул ему как старому знакомому, благодаря за этот взгляд. А в общем, он и есть его старый знакомый. Не он ли болтался в Ландхааггене

лет так двадцать назад? И что он там делал? Ухмыльнувшись, Гринсвельд почесал под халатом могучую, хотя и поросшую жиром грудь и встал.

* * *

В первое мгновение Конан растерялся. Он ожидал увидеть обезьяну, он ожидал увидеть человека, демона, монстра — кого угодно! Горилла Грин обликом своим не подходил ни под одно из этих определений. Огромный, ростом чуть не на три головы выше варвара, с широкими мощными плечами, он словно являлся олицетворением силы. Квадратная здоровенная башка крепко сидела в плечах без участия шеи, которой просто не было. Низкий волосатый лоб в глубоких продольных морщинах с боков завершался шишками; нос — обыкновенный человеческий нос, чуть свернутый набок; под ним длинные толстые губы, обросшие не то бородой, не то той же шерстью, что и все остальное; скошенный, словно срезанный клинком подбородок упирается прямо в грудь, обрамленный вислыми щеками; близко посаженные глаза тускло поблескивают, и в них можно разглядеть...

Конан содрогнулся. Прежде он не видал ничего подобного. Окинув Гринсвельда одним быстрым взглядом, он словно споткнулся о его глаза, в которых было намешано столько всего, сколько вынести обычному человеку не представлялось возможным. Но Горилла и не был обычным человеком. Демон? Обезьяна? Монстр? Киммериец понял лишь одно: Гринсвельд был страшен. Безумием ли, кое явно тайлось в черной глубине зрачков, силой ли, злобой ли — сейчас не стоило об этом размышлять. Но за девятнадцать лет своей жизни Конан не встречал еще подобного противника, а встретив, сделал шаг ему навстречу, выставил перед собою меч и ухмыльнулся.

Может быть, варвар и не сделал бы первого шага, памятуя о том, что воин должен уметь не только сражаться, но и вовремя дезертировать, прихватив добычу (в данном случае — маттенсан), но, пораженный выражением глаз Гринсвельда, он снова оглядел его, вдруг заметив то, что сначала ускользнуло от внимания: шерсть, покрывавшая его всего,

была аккуратно расчесана — как раз это обстоятельство, рассмешив, и вывело Конана из оцепенения.

Не прошло и трех вдохов с того момента, как спутники вошли в зал и увидели Гориллу, а киммериец уже наступал на него, двигаясь слегка вразвалку, расставив руки. В правой руке его был зажат меч, и на лезвии весело посверкивали огоньки от света таких же как на первом этаже бронзовых светильников.

Не принимая пока боя, Гринсвельд легко увернулся от стремительного выпада Конана, спокойно, не оглядываясь, прошел к стене и снял висящий на пестром ковре длинный двуручный меч.

— Конан! — резко крикнул шемит, с одним кинжалом кидаясь к Горилле.

Но было уже поздно. Неожиданный даже для такого бывалого воина, как Конан, бросок Гринсвельда и последовавший за ним удар, казалось, закончили еще не начавшуюся битву. Острие клинка вошло варвару глубоко в плечо; кровь хлынула потоком, струясь по мощной груди, стекая на прекрасный мозаичный пол.

В глазах Конана помутилось в одно мгновенье. Он качнулся, пытаясь зажать рану ладонью, медленно опустился на колени. Сквозь мутную завесу увидел он, как не спеша подошел к нему Горилла Грин, помедлил, разглядывая, потом хмыкнул и снова поднял меч. Пересохшие губы варвара прошептали проклятье; он заставил себя привстать и посмотреть в черные зрачки обезьяны так насмешливо, как только умел. Меч сверкнул в воздухе и с силой опустился.

* * *

Гринсвельд с недоумением смотрел на труп шемита, лежащий между ним и варваром. Он никогда не мог этого понять: сунуться под смертоносный клинок, занесенный над другим! Смешно.

Горилле и вправду стало вдруг так смешно, что он закинул башку и расхохотался. Все блики от светильников затрепетали в его глазах; обвислые щеки тряслись в такт раскатам смеха. Внезапно он замолк, откинул полу халата

и провел пальцами по бедру. Кровь... Черная, вонючая, истинно обезьянья кровь — с отвращением подумал он и шнул тело шемита. Это он умудрился-таки задеть его своим кинжалом... Но рана неглубокая, да и не так-то просто проколоть шкуру демона.

Гринсвельд вытер кровь халатом, снова посмотрел на варвара. Тот лежал как будто недвижимо, но Горилле показалось, что ресницы его чуть дрогнули. Ухватив шемита за ворот куртки, он оттащил его подальше, чтобы тот не мешался под ногами, затем вернулся к Конану. Жаль, Густмарх не увидит, как он сейчас разделает человека...

Черные длинные волосы варвара разметались по красному полу; кровь его, смешанная с кровью шемита, красной лужицей поблескивала на мозаике, и Гринсвельд позавидовал людям: их свежая кровь не смердела так, как его. Злобно плюнув в эту лужицу, он взял меч обеими руками, примерился и сделал резкий замах.

Ящерицей скользнул варвар меж его широко расставленных ног. Когда Горилла обернулся, парень уже стоял с поднятым мечом, и в глазах его сверкала ненависть и боль.

Они ударили одновременно. Звон пронесся по залу, эхом отдаваясь под высоким потолком. На сей раз противники действительно сошлись в бою, и Гринсвельду было уже не до смеха. Ярость Конана не пугала его, но лишь подогревала. Он и сам ненавидел не менее сильно, а потеряв Густмарха, забыл об осторожности, так что дикая сила его обрушилась на варвара словно лавина; он наступал, твердо зная, что если и суждено ему погибнуть, то только после мальчишки. Ловко орудуя клинками, враги не носились по всему залу, но почти не двигались с места. Оба были искусными бойцами; оба знали технику ведения боя. Но Конан, рана которого все же давала о себе знать, постепенно терял силы. Наверное, только ярость еще удерживала его на ногах. Он слишком хорошо помнил Мангельду, ее рассказ о Ландхааггене; краем глаза он уже заметил маттенсаи — Горилла даже не подумал спрятать ее, видимо, уверенный в своей победе. И маттенсаи не должна остаться в Желтой

башне, иначе... Как там говорила Мангельда? «Я — последняя. Если не я — то кто?»

В отчаянии Конан метнулся к Гринсвельду, нарушив спокойное течение битвы, и неожиданно для него самого клинок достиг цели: почти половина его с хрустом вошла в волосатую грудь Гориллы, сломав ребро. Хлынула черная кровь, в одно мгновение замочив халат.

Взревев, Гринсвельд кинулся на врага, но, ослепленный яростью, упустил из виду маневр киммерийца и промахнулся, пролетел мимо. Он упал рядом с разрубленным до самого пояса телом шемита, и это решило исход боя. Разъяренный варвар одним прыжком нагнал обезьяну, без размаха вогнал клинок под горб, выдернул...

Словно простуженный хрип вырывался из глотки Гориллы. Он ждал нового удара, и ждал с прежней ухмылкой. Когда варвар еще раз поднял меч, он быстро перевернулся на спину и... С наслаждением увидел он изумленные, растерянные глаза врага, с наслаждением услышал его вопль ужаса.

Конан, в какую-то долю мига успевший остановить летящий вниз клинок, отшатнулся; все, что так твердо знало его сердце, разбилось в этот момент. Дрожа, он отступил назад шаг, еще шаг... Не в силах отвести глаз от крошечного детского тельца, сжавшегося у стены, он пытался к маттенсаи, желая теперь только одного: взять ее и уйти. Он понимал, что плачущий ребенок, весь обгаренный своей и чужой кровью — та самая обезьяна, которая убила его друга, но ничего сделать не мог. Суровая, закаленная в боях душа варвара никогда еще не проходила через такое испытание. Да, прежде он умел быть безжалостным, но — только в пылу битвы, когда войско наступает на войско, и никому пощады нет. Когда копье летит на копье, а клинок на клинок. Сейчас же перед ним не было никого, кроме одного маленького ребенка, и он, отлично понимая, что это за ребенок, тем не менее не мог заставить себя опустить меч на его голову.

Гринсвельд, отодвинувшись к стене, молча смотрел, как капает с лезвия его вонючая кровь прямо на босые ноги Конана. Тот трюк, коему когда-то научился он еще в Лан-

дхаагтене, до полусмерти пугая свою приемную мать, сработал. Варвар не смог убить ребенка, хотя сам Горилла не в силах был этого постичь. Враг есть враг, и нужно быть готовым к любому его действию; нужно уметь рубить не раздумывая, кто там перед тобою — ребенок ли, женщина ли, дряхлый ли старик... Жаль только, если придется отдать ему маттенсai... Впрочем, он уже и так ее взял...

* * *

Вывхватив маттенсai из высокого золотого кубка, Конан бегом ринулся к лестнице. Он больше не смотрел на скорченное у стены детское тело; он ненавидел — ненавидел так, как не приходилось ему прежде. Огромная, много выше и здоровее его обезьяна на его глазах превратилась в ребенка! Конан мог ожидать от Гориллы чего угодно, но только не этого. В первые мгновенья боя, когда Гринсвельд вел себя так уверенно, так спокойно, он невольно почувствовал нечто вроде уважения к врагу. Оказалось, то было не более чем лицедейство. Дешевое гнусное лицедейство!

Киммериец перепрыгнул нижнюю ступеньку, бросился к двери, ведущей в подземный ход.

— Эй!

Тонкий голос сверху заставил его резко остановиться, с замирающим сердцем посмотреть наверх. Гринсвельд, все в том же обличье, стоял у лестницы на втором этаже, и голова его едва достигала перил. Простирая ручки к варвару, он с мольбой пялил на него круглые черные глаза и хныкал.

— Отдай, Конан. Отдай мне маттенсai! Я погибну без нее!

— Нет! — яростно выдохнул Конан, отступая. — Нет!

— Прошу тебя, отдай! Отдай!

— Кром... — В отчаянье киммериец пнул дверь ногой, замороженный видом несчастного. Он не питал особой любви к детям, но и никогда не поднимал руку на них. Но то был не ребенок! Эта мысль билась в его мозгу, хотя полностью осмыслить ее он не мог, не имел времени и опыта. Будь сейчас жив Иава, он знал бы, что делать...

— Конан, отдай! — жалобно пискнув, Гринсвельд соскочил на ступеньку, чуть не подвернув при этом тоненькую ножку, и с детским бессмысленным смехом начал прыгать вниз. — Отдай... Отдай...

— А-а-а, — заревел варвар, в ужасе пятясь к черной дыре подземного хода. — Не подходи!

— Отдай-отдай-отдай...

Спрыгивая с предпоследней ступеньки, Горилла Грин подвернул-таки тонкую детскую ножку. Падая, он кувырнулся в воздухе, и рухнул прямо на осколки статуи Густмарха.

* * *

Несколько мгновений Конан не дышал. Не отрывая глаз от распростертого в груди камня Гринсвельда, он ожидал, что тот сейчас снова встанет и снова, протягивая руки и жалобно хныча, пойдет к нему... Нет, Горилла не вставал. Тогда киммериец решился, подошел ближе.

Осколок с глазом Густмарха вошел ему точно между бровей; черные глаза мертво смотрели в потолок, тонкие руки еще подрагивали, но Конан знал: больше Гориллы Грина нет.

Качнув головой, он начал медленно подниматься наверх, за телом Иавы. Замороженный всем, что произошло, он ощущал всем существом своим, что ни мыслей, ни чувств в нем сейчас нет, что внутри его зияет бесконечность — пустая и темная как колодезь. Прижимая к груди маттенсai, другой рукой он волок за собой меч, и длинная черная полоска обезьяньей крови тянулась ему вслед...

Он не услышал — почувствовал этот странный треск. Остановился, прислушался... Треск раздавался отовсюду: и сзади, и спереди, и с боков что-то как будто рвалось, тяжело, с болью... Инстинктивно Конан напрягся, сбрасывая оцепенение и снова становясь собой; в его синих глазах отразилась лестница, потом витражи, потом распростертое тело маленького Гориллы... Рушится башня! Он понял это внезапно, еще и не увидев трещин в стенах. А поняв, кинулся к подземному ходу, проклиная себя за то, что не успел унести из этого про-

клятого места тело Иавы. Хорошо, что сумка его лежит у него в мешке! Там его записи, он отдаст их Халане... О, Митра... Ведь Халана ждет... Что он скажет ей? Как объяснит?

...И подари нам жизнь и любовь.
Пусть буря грянет, пусть снег повалит,
Пусть трясется под нами земля —
На все твоя воля, пусть рушится все,
Но только не жизнь и любовь...

Если бы Конан не был сыном сурового бога Киммерии Крома, он бы не удержался сейчас от злых слез. Но он был истинным варваром и гордился этим всегда. А потому, ступая в черную дыру хода, он обернулся, с обычной ухмылкой бросил короткий взгляд на Гринсвелда, подмигнул ему и нырнул вниз, унося с собой то, за что погибло все племя антархов. Почти все...

* * *

Волны сами несли его к берегам Аргоса. Бросив весла, Конан смотрел на удаляющийся Желтый остров, который уже озаряли светлые лучи ока благого Митры. Теперь ему предстоял еще более долгий путь — в покрытый льдом и мраком Ландхаагген... Кто знает, встретится ли ему когда-нибудь такой друг, как Иава? Насмешливый, сильный, умный и верный... Конан усмехнулся, припоминая... Потом повернулся к Желтому острову спиной, взял в руки весла и начал размеренно и быстро грести к Аргосу — надо торопиться, ведь ему предстоит еще такой долгий путь!

Отчего-то счастливо рассмеявшись, Конан, не переставая работать веслами, оглянулся назад — на небесно-синей глади колыхался легкий ровный след его лодки — и громко крикнул, с удовольствием слыша в утренней тишине свой сильный уверенный голос:

— Хей, разноглазый! Ты слышишь меня? Асвелын выбрал нас! Нас обоих!

Он снова рассмеялся, налег на весла и более уже не оглядывался.

Пролог

Выдержки из трактата «Образ мира, или Описание стран, земель и народов, исполненное доном Сантидио Эсанди во время его путешествий, равно как и сведения, почерпнутые в древних летописях и современных трудах иных авторов» (Раздел XXVI. Вендия).

«...Сей обширный край являет собой южную оконечность Гирканского материка в срединной его части, на восход от земель Зембабве через Вендийское море. Со стороны северных ветров он окружен огромным горным хребтом Гимелии, где леса столь высоки, что, как утверждают некоторые, достигают вершинами неба. Вендия вдается в Южный океан полуостровом, рассеченным посредине с запада глубоким заливом, именуемым Бодейским. По сухопутью сия земля граничит на закат с Иранистаном, а на восход — с Уттаром. Знатнейшие города ее: на севере — Пешкаури и Раджапура, на побережье — Бодей, Маранга и Уттакальта, в глубинной части, Айодхья, Пушкара, Наладна, Варата, именуемая также Город Слона.

Хотя Вендия и считается единой державой, подобно странам Запада, таким как Аквилония, Зингара или Аргос, сие не совсем верно. Айодхью часто полагают столицей Вендии, но, хотя тамошний государь именуется Мехараджубом, что значит Верховный правитель (государыня же, буде таковая окажется на престоле, именуется Деви), многие князья, сидящие в своих вотчинах, не есть

вассалы Мехараджуба, а часто полагают себя независимыми властителями, хотя иные и платят дань Айодхьи. Их именуют раджубами, что значит «король». Раджубы стоят во главе своих племен, забравших гордыню именовать народами, и некоторые велят своим подданным величать себя Мехараджубом, оспаривая первенство у королей Айодхьи.

Нет города или земли в Вендии, которые именовались бы одинаково на разных языках народов, ее населяющих, и если из Бодей вы поплывете в Уттакальту, то с изумлением узнаете, прибыв в сей порт, что тамошние жители называют его Пурушоттамакиштра. Бодей же они зовут не иначе, как Сурпарака.

Помимо многочисленных княжеств есть в Вендии вольные портовые города Бодей и Маранга, живущие своими законами.

Земли Вендии, в которых обитает множество народов, различных как языком, так и внешним видом, не знают времен года. Исключительно по тени можно решить, зима там или лето: летом тень падает на юг, а зимой на север. Одну половину года идут там почти непрерывные дожди, другую же царит жара, так что джунгли окутываются паром, подобным дыму пожарищ. Деревья там не сбрасывают листву и растут густо промеж болот и по берегам рек.

<...>

Что касемо писаных законов, они разнятся во многих княжествах, и всякий раджуб или наместник-наиб полагает своим долгом обременять подданных многочисленными установлениями, зачастую нелепыми и, на взгляд человека Запада, трудноисполнимыми. Сии капитулярии зиждутся на обычаях вековой давности, хранящихся жрецами и исполняемых народом с покорностью и тицанием.

Во многих землях Вендии сохранился древний обычай разделять людей на касты, к коим относятся брахма-

ны — вендийские жрецы, кшатрии — воины и аристократы, вайшьи — земледельцы и торговцы и шудры — бесправное сословие, обязанное обслуживать остальных. Среди последних есть несчастные, именуемые анупрами, одно прикосновение к коим считается тяжчайшим преступлением.

Браки в Вендии совершаются по большей части моногамные, но некоторые раджубы берут себе по три и больше жен, число же наложниц не ограничивается никакими законами. Как рассказывают, в некоторых местах сохранился изуверский обычай сжигать жен заживо вместе с мужьями после кончины оных.

О богах вендийские жрецы говорят темно и путанно, а их священные книги — шастры — полны неясностей и двусмысленностей. Верховным богом вендийцы почитают Индру, обитающего на золотой горе в центре Вселенной. Известно, что Всеблагой Митра, коего почитают в цивилизованных странах Запада, именуется в разных землях по-разному, и обитатели ашрамов подтверждали нам, что Индра — суть Податель Жизни. Однако в иных местах слышали мы, будто бы Митра всего лишь один из множества богов в свите Индры. Сие, несомненно, говорит о ложности учения, как и утверждение некоторых сутр о верховенстве в Небесных Чертогах некоего Нараяны, сущность коего затуманена иносказаниями и неудобочитаемыми притчами.

Из злобных богов отметим Хали, Богиню Смерти, и Великого Нага, тождественного, по нашему разумению, Сету, Змею Вечной Ночи.

<...>

Издавна путешественники трактуют о многочисленных чудесах и диковинах Вендии. Однако следует различать беспочвенные вымыслы и достоверные факты, подтверждаемые непосредственными наблюдениями. На невольничьем рынке Уттакальты нам довелось видеть людей с головами, подобными собачьим, — их отлавлива-

ют в джунглях Внутренней Вендии и используют в качестве сторожей и охранников. В одном из ашрамов Пушкары показывают гаруду — птицу с головой женщины. Сия тварь невелика размером и вид имеет несчастный. Карлики-якши с вывернутыми назад ступнями и выпученными глазами, смотрящими в разные стороны, встречаются на рынках, где покупают наконечники для стрел и лезвия к своим ножам, что же до слухов о том, будто бы якши стерегут в лесах клады и пожирают молодых женщин, то это, скорее всего, досужие вымыслы.

К последним можно смело отнести также басни о людях, насыщающихся одним лишь запахом пищи, о безголовых созданиях, у которых глаза будто бы находятся в желудке, и существах, спасающихся от солнечного жара в тени огромной ступни своей единственной конечности.

Среди рассказов, не нашедших достоверного подтверждения, отметим слухи о грифонах — чудовищных птицах с орлиным клювом и телом льва, обитающих будто бы на вершинах Гимелии, а также легенды о кальпаврикше — пожелайдереве, способном выполнить любую прихоть сохранившего с него Золотой Плод...

*Писано в год осьмой Регентства
на борту судна «Счастливая вдова»
по пути из Уттакальты в Водей»*

ГЛАВА 1. Грот. Напиток Сомы

Синеватая чернь небесного купола была усеяна серебряными блестками спокойно горящих звезд. Сокрушитель Препятствий еще почивал в своей млечной постели, чтобы с первым лучом пуститься в ежеутренний пляс и смести хоботом с хрустальной тверди ночные светила, давая путь сияющей колеснице Индры.

В густых темных ветвях таились обезьяны — спали. Лишь мохнатые стражи четверорукого племени бодрствовали, готовые криками предупредить сотоварищей об опасности. Их блестящие в лунном свете глаза внимательно следили за тремя всадниками, поднимавшимися шагом вдоль кромки обрыва, под которым лазурной лентой поблескивали воды реки.

Первым ехал крепкий мужчина в островерхом племе, с колчаном, обтянутым шкурой пантеры, у правого бедра и маленьким луком и кривой саблей — у левого. Из-под длиннополой одежды виднелись красные сапоги с загнутыми носами, крепко вставленные в серебряные стремяна. В левой руке воин сжимал копьё, украшенное кисточкой из конских волос возле наконечника.

За ним следовала всадница — юная девушка, одетая в шитое золотом сари, с легкой накидкой поверх волнистых черных волос. Отряд замыкал вельможа в богатом платье, чалме из радужной ткани, заколотой зеленой брошью, вооруженный ятаганом в ножнах из змеиной кожи. К его

широкому алому кушаку прикреплена была небольшая корбочка резной слоновой кости.

Ехали молча. Великолепные вендийские кони с длинными шеями и маленькими головами чутко поводили ушами, осторожно ступая по каменистой тропинке. Тонко позванивали сбруи да похрустывал щебень под копытами. За сплошной стеной джунглей, тянувшихся по правую руку от всадников, царила тишина — ни крика птицы, ни шороха зверя. Обезьяны стражи следили безмолвно, словно знали, что люди в сей предрассветный час пришли в эти места не для охоты.

Тропинка свернула от обрыва и повела вправо. Теперь по обе стороны всадников обступал лес. Полусгнившие стволы местами лежали поперек тропинки, а лианы перекидывались над головами, словно веревочные мосты над ущельем. Жесткая трава росла среди мелких камней, по всему было видно, что этот путь совсем не торный и пользуются им редко.

Чем дальше, тем плотнее смыкались кроны деревьев, и вскоре всадники оказались в живом тоннеле, где царил полумрак, наполненный душными испарениями южного леса. Воин, ехавший впереди, засветил фонарь, его желтый свет заплескал на стволах и кустах, не в силах пробиться далее пяти шагов. Кони теперь шли бок о бок, благо тропа расширилась.

Но вот впереди сквозь черноту пробились неясные отблески, слившиеся вскоре в сияющую радуугу — словно самоцветная арка ждала путников в конце тоннеля. Под нею вспыхнула белая горошина, разливающая свет по всей дуге, взбухла и превратилась в яркий огонь, пылающий посреди небольшого грота.

Всадники выехали на поляну и остановились, изумленные этим зрелищем.

Костер пылал, пожирая сухие сучья, но его пламя было не желтым, а ослепительно-белым, к потолку грота взлетали снопы сверкающих искр, разбиваясь с сухим треском о каменные своды. Над костром на медной треноге висел котел, а возле него, подняв руки, стояла седоволосая женщина.

Воин наклонил копье и положил правую ладонь на изукрашенный самоцветами эфес сабли. Человек в богатой одежде выехал вперед и молча застыл, ожидая, пока хозяйка поляны к ним обернется. Но та заговорила, стоя спиной к всадникам, словно не в силах оторвать взгляда от булькающего содержимого своего котла.

— Приветствую тебя, тысячник Кашьяна, да будут острые твои стрелы и победоносны воины, и тебя приветствую, луноликая Астрель, да не усохнет твоя кожа и будут блескать губы, пока то угодно милостивой Лакшми, и тебя, вазам Вегаван...

— Обернись к нам лицом, Вичитравирья! — грозно приказал тысячник. — Как смеешь ты, дикая женщина, вести речи, не глядя на посланцев раджуба Гадхары?! Преклони колени...

— Я буду говорить! — властно прервал Кашьяну тот, кого называли вазамом. — Здесь владения Вичитравирьи, а мы ее гости. Если жрице Сомы угодно не обращать к нам лица, на то, видно, есть свои причины. Скажи, женщина, принес ли якипа Тримрапарттирапутаха... О Индра всемилостивый, никогда не научусь выговаривать их имена! Воистину, чем мельче создание, тем более пышным титулом он себя наделяет... Короче, принес ли тебе карлик мое послание? Готова ли ты выполнить мое желание?

— Тримрапарттирапутахасуптантрапеша принес послание, вазам, и я готова исполнить твое желание в эту ночь, когда Сوما являет с небес свой полный лик.

Голос жрицы был скрипучим, как половицы старого сельского дома.

— Какую плату ожидаешь ты от меня? — спросил вельможа.

— Я приду за наградой, если мое зелье поможет тебе осуществить задуманное, о мудрейший. Тогда ты не откажешь подарить мне то, что я у тебя попрошу.

Вазам нервно дернул головой и через силу рассмеялся.

— Ну нет, лукавая женщина! Ты забыла, что по долгу службы я читаю множество шастр, а посему знаю историю

о чародее, поставившем своему заказчику подобное условие. Он явился во дворец и потребовал отдать ему в уплату сына, рожденного в отсутствие того человека. Что если ты собираешься выкинуть нечто подобное?

Вичитравирья обернулась. Ее лицо под шапкой седых волос было желтым и сморщенным, словно сушеная груша, и только глаза, огромные и бездонные, как два лесных озера, жили на этом лице, заставляя забыть о немощи и уродстве старости. Жрица пристально глянула на вазаму, и тот невольно натянул повод, боясь, что конь испугается лесной обитательницы и шарахнется в сторону.

— У тебя нет жены, Вегаван, и не может быть сына. Во всяком случае, пока. Что же касается лукавых проделок... Ведь тебя прислал не раджуб Гадхары, ты пришел по своей воле, с темной мыслью и нахмуренным челом...

Астрель при этих словах тоненько вскрикнула, а Кашьяна что-то угрожающе пробормотал и двинул коня вперед, целя в хозяйку грота наконечником копья. Конь хрипел и норовил пойти в сторону, но тысячник вел его твердой рукой и осадил, когда острое коснулось морщинистой шеи женщины. Та даже не пошевелилась.

— Твой воин усерден, вазам,— сказала она,— но не слишком умен. Что толку убить старуху? И затем ли продавали вы столь долгий путь? Я не собираюсь предавать тебя, первый советник, и в доказательство покажу то, что ведомо пока лишь мне одной. Подойди.

Вегаван, недолго поразмыслив, спешил и, приказав тысячнику вернуться к Астрель, приблизился к котлу.

Зеленоватая поверхность варева кипели частыми пузырями. Пахло травами, болотной тиной, жасмином, змеиным ядом, молодой женщиной, козьим молоком, подгоревшим мясом и еще чем-то приторно-сладким — это необычное сочетание запахов дурманило голову почище крепкого вина. Вичитравирья сняла с шеи висевший на волосах шнурке предмет, похожий на большой желтый зуб, и бросила его в котел. Жидкость вздулась огромным пузырем, который застыл, словно превратившись в зеленое

стекло, и в его мутных глубинах заворочались неясные тени.

Постепенно внутри пузыря родился розовый свет, а потом, словно видимая сквозь стенку бутылки, предстала картина: каменистая площадка, посреди которой росла одинокая пальма. На опушке близкого леса темнело какое-то строение, а возле дерева стоял высокий темноволосый человек в одежде чужеземца.

— Ты знаешь это место? — спросила жрица негромко.

— Да,— отвечал вазам, напряженно вглядываясь в изображение,— но кто этот человек? По платью я бы счел его афгулом, внешнею же он больше похож на северянина... А где же Страж?

— Догадываешься, зачем пришел млеччх? — снова спросила Вичитравирья.

— Неужели... — голос Вегавана дрогнул.— Тогда ему не уйти из сада Нандана.

— Сад Нандана — на Золотой Горе,— задумчиво проговорила жрица,— здесь же лишь семя, упавшее на землю и взошедшее бледной тенью волшебных растений Индры. А посему, я смогу помочь млеччху. Конечно, если мой план сработает. Тогда он явится в Город Слона и принесет туда то, зачем пришел. Ты забереешь у него плод (как — твое дело) и отдашь мне в уплату за то, что я помогу осуществиться твоим планам, до которых, поверь, мне вовсе нет дела.

— Я хочу говорить с Астрель,— твердо сказал вельможа.

— Воля вазам советоваться с кем угодно, даже с женщиной. Пусть подойдет.

Астрель долго вглядывалась в застывшую под выгнутой поверхностью пузыря картину, слушая тихий шепот Вегавана. Потом обратилась к жрице:

— Значит, ты можешь нарушить заклятие кальпаврикши?

— Его может нарушить лишь тот, кто не знает законов варны и не ведает, что, совершая наихудшее преступление, обретает свободу.

Ответ хозяйки грота прозвучал туманно, а дальнейших разъяснений не последовало.

Мужчина и девушка отошли в сторону и коротко посоветовались. Вскоре вазам снова приблизился к костру и торжественно объявил:

— Мы согласны на твое условие, жрица Бога Луны! Наполни же тем, что требуется, эти сосуды, и да благословит Митра, покровитель честных сделок, наш союз.

С этими словами он достал из резной коробочки на поясе две склянки и протянул их Вичитравирье. Та приняла их и поставила на плоский камень рядом с костром.

— Я дам тебе, что просишь, вазам, — сказала жрица, — но дам не сразу. Сначала получишь яд, а когда выполнишь обещание, обретишь противоядие. Так надежнее.

— Но, — начал было вельможа, стараясь подавить гнев, — свидетельство Митры...

— Кончено! — Вичитравирья нетерпеливо махнула рукой. — Либо быть по моему, либо ты ничего не получишь.

Вегаван потянулся было к рукояти ятагана, но Астрель дернула его за рукав и быстро произнесла:

— Мы согласны.

Впервые сухие губы старухи растянулись в слабом подобии улыбки. Она пристально уставилась на девушку огромными блестящими глазами и проскрипела:

— Ты мудра, о снежная серна Гадхары, столь же мудра, сколь и прекрасна. А посему не откажешь мне в маленьком одолжении: видишь ли, персикогубая, для полного действия напитку Сомы нужна кровь — кровь девственницы...

На сей раз Вегаван обнажил свое оружие — глаза его побелели от ярости, рот искривила страшная гримаса... Завидев действия своего господина, тысячник Кашьяна прищипорил коня и пустил его к гроту. Он был уже в пяти шагах, когда жрица выставила перед собой сухую ладонь, конь заржал и встал на дыбы, потом подкинул крупом — наездник, не ожидавший ничего подобного, не удержался в седле и рухнул на землю. Он тут

же вскочил, выхватывая саблю, бросился вперед... И снова упал.

— Прикажи своему воину не делать глупостей, — властно произнесла Вичитравирья, — он, вижу я, забыл, с кем имеет дело...

Вазам вложил ятаган в ножны, чувствуя, что все равно не сможет пустить в ход оружие: неодолимая сила налила руку свинцовой тяжестью, как только он попытался замахнуть клинком на жрицу Сомы. Но отдавать Астрель чародейке он вовсе не собирался...

— Мне не нужна ее жизнь, — старуха рассмеялась безжизненным каркающим смехом, — ты не так меня понял, мудрейший. Капля, одна маленькая капля чистой девичьей крови, и зелье обретет желанную силу... Не так ли из чистого сияния небес неожиданным является во всей своей ужасной мощи неумолимая Хали?!

Она выкрикнула последние слова, заставив вздрогнуть девушку, а мужчин — побледнеть.

Никто из простых смертных не смел произносить имя грозной Повелительницы Зла, на то способна была лишь жрица холодного Сомы: Бог Луны ограждал свою служительницу серебряным щитом, надежной защитой от любых посягательств.

Преодолевая страх, Астрель шагнула вперед и протянула над котлом обнаженную руку. В ладони жрицы оказался маленький нож: его костяное лезвие сплеталось из резных удивительных цветов и фигурок животных, а на острие поблескивал, словно капля крови, алый камешек. Вичитравирья уколола тонкое запястье девушки — словно родившись из камня, тонкая струйка побежала по точеным пальцам Астрель и сорвалась сверкнувшим шариком вниз. Вздущаяся, застывшая поверхность варева лопнула, картина в ее глубинах померкла. Зелье вскипело множеством искрящихся пузырьков и успокоилось, хотя костер под котлом продолжал пылать жарким белым пламенем.

Хозяйка грота взяла одну из склянок, опустила ее в котел и наполнила потерявшей цвет и запах жидкостью.

— Прими, что желал, о вазам,— произнесла она торжественно, протягивая пузырек Вегавану,— и да свершится задуманное тобой по воле Асура и Катара!

Вельможа молча принял склянку, уместил ее в резном ящичке у себя на поясе, после чего слегка поклонился жрице и, пропустив вперед девушку, направился к оставленным коням.

Вскоре три всадника скрылись под темным пологом леса, унося с собой Напиток Сомы: такое же бледное подобие смерти, как сам Бог Луны — лишь слабое отражение лучезарного Индры в ночном небе...

ГЛАВА 2. Кальпаврикша. Лиановое вино

Это и есть пожелайдерево?!
В голосе черноволосого человека в афгульской одежде звучало нескрываемое разочарование.

Он стоял на краю каменистой котловины, похожей на супницу великана. Посредине, шагах в ста от него, росла одинокая пальма с кривым волосатым стволом и желтоватыми листьями. Листья клонились к земле, бросая скудную тень, в них отчетливо виднелись овальные отверстия — результат пиршества каких-то насекомых.

Пыль, зной и тишина.

Никто не ответил на вопрос пришельца, никто не явился из темноты низкого дома, стоявшего поодаль. Только какая-то птица, широко распластав крылья, кружила над пологими склонами котловины, разглядывая человека зелеными бусинами немигающих глаз.

Черноволосый усмехнулся, извлек из колчана стрелу и, держа лук наготове, двинулся к дереву. Краем глаза он следил за птицей, готовый отразить нападение с воздуха, если та окажется хранителем этих мест.

Он шел осторожно и чутко, мелкий щебень едва похрустывал под каблуками его потертых сапог.

Но птица все так же описывала круги и не собиралась снижаться. Нергал ее разберет, может быть, сей летун и не имел никакого отношения ни к дереву, ни к заповедной супнице...

Вблизи пальма имела вид еще более жалкий. Ствол ее местами подгнил, лоснящиеся черные муравьи деловито сно-

вали вверх-вниз, занятые своими важными делами, бурые, отвратительного вида наросты виднелись среди жесткой щетины дерева, а в нескольких местах проглядывали глубокие, полузаросшие уже надрезы, в которых что-то тускло поблескивало. Человек провел пальцем по одному из них и с удивлением понял, что в теле дерева сидит кусок металла, еще хранящий крепость и остроту хорошо отточенного лезвия.

Потом он увидел то, ради чего явился сюда — небольшой, величиной с кулак ребенка плод, покрытый золотистой кожурой. Плод висел возле самых листьев, от земли до него было локтей двадцать, и черноволосый оглянулся вокруг, отыскивая палку, которой можно было бы воспользоваться.

Тут и раздался голос, заставивший пришельца вскинуть лук и направить наконечник стрелы в ту сторону, откуда донеслись слова. Говорили по-вендийски, но с сильным акцентом:

— Остановись, несчастный, да падет гнев Богини Смерти на твою голову! Не смей прикасаться к тому, что принадлежит лишь богам и достойным, не оскверняй дар священный своими грязными лапами! Если же дерзнешь ты возжелать Золотой Плод, то придется тебе иметь дело со мной, Хранителем в броне крепкой, с мечом разящим...

— Что-то я не вижу у тебя ни брони, ни меча, — насмешливо молвил черноволосый, разглядывая говорившего поверх древка готовый к употреблению стрелы. — Или ты собираешься драться со мной своими хворостинами?

Хранитель, стоявший на краю тропинки, по которой еще недавно прошел в котловину человек в афгульской одежде, представлял собой зрелище довольно странное, если не сказать жалкое. Был он космат, низкоросл, одет в длинную посконную рубаху распояской, из-под которой выглядывали грязные босые ноги, а на плечах действительно держал здоровенную вязанку хвороста. Седые волосы, падавшие на широкие плечи, обильно украшали репы и паутина. Единственным оружием служил ему маленький самодельный лук, висевший у пояса.

— Вот так всегда, — в сердцах буркнул Хранитель и бросил вязанку себе под ноги, — ну что я за человек такой, горе горькое, беда бедучая...

Сказано это было на тауранском — одном из диалектов аквиленского языка. Черноволосый понял и заговорил по-аквилонски:

— Так ты с Запада, чучело? Какими ветрами занесло в Вендию?

— Гляжу, и ты не афгул, хоть и вырядился в платье этих разбойников, — отвечал хранитель пожелайдереву. — Аквилонец?

— Киммериец, если тебе приятней видеть северного варвара, а не дикого степняка.

— О Митра, — воздел неопрятную бороду Хранитель, — видать что-то случилось с миром за те годы, что я стерегу этот тухлявый кол, если киммерийцы уже шастают по джунглям Вендии! Разве вожди ваших кланов не клялись в форте Венариум сидеть тихо среди мерзлых скал и не досаждать цивилизованным народам?

Лицо варвара потемнело, а правая рука сильнее натянула тетиву лука.

— Я не убиваю безоружных, — сказал он севшим голосом, — только в крайних случаях. Считаю, что такой случай наступил.

— Постой! — Хранитель умоляюще выставил перед собой мозолистые ладони. — Ты ведь пришел за Золотым Плодом? Значит, должен биться со мной по всем правилам, иначе дело не выгорит. Я вовсе не хотел оскорбить тебя! Знаешь, когда сидишь один в глуши, так хочется поболтать со свежим человеком, а вот представился случай — и ляпнул бестактность. Всегда со мной так — одни неприятности. Ну да Нергал с ним, с Венариумом, если тебе эта тема неприятна...

Киммериец опустил лук, все еще жалея, что не может сразу прикончить косматого нахала.

— О приятности пусть пекутся аквилонцы, — проворчал он, — сдается мне, их летописцы не станут поминать бесславную кончину форта и всех его обитателей. Я там

славно погулял семь лет назад и могу засвидетельствовать: знатная была резня. Что же до клятв, то, может быть, кто-нибудь из вождей, хватив лишку, и болтал нечто подобное: у каждого народа найдутся свои трусы и предатели. Мыслию, все они тоскуют по доброй браге на Серых Равнинах.

Хранитель закатил глазки и пошевелил волосатыми пальцами, изображая не то ужас, не то восхищение. Потом сказал, снова переходя на вендийский:

— Воистину ты достойный соискатель, о неустрашимый воитель Севера! Если будет на то воля Индры, и ты меня одолеешь, Плод Желаний будет принадлежать тебе по праву, клянусь Асуром и Катаром, а также мировой черепахой и Золотой Горой!

И добавил по-таурански, опасливо поглядывая куда-то вверх:

— Прости, что застал меня в столь затрапезном виде, я, видишь ли, вынужден сам собирать топливо для очага. Позволь мне пойти в дом и облачиться, потом мы немного поболтаем и, если захочешь, скрестим оружие.

— Валай,— кивнул варвар,— покончим с этим делом побыстрее, я намерен засветло отплыть вверх по реке.

Пока страж пальмы возился в своем жилище, киммериец извлек из заплочных ножен прямой длинный меч и осмотрел лезвие. Лезвие было доброе, слегка синеватое, обоюдоострое, отлично заточенное. Клинок сей достался варвару от одного немедийского рыцаря, имевшего неосторожность путешествовать через гирканские степи в сопровождении всего лишь полусотни слуг и вассалов. Чванливый был нобиль, прими Митра его душу, хотя и отменный рубака. Следовало бы прихватить сюда и его броню с вычервленной бычьей головой, извергающей пламя, но, во-первых, тяжелая броня — неподходящий наряд в жарких вендийских джунглях, во-вторых, за нее на рынке Айодхьи дали отличную лодку и кое-что на дорожные расходы, в-третьих, северянин привык более полагаться на свою силу и ловкость, чем на металл, прикрывающий грудь и плечи. Да и отвык он от тяжелых доспехов, гуляя по степям с вольными разбойниками...

И все же, когда Страж явился пред ним в боевом своем облачении, варвар слегка пожалел о немедийском нагруднике: его противник подготовился к схватке всерьез, и не похоже было, что он собирается уступать свое сокровище за здорово живешь.

Длинные волосы Хранитель связал на затылке пучком, который теперь выбивался из-под островерхого шлема, покрытого зеленоватой чешуйчатой шкурой неведомого гада, с султаном шафрановых перьев и маленькими черными крылышками по бокам. От пояса до подмышек торс его плотно охватывали толстые жгуты синей ткани; сияющие в солнечном свете оплечья плавно поднимались, оканчиваясь двумя носорожьими рогами, покрытыми красным лаком; широкий воротник с насечкой прикрывал шею; кожаный нагрудник, укрепленный при помощи широких, перекрещивающихся на спине сыромятных ремней, спереди покрыт был нашитыми золотыми пластинками с изображениями танцующих многоруких фигур вендийских божеств. Ноги и бедра воина прикрывали расшитые серебряной нитью дхоти, стянутые на поясе шелковым малиновым кушаком, обут он был в желтые постолы — высокие мягкие кожаные сапоги без каблуков, похожие на мешковатые чулки.

Все это великолепие несколько портила торчавшая над воротником клочковатая борода с набившимся лесным мусором.

В руках Хранитель сжимал два кривых меча с широкими, снабженными лунообразными выемками наконечниками — сталь клинков густо украшал замысловатый орнамент. Такими мечами (правда, попроще, без украшений) рубили головы преступникам в столице Вендии Айодхье. Вооружение довершал длинный кинжал с волнообразным лезвием и булава-шестопер, притороченная к поясу.

— Трепещи! — взревел Страж столь мощно, что из бороды его веером полетели репы и сухие травинки. — Трепещи, ибо сила Индры пребывает во мне!

Он принялся бешено вращать мечами, превратив клинки в подобие радужных окружий и извлекая сталью гуде-

ние комариного роя. При этом Хранитель пустился в замысловатый медленный танец, поворачиваясь на все четыре стороны света и высоко подкидывая согнутые в коленях ноги.

Киммериец наблюдал это странное зрелище молча, поводя острием своего меча вслед за танцором, готовый отразить внезапное нападение Стража. Он видел нечто подобное в Айодхье, когда толстые вендийские вельможи, желая потешить дам молодецкими забавами, устраивали потешные поединки, предваряемые сходными телодвижениями. Правда, грации им не хватало, да и оружие было деревянным.

Хранитель же, казалось, готовился изрубить своего противника в мелкие куски. Он завывал, обратив к небу заросшее до самых глаз лицо, он сплевывал под ноги зеленоватые сгустки — не иначе жевал траву амок, придающую воину неукротимость и безжалостность к врагам — он выкрикивал имена многочисленных божеств, ни одного из которых его противник никогда не слышал, он рыл мягким сапогом землю...

Киммериец уже подумывал об отложенном луке, прикидывая, что сможет, пожалуй, всадить стрелу между глаз спятившего от вендийской жары и москитов тауранца и разом покончить затянувшееся представление, когда Страж вдруг застыл с поднятым лицом, потом воткнул мечи в землю и отер со лба пот.

— Улетел, каналья, — сказал он по-аквилонски, — к своим улетел, докладывать.

Варвар следил за ним настороженно, стараясь разгадать хитрость.

Хранитель отцепил булаву и бросил на землю. Туда же последовал кинжал.

— Вот что, — сказал бородач, снимая шлем с черными крылышками, — прежде чем ты меня убьешь, не желаешь ли выпить и закусить олениной? Мы успеем поболтать, пока вернутся птички...

Киммериец не отвечал и не опускал меч.

— Правильно, — печально молвил Хранитель, — глупо на слово верить... А только сам посуди: какой резон мне

лукавить? Ну, отравлю я тебя своим вином или еще что, так мне за то кишки вырвут и на пальму эту сушиться повесят. Все, понимаешь, должно свершаться по обычаю. Соискателя следует прикончить в честном поединке или самому пасть. Про кишки я, конечно, для красного словца, но, если что не так, Садов Индры не видать мне, как своих ушей. Эти скоро здесь будут, тогда и сразимся.

— Кто «эти»? — нарушил молчание киммериец, отбрасывая меч: гордость не позволяла ему противостоять безоружному с обнаженным клинком в руках.

— Птички, — пояснил бородач. — Их глазами жрецы богини Хали взирают с небес на дела земные. Если что не так, карают. А карать они умеют, уж поверь старому неудачнику...

— Положим, я тебе верю, да только чудно: не слышал, чтобы враги прежде смертельной драки потчевали друг друга олениной.

— А, — махнул рукой Хранитель, — встретил я тебя как должно, поплясал, мечами помахал... Соглядатай крылатый доволен остался, а речей хайборийских жрецы здешние, мыслю, не разбирают. Пока они сюда слетятся, мы с тобой можем поболтать запросто. Что-то глянул ты мне, киммериец, посему поведаю тебе нечто занимательное, а там уж твое дело решать: биться ли нам, рвать ли золотой орех или так оставить. Я-то ладно, другого дурака подождать могу, дольше ждал, а твое дело молодое, чего зря пропадать. Осталась же у меня баронская честь, в самом деле!

— Так ты барон? — недоверчиво хмыкнул варвар.

— Рогар Безголовый, младший сын Гайварда Толстого, чья усадьба и поныне стоит, надеюсь, в Урочище Гнилого Дуба, что в провинции Тауран, в трех днях на закат от Танасула, — церемонно поклонился лесной затворник. — Слышал, небось, о моем папаше?

— Нет, — сказал северянин.

— А зря, — обиделся тауранец. — Достойный был человек, хоть и не дал мне ни гроша. А тебя как величают?

— Зови меня Конан-варвар.

Рогар Безголовый снова закатил глазки, поцокал языком и сказал:

— Не тот ли ты вождь афгулов, который спас Деви Жазмину, повелительницу Вендии, из лап Черных Колдунов?

— Я спас,— сказал киммериец без ложной скромности,— что, птичка напела?

— Недорослик один наболтал,— сказал Рогар,— они повсюду шатаются, недорослики эти, все знают. Только у меня и развлечений, что якшей лупоглазых послушать. Ладно, пойдем закусим, я олениху утром подстрелил, а винцо у меня из сока красной лианы, не хуже пуантенского будет.

Прикинув, что Хранитель и вправду не станет рисковать Садами Индры, куда по местным поверьям отлетали души достойных, киммериец решил принять приглашение. Что может быть лучше доброго куска оленины и кувшина вина перед схваткой? Признаться, от соленого черепашьего мяса, которым он запаса в столице, уже першило в горле, а пальмовое вино вышло еще вчера. Истинный киммериец не откажется от угощения, даже если его предлагает прищешник Нергала! Если, конечно, угощающий первым отдает питье и кушанье.

Об этом Конан и сказал младшему сыну тауранского барона, когда они уселись на кое-как сшитых кожаных подушках в лачуге Хранителя за плоским камнем, служившим столом.

Рогар с усмешкой отхлебнул прямо из мехов, оторвал зубами изрядный кусок олениной ножки и протянул вино и мясо своему гостю.

— Я мог бы пустить тебе стрелу в спину, когда ты разглядывал золотой орех,— значительно молвил он, освобождаясь от громоздких наплечников с крашеными рогами.— Куда как проще, и выпивкой делиться не пришлось бы.

— Спина у меня широкая,— кивнул варвар, отхлебывая из мехов. Вино было хуже пуантенского, но гораздо крепче.— Однако и в нее попасть надо. А из твоего лука только голубей дурных стрелять. Сам делал?

— Все этими вот руками,— показал барон свои заскорузлые ладони, предварительно отерев олений жир о шелковые дхоти,— и самострел смастерить, и дичь подстрелить, и дрова собрать, и воду из реки натаскать. О великий Асур и семь дочерей небесных, видно, недаром прозвали меня Безголовым: сидел бы сейчас в родительской усадьбе, хоть и на вторых ролях, а все в тепле да холе!

— Так чего понесло тебя за тридевять земель? — поинтересовался киммериец.

— Чего-чего... Сам знаешь, кто есть младший сын баронский: наследство — старшему, а остальные братья — гуляй, где хочешь. Я и пошел искать счастья. Наемником был, по морю Вилайет плавал, потом в Бодей меня занесло. Там и прослышал о кальпаврикше, пожелаюдереве по-нашему. Тут Бел меня попутал: ну, думаю, раздобуду золотой орех, проглочу и нажелаю себе такого... Замок, например, нажелаю или особняк в Тарантии. Или непобедимости, чтобы стать маршалом. А еще того лучше — сокровищ несметных, тогда и замок, и дом, и жезл маршальский купить можно. Сказано — сделано, прикупил на последние деньжата амуниции и отправился в джунгли.

Не стану утомлять тебя рассказами о своих приключениях, да и самому вспоминать не охота. Шлялся я по лесам изрядно, чего только не навидался, с какими тварями биться не доводилось... Только набрел как-то на пещеру посреди непроходимых зарослей, а в пещере той повстречал некую ведьму: сама старая, высохшая вся, а глаза молодые и черные. Что, спрашивает, ищешь, млеччх? Это здесь пришли так называют, стало быть, ты тоже млеччх, киммериец. Рассказал я ей все. Ладно, говорит, помогу тебе, только возьми за это плату. И вырезала мне почку.

— Чего вырезала? — не понял Конан.

— Есть у людей в спине почки,— пояснил барон.— Я-то и сам думал, что они только на деревьях бывают. Ан нет: дала мне ведьма напиток сонный, разрешила спину и вытащила эту самую почку. Их, вообще-то две, так что и с одной жить можно. Зато указала старуха дорогу в долину кальпаврикши, сюда вот. Возблагодарил я ее и

отправился за счастьем. Зря возблагодарил, как выяснилось

— Ты не темни,— сказал Конан, с хрустом разгрызая молодую оленью кость,— толком говори: обман пожелай-дерево?

— Не то чтоб обман,— отвечал Хранитель, подливая себе вино в кожаную кружку,— но проку от него для нас с тобой никакого.

— Это как же?

— А так же. Тебя за орехом Жазмина послала?

— Тоже недорослик наболтал?

— Он. Так вот, скажу я тебе, киммериец, что ежели ты меня в схватке одолеешь и плод сорвешь, то здесь и останешься. Дерево сторожить и следующего дурня дожидаться.

— И кто меня удержит? Птички твои? Жрецы? Якши? В голосе варвара звучала откровенная насмешка.

— Знаю,— сказал Рогар, печально покачивая кудлатой головой,— не веришь ты мне. Не веришь, потому что никого не боишься. Сам таким был, да вот попал, как индюк в похлебку. Никто тебя силой держать не станет, а только не уйти и все тут... Я, северянин, прежнего Хранителя одолел, что было не так уж трудно — старый был старичок, да и не очень защищался. Раскроил ему череп, орех сорвал и ходу. У меня на реке тоже лодка стояла. Бежал-бежал, да и прибежал обратно к пальме этой ублюдочной...

Барон жадно осушил кружку, налил и снова выпил до дна.

— У тебя давно не было женщины, киммериец? — спросил он вдруг.

— Давно,— Конан ухмыльнулся,— дня три...

— Три дня! — рявкнул барон, отшвыривая обглоданный кусок мяса.— Три дня! А у меня десять лет, с тех пор, как убил я сдуру того старика! Десять лет без бабы, в грязи, с клопами лесными в бороде... Волосы стричь не разрешают, бриться не разрешают, ублюдки горбоносые! Воду им с реки таскай, корни опрыскивай! Что толку опрыскивать — загнется эта кальпаврикша вскорости, по всему видно. Ну

да я раньше загнусь, и ты, варвар, мне в том поможешь. За то выпьем.

Конан ничего против не имел, и хотя крепкое вино уже ударило ему в голову, ясности рассудка он еще не потерял.

— Что-то нескладно ты врешь,— сказал он, закусывая очередным ломтем хорошо прожаренной оленины,— сам говорил, что сорвал плод. Ну так нажелал бы себе девку, если уж неумогу стало.

— Какой умный! — Барон покрутил коротким пальцем под носом у северянина.— Задним числом мы все умные. Я-то еще надеялся отсюда убраться, все по лесу бегал, штаны рвал. Долго бегал, до самых дождей, почитай. Плод и усох. А когда он усохнет да кожуря с него слезет — его что ешь, что в задницу засовывай, все едино. Хотел я эту пальму срубить от злости, да тут птички слетелись, ублюдки горбоносые из кустов повылезали и давай меня просвещать. Оказывается, стал я Хранителем кальпаврикши по воле Индры и вынужден поливать сие священное растение, дабы созрел на нем новый Золотой Плод Желаний. А буде кто покусится его украсть, карать татя без пощады и рубить в капусту.

— И долго поливал? — осведомился варвар с набитым ртом.

— А почитай десять лет и поливал, пока новый орех не вызрел. И то сказать, чахнет пальма. Прежде все не так было, но с этим пожелайдеревом, понимаешь, такая история вышла...

И Хранитель поведал Конану, что семя кальпаврикши упало некогда на землю из Садов Индры, и была то проделка самой Богини Смерти Хали. Упало семя аккурат посреди княжества Гадхара. Люди тогда жили здесь безбедно: выжигали небольшие участки джунглей, рыхлили землю и выращивали рис. Рис давал им хлеб и вино, а деревья симул — волокно для одежды. Князей выбирали, а если князь почему-либо переставал народу нравиться, его скармливали крокодилам и выбирали нового. Окруженные непроходимыми джунглями и болотами, гадхарцы не знали ни нужды, ни тревог.

И вдруг всему этому пришел конец. На горе Дейгин выросла огромная пальма, высотой почти до самого неба. Ее огромные ветви раскинулись над землей, погрузив в глубокую тень поля и деревни. Мрак, холод и запустение воцарились вокруг, только сияли под самой кроной огромные золотые орехи, способные сделать счастливыми всех гадхарцев, сообрази они полакомиться их мякотью. Но люди не знали, какое богатство обретается над их головами, а безжалостная Хали очень потешалась этому обстоятельству в своих небесных чертогах.

Без солнечного света засохли деревья, завяла трава, погиб урожай на полях. Скот от голода слабел и тощал. Лесные птицы перестали порхать и распевать свои песни, даже змеи попрятались в глубокие норы. Только хищные звери рыскали в поисках добычи, да шастала в потемках жуткая нечисть, блистая красными как кровь глазами.

Долго отсиживались гадхарцы в своих маленьких хижинах с низкими тростниковыми крышами, но, сообразив наконец, что приходит им конец, порешили всем миром срубить чудовищную пальму.

Застучали топоры, полетели щепки. Весь день, светя себе масляными фонарями, мужчины трудились, обливаясь потом от напряжения и страха. Ночью они пили рисовую раку и жевали бетель, с нетерпением дожидаясь утра. Когда же тусклый свет пробился сквозь огромные листья дерева, они отправились к нему и принялись рвать волосы в отчаянии: пальма стояла целехонькой, без единой царапины, даже подросла немного.

Так повторилось и на следующий день, и еще много-много раз. Дерево стояло точно заколдованное. Нашлись люди, которые стали поговаривать, что некий злой демон помогает проклятой пальме и лучше ее не трогать. Другие возражали: если дерево будет и дальше закрывать солнце, им все равно не жить. Так они спорили, но никто больше не осмеливался подойти к кальпаврикше ни днем, ни ночью.

И тут на помощь приготовившимся погибать гадхарцам пришел один деревенский дурачок. Известно, дурач-

кам все как с гуся вода, и страх им редко ведом. Мать отправила его отнести отцу рисовых лепешек, юнец заблудился и просидел ночь в кустах возле самого пожелайдерева.

— Это все проделки большого свирепого тигра,— сказал он людям, когда нашелся.— Ночью он приходит и зализывает раны на дереве. Он хочет сохранить пальму, потому что под ней темно, а в темноте ему ловчее охотиться.

Удивляясь столь складным речам дурня, его накормили сладкими рисовыми шариками и стали думать, как отвести тигра. Нашелся человек, предложивший вогнать в ствол несколько ножей, лезвиями наружу. Так и поступили. Когда тигр ночью стал лизать дерево, острая сталь впилась ему в язык и разрежала его на куски. Тигр взвыл от боли и, обливаясь кровью, с ревом кинулся прочь. Больше он там никогда не появлялся.

Кальпаврикша же начала сохнуть, плоды ее сморщились и упали наземь, и вскоре пальма превратилась в обычное дерево, невзрачное и нестрашное. От ее прежних огромных корней осталась только котловина в склоне горы Дейгин. Над княжеством Гадхара вновь засияло солнце, заколосились поля, налились соком луговые травы. И жители вернулись к повседневным трудам и заботам, славя Индру, Асура и Катара.

Заканчивая свою повесть, баронский сын едва ворочал языком — три меха крепчайшего лианового настоя опустели к тому времени.

— Вендийцы глупы,— заключил Рогар, грозя кулаком в пространство,— такое дерево загубили... А могли бы владеть миром!

— Глупы,— согласился киммериец, в глазах которого уже плясали зеленые эльфы,— надо было сожрать орехи и возжелать могущества.

— И еще вендийцы трусливы,— разливая вино по бочке возгласил баронский сын,— что бы сделали мы, тауранцы, с тем тигром? Мы бы пошли и разрубили его на куски.

— А мы, киммерийцы, вырезали бы ему печень и скорчили собакам,— добавил Конан.

Страж кальпаврикши уставился на северянина немигающим взглядом, в бороде его блеснули оскаленные зубы.

— А знаешь ли, варвар, кем был тот тигр? — спросил он.

— Он был хищным полосатым зверем,— предположил Конан и потянулся через стол за мехом.

— Он был самой Хали, принявшей образ хищного полосатого зверя,— возгласил Рогар.— Она умеет обращаться в разных тварей. В кобру, например. На кого эта кобра глянет, тому, точно, конец. Но в тот раз Хали приняла облик тигра, чтобы лизать дерево. Потому Богиню Смерти изображают иногда с разрезанным языком.

— Выпьем за ее язык,— сказал Конан.

— Ты святотатствуешь,— сказал сын барона,— я буду с тобой биться. Ты меня убьешь. Мне надоела эта дыра. Хочу в Сады Индры, к небесным девам.

— Я не стану тебя убивать ради какого-то недозрелого ореха,— запротестовал киммериец.— Потом, мы еще не все допили.

— Святотатствуешь,— повторил Рогар.— Золотой Плод, хоть и невзрачен с виду и вызревает раз в десять лет, желание исполнить может. Правда, не сразу. Его надобно съесть, а через три дня встать лицом к статуе Богини Смерти и громко что-нибудь возжелать.

— Почему через три дня? — спросил Конан, оторвавшись от меха.

— Ну, можно через один или пять, но не более седмицы. На восьмой день действие плода заканчивается.

— А жрецы чего же им не воспользуются? Или желаний нет?

— Да кто их знает,— хохотнул тауранец,— сдается мне, у них давно все отсохло, кроме носов горбатых.

Он помрачнел, прикончил содержимое четвертого меха, потом сказал:

— Не люблю я их. Знаешь что, киммериец, давай сохрем Золотой Плод и попробуем унести ноги — может, дво-

ем получится. Подаришь его своей Жазмине, будете жить счастливо и умрете в один день. А я отправлюсь в Тауран с наследством разбираться — пусть Сады Индры провалятся в Нижний Мир вместе со всеми своими девами...

Предложение пришлось Конану по душе.

— Ты говоришь, как муж чести,— сказал он, поднимаясь из-за стола.— А то наплел чепухи всякой... Что же касается Деви — говорят, боги сомневаются в двух вещах: охотничьих рассказах и верности женщины. Не затем ли она отправила меня на гору Дейгин, чтобы навсегда избавиться от ненужного соперника своей власти? Мне расхотелось возвращаться в Айодхью. И зачем тебе Тауран? Отправимся в Коф: дошли до меня слухи, принц Альмурик отчаянных парней набирает. А сейчас пошли за орехом, хвост Нергала в задницу твоим горбоносым!

ГЛАВА 3. Косогор. Добыча якшей

В небе кружили большие черные птицы. Они то взмывали вверх, то снова опускались, широко распластав острые крылья.

Конан тряхнул головой и увидел дырявую тень пальмового листа на пыльном щебне. Он сидел, прислонившись спиной к дереву, а на его коленях поблескивал бугристой кожей Золотой Плод. Сильно болело плечо.

Из мутных глубин памяти неохотно всплывали воспоминания. Они рубились с Рогаром, рубились жестоко и яростно. Меч киммерийца лежал рядом, клинок его был зазубрен. О боги, чем же закончилась эта схватка?

Проклятое лиановое вино!

Варвар огляделся: котловина была пуста, дом Хранителя чернел провалами окон, дверь открыта. Тишина.

Горбоносые унесли безжизненное тело баронского сына, это он помнил. Был ли Рогар убит? На мече нет крови, в голове бухает тупое било...

Плохое вино, плохое место.

Варвар сунул оказавшийся неожиданно тяжелым орех в кожаную сумку на поясе, поднялся и размял затекшие мускулы. Птицы висели над головой, внимательно наблюдая за человеком.

Да, он теперь Хранитель! О том объявил тощий жрец, после того как Рогар ударился головой о ствол кальпаврикши и рухнул возле корней дерева. Приложился он мощ-

но: ствол содрогнулся, и Плод Желаний золотистой искрой сорвался вниз.

Конан глянул на свой кулак. Костяшки пальцев были сбиты в кровь. Барон припечатался затылком к стволу с его помощью.

Но что случилось с ним самим, отчего он оказался сидящим возле кальпаврикши?

И тут вспомнилось, как они с Рогаром Безголовым брели к пальме, пошатываясь, похлопывая друг друга по плечам, похохатывая и сыто рыгая. Довольные друг другом, почти друзья. Тауранец поглядывал вверх и грозил кулаком пустому небу. Птиц тогда еще не было.

— Вот! — возгласил младший сын Гайварда Толстого, останавливаясь возле дерева. — Вот семя, упавшее из Небесных садов, чтоб им пусто было! *Kru singh omm-olu!* Сорвем же плод сей и уйдем, предоставив горбоносым самим поливать гнилые корни.

— Сорвем, — согласился киммериец, — подсади меня.

— Нет, — замахал руками бородач, — я сделаю это сам! Или ты мне не доверяешь?

— Я тебе не доверяю, — сказал Конан, — потому что пришла мне в голову одна мысль.

— Ты меня обидел, — сказал барон упавшим голосом, — но мысль твою я послушаю.

— А мысль такая, — объяснил варвар, поглядывая на черные точки, появившиеся в безоблачном небе, — ты можешь сожрать орех и возжелать освобождения.

— Чего возжелать?! — уставился на него Рогар маленькими мутными глазками. Конан пожал плечами, удивляясь его тупости.

— Мог бы и раньше сообразить: если отсюда нельзя уйти с плодом, можно уйти без него. Предварительно проглотив и попросив у той вон бабы отпустить тебя восвояси. — Он кивнул на грудастую статую Хали, молча взирающую на них из-под откоса.

Барон растерянно пошевелил пальцами, немного подумал и сказал:

— Умный ты, северянин. Я так и сделаю.

И треснул кулачищем по стволу. Кальпаврикша жалобно закричала и закачалась, однако Золотой Плод удержался на своем месте.

— Ты обещал отдать орех мне, — напомнил киммериец.

— Обещал, — согласился Рогар, — но твоя мысль правится мне больше. Надо было самому догадаться. Глупо надеяться, что мы сможем уйти отсюда просто так, это вино замутило мне голову.

— Тогда ты отправишься в Сады Индры, — сказал варвар. — Я пришел сюда за Плодом Желаний, и я его возьму.

Тауранец молча на него посмотрел и побежал на тяжелых ногах к своим мечам.

Крылатые соглядатаи жрецов, слетевшиеся к тому времени, могли быть довольны: Хранитель защищал вверенное ему священное растение яростно и ожесточенно. Надежда обрести свободу, опрометчиво подсказанная северянином, придала ему силу и неустрашимость. Правда, недоставало картинного изящества, подобающего битве пред очами самой Богини Смерти: нанося удары, бойцы часто промахивались, спотыкались о камни, а клинки их лишь со свистом рассекали знойный воздух, не достигая цели. Что и говорить: лиановая настойка была достаточно крепкой.

Дальнейшее вспоминалось смутно. Кажется, Конану удалось выбить кривые мечи из рук Хранителя. Тогда Рогар подобрал булаву и, яростно вопя: «*Otm-olu!*», запустил ею в противника. Киммериец не смог отбить шестопер, тот саданул его в левое плечо и сбил с ног.

Страж кальпаврикши устремился к пальме. Крылатые соглядатаи возмущенно загалдели, снижаясь: очевидно, подобное отступление не предусматривалось правилами. Впрочем, киммерийцу дела не было до черных птиц — он вскочил и бросился вслед за бароном, сжимая в руке меч. Рогар был возле самого дерева, когда варвар настиг его. Хранитель был безоружен; он оглянулся, оскалив зубы в жуткой гримасе, и тогда Конан ударил в эти зубы кулаком, сжимавшим рукоять меча, ударил так, что тауранец отлетел на пару шагов и стукнулся затылком о волосатый ствол.

И тут что-то садануло киммерийца по темени, и перед глазами поплыли огненные круги. Потом перед ним оказался по пояс голый жрец в черном дхоти. Видно, прошло какое-то время, и Конан уже сидел, прислонившись спиной к стволу, потому что видел горбоносого снизу. На широком землистобуром лице жреца лежала печать мутного равнодушия, словно у каменного изваяния. Волосы были цвета жухлой осоки, тощую шею украшала гирлянда маленьких черепов, вырезанных из сандалового дерева. Витой посох служителя Хали тоже венчал череп, настоящий, принадлежавший некогда человеку, с выкрашенными охрой зубами и зелеными камешками, вставленными в провалы глазниц.

— Ты победил, — прокрипел жрец по-вендийски. — Золотой Плод сорван. Ты будешь Хранителем кальпаврикши, пока не созреет новый или кто-нибудь тебя не убьет. *Otm-olu Kru singh!*

Краем глаза киммериец заметил, как еще двое в черных дхоти тащат поверженного барона к тропинке, ведущей из котловины. Косматая голова тауранца безвольно моталась, длинные волосы подметали землю. Прикончил ли его роковой удар, или слуги Богини Смерти просто решили наказать Стража, нарушившего правила поединка? Это навсегда осталось тайной.

Жрец бросил на колени варвара Золотой Плод. Конан потянулся было к мечу, но горбоносый вытянул вперед тощую руку, что-то пробормотал, и мир снова погрузился во тьму.

Когда Конан пришел в себя, рядом никого не было. Осмотрев котловину, варвар не обнаружил никаких следов, дом Хранителя был пуст, а возле ног статуи Богини Смерти аккуратно лежали кривые мечи, булава, крылатый шлем, желтая одежда и доспехи с золотыми пластинками. Все это, как видно, предназначалось ему, новому Стражу пожелайдерев.

Немного поразмыслив, киммериец пришел к следующим умозаключениям. Во-первых: никогда не стоит пить вино, приготовленное из красной лианы. Оно развязывает язык и заставляет болтать лишнее. Например, подсказы-

вать здравые идеи человеку, которому знать о них вовсе не следует. Во-вторых: Золотой Плод, с виду маленький и невзрачный, может причинить серьезные неприятности, угрожая кому-нибудь в голову. И наконец в-третьих: ему вовсе не хочется десять лет кормить лесных клопов и не стричь волосы.

Тут намечалось два выхода. Можно было немедленно проглотить орех и потребовать у грудастой Хали свободы. Но тогда предстояло вернуться к Жазмине с пустыми руками. Это уязвляло гордость киммерийца. Сейчас, когда хмельные пары лиановой настойки выветрились, он рассудил, что Деви навряд ли стала бы избавляться от него столь сложным способом. В конце концов он сам пришел в ее Дворец в Айодхьи, пришел один, ночью, практически доверив свою судьбу ее милости. И сам вызвался принести властительнице Вендии Плод Желаний.

Правда, Деви ничего не сказала ни о Страже, ни о том, чем обернется победа над ним. Не знала? Скорее, ей было ведомо, что уйти с горы Дейгин можно, даже одолев Хранителя.

А следовательно, стоило поискать способ это сделать. Подбрав свой лук, варвар осмотрел небосклон. Птиц не видно. Он осторожно двинулся по тропинке, готовый к любым неожиданностям. Миновал узкую горловину, отделявшую котловину от джунглей, и углубился под сень деревьев.

Ровным счетом ничего не произошло. Яркие бабочки вились между ветвей, звенели цикады, где-то вдали протяжно протрубил слон. Тропинка бежала вниз через заросли бамбука, перечных лиан, рододендронов и диких роз — алое, голубое, зеленое разноцветно придавали пейзажу вид праздничный и умиротворенный.

Вскоре впереди заблестела вода — показался берег реки. Конан увидел свою лодку, зачalenную возле сухого дерева с тремя вершинами — ориентира, по которому утром он признал со слов Деви начало тропинки, ведущей на гору Дейгин. Закинув лук за спину, варвар хмыкнул, шагнул вперед... и уперся лбом в шершавый ствол пожелайдерева.

Это было так неожиданно, что он даже не успел удивиться. Провел рукой по стволу, стряхивая жирных муравьев, только потом огляделся. Он стоял посреди котловины, многорукая Хали таращила свои деревянные глаза, оружие и доспехи у ее ног отбрасывали солнечные блики. Тень пальмы вытянулась до самого дома Хранителя: солнце уже клонилось к закату.

Конан молча зашагал к каменистому склону. Он решил попытать счастья, взобравшись наверх — будь что будет. Склон покрывал мелкий щебень, но карабкаться по нему было несложно, тем более для киммерийца, с детства привыкшего лазать по крутым скалам своей холодной родины.

До кромки откоса оставалась всего пара локтей, когда все поплыло у него перед глазами, и он почувствовал, что скользит на дно котловины, словно по гладкому стеклу.

Странное это было скольжение. Щебень и камни оставались недвижны, никакого оползня, и все же Конан оказался у подножия откоса, не успев даже перевести дыхание. Он повторил попытку еще в двух местах — с тем же результатом.

Присев на нагретый солнцем валун, варвар предался невеселым размышлениям. Похоже, слова Рогара подтверждались самым печальным образом, и перспектива провести десять лет по соседству с проклятой кальпаврикшей вырисовывалась все более отчетливо. Если, конечно, не поступиться гордостью и не проглотить золотой орех.

И тут новое соображение пришло киммерийцу на ум, заставив вскочить и вновь направиться вниз по тропинке. Рогар поминал, что жрецы заставляли его таскать воду и поливать корни пожелайдерева. Значит, он спускался к реке. Может быть, к берегу есть другой путь, не закрытый чарами? Если его просто стерегут — жрецы ли, черные птицы или иные существа — он найдет способ проложить себе дорогу!

Вытащив из заплечных ножен немедийский меч, Конан медленно двинулся по тропинке, внимательно осматривая заросли. Ни малейшей прогалины: колючие ветви кустарников плотно оплели лианы. Между корней растений по-

блескивала мутная жижа, в которой копошились белые черви и какие-то насекомые. Местность уже не казалась столь привлекательной, а бутоны диких роз алели в зарослях, словно капли крови.

Когда в просвете между ветвей вновь заблестела река, киммериец остановился. Он уже видел свою лодку. Еще шаг — и неведомая сила перенесет его к стволу ненавистой пальмы. Конан решил не пытаться судьбу: после всех этих перемещений голова у него кружилась, а в желудке словно ворочался отвратительный сгусток холодной слизи.

Отступив шагов на десять, варвар обрушил меч на стену кустов. Он яростно орудовал клинком, как будто перед ним были не обычные растения, а сонмище мерзких чудовищ. Сок перечных лиан обжигал лицо, колючки рвали одежду и царапали кожу, но киммериец упрямо продвигался вперед, надеясь обойти невидимую преграду, закрывавшую тропинку, и спуститься к берегу в другом месте.

Вскоре живая стена расступилась, и он оказался на краю обширной поляны, заросшей высоким папоротником.

Прикинув, что река должна находиться по левую руку, Конан двинулся через это зеленое озеро, доходившее ему до груди. И тут же застыл, внимательно вглядываясь в извилистую полосу колеблющихся листьев впереди: кто-то или что-то пересекало поляну по направлению к сухому откосу, наверху которого темнела мрачная стена джунглей.

Неприятный запах коснулся его ноздрей. Так мог пахнуть живущий на помойке пес, внезапно искупавшейся в бочке с дешевыми благовониями. Запах казался знакомым, но не вызывал ни малейшего желания повстречаться со своим источником. Решив выждать, варвар пригнулся и принялся наблюдать из-за широких листьев папоротника.

Ждать пришлось недолго: заросли у края склона раздвинулись и показалась процессия карликов с короткими, загнутыми на концах дубинками в руках. По вывернутым назад ступням и выпученным глазам, сидевшим гораздо выше, чем у людей, Конан признал якшей — древнее лесное племя, поселившееся в дебрях Вендии еще задолго до Великого Потопа.

О якшах болтали разное. Говорили, например, что Богиня Смерти Хали вытесала их из камней Химилийских гор, дабы существа эти охраняли несметные сокровища в темных пещерах. Другие утверждали, что якши ведут родословную от древних гигантов, которых небесные воители Асур и Катар так долго лупили по головам своими палицами, что те уменьшились до трех локтей с шапкой, а глаза у несчастных вылезли на лоб, да так там и остались. Ноги же им якобы вывернул Индра, за то что коварные недорослики хотели умыкнуть Небесную Черепаху и лишить земном диск опоры.

Как бы то ни было, к якшам относились презрительно и в то же время с опаской, хотя и пускали на рынки, где карлики обменивали плоды дерева у-у, дарующие мужчинам любовную силу, и молоко птицы удгар, полезное для стариков и кормящих матерей, на железные ножи и наколочки для стрел. Кузнечного дела они, похоже, не ведали.

Время от времени очередной Мехараджуб объявлял их вне закона, ссылаясь на свидетельства очевидцев, уличавших лесное племя в отвратительном людоедстве. Однако плоды у-у произрастали в местах, ведомых лишь якшам, а птицу удгар никто из людей и вовсе не видел. Так что по настоянию стареющих любовников и кормящих матерей законы приходилось отменять, и недорослики вновь появлялись в городах, заставляя жителей зажимать носы и плевать от их весьма своеобразного запаха.

Нedorослики ловко бежали вверх по склону, перебирая кривыми ногами. Впереди следовал карлик в зеленой шапке с красной опушкой, с плетеным щитом за спиной и бамбуковым копьём в руке — очевидно, вожак. Шестеро якшей сгибались под тяжестью длинного свертка, перехваченного тонкой веревкой, стараясь не отставать от своих соплеменников. Конан заметил, что остальные держатся по бокам носильщиков, явно их охраняя.

В другое время киммериец наверняка заинтересовался бы таинственной ношей: он слышался немало рассказов о сокровищах якшей, которые те то и дело перетаскивали

с места на место, дабы не залеживался. Варвар полагал, что делали они это с целью сбить со следа возможных кладоискателей, но сейчас его занимало совсем другое. Рогар утверждал, что недорослики повсюду суют свой нос, так, может быть, им ведома дорога, ведущая к реке из заколдованного места? Если тауранец и не смог ее выведать, то уж варвар найдет способ развязать язык кривоногому уродцу, окажись тот в его руках!

Процессия была уже на середине откоса, когда киммериец предпринял стремительный маневр и оказался за спиной арьергарда якшей.

— Стой,— взревел он, размахивая над головой мечом,— или, клянусь кишками Нергала, я закончу труды Индры и повыдергиваю то, что зовется у вас ногами!

Якши разом обернулись, угрожающе подняв кривые дубинки; носильщики опустили сверток на сухую траву и тоже взялись за оружие.

Вожак в зеленой шапке что-то крикнул и проворно подбежал к варвару. Держа копье опущенным, он протянул волосатую лапку и подал человеку небольшой свиток, пережатый атласной лентой. Конан в растерянности установился на пергамент.

— Это что? — спросил он, опуская меч.

— Грамота,— сказал вождь на чистом вендийском,— мы под охраной Деви Жазмины.— Глаза его смотрели в разные стороны: один на Конана, зрачок другого вращался, оглядывая небо и стену джунглей за спиной.

— Ты не вендиец,— заговорил снова карлик, видя, что киммериец не торопится взять свиток.— Ты — кто?

— Конан,— ответил варвар, раздумывая, как теперь следует поступить: помахать ли еще мечом или попробовать договориться миром.

— Я — Тримрапарттмрапутасуптантрапеша! — Вожак ударил себя в грудь маленьким кулачком.— Мы возвращаемся из Айодхьи, несем товар в свою деревню. Если ты на нас нападешь, мы тебя убьем. Если не нападешь, дадим вот это.

И он показал золотой браслет на своем запястье, сгидившийся бы Конану разве что в качестве перстня.

— Послушай, Трима... пура... как там тебя,— сказал киммериец.— Убить меня не так просто, как тебе кажется. Но если вы укажете мне свободную дорогу к реке, я, так и быть, не стану нарушать вендийские законы и выдергивать ваши мерзкие лапы.

Краем глаза он уловил некое шевеление туго спеленатого свертка: то ли кто-то из якшей задел его ногой, то ли ветер надул края материи.

— Иди вниз,— махнул вождь рукой за спину Конана.— Река там. Иди где хочешь.

— Это легче сказать, чем сделать,— возразил киммериец.— Видишь ли, я пришел сюда по просьбе Жазмины, но уйти не могу, потому что недавно прикончил одного лохматого дурня, который сторожил гнилую пальму неподалеку отсюда. Если вы подданные Деви, то должны мне помочь.

Теперь оба глаза вожака уставились на варвара. Серая кожа на лбу якши сморщилась, широкий нос расплылся еще больше, а губы сложились в трубочку. Обернувшись к своим, карлик защелкал и загукал, подкрепляя странную речь энергичными жестами, при этом зрачки его похожих на пузыри глаз не переставали следить за киммерийцем. Недорослики закудахтали в ответ, мотая безволосыми головами и указывая куда-то вверх короткими ручками.

Послушав, вождь вновь обратился к Конану уродливое лицо и сказал:

— Ты Хранитель. Такова воля Индры. Уйти не можешь. Есть только один способ, очень плохой. Навлечешь гнев богов на себя и на нас. Поэтому мы будем молчать.

— Плевал я на ваших богов! — рявкнул киммериец, снова поднимая меч.— Говори, задница, что тебе ведомо, не то...

В это время лежавший на траве свиток снова дернулся, и приглушенный женский голос взмолился о чем-то жалобно и непонятно.

— А,— заревел Конан,— так вы и вправду жрете людей, вонючки! Это война! — И он ринулся на якшей, стараясь оглушить вожака рукояткой, чтобы пленить и подвергнуть допросу со всей безжалостностью победителя. Но его

кулак встретил пустое место — карлики кинулись врассыпную столь стремительно, что варвар успел заметить лишь качающиеся ветви зарослей наверху склона. Он попытался преследовать недоросликов, но очень скоро понял, что якиши чувствуют себя в дебрях, как рыбы в воде, чего не скажешь о человеке, более привыкшем к степям, скалам и простору ратного поля.

Проклиная себя за то, что упустил последнюю возможность обрести свободу, сохранив Золотой Плод, Конан вернулся к свертку, оставленному беглецами посреди склона. Из-под плотной ткани доносились глухие стоны.

Концом меча варвар разрезал веревки, наклонился, отогнул край материи...

И в ужасе отшатнулся.

ГЛАВА 4. Косогор. Пещера наслаждений

Лицо, представшее его взору, явно принадлежало женщине, но, боги, что это было за лицо! Зеленоватая бугристая кожа, покрытая гнойными язвами, длинный крючковатый нос, украшенный большой бородавкой, редкая щетина на подбородке, морщинистые веки, прикрывавшие узкие глаза.

Б-р-р! По спине киммерийца пробежал озноб, и он поспешно отдернул руку. Веки женщины медленно поднялись. Ее глаза поразили варвара. Были они чисты и прекрасны, тек две жемчужины, спрятанные в морщинистом теле отвратительного моллюска.

Бескровные губы дрогнули, пленница произнесла несколько слов на непонятном Конану наречии. Он отрицательно мотнул головой и принялся освобождать странное существо от пут.

Ему пришлось перекатить женщину, разматывая длинную полосу ткани, похожую на саван, подобный тем, в которые стигийцы заворачивают своих покойников. Когда материя спала, киммериец снова застыл пораженный. Перед ним на траве сидела юная девушка, ее высокую грудь едва прикрывала узкая кофточка, а бедра — короткая холщовая юбка. Гладкая кожа живота, точеные плечи, стройные ноги... Тем отвратительнее казалась на этом теле безволосая голова с яйцеобразным затылком, заостренными ушами и уродливым лицом, словно позаимствованная у болотного монстра.

Девушка попыталась подняться, но члены ее, видимо, затекли, она застонала и осталась сидеть.

Конан протянул ей руку: не оставлять же, в самом деле, несчастную на съедение якшам, которые могут вернуться, как только он уйдет.

В ясных глазах существа метнулся страх, тут же сменившейся затаенной надеждой. Она робко притянула узкую ладошку, варвар сжал ее и рывком поставил девушку на ноги.

— Уходи,— махнул он рукой,— там река. Ты свободна. Она посмотрела на него с неясным восхищением, потом глянула на свою ладонь и вдруг пустилась в пляс, высоко поднимая ноги и соблазнительно поводя бедрами, напевая что-то высоким красивым голосом, в котором слышалось журчание ручья и звон серебряных колокольчиков. Зрелище было жутким.

— Ладно,— сказал варвар,— можешь танцевать, если тебе так хочется. Я пошел.

Она вдруг упала перед ним на колени и припала бледными губами к его руке, заставив киммерийца содрогнуться.

— Господин мой,— заговорила странная женщина повендийски,— спаситель мой! Ты освободил меня, нарушив закон варны, да пребудет в тебе мощь слона и бесстрашие тигра, о дваждырожденный!

Склонившись, она поцеловала железный носок афгульского сапога и, подняв уродливое лицо с горящими восторгом глазами, воскликнула:

— Теперь я — твоя, о небесный супруг мой!

Конан невольно попятился.

— Послушай,— сказал он сердито,— я нездепний, повашему — млеччх. У вас много обычаев, которые кажутся мне странными. Возможно, согласно одному из них, я и должен взять тебя в жены. Что ж, женщины у меня давно не было, но ты сильно ошибаешься, если думаешь, что я так изголодался, что отрублю твою уродливую голову, чтобы овладеть прекрасным телом.

Девушка проворно вскочила и встала перед ним, упреву руки в полные бедра.

— Ах вот как,— заговорила она сварливо,— значит, я для тебя недостаточно хороша? Как бы ты не пожалел о своих словах, чужестранец. Как бы боги, взирающие с небес, не наказали тебя, превратив в насекомое. Как бы не отсохло у тебя кое-что между ног и не завелись желудочные черви в твоих кишках, как бы кости твои не размякли и не выпали ногти...

— Ты спятила,— сказал варвар, не в силах решить, то ли действительно отрубить ей голову, то ли просто плюнуть и уйти.

— Да, да, я сошла с ума! — воскликнула уродка, пританцовывая. — Сошла с ума от счастья! Ты хоть и млеччх и нет на тебе священного шнура, но я уже люблю тебя, безумно люблю! О Таттара-Рабуга, ты внял моим мольбам и послал дваждырожденного, который купит горшок простокваши, черную патоку и бросит в огонь рисовые зерна... Хочешь, юный красавец, взглянуть на мой лоб, который предстоит тебе раскрасить киноварью?

— Я уже взглянул,— проворчал Конан,— его что раскрашивай, что не раскрашивай — лучше не будет.

Она звонко рассмеялась, потом вдруг ухватила себя за покрытые язвами щеки и резко потянула вверх. Зеленая кожа поползла, словно плотный чулок, открывая свежее молодое лицо, а когда девушка отбросила ее прочь, по плечам ее рассыпались блестящие, густые черные волосы.

Теперь варвар мог оценить юную обманницу во всем ее великолепии. Несколько полноватые губы и бедра, как у всех вендийских женщин, слегка широковатые лодыжки — в остальном же была прекрасной и соблазнительной. Девушка продолжала смеяться и вертелась перед ним, демонстрируя все свои прелести, едва прикрытые узкими полосками полотна. На ней не было никаких украшений, да они оказались бы лишними для юного создания, чья свежесть была подобна едва распустившемуся цветку, покрытому утренней росой.

— Зачем ты таскаешь на голове эту дрянь? — спросил киммериец, совсем растерявшийся от столь чудесного превращения.

— Потому что я — анупра! — воскликнула девушка. — Была анупрой, пока ты не коснулся меня. Никто не может касаться людей нашей касты, не боясь навлечь на себя гнев богов. Такое дозволено только дваждырожденным, носящим священный шнур. В иных землях люди стали забывать древний обычай, берут в жены женщин из низших сословий, даже красивых анупр, потому страшные бедствия обрушиваются на многие княжества. Зная о том, мудрый властитель Гадхары повелел девушкам нашей касты носить маски, скрывая лица, и в земле нашей царит мир и процветание. Лишь немногие счастливицы удостоиваются чести явить достойному свое истинное лицо. Ты не побоялся подать мне руку, прекрасный юноша, и хоть нет на твоём теле сидура, чтобы закрасить мой пробор, ты сможешь срезать бамбуковое дерево, сделать флейту, вылить в огонь топленое масло и связать наши руки стеблями травы куша...

— Постой, — прервал её звенящую речь Конан, — я неплохо знаю вендийским и понимаю почти каждое твоё слово по отдельности. И всё же смысл сказанного ускользает от меня. Зачем мне делать флейту и лить масло?

— А ты что же, хочешь просто вымазать мне лоб краской? — возмутилась юница. — Клянусь трезубцем в руках Бхайрави, так не пойдёт! Или у тебя на лбу тилак, а на ногах деревянные сандалии? Не для того я страдала и терпела унижения, чтобы теперь выкрасить свои одежды в оранжевый цвет!

— Клянусь дубиной в руках Крема, — передразнил её киммериец, — у меня на ногах крепкие сапоги, и если ты не перестанешь трещать, получишь хороший пинок в свою соблазнительную задницу.

Девушка сразу же опустилась на колени и простерла к нему руки.

— Ты волен наказывать меня! — воскликнула она с таким восторгом, словно Конан только что предложил ей бриллиантовое ожерелье. — Жена должна покорствовать мужу своему!

— Я тебе не муж, — рявкнул варвар, — ты мне не жена! Плевал я на ваши законы. Я беру женщин, когда захочу, и бросаю, когда надоедают. У меня свои обеты.

Эта суровая отповедь вовсе не смутила вендийку. Она проворно вскочила и провела пальцами по своему смуглому животу.

— Может быть, тебе не нравится, что у меня нет трех складок ниже пупка? — спросила она. — Может, груди мои недостаточно велики, а пятки не начищены пемзой? Или тебе больше нравятся насурьмленные старухи, увешенные побрякушками? Или ты вообще прячешь где-нибудь желтые одежды, а сюда пришел, чтобы поохотиться на кроликов? Если ты связан обетом, млечх, я помогу тебе разобрать все три связующие нити!

Варвар уже собирался осуществить угрозу и поучить уму-разуму не в меру болтливую женщину, когда некая смутная догадка заставила его повременить с экзекуцией. Что она подразумевает под «желтыми одеждами»? Рогар был в желтом, когда крутил перед ним своими мечами. И что это за три нити, которая самоуверенная юница обещает разобрать?

Скрепя сердце он пустился в расспросы и, продравшись сквозь многословие и иносказания, выяснил следующее.

Раскрашивание лба и пробора, флейта, топленое масло и стебли травы куша — атрибуты вендийской свадьбы. Тилак (мазок желтой краски на лбу) и деревянные сандалии — принадлежность отшельника, которому не запрещено иметь жену. Правда, эти просвещенные люди сводят всю брачную церемонию к её первой части, то есть мажут кисточкой лоб невесты, потом облачают её в оранжевые одежды и удаляются с несчастной супругой в дикое место, где единственным развлечением служит собирание дикого меда и пение мантр. Но есть парни покруче отшельников: те связывают себя обетами (тремя нитями, символизирующими Асура, Катара и Индру), облачаются в желтое и служат богам, полностью лишая себя женского общества...

«Например, охраняют гнилые пальмы и кормят лесных клопов в ожидании урожая», — осенило тут Конана.

Слабая надежда замаячила перед варваром, словно далекий фонарь гостиницы перед путником, бредущим сквозь дождливую ночь. Чем Сет не шутит, может быть, бывшая

анупра и ведает тайну, которая поможет разорвать невидимые нити, тянущиеся от бесплотных пальцев небожителей?

— Как тебя зовут? — спросил он, обдумывая, с какой стороны приступить к выведыванию главного.

— Ка Фрей, — отвечала девушка, — а тебя, млеччх?

В третий раз за сегодняшний день Конан назвал свое имя. Потом осторожно начал:

— Открою тебе тайну, Ка Фрей. Моя желтая одежда действительно лежит неподалеку. Но связал я себя узами небесных богов не по своей воле. Меня послала сюда сама Деви Вендни. Велика честь, да высока и плата. В час без тени убил я некоего человека, охранявшего некое дерево... Ты слышала о калыпаврикше?

— Слышала... — прошептала вендийка, делая огромные глаза.

— Отныне я стал Хранителем, так что ни жениться на тебе, ни покинуть эти места не могу, — печально заключил Конан, внимательно за ней наблюдая.

Ка Фрей кусала нижнюю губу и смотрела в землю. Киммериец напряженно ждал.

— А ты сорвал Плод Желаний? — спросила она наконец, подняв глаза и глядя на варвара с испугом и надеждой. Конан расстегнул сумку, достал орех и показал ей.

— Ма-а-аленький, — протянула девушка и вдруг бросилась на шею варвару. Она обнимала его, лаская обветренные щеки мягкими пальчиками, орошая покрытое шрамами лицо киммерийца слезами и касаясь его губ своими горячими губами. При этом она бормотала что-то невнятное, Конан разобрал только слова «мангалсутрам» и «незаслуженное счастье».

Нельзя сказать, что эти объятия были ему неприятны, в другое время он ждал бы продолжения и сам охотно тому способствовал, но сейчас важнее было узнать, может ли Ка Фрей чем-нибудь помочь, или ее бурное проявление чувств порождено обычной женской глупостью. Варвар решительно отстранил девушку и глянул на нее с притворной строгостью.

— Не забывай, — сказал он наставительно, — что я связан тремя нитями, и твое поведение может не понравиться богам. Расстанемся же здесь, и я отправлюсь туда, куда призывает меня долг. Прощай!

— Подожди! — вскричала тут прекрасная вендийка, повисая на его могучей руке. — Или твое лицо уже занавешено сехрой?! Где твои глаза, посмотри на меня, кшатрий, разве не лучше я любой пальмы и любого плода, будь они даже из чистого золота?! Так что же ты предпочтешь?

— А у меня есть выбор? — спросил Конан.

— Конечно! Нарушив закон варны, ты совершил дозволенное лишь дваждырожденному, а родившийся во второй раз освобождается от обета, принесенного в прошлой жизни! И если ты совершишь со мною то, что собирался сделать противный якша, мы вместе разберем все три нити...

— А что он собирался с тобой сделать? — спросил варвар, с некоторым ужасом решив, что вендийка предлагает ему полакомиться своей молодой плотью.

— Он хотел войти в пещеру наслаждений, — потупилась Ка Фрей. — И все его собратья хотели того же. Я бы тогда умерла.

Мысленно обозвав себя ослом, Конан осторожно обнял девушку за плечи.

— Мне нравится такой способ разбирать нити, — шепнул он ей в ухо.

— Только тут есть одно обстоятельство... — Щеки юницы пылали.

— Какое же?

— Моя пещера запечатана...

— Не велика беда, — сказал киммериец, крепче прижимая к себе девушку, — все через это проходят. — И он мягко повалил прекрасную вендийку в сухую траву.

ГЛАВА 5. Река. Новое решение

Плетеная, обтянутая крепкой буйволово́й кожей лодка спокойно скользила по извилистой ленте реки. Кона́н слегка подгребал, стараясь держаться на стремнине, где течение было как раз впору, чтобы нести их посудину без особых усилий с его стороны.

Полная луна низко висела над рваной кромкой темнеющих по берегам зарослей. Все вокруг было залито белым светом, взвешенным в ночи, как легкая серебряная пыль. Легкий ветерок доносил с берега крики обезьян, уханье и редкое рыканье ночных обитателей джунглей.

Ка Фрей сидела на корме, закутавшись в пленявшую ее еще недавно ткань, из которой она соорудила подобие сари. На голове у нее был венок из желтых и красных цветов.

Глядя на вендийку, опустившую тонкие пальцы в жидкое серебро струящейся за бортом воды, киммериец обдумывал причины, побудившие его отложить свое возвращение к Деви и отправиться со своей новой знакомой в Город Слона. Еще он думал, что влажный воздух вендийских лесов не на пользу северному человеку: он расслабляет, заставляет забыть об осторожности и размягчает язык. Стал бы он предаваться любовным утехам где-нибудь в степи или среди скал родной Киммерии, забыв о таящейся неподалеку опасности? Трудно представить такое. А ведь якши могли спрятаться в кустах и напасть неожиданно, чтобы отбить свою добычу и поквитаться за нанесенную обиду.

И уж, тем паче, не стал бы он чесать языком с первой встречной девушкой, если бы не жара и влажные испарения джунглей. Или лиановый настой Рогара все еще продолжал действовать, туманя мозг?

Посла того как он, по выражению вендийки, «впустил в пещеру наслаждений огненного дракона», они долго лежали посреди сухого откоса. Яркие бабочки и маленькие птички вились вокруг, дыхание леса казалось спокойным и умиротворяющим, и листья папоротника тихо шелестели под слабым ветерком, долетавшим с реки. Девушка легонько поглаживала его пылающие щеки, перебирала пальчиками его жесткие черные волосы и что-то тихонько напевала своим мелодичным, похожим на перезвон маленьких колокольчиков голосом.

— Ты любишь ее? — спросила она вдруг.

— Кого? — не понял киммериец.

— Свою Жазмину. Я слышала, она подобна розе в ночном саду, губы ее, как персик, ланиты подобны взбитым сливкам, а нос — стволу кипариса...

— Не такой уж он длинный, — проворчал варвар.

— Так говорят, когда хотят подчеркнуть правильность форм, — объяснила Ка Фрей. — Кипарис очень стройное и красивое дерево. Вы, северные люди, начисто лишены поэтичности, речь ваша груба и слишком определена. Если ты хочешь жить среди нас, тебе придется научиться выражать свои чувства более изысканно.

— А кто тебе сказал, что я собираюсь навсегда поселиться в Вендии? — Он намотал прядь ее блестящих волос на палец и слегка потянул к себе, заставив девушку ойкнуть.

— Ну как же, — сказала она, отстраняясь, — не затем же ты пустился в опасное путешествие за Плодом Желаний, чтобы продать его на рынке. Ты принесешь его в сверкающий, подобный застывшей морской пене дворец Деви и положишь трофей у ног возлюбленной. Так всегда делают, когда хотят завоевать любовь красавицы.

Ее слова заставили киммерийца погрузиться в размышления. Он и сам до конца не мог понять, почему тогда

ночью, в огромной спальне властительницы Вендии дал слово доставить ей Золотой Плод. Первую часть своей миссии он выполнил: тяжелый орех лежал в сумке. Если верить бывшей анупре, прикоснувшись к ней и сделав ее женщиной, он «разобрал» нити богов и освободился от необходимости охранять пожелайдереву. Это нужно было еще проверить, но Конан почему-то считал, что так оно и есть. А значит, он обладал двумя сокровищами, за которые многие позволили бы отсечь себе руку: свободой и возможностью исполнить любую свою прихоть.

Ну, может быть, не любую, все-таки кальпаврикша сильно усохла с тех времен, когда заслоняла листьями солнце для целого княжества, да и корни ее изрядно подгнили. Но, если съесть орех, можно нажелать себе золота, а там уж посмотреть, на что его хватит: на оплату армии наемников, чтобы идти к стенам вендийской столицы и сразиться с Деви, как он когда-то ей обещал, или только на то, чтобы нанять верблюдов и отправиться через пустыни и степи к берегам моря Вилайет и дальше — в Коф.

И все же он намеревался вернуться в Айодхью и вручить плод Жазмине. Заклучив, что причиной тому является его впитанное с молоком матери недоверие к любому волшебству и магии (варвар крепко усвоил, что за всякое исполненное при помощи чар желание рано или поздно приходится платить дорожную цену), киммериец привлек к себе юную вендийку и тихо заговорил:

— Люблю ли я Жазмину? До сих пор лишь одна женщина удерживала мое сердце долее двух седмиц. Она была атаманшей черных корсаров на корабле «Тигрица». Имя ее, имя королевы пиратов Белит, наводило ужас от Зингары до Куша. Она погибла, но вернулась с Серых Равнин, чтобы помочь мне в смертельной опасности. Думаю, ее сердце было связано с моим тем, что ты называешь «нитьями богов». Когда Белит окончательно исчезла из нашего мира, в моей груди поселился холод. У меня было много женщин, но они заставляли сгорать лишь мое тело, а не душу. Жазмина была моей пленницей, я похитил ее, чтобы обменять на вождей афгулов. Я не прикоснулся к ней, а

когда она попала в лапы Черных Колдунов, проник в их замок и вызволил Деви. Она отплатила мне добром: помогла разбить войско туранцев, напавшее на моих людей. Афгулы поначалу сочли, что я предал их, так как вожди по роковому стечению обстоятельств погибли. Но я вернул их доверие своим мечом. Когда мы прощались с Деви, колдун, принявший облик ястреба, упал на нее с неба, но я убил его. Повелительница Вендии сочла себя моей должницей, и мы договорились, что встретимся на берегу Юмды, каждый во главе своего войска...

— Странные истории ты рассказываешь! — воскликнула Ка Фрей. — Вы помогли друг другу, а потом решили затеять сражение? Почему?

— Тебе это трудно понять, — сказал Конан, наблюдая за алыми нитями облаков в закатном небе. — Жазмина — властительница великой страны, я же считал себя в то время повелителем Гимелийских гор, а повелителю не пристало одерживать победы как простому разбойнику. Я тешил себя надеждой объединить горские племена и афгулов, чтобы завоевать себе державу. Этим планам не суждено было осуществиться: некий Безликий Пророк встал у меня на пути. Я победил, но лишился своего войска. И тогда я отправился в Айодхью один, проник ночью во дворец Деви и предстал перед ней...

— И что же?.. — прошептала девушка.

Конан хотел промолчать, но что-то заставило его говорить дальше.

— Жазмина смеялась. Да, клянусь демонами преисподней, она смеялась! Она была довольна, что теперь я ее пленник. Узник ее женских чар. Кром! Я стоял возле шелкового ложа со своим тяжелым мечом за плечами, и никого не было в спальне — ни слуг, ни телохранителей. Я мог убить ее одним движением. А она смеялась. Она знала, зачем я пришел. Чтобы сдаться... — Киммериец резко сел и оттолкнул вендийку, жалея уже, что так разоткровенничался.

— Если бы я овладел ею тогда, все было бы кончено, — сказал он, сжимая кулаки, — для меня, по крайней мере...

Любовь Деви — это цепи потяжелей тюремных. Я хотел властвовать, а не сдаваться на милость победителя. Ты права: я решил завоевать Жазмину если не на поле брани, то делом, которое по плечу лишь мне одному. Поэтому согласился отправиться за Золотым Плодом.

Девушка вдруг приникла к нему и крепко обняла за шею.

— Как это прекрасно! — жарко зашептала она. — Лакшми ликует в небесных чертогах! Вернемся в Айодхью, господин мой, и подвиг твой будет вознагражден щедрой рукой прекраснейшей из женщин. Ты станешь Мехараджубом, самым великодушным и храбрым из всех, властвовавших над Вендией со времен Великого Потопа!

— Что-то не понимаю, — пробурчал варвар, — ты готова поделиться мною с Жазминой?

— Конечно! — Ка Фрей резво вскочила на ноги и потянула его за собой. — Кто я и кто она! Прекраснейшая, мудрейшая, совершеннейшая из дочерей земных, рожденных по воле лучезарного Индры! Ты достоин Деви, о храбрейший из кшатриев, ты вправе получить плод еще более удивительный, чем тот, что лежит в твоей сумке! О Жазмина, светлейшая звезда на хрустальном куполе небес! Я буду любить ее, как сестру. И поверь, Ка Фрей не настолько горда, чтобы не довольствоваться ролью второй жены!

Несколько ошарашенный таким поворотом, Конан поднялся, а юная вендийка, ухватив его за палец, легкой походкой двинулась вниз по косогору, не переставая говорить.

— Жить во дворце, среди ажурных решеток и журчащих фонтанов, — щебетала она, — могла ли я мечтать о таком, я, анупра, принужденная носить отвратительную маску! Нет, Таттара-Рабуга передал мои мольбы более могущественным богам! Они послали мне не только избавление от позора, но и радость подняться сразу в высшую касту. Как мечтала я о счастье наслаждаться роскошью и вкусной пищей, внимать сладчайшей музыке и пристойным речам, пользоваться уважением и преклонением окружающих — о сны, сны! Вы осуществились наконец! Дай припасть к ланитам твоим, супруг мой небесный!

И она снова обнимала варвара, покрывая его лицо жаркими поцелуями.

Идя вслед за тараторившей юницей через заросшую папоротниками поляну, Конан чувствовал себя малым ребенком, которого ведут, чтобы наградить сладостями за хорошее поведение. Варвар шагал молча, наблюдая, как то появляется, то исчезает среди мясистых листьев головка девушки, и про себя усмехался. Бывало, его женщины считали, что поймали в свои сети крупную рыбу, да рыбешка-то оказывалась зубастой и всякий раз, прокусив невод, уходила обратно в море. Глупышке Ка еще предстояло убедиться, что рыбарь из нее никудышный. Но поначалу следовало посмотреть, исчезли ли невидимые «нити богов».

Сомнения варвара рассеялись, когда они достигли берега и вышли к сухому дереву, возле которого привязана была его лодка. Ка Фрей сразу же забралась в посудину, продолжая щебетать, пока он отвязывал веревку. Конан не имел ничего против, он вовсе не собирался платить вендийке черной неблагодарностью и оставлять ее в столь гиблом месте.

Когда лодка вышла на середину реки, киммериец сказал:

— Послушай, женщина... Только перестань трещать и не голоси, когда услышишь, что я скажу. Я не собираюсь делать тебя ни старшей, ни младшей женой. Ты хорошая девушка, Ка, я благодарен тебе за свое освобождение, но у меня другие планы. Вернусь в Айодхью, отдам орех Деви и уйду. Надоели ваша жара и ваши дожди, поищу местечка, где попрохладней.

Он ждал слез, криков, чего угодно, но вендийка только опустила голову. Потом подняла сверток прихваченной на косогоре материи и принялась обертывать его вокруг тела, сооружая какое-то подобие одежды.

Некоторое время плыли молча. Конан налегал на весла; течение было не сильным, лодка быстро двигалась вверх по реке.

Когда солнечный диск превратился в оранжевый полукруг, исчезающий за кромкой деревьев, Ка Фрей простерла

к светилу руки и, озаренная меркнувшим светом, воскликнула:

— О лучезарный Индра! Моя надежда на счастье исчезла так же быстро, как исчезает Твой огненный лик за краями земли! Я не ропщу, ибо знаю, что боги велят людям стойко сносить посланные испытания. И все же мне грустно.

Она посмотрела на зеленую маску, валявшуюся на дне лодки, и добавила:

— Что ж, по крайней мере, я теперь не анупра...

— Так выкинь эту дрянь в реку, — посоветовал Конан. Девушка подняла печальные глаза.

— Не могу. Никто не поверит мне на слово. Вот если бы ты...

— Нет, — резко оборвал киммериец.

— Я не прошу тебя навсегда оставаться со мной, — робко настаивала она, — я помогла тебе освободиться, так помоги и мне... Умоляю!

— Разве ты не говорила, что, сделав тебя женщиной, я избавил тебя от закона варим?

— Это так, супруг мой, но это требует подтверждения. Дваждырожденный, коснувшийся анупры, обязан объявить свое деяние. Через две луны наступит праздник Калипуджа, и в Городе Слона властитель Гадхары будет являть подданным свою милость. Это светлый праздник...

— Калипуджа? — переспросил Конан. — Торжества в честь Богини Смерти?

— Да, — кивнула Ка Фрей, — но Хали не только Богиня Смерти, она дарительница любви и страсти...

— Кром, — вырвалось у киммерийца, — воистину мозги вендийцев устроены иначе, чем у остальных людей! Или ваши жрецы слишком много времени проводят под палящим солнцем. А может быть, они наострились так ловко путать черное и белое, чтобы легче дурить простакам головы и не лишаться щедрых подаяний.

— Не говори так, — испуганно воскликнула бывшая анупра, — Хали может рассердиться! Она отпустила тебя, но это не значит, что Девятирукая не следит за нами...

Барвар только хмыкнул и сильнее налег на весла. Вендийские боги были многочисленны, им приносили кровавые жертвы, но он их не боялся. Киммериец почитал Митру, Крома и знал, что на Серых Равнинах каждого ожидает в конце земного пути властитель царства мертвых Нергал. Остальные божества были для него лишь демонами, часто вымышленными, а с остальными он надеялся справиться.

— Так что ты говорила насчет праздника? — спросил он, чтобы отвлечь вендийку от мрачных мыслей.

— Во время Калипуджи раджуб Гадхары особо добр со своими подданными. Если мы явимся в его шатер, и ты объявишь, что берешь меня в жены... Нет-нет, не хмурься, кшатрий, это только для людей! Ты — млечх, и можешь обручиться со мною по законам, не писанным для вендийцев. А потом уйдешь, куда кочешь, а я скажу людям, что ты не захотел взять меня с собой. Мне, конечно, вымажут лоб зеленым, но маску я все же смогу выбросить в Озеро Снов.

Она печально вздохнула, взглянула на звезды и добавила:

— Может быть, Одноногий Синг, который займет место раджуба на три луны, позволит мне последовать за ним...

Конана не слишком заинтересовали ее последние слова, но он все же спросил, чтобы скоротать время:

— Кто этот Одноногий Синг? Расскажи мне о нем.

Ка Фрей принялась рассказывать, а киммериец слушал ее со все возрастающим вниманием.

Он узнал, что в Гадхаре сохранился древний обычай, согласно которому раз в четыре года в месяце меак властитель на три дня отрекался от престола, а место его занимал временный суверен. В эти дни раджуб не занимался государственными делами, не прикасался к печатям и даже не брал податей со своих подданных. Вместо него временно правил Одноногий Синг. В день, на который звездочеты назначали открытие очередного праздника Калипуджа, он появлялся из огромного шатра и шествовал по городу в сопровождении торжественной процессии.

Сидя в роскошном паланкине, он ехал на украшенном золотой накидкой слоне, а за ним следовали вельможи,

воины и толпы народа. Обойдя улицы столицы, временный раджуб возвращался во дворец и рассылал во все концы княжества посланников, чтобы те собрали как можно больше товаров в лавках и на базарах. Даже суда и джонки, прибывавшие в эти дни по реке в местную гавань, подлежали конфискации и должны были выкупаться своими владельцами, если на то были согласие Одноногого Синга.

На третий день временный властитель отправлялся на главную площадь, где приказывал с помощью слона растоптать рисовую гору. Люди брали по горстке этого риса, чтобы обеспечить богатый урожай. Часть зерен приносили на стоящему раджубу, который приказывал сварить его и отдать брахманам. На этом царствование Одноногого Синга заканчивалось, и его отпускали с собранными богатствами и теми, кто хотел за ним следовать, на все четыре стороны.

Слыша столь чудные вещи, варвар греб все медленнее. Более всего его занимала таинственная личность Одноногого, который, по его разумению, мало того, что славно проводил время в Города Слона, так еще и получал немалые богатства за свои необременительные обязанности.

Однако из дальнейшего рассказа вендийки выяснилось, что никакого Одноногого Синга вовсе не существует.

Вернее, им мог стать каждый, кто прошел ряд испытаний, посвященных некоему герою древности, некогда спасшему племя гадхарцев — от чего именно, девушка толком не знала. Обычно это был кто-нибудь из приближенных раджуба, так что богатства никуда не уплывали из государства, а служили немалым дополнением к ежемесячным податям. Но, случалось, на престол садился простолюдин из тех, кто побойчей да побезрассудней. Так что претендентов на праздник Калипуджа стекалось немало, а их состязания служили любимым развлечением гадхарцев.

— Но почему временный раджуб зовется Одноногим? — спросил Конан, в голове которого уже крутились кое-какие интересные мысли.

— Очень просто, — объяснила его спутница, — прежде, чем заставить слона растоптать рисовую гору, Синг должен простоять на одной ноге как можно дольше. Брахманы

танцуют вокруг него, держа в руках рога буйволов, которыми черпают воду из Священного Котла и окропляют ею присутствующих на празднике. Если Синг выстоит, пока вода не кончится, это хороший знак, если коснется ногой помоста — знак дурной. Раньше за это сразу убивали, а теперь отправляют в Храм Хали, и уж Богиня Смерти решает, помиловать Синга или вырвать ему сердце.

— А велик ли котел? — спросил Конан.

— Котел велик, — отвечала Ка Фрей, — но стоящему на помосте дозволяется держаться рукой за деревянный шест...

Такое испытание показалось варвару детской игрушкой. Да, может, оно таковым и было, если учесть, что роль Одноногого Синга приходилось играть приближенным раджуба.

— Значит, — сказал киммериец, — если кто-нибудь победит в состязаниях, а потом простоит на одной ноге возле этого дурацкого котла, он получит все, что успел присвоить за три дня сидения на престоле Гадхары?

— Такова воля богов! — горячо воскликнула Ка Фрей. — И если бы Сингом в этот раз стал ты...

— Какая сообразительная, — проворчал варвар, табаня левым веслом и разворачивая лодку вниз по течению.

ГЛАВА 6. Водопад. На краю гибели

О на пролетела!
— Кто?
— Птица!

Конан обернулся через плечо, но увидел только полосу звездного неба над рекой, залитой ровным лунным сиянием.

— Мало ли тварей летает, — проворчал варвар, лениво подгребая веслами. Течение легко влекло лодку к югу.

— Птица пролетела слева направо, — испуганно сказала девушка, — а это дурной знак...

— Ты что, умеешь гадать по полетам?

— Но это всякий ребенок знает...

— Если снова появится, скажи, я подстрелю ее нам на завтрак. — Киммериец толкнул ногой колчан, лежавший на дне лодки.

Вода негромко плескалась за бортом. Яркий диск ночного светила висел над черной стеной джунглей, близко подступавших к берегу. Все вокруг было залито белым сиянием, насыщавшим мрак, словно серебряная взвесь. Даже тень, скользившая рядом с лодкой, виднелась сквозь слой лунного света, как сквозь легкую белую пыль.казалось, зачерпни воздух корзиной, и она наполнится неведомыми доселе драгоценностями...

Девушка тихо вскрикнула и подняла руку.

Конан взглянул — треугольник четких крупных птиц медленно перерезал диск луны, скользя по океану призрач-

ного света, перемешанного с крупными искрами звезд. Они плыли на широко распластанных неподвижных крыльях, беззвучно снижаясь к реке.

— Девятирукая послала своих слуг, — прошептала Ка Фрей, испуганно прижимая ладонки к груди. — О млеччх, зря ты смеялся над богиней...

— Это всего лишь птицы, — откликнулся киммериец, — что они могут нам сделать?

Вендийка не ответила. Варвар налег на весла, подгоняя лодку и стараясь держать ее посредине реки. Птицы сделали широкий круг, пройдя в полете стрелы над их головами, и снова поднялись над вершинами деревьев.

Девушка неподвижно застыла на корме, в ужасе наблюдая за черными летунами. Теперь птицы, сломав треугольник, выстроились цепочкой, следуя за вожак — крупным, острокрылым, с длинным, похожим на ятаган клювом и зелеными бусинами немигающих глаз. Он несся вниз, со свистом рассекая воздух, и вдоль его крыльев струились потоки серебристого света, словно языки холодного пламени...

— Бери весла! — крикнул Конан, подхватывая лук и колчан. Он вынужден был повторить свой приказ, прежде чем вендийка поняла, что от нее требуется и пересела с кормы на единственное сиденье лодки. Она схватила бамбуковые ручки весел и неумело попыталась грести.

Конан подался назад и, встав на колени, поднял лук и наложил стрелу. Вожак был локтях в тридцати, и киммериец не сомневался, что попадет птице в грудь. Но, как только он выстрелил, летун упал на левое крыло, заложил крутой вираж и увел стаю вверх. Описав широкую дугу, стрела со всплеском упала в воду.

Ругнувшись, варвар снова пустил летающую смерть в сторону стаи. На этот раз одна из птиц, кувырнувшись в воздухе, рухнула в реку. Ни вскрика, ни стоны — только плеснула и вновь сомкнулась искрящаяся волна. Не обратив на гибель своего товарища никакого внимания, остальные образовали кольцо и закружили над лодкой, все ускоряя полет. Стремительный хоровод превратился в чер-

ное кольцо, косо повисшее над рекой: опускаясь, птицы едва не задевали поверхность воды острыми концами длинных крыльев, и снова взмывали вверх, чтобы, поднявшись тенями выше лунного диска, опять нестись вниз по широкой дуге...

Конан посылал стрелу за стрелой, и большинство стрел находили цель. Взметая брызги, пронзенные птицы навсегда исчезали в реке, но, казалось, их не становилось меньше. Увлеченный охотой, варвар слишком поздно понял, что его выстрелы наносят стае не больший урон, чем укусы клопа слону: летуны не собирались на них нападать, а, кружа над лодкой, преследовали какую-то иную, неясную еще цель.

Ка Фрей совсем не умела грести. Несколько раз лодку разворачивало так, что она черпала воду низкими бортами, и только течение заставляло посудину лечь на прежний курс. По лицу вендийки текли слезы, она что-то беззвучно шептала, видимо, молилась своим богам...

Наконец Конан понял, чего добивались птицы. Пронсаясь всего лишь в трех локтях от правого борта, их стремительный хордов неумолимо теснил лодку к левому берегу, густо заросшему тростником и осокой. И там, в темной протоке, куда влекло боковым течением, крутился и кипел белой пеной широкий водоворот...

— Выгребай на стремнину! — крикнул он, чувствуя, как содрогаются борта от нарастающего бега воды. — Левым, левым сильнее!

Тщетно. Вендийка бестолково била веслами, поднимая тучу брызг, пока не выронила один гребок. Она бросила уцелевшее весло на дно лодки и согнулась на своем сиденье, закрыв лицо руками. Птицы разорвали кольцо, снова построились треугольником — на острие, словно наконец-ник гигантской стрелы, зловеще блестел в лунном свете огромный клюв вожака...

— Кром, Нергал и все демоны преисподней! — Варвар взревел подобно боевому слону. — Я достану тебя, будь ты самой Хали!

Он потянул из колчана стрелу — предпоследнюю.

Огромная птица летела вниз, а за ней на широко распластанных крыльях падала зловещая стая. Вода кипела за кожаными бортами — до бурунов оставалось локтей тридцать.

Конан наложил стрелу и тщательно прицелился. Зеленые глаза, словно две падающие звезды, неслись прямо на него, холодные и безжалостные, несущие смерть...

Киммериец выстрелил. Вожак метнулся в сторону, но на этот раз он оказался слишком близко — стрела пронзила крыло, и птица, издав жалобный, почти человеческий крик, полетела к берегу, тяжело перевалила через вершины деревьев и исчезла за кромкой леса. Вслед за вожаком потянулись остальные — безмолвные, словно клочья тьмы на фоне лунного сияния.

Конан толкнул вендийку на корму и, схватив единственное весло, попытался направить лодку в сторону от водоворота. Слишком поздно — стремительный поток неумолимо увлекал хлипкую скорлупку к кипящим белой пеной бурунам.

— Держись!

Они упали на дно лодки, которую трясло и раскачивало, словно кто-то бил по ней огромным молотом. Удар, треск...

Киммериец поднял голову и увидел, что водоворот исчез, а их несет среди высоких тростников куда-то вглубь зарослей — стебли гнулись под напором воды, рядом с лодкой, поблескивая мокрыми шкурками и красными бусинами глаз, плыли какие-то мелкие зверьки.

Вскоре миновали причину потока — каменная плотина, державшая прежде заводь, рухнула, образовав большую прореху, куда вода текла с глухим шумом. Через нее и вынесло лодку.

Конан пожалел, что не бросился за борт прежде: хотя течение и до запруды было сильным, все же он мог бы с ним бороться и доплыть до твердой земли. И девушку вытащил бы — за волосы, как придется, но вытащил бы. Здесь же, в каменистом русле, вода с грохотом неслась между камней, по галечным перекатам, ворочая упавшие

стволы и крутя мелкий мусор. Добротная лодка, выменянная на доспехи немедийского рыцаря, трещала по швам — кожа, обтягивающая борта, расплзалась, холодные струйки текли сквозь прорехи, и ноги девушки уже скрыла скопившаяся на дне вода. А впереди, перекрывая рокот стремнины, нарастал еще более мощный и страшный рев — рев бездны...

— Водопад! Нас несет к водопаду! — Варвар скорее догадался, чем услышал слова вендийки.

Он и сам понял, в какую ловушку загнали их посланцы Хали, и отчаянно искал выход. Справа темнел высокий скалистый берег, но до него было неблизко, а течение было столь стремительным, что и речи не шло, чтобы добраться до него вплавь. Их несло между камней, накрывая холодными брызгами, каждый миг они ожидали удара, который превратит в щепки их утлое суденышко. И тогда даже недюжинная сила киммерийца окажется бесполезной: поток увлечет их беспомощные тела в пропасть, навстречу демонам водяной бездны. Надо было что-то предпринять, и предпринять немедленно.

— Раздевайся! — вдруг крикнул варвар, перекрывая рев стремнины. — Живее!

Ка Фрей подняла свое бледное лицо, мокрое от слез и брызг, в ее глазах стоял ужас. Она смотрела на киммерийца, словно на чудовище, готовое ее поглотить. Она решила, что он лишился рассудка перед лицом смерти, и беззвучно молила богов послать ей гибель в волнах потока.

Стоя на коленях, Конан достал из колчана последнюю стрелу и показал девушке.

— Ткань, — прохрипел он, — размотай ее!

И, махнув в сторону берега, крикнул:

— Пуцу стрелу в дерево!

Она наконец поняла и принялась судорожно разматывать свое импровизированное сари. Киммериец подхватил край матерчатой ленты и крепко привязал к оперению стрелы. Другой конец намотал на руку и поднял лук.

Рев водопада приближался. Скалистый откос неся по правому борту, в расщелинах кое-где темнели деревья, но они были слишком тонкими, чтобы попытаться всадить в них стрелу. У него была только одна стрела и одна попытка, от которой зависели две жизни. О боги, пошлите дерево, крепкое толстое дерево, остальное он сделает сам!

И боги послали то, что он просил. Варвар успел заметить огромную тень наверху откоса, в тот же миг силуэт дерева мелькнул под скалой, и киммериец спустил тетиву. Его рвануло так, что он чуть было не вывалился за борт, но удержался и удержал лодку — связанная с берегом матерчатой лентой, она запрыгала по бурунам, приближаясь к спасительной отмели.

Но если светлые боги, казалось, посылали спасение, темные силы возвели между лодкой и берегом каменистый порог, гребнем выступавший из воды, — в него и уперся кожаный борт, прекратив движение к суше. Матерчатая лента светлела над стремниной, натянувшись косою струной от руки варвара к дереву — спасительная нить, готовая вот-вот лопнуть.

Осторожно киммериец принялся наматывать ткань на запястье, подтягивая лодку вперед. Борт царапал о камни, вода текла внутрь, и все же посудина мало-помалу двинулась вдоль гребня, который кончался шагах в десяти. Добраться до конца порога, а там течение само прибьет к берегу...

Нос лодки уже приближался к концу гребня, когда сверху упала черная тень. Огромная птица, тяжело взмахивая крыльями, зависла над матерчатой лентой и вонзила в ткань острые когти. Миг — и спасительная лента лопнула, поток подхватил лодку и, крутя, словно щепку, повлек навстречу висевшей над водопадом искрящейся в лунном свете стене брызг.

Многоголосый торжествующий рев водяных демонов рвался из бездны. Они готовились поглотить добычу, ликуя в предвкушении жертвы, — тысячи бесплотных созданий, детей ветра и потока, извечных врагов смертных... А на

врагов, кто бы они ни были, Конан всегда шел с мечом. И сейчас, задыхась в плотной стене водяной пыли, он вскочил на ноги и, чудом удержав равновесие, выхватил из заплочных ножен немедийский клинок, готовясь вступить в последнюю, безнадежную битву...

Этот отчаянный порыв не пропал даром: какая-то тень возникла в водяном тумане, стремительно приближаясь, темной линией прочерчивая искрящуюся взвесь. В последний момент поняв, что это нависнувшее над краем пропасти дерево, Конан поднял меч и изо всех сил всадил лезвие в ствол. Ему показалось, что мускулы его лопнут, перед глазами поплыли красные круги, но он задержал роковое падение. Крепко сжимая обеими руками рукоять меча и чувствуя, как разваливается под ногами лодка, киммериец молил всех вендийских богов, чтобы его спутница успела понять, что нужно делать...

Она поняла и крепко обхватила его за пояс. В тот же миг обломки лодки канули в бездну, и они повисли над пропастью.

Однако водяные демоны не склонны были столь легко расставаться с добычей. Дерево было слишком старым, а Конан — слишком тяжелым, чтобы продержаться над водопадом долее трех вздохов. Клинок выскользнул из ствола, и люди полетели в бездну...

Но, прежде чем их тела скрылись в бушующем потоке, сверху упала зеленая сеть, подхватила и повлекла наверх и дальше — к берегу. Киммериец успел заметить поросшие рыжей шерстью руки, тянувшие скользкие нити, и желтые клыки в губастых пастьях, больно ударился спиной о камни и тут же, в ярости разрубив путы, вскочил, готовый к схватке.

И никого не увидел. Берег был пуст, тускло отсвечивали под лунной скалы с темнеющей поверху рваной полоской леса.

Ка Фрей стояла на коленях, воздев тонкие руки, и тихо пела.

— Сома, Сома, светлый бог ночи, — слышал Конан, — ай нам успокоение и мирный сон, даруй радость забытья и сладость полей тумана...

— Самое время подремать, — сердито буркнул варвар, не убирая меча в ножны, — сдается мне, нас вытащили из воды вовсе не для того, чтобы предложить мягкую перину. Мне показалось, это были обезьяны...

— Они служат якшам, — прошептала вендийка.

В это время наверху скалы тускло затеплился неяркий огонь. Кто-то спускался по тропинке, освещая путь фонарем.

ГЛАВА 7. Костер. Падение ямбаллахов

Вот,— сказал Тримрапарттмрапутасуптантрапеша,— дальше — земля Вонючих Болотников.— Плохо. Едят людей.

— А я-то думал, это якши падки на человечинку,— подначил своего нового знакомого Конан, разглядывая плотную стену колючих кустов, среди которых, словно вход в пещеру, темнела прогалина, где начиналась тропинка.

Они стояли на краю небольшой поляны, поросшей высокой травой и желтыми цветами — киммериец, вендийка, вожак недоросликов и пяток его лупоглазых соплеменников. Соплеменники угрюмо молчали, сжимая в лапах свои кривые дубинки, и каждый не спускал одного глаза-пузыря с людей, а зрачком другого настороженно озирали окрестности.

— Базарные сказки,— сказал вожак, не понимавший шутки.— Верить не надо. Якши не едят людей, якши любят женщин. Я говорил.

Варвар уже слышал историю лесного племени: у костра, возле которого они с девушкой сушили одежду и угощались какими-то довольно сладкими корешками, испеченными на углях. Недорослики бродили поодаль, к костру не присаживались — то ли не могли забыть обиду, нанесенную киммерийцем, то ли просто его побаивались. Только их вождь, так и не сняв свою зеленую шапку, отороченную крашеным мехом неведомого зверя, устроился рядом с людьми и даже вступил с ними в беседу.

На берег, куда стая обезьян перенесла в сплетенной из лиан сети чуть было не ставших добычей водяных демонов путников, Тримра (так для краткости окрестил его киммериец) явился один. При нем не было оружия, только фонарь из выдолбленного ореха, в котором что-то, как ни странно, булькало и тлел неясного происхождения огонек. Завидев своего давешнего похитителя, Ка Фрей испуганно прижалась к северянину, поминая Таттара-Рабугу и нервно потирая пальчиком переносицу — жест, согласно поверьям вендийцев, охраняющий от нечистой силы.

— Я пришел мирный,— возгласил недорослик, потрясая для убедительности уже виденной Конаном грамотой.— Наши слуги, имеющие хвосты, спасли вас.

— Зачем? — недоверчиво спросил варвар, направив в грудь якши острие меча и настороженно оглядывая склон.

— У нас мир с людьми,— заявил Тримра важно.— Еще — ты друг Деви. Она отблагодарит.

— Я отнял у тебя добычу,— напомнил киммериец.

— Это право сильного. Мы найдем другую женщину.

— Чтобы съесть?

— Чтобы родить потомство. Пойдем к нашему костру. Мы дадим вам сладких паттахашара. Я расскажу, зачем нужны женщины.

Немного поразмыслив, Конан решил воспользоваться сим любезным приглашением. Тем более, что дорога из этого гиблого места была неведома даже вендийке. Если якши затаили коварное намерение напасть на них, что ж, у него достанет сил проучить лесных уродцев и навсегда отбить у них охоту нападать на людей. Хотя бы на киммерийцев, если, конечно, какому-нибудь его земляку придет в голову безумная мысль отправиться в джунгли Вендии.

Они взобрались по крутой тропинке и оказались возле большой деревянной статуи обезьяны, мелком виденной Конаном с реки. Идол был старый, поросший лишайником, обвитый лианами, локтей двадцать высотой. Имел он три лица, один обращенный к реке, а два других — в сторону троп, разбегавшихся от подножия истукана. Тропа пошире уходила вглубь джунглей, другая вилась по кромке обрыва

мимо идола и убегала дальше, теряясь среди обломков скал. Обезьяна была многорукой: две лапы прикрывали глаза, устремленные на реку, две другие зажимали рот морды, таращившейся на уходившую в заросли тропу, последняя пара прикрывала рот третьего лика.

Возле ног истукана горел небольшой костер, а на плечах гигантской обезьяны сидели ее живые сородичи — со скрещенными на груди лапами, безмолвные и важные.

— Это ваш бог? — кивнул киммериец на идола.

— Рапрапаратрукравапрадеша, — торжественно объявил вождь якшей, — Отец Народов.

Варвар хмыкнул. Хорош отец! Если какие народы и произошли от этого чучела, то только не киммерийцы. Может быть, якши. Впрочем, вендийцы тоже могли иметь своим предком хвостатое чудовище, не зря их презирают за хитрость, двуличие и склонность выражать свои чувства лицемерными гримасами.

— Почему у него три башки?

— Башки?

— Ну головы, морды.

— О, — сказал Тримра и пошевелил ноздрями, как бы к чему-то принюхиваясь, — Отец Народов мудр. Не хочет смотреть на бурный поток жизни. Презирает. Не хочет слышать пустых речей. Не боится. Молчит о тайне. Знает.

— А ты знаешь тайну? — живо спросил варвар, вспомнив слухи о лесных кладах, охраняемых племенем лупоглазых карликов.

— Знаю, — отвечал якша, — но не понимаю.

Конан не нашелся, что противопоставить столь странно-му заявлению, скинул промокшую одежду и, оставшись в одной набедренной повязке, уселся возле костра и принял поданные якшами коренья, оказавшиеся хоть и приторными, но весьма сытными. Перевязь с мечом киммериец предусмотрительно положил под руку. Ка наотрез отказалась скинуть свою юбочку и короткую кофточку — сушилась одетой, поворачиваясь к огню то одним, то другим боком, со страхом поглядывая на сновавшие в полумраке низенькие тени.

— Ты обещал рассказать, зачем вы похищаете женщин, — напомнил варвар, когда немного утолил голод. Единственное, о чем он жалел, было отсутствие вина — на запивку подали кокосовые орехи.

И Тримра поведал историю своего племени.

Когда-то его народ владел обширной страной, лежавшей далеко на севере, за Гимелийскими горами, степями и тундрами, за морем, покрытым ледяными торосами. Там было тепло, потому что страну окружали высокие хребты, не дававшие холодным ветрам проникнуть в долины, и горы эти часто плевались огнем, а вода в озерах была горячей и часто взлетала вверх кипящими струями. Карлики тогда не были карликами, были они настоящими великанами и звались ямбаллахами. Во главе народа стояли мудрые правители, именуемые мажиками, и предки Тримры жили в мире и довольствии.

Северную страну населяли и племена людей, прозябавших в дикости и ничтожестве. Звались они по местам обитания — «люди болот», «люди полей», «племена оврагов» — постоянно воевали друг с другом и потихоньку вымирали. Иногда племена объединялись и шли воевать ямбаллахов, влекомые алчностью и гордыней: крепости предков якшей наполнились золотом и самоцветами, а в роскошных дворцах имелось немало диковинок, память о коих теперь уже стерлась. Люди ни разу не смогли взять ни одной крепости, они во множестве погибали под ударами мощного оружия, о котором сохранились лишь смутные предания: известно только, что имелись у ямбаллахов огненные диски, поражавшие врагов сотнями, и громовые стрелы, разившие тысячами.

Так бы и сгинул род людской, обитавший по соседству с великанами, если бы не явилось неведомо откуда племя ругов, хитрых и жестоких воинов, идущих в бой обнаженными, с одним лишь каменным топором в руке. Очень скоро руги стали собирать дань со всех родов, но этого им показалось мало: старейшины племени замыслили коварством одолеть самих ямбаллахов.

Легенда гласит, что в один далеко не прекрасный день явились от них благообразные старцы, безоружные, лишь с

музыкальными инструментами в руках. Они были допущены в столицу пред очи мажика и, усевшись рядком, ударили в струны и жалобно запели песню-мольбу, суть коей сводилась к нижайшей просьбе всех подвластных и неподвластных ругам племен дать им мудрых наместников, дабы мир и согласие воцарились среди людей.

Правитель ямбаллахов весьма возрадовался подобным оборотом дела: был он существом просветленным и не терпел войн и убийств, прибегая к своему чудесному оружию лишь в качестве обороны от докучливых дикарей. Он отрядил наместников, которые поставили города на берегах рек и обучили племена хлебопашеству, ремеслам, и торговле. Лишь тайну своего оружия скрыли ямбаллахи.

Руги же, согласно коварному плану, вели себя ниже травы, тише воды, а их вожди даже поселились в столице великанов, якобы для того, чтобы учиться искусству управлять народом своим, на самом же деле лелея лишь одну корысть: овладеть секретом великого разрушения. И весьма в том преуспели.

Надо сказать, что женщин у ямбаллахов было мало, очень мало. В чем причина тому — Тримра не ведал. В легенде глухо поминался какой-то Путь, пройденный ямбаллахами прежде, чем великаны попали в северную страну посреди ледяного моря. Откуда они пустились в дорогу и почему не взяли с собой достаточно женщин, оставалось неясным. Как бы то ни было, хоть и жили великаны по три сотни лет, но лишь у каждого сотого рождался наследник, и предкам якшей рано или поздно грозило вымирание.

Когда вожди ругов завоевали доверие своих новых покровителей, один из них, называемый громким именем Победитель Света, предложил мажику, в знак дружбы и взаимного расположения, одну из своих жен, красавицу Светапху. Надо полагать, красавица была не в восторге от подобной перспективы, но покорила воле грозного супруга и возлегла с великаном, который оказался, несмотря на изрядные свои размеры, нежным и страстным любовником. От этого союза родился маленький ямбаллах, ставший наследником повелителя. Ростом он вышел не больше обык-

новенного человека, но в остальном во всем походил на отца и силой обладал неимоверной.

С тех пор и повелось среди предков якшей брать в жены человеческих женщин. Иногда от этих союзов рождались ямбаллахи, иногда люди, и вскоре кровь великанов и ругов, державших первенство среди племен, настолько перемешалась, что стали они почитать друг друга ближайшими родственниками и во всем друг другу доверять.

Вернее, доверчивыми оказались великаны: руги же, помня о цели своего плана, в конце концов завладели тайной чудесного оружия и изгнали ямбаллахов из страны. Сему предшествовала великая битва у подножия священной горы Меру, и вождь ругов Ория одолел в ней мажика ямбаллахов с его войском.

Лишенные своих огненных дисков и громовых стрел, великаны бежали через горные хребты, переплыли море на огромных льдинах, преодолели тундры, хвойные леса, степи и пустыни и добрались наконец до отрогов Гимелии. Они погибали в пути, сражаясь с рыжими бесхвостыми обезьянами, гигантскими белыми червями, обитавшими в ледяных торосах, умирали от голода в тундрах, падали под ударами каменных топоров одноногих людей-прыгунов и стрелами кочевников с изуродованными шрамами лицами, срывались со скал, атакуемые огромными орлами, и задыхались в ядовитых испарениях, текущих зелеными дымами из недр земли. До укромной долины посреди Химелейских гор дошли немногие. Из женщин-ямбаллахи — никто.

С тех пор страх поселился в сердцах предков якшей, страх и тоска по утраченному могуществу. Они обитали в горных пещерах, зарываясь все глубже под защиту крепких скал. От тесноты и недоедания рост их от поколения к поколению уменьшался, а знания мудреных наук утрачивались, пока не исчезли вовсе. Чтобы поддерживать род свой, якши (так стали они называться) похищали женщин в ближайших селениях, чем снискали ненависть местных жителей, преследовавших карликов, словно диких зверей.

Если женщина рожала якшу — ее оставляли жить в племени, если рождался человеческий детеныш — его уби-

вали вместе с матерью. Так продолжалось до тех пор, пока Сом, великий бог Луны, не обратил свой милостивый взор на вымирающее племя. Он открыл якшам утраченную тайну долголетия и повелел не убивать рожениц, а отпускать их восвояси вместе с ребенком, буде таковой окажется человеком. Женщины, конечно, хранили тайну родов, опасаясь проклятия единоплеменников, и уходили в иные земли, чтобы воспитывать своих незаконнорожденных чад. Если же рождался маленький якша, мать его окружали почетом, и жила она на положении королевы, пока не умирала от старости. Находились такие женщины, что сами являлись к низкоросликам, ожидая щедрых даров и почестей. В последнюю же сотню лет якши похищали исключительно анупр, исчезновение коих не вызывало особого беспокойства — неприкасаемые давно научились ценить жизнь членов своей касты не более чем судьбу ничтожного муравья, ползущего по тропинке.

— Эта женщина зря боялась, — заключил свою повесть Тримра, почесывая огромную ступню и кивая на Ка Фрей, — якши умеют любить.

При этих словах девушка вздрогнула так, словно ее снова окатили холодной водой.

— Представляю, — буркнул Конан, обнимая вендийку за плечи. — А что, эти руги и по сей день владеют чудесным оружием?

— Никто не знает, — отвечал недорослик, — никто не слышал. До них нельзя дойти. Лед. Замерзнешь.

— Если нельзя дойти, можно долететь, — задумчиво проговорил варвар. Ему не раз приходилось совершать путешествия по воздуху с помощью существ странных или магических чар. Воспоминания были не из приятных, но ради огненных дисков и громовых молний рискнуть бы стоило.

Тримра прикрыл глаза тонкими морщинистыми веками, пожевал губами, подвигал плоским носом — то ли недоумевал, то ли гневался. Впрочем, заговорил как всегда ровно и лаконично:

— Нельзя долететь. Огненные горы. Сильный ветер — вихрь, по кругу. Погибнешь.

— Ну, это еще тетушка языком сметану не взбила, — проворчал киммериец. — Нет такого места, куда нельзя попасть.

Карлик промолчал.

— Ты забыл, что у меня есть Плод Желаний, — продолжал варвар, — что, если мне попросить у него летучую колесницу? Или, еще лучше, просто перенестись в страну ругов?

Тримра уставился на него обоими зрачками. На этот раз на его уродливом лице явно читалось удивление.

— Так не бывает, — сказал он, подумав.

— Не бывает? Так на что же годится этот дурацкий орех?!

— Желания исполняет. Не так, как думаешь. Сбывается то, что может сбыться. Можешь найти летучую колесницу. Но она не возникнет из воздуха. Надо искать. Если где-то есть, получишь.

— А если нет?

— Не получишь.

Конан не удержался и досадливо плюнул в костер. Стоило тащиться к Нергалу на рога, чтобы обзавестись вещицей, которая не способна даже построить воздушный корабль! О том, можно ли сразу перенестись в таинственную северную страну за ледяным морем, он не стал и спрашивать.

Но потомок великанов словно прочел его мысли.

— Раньше было можно, — сказал он и снова почесал покрытую черной дубленой кожей ступню, — когда кальпаврикша была большая. Сейчас хуже. Корни гниют, воды мало.

— Теперь совсем загнется, — не без злорадства сказал Конан, — без хранителя.

— Нет, — спокойно возразил Тримра, — к дереву уже идет Алхутдин из Ханасула. Кальпаврикша не бывает без Стража.

— Кого же он станет убивать?

— Никого. Жрецы Хали скажут — будет десять лет плода ждать.

Пожалев мысленно неведомого Алхутдина из Ханасула, которому предстояло столь долгое время обходиться без женщин, не стричь волосы и кормить лесных клопов, Конан решил, что сам бы не согласился на подобное времяпровождение даже ради чудесного оружия ругов. За десять лет можно было осуществить многое и без помощи волшебного плода.

— Что ж,— сказал он, хлопнув себя по голым коленям,— придется, видно, обойтись без помощи орешка. Думаю, за три дня, которые я намерен просидеть на престоле Гадхары, мне удастся стать человеком небедным. А за золото да драгоценные камни можно купить все, даже проводника через льды и цепь огнедышащих гор. Ты повсюду бываешь, карлик, все знаешь — не скажешь ли, когда случится праздник Калипуджи?

— Послезавтра.

— Мать нергалья! — ругнулся киммериец. — Чего же мы сидим? Вставай, женщина, надо спешить в Город Слона!

— Сейчас ночь,— робко возразила девушка,— и птицы... Они будут нас ждать.

— Есть другая дорога,— сказал Тримра, махнув лапой в сторону тропы, убегавшей вдоль берега. — Плохая. Но птиц Хали нет.

— А кто есть? — поинтересовался Конан.

— Вонючие Болотники.

Конан уже почти привык к неприятному запаху, исходящему от якшей, но при этих словах тут же представил, как должно разить от Болотников, если даже лесные карлики именуют их вонючками.

— Кто такие и с чем их едят? — поинтересовался он.

Тримра понял слова киммерийца буквально.

— Их не едят, нет. Худые, мяса мало. Только голодные ягуары. Болотники едят друг друга и пленных. Совсем дикие.

Свое объяснение насчет плохой земли и дурнопахнущих людоедов он повторил на следующее утро, когда якши проводили выпавшихся и подкрепившихся кореньями путников по тропинке к колючим зарослям. Не-

сколько обезьян во главе с крупным рыжеватым самцом увязались следом. Вожак скалил зубы, словно улыбаясь, и шевелил кустистыми бровями, над которыми атели две огромные бородавки.

— Пройдете кусты, дальше — вдоль,— напутствовал Тримра. — Высоко, сухо, идти легко. Внизу болото. Там сидят вонючки. Надо опасаться.

— Уж как-нибудь,— проворчал Конан.

— Дальше — холмы песьеголовых. Надо идти по краю.

— Песьеголовых?

— Люди с собачьими головами. Нападают редко. Вам нет до них дела.

— Что ж,— согласился варвар,— пока им на нас плевать, нам тоже. Главное побыстрее добраться до Города Слона.

— Спуститесь вниз, там река,— продолжал объяснять Тримра. — Нужно плыть. Близко Аккасар.

— Это наш поселок,— вставила Ка Фрей,— там живут неприкасаемые. О Таттара-Рабуга, помоги нам!

Конан прикинул, что можно будет построить плот и переплыть реку, о которой говорил якша. Сам он мог бы пуститься и вплавь, если бы не крокодилы, во множестве обитавшие в водоемах Вендии. Да и его спутница, судя по тому, как она вчера неумело орудовала веслами, была не в ладах с водной стихией.

Киммериец уже собирался распрощаться с карликами и углубиться в заросли, когда Тримра, придержав его за руку, сказал:

— Мы вместе сидели у огня. Глотали один дым. Теперь — дружба. Прими подарок, человек.

И он протянул фонарь из выдолбленного ореха, которым давеча освещал себе дорогу. Варвар принял дар и внимательно его осмотрел. Сбоку ореха имелось круглое оконце, забранное похожим на слюду прозрачным веществом, сверху были просверлены маленькие дырочки, внутри явно плескалась какая-то жидкость.

— Не слыхивал, чтобы огонь горел в воде,— растерянно сказал Конан.

— Это не огонь,— пояснил вождь недоросликов,— по-лип. Живет внутри, когда темно — светится.

Киммериец понимающе кивнул.

— Полезная вещь. Спасибо.

Он снял с пальца перстень с крупным агатом и протянул Тримре.

— Прими и ты, якша.

Карлик молча поклонился, взял подарок и засунул за отворот шапки. Потом гукнул, и вся орава в сопровождении обезьян пустилась бежать обратно по тропинке и через миг скрылась за поворотом.

Вендийка облегченно вздохнула и воскликнула:

— Хвала Лакшми! У меня леденеет сердце, как представлю, что чуть было ни стала женой этого отвратительного уродца!

— Да брось ты,— добродушно усмехнулся варвар,— совсем неплохие ребята. Хотя мыться им не мешало бы почаще.

ГЛАВА 8. Болото. Смерть королевы

В то утро Бертудо был приглашен в покои умирающей королевы. Мажордом, прибывший для доклада, плеснул ему в лицо пригоршню грязи и показал дохлую ящерицу. Жрец только покорно улыбнулся: люди племени Ыухе всегда мазали друг друга чем-нибудь зловонным, когда хотели привлечь внимание и вступить в разговор. Впрочем, иногда они кололись костяными иглами, что было гораздо неприятнее.

По дороге к покоям королевы мажордом забыл о цели своего визита, упал на колени в болотную жижу и принялся ловить ртом жирного червяка. Охота удалась: червяк был зажат гнилыми зубами придворного и готовился к смерти. Бертудо поспешно очертил ладонью круг, благословил трапезу и резво удалился, хлюпая босыми ногами: высшим оскорблением для Ыухе было созерцание кем-либо посторонним священного процесса поедания пищи.

Резиденция королевы помещалась в шалаше из пальмовых листьев — единственном строении, вокруг которого и обитало племя. Здесь было немного посуше, хотя кучи нечистот и разлагающихся объедков, окружавшие «дворец», издавали смрад почище болотного. Ыухе бродили, сидели и лежали, ковыряли в зубах щепками, совокуплялись, бросали друг в друга комками грязи и занимались другими будничными делами. Некоторые добросовестно перекладывали с места на место камни, служившие для обороны и нападе-

ния на врагов: леопардов и песьеголовых, обитавших где-то на краю света, но появлявшихся всегда неожиданно.

Когда-то давно, только еще оказавшись в этих местах, жрец поражался пристрастиям Ыухе к грязи и нечистотам. Всего в полусотне шагов вверх по склону за плотной стеной колючих кустов лежало зеленое плоскогорье со множеством чистых источников, покрытое рощами плодовых деревьев и сочными травами. Дикари же предпочитали возиться в болотах и явно испытывали наслаждение, валяясь в мутной жиже и вдыхая зловоние. Впрочем, эти худые голые люди, не ведавшие ни одежд, ни даже традиционной для многих примитивных племен раскраски тела, были весьма дружелюбны к аргосцу: они лишь вырезали ему на спине полоску кожи, прокололи мочки ушей костяными палочками и заставили отведать тухлой мертвечины (хвала Митре, не человечину, которая здесь часто шла в пищу, а всего лишь дохлую водяную мышь), после чего жрецы окрестили его Хры-кгыка, что значило «человек, пришедший сверху» или «муж, чье тело не подвержено гниению» и разрешили построить хижину наверху оврага.

Бертудо далеко не сразу понял, что подниматься из трясин дозволено лишь шаманам, которых у племени было четверо. Только они обладали собственными именами и могли смотреть на звезды. Посмотрев, изрекали нечто невнятное и лезли обратно в болото, чтобы объявить окончание жизни какого-нибудь несчастного, плоть коего по умерщвлении пожиралась, либо возгласить войну, либо большую охоту на ящериц.

Жрец, согласно данным обетам, прибыл в эти земли, чтобы просвещать дикарей светом Митры. Очень скоро он смекнул, что рядовые члены племени просто не способны воспринять столь возвышенные вещи и перенес свои усилия на шаманов, умевших считать до четырех и поклонявшихся Мировой Лягушке. Усилия увенчались: шаманы согласились называть Лягушку Митрой и теперь умерщвляли соплеменников с криком «Митрга-дргу!» Впрочем, Бертудо был упорен и от подвига своего не отказывался, надеясь не

мытьем так катаньем обратить темные души в истинную веру.

Подобрав ветхий подол тоги, аргосец шествовал к шалашу, ласково улыбаясь дикарям. Ыухе помоложе удивленно таращились: память их была коротка, и за ночь они успели забыть Хры-кгыку. Старшее поколение радостно скалило беззубые десна: они знали Бертудо давно, его светлый образ запечатлелся в их умах между едой, которую нужно было добывать из мутной жижи под ногами, и высшим сословием племени — жрецами, королем и королевой, достойными облизывания ног и половых органов. Еще Ыухе могли вспомнить песьеголовых и леопардов, но делали это лишь когда враги сваливались им на голову, либо в редкие дни войны, когда военачальники, посадив короля на закорки, отправлялись в поход, из которого, как правило, живым возвращался лишь каждый десятый.

Под пологом шалаша в ногах расprostертой королевы сидел шаман Крыгтпрыга (что можно было перевести как «съевший левую ногу своего предшественника») и ковырял щепкой гнойную язву на своем тощем животе. Повелительница Ыухе лежала прямо в грязи, без всякой подстилки, тело ее покрывал густой слой засохших нечистот.

Королева Озрдгра была очень стара. Не менее тридцати сезонов дождей миновало с тех пор, как мать произвела ее на свет, а вернее — «в грязь», ибо женщины Ыухе рожали, сидя по пояс в болотной тине. На морщинистой шее желтели ожерелья из зубов ящериц и летучих мышей, соски плоских грудей проткнуты засохшими листьями осоки, беззубый рот щерился в улыбке: королева узнала вошедшего.

— Нры-бнагда крукгрд! — приветствовал Бертудо повелительницу, кланяясь и прижимая руки к животу — наиболее почитаемой среди Ыухе части тела. Он вполне сносно произносил слова, в которых было слишком мало гласных звуков, но слишком много значений. Так, приветствие жреца можно было перевести следующим образом: «Да заползет тебе в рот зеленая ящерица!» Или: «Да благословенно чрево твое, не знающее мужа!» При желании и сообразно случаю фраза эта могла значить и

пожелание поскорее опочить и напитать своей плотью приемницу. А то, что дни королевы сочтены, Бертудо понял по доставленной в его хижину дохлой ящерице и отсутствию трех жрецов, отправившихся украсть женщину у племени кру, столь же дикого и темного, как и они сами.

— Клзи-гру,— сказал шаман, перестав ковырять язву.

Бертудо привычно хлопнул себя по затылку: убил жирного комара. Хотя Крыгтпрыга не мог видеть кровососа, он просто *знал*, что насекомое именно сейчас решило отведать крови аргосца. Шаманы племени Ыухе многое *знали*, умели предвидеть ближайшее будущее, и Бертудо не раз рассуждал сам с собой, отчего это Подателю Жизни вздумалось снабдить существ столь примитивных и никчемных с общепринятой точки зрения даром, о котором мечтали и коего добивались в упорных трудах многие, посвятившие себя белой и черной магии. Тайна сия была велика, но упорный аргосец надеялся ее со временем разгадать.

— Мтрга-дргу! — Шаман Мировой Лягушки зачерпнул пригоршню грязи и бросил в королеву. Зловонный комок угодил прямо в улыбающийся рот, и Озрдгра тут же принялась жевать бескровными губами, справедливо полагая, что вместе с землей и тиной в желудок попадут питательные личинки и мелкие корешки.

Жрец кивнул: он понял, чего требовал от него Крыгтпрыга. Опустившись на колени, Бертудо сложил ладони лодочкой и принялся читать отходную молитву, долженствующую помочь темной душе королевы не пропасть в Мировой Пустоте, а, вслед за сонмом душ иных, отправиться на Серые Равнины, на суд Нергала. Глядишь, Владыка Мертвых сочтет ее достойной нового воплощения, возродится она в теле послушницы или иной богобоязненной женщины, и тогда скромные усилия жреца, проведшего большую часть своей жизни в грязи и вони среди дикарей, не пропадут втуне... О сем мечтал Бертудо, на то были направлены все его благие помыслы.

Молитва подходила к концу, когда снаружи послышался шум, каркающие голоса жрецов и визг женщин, которые,

как всегда, лезли мужчинам под ноги, получая причитающиеся пинки и оплеухи. Крыгтпрыга понюхал воздух, плюнул себе на живот и полез наружу.

Снедаемый любопытством, Бертудо все же дочитал положенное, мазнул за неимением елца лоб королевы грязью, и только тогда покинул шалаш.

Картина, представшая его глазам снаружи, была достойна удивления. Четверо шаманов, потрясая над плешивыми головами человеческими берцовыми костями, служившими и магическими посохами, и боевыми дубинками, командовали оравой дикарей, тащивших на плечах два огромных продолговатых кокона. Жрец признал в белесых нитях липкую паутину гигантского паука гр-ху, существа грозного с виду, но совершенно безвредного и робкого нравом. Аборигены использовали паутину в качестве веревок, когда им удавалось захватить в плен врага — песьеголового, леопарда или дикаря из соседнего племени. Редко, но подобное случалось, и тогда возле шалаша королевы устраивалось настоящее празднество: шаманы каркали свои молитвы, молодежь радостно предавалась плотским утехам, старики колотили друг друга суковатыми дубинками и бросались камнями, так что после торжеств съедали обычно не только пленника, но и пяток-другой забитых насмерть сородичей. Однако ни разу еще Бертудо не выдывал, чтобы дикари захватили сразу двух пленников.

Крыгтпрыга распорядился отнести коконы к торчавшим поодаль кольям. Кривые столбы служили Ыухе чем-то вроде идолов и хотя представляли собой просто комли с ободранной корой, шаманы регулярно смазывали их собственными испражнениями, бормоча и поджимая левую ногу, что означало у них верный признак религиозного экстаза. Как ни протестовал Бертудо, как ни доказывал, что Митра запрещает творить кровавые требы, уразуметь сие было выше дикарского мировосприятия, и жрец, удалясь в свою хижину, всякий раз после жутких обрядов горячо молился, испрашивая у Всемилоственного прощения для своих подопечных.

Носильщики, подобно муравьям, потащили свою добычу к месту жертвоприношения. Опустив коконы в грязь, шума

и толкаясь, они принялись отдирать липкие нити, что должно было причинять пленникам не слишком приятные ощущения. Однако из-под пут не доносилось ни звука.

Вскоре причина этому объяснилась: когда липкие нити были отброшены в сторону, взору предстали два недвижных тела — могучего черноволосого мужчины, явно не принадлежащего к вендийским племенам, и юной девушки, судя по всему, местной уроженки. Аргосец разглядел багровые пятна на их шеех и понял, что пленники стали жертвами летающих игл, которыми весьма искусно владели жрецы, выплевывая их через полые травяные трубочки. Иглы смазывали ядом священной лягушки, способным вызвать глубокий сон, а иногда и смерть — в зависимости от концентрации. К счастью, отметил жрец, люди дышали.

«К счастью ли?» — тут же поправил себя он. Пожалуй, пленникам лучше было бы сразу проститься с жизнью. Усыпление летающими иглами — редчайшая удача для дикарей, а посему спящих ждет длительный и мучительный обряд умерщвления. Жрец знал, что яд священной лягушки не действует на животных, а песьеголовые имели плотную шерсть и крепкую одежду, непробиваемую для летающих игл. Бертудо лишь однажды присутствовал на празднестве, устроенном Ыухе по поводу пленения несчастного вендийца, имевшего неосторожность забрести в эти гиблые места. Жрец содрогнулся, вспомнив, что проделали Ыухе со своей жертвой, прежде чем съесть несчастного. Тогда он целую седмицу не покидал своей хижины, вымаливая прощение у Митры: своим подопечным, за темноту их и порожденную невежеством жестокость, и себе — за то, что не смог остановить варварский обряд. Единственным утешением служила отходная молитва, которую он смог прочесть, пока с вендийца живьем сдирали кожу, хотя и подкашивались ноги, и в животе все переворачивалось...

Дикари поднимали беспомощные тела (девушку — трое, черноволосого здоровяка — человек десять), прислонили к кольям и привязали все той же липкой паутиной. Крыгтпрыга подошел к пленникам, деловито поднял левое веко мужчины, покивал, потом проделал то же самое с глазом

девушки, снова кивнул и отошел к остальным жрецам. Очевидно, осмотр удовлетворил ожидания: шаманы оставили в покое пленников и занялись изучением сваленных в кучу принесенных вместе с ними вещей.

Одежда интересовала их мало, а вот перевязь с тяжелым мечом и кожаная сумка вызвали больший интерес. Один из служителей Мировой Лягушки потянул за рукоять и не без труда извлек клинок из ножен. «Бду!» — сказал он и показал меч остальным. Этим словом Ыухе именовали любой предмет, который можно было использовать в качестве оружия: камень, палку, заостренную кость или трубку с летающими иглами. Шаман ухватил меч за лезвие, решив, видимо, что тяжелая рукоятка может послужить знатной дубинкой, взмахнул над головой... и тут же с визгом отбросил оружие: из разрезанной ладони вяло потекла жидкая кровь.

Несколько женщин бросились к нему и принялись зализывать рану. Впрочем, шаман тут же забыл о порезе и пнул ногой сумку, показывая остальным, что не прочь познакомиться с ее содержимым. Крыгтпрыга отогнул мягкий клапан (справиться с застежками было выше его разума), запустил внутрь грязную руку и извлек небольшой орех с золотистой кожурой. Понюхав плод, он брезгливо бросил его в грязь — Ыухе питались исключительно болотной живностью, кореньями и тухлой человечинной, презирая все, что не издавало зловония. Затем шаман извлек еще один орех, с круглым отверстием в боку, потряс, прислушиваясь к негромкому бульканью внутри, и отправил вслед за первым. Потом попробовал жевать выделанную кожу сумки, нашел ее невкусной и, потеряв всякий интерес к трофеям, устался на аргосца.

Бертудо мысленно молил Всеблагого послать ему нужные речи, способные убедить дикарей проявить снисхождение к пленным, когда черноволосый мужчина вдруг застонал и открыл глаза.

...Сначала он ничего не увидел и решил, что ослеп. Потом в ноздри ударила дикая вонь, поплыли какие-то смутные пятна и, словно из мутных глубин болотины,

всплыли плоские лица под низкими, поросшими клочками жидких волос лбами, покрытые коростой губы, щерившиеся в жутких улыбках — беззубые рты темнели, как выгребные ямы. Серая кожа этих существ казалась мертвой, и Конан решил, что последний его час пробил, и он оказался там, куда суждено попасть всякому: на Серых Равнинах.

Только что он видел величественную стену водопада за гладью круглого озера, стену, в которой играли радуги, и все вокруг было пронизано солнечным светом, наполнено шумом листвы и птичьим щебетом, и мир был ярким, словно самоцветный камень, только что вышедший из мастерской гранильщика. Они с Ка долго шли среди разноцветия трав, спускаясь с нагорья, откуда низвергался поток, чуть было не погубивший их прошлой ночью, и не могли поверить, что коварные демоны водных стихий могут обитать в столь прекрасном месте. Достигнув первых холмов, устроились отдохнуть: вендийка, еще не оправившаяся от давешних страхов, быстро устала и попросилась в тень дерева, раскинувшего ветви рядом с едва приметной тропкой, ведущей вдоль колючих зарослей, за которыми угадывалось болото.

Конан прилег на траву и положил голову на колени девушки. Ка легонько ерошила жесткие волосы киммерийца, а его пальцы ласкали нежную девичью кожу, и ветер, дувший с воды, приносил запахи лотосов и пряный аромат диких роз, густо растущих по берегам водоема. Пряные запахи, кружившие голову... И все же чутье варвара уловило неприятный запах, едва ощутимый, относимый ветром, но заставивший его мгновенно вскочить, подхватив ножны с мечом...

И все. Дальше была жгучая боль, ударившая чуть выше левой ключицы, и тьма. А потом, когда глаза привыкли к полумраку и тошнотворный смрад перестал выворачивать внутренности, он увидел улыбающихся мертвецов.

Один из них, худой, словно узник, извлеченный после многих лет заточения из каменного мешка случайным доброхотом, шагнул вперед и, уставив на Конана узловатый

черный палец, каркнул: «Мтрга-дргу!» Визг, вопли и стоны вырвались из темнеющих ртов, мертвецы упали на колени и принялись с чавканьем окунать уродливые лица в зловонную жижу.

Конан напряг мускулы и почувствовал что-то липкое, крепко держащее запястья и лодыжки, сжимающее грудь так, что трудно было дышать. Опустив глаза, он увидел свое обнаженное тело, опутанное белесыми нитями, упругими, но прочными, как железные цепи. Чуть в стороне киммериец разглядел кривой кол, к которому была привязана вендийка.

Шея болела, всю левую часть груди жгло, словно палач поставил на коже клеймо раскаленным железом. Кром! Навряд ли душа покойного станет мучиться раной, полученной при жизни. Жрецы говорят, что обитатели Серых Равнин испытывают душевные терзания, тоску бесприютности и отчаяние вечных скитаний, но не физическую боль. Значит, он все еще на этом свете и может бороться. Вот только как, хотелось бы знать?!

Снова глянув на странных созданий, столь ловко его пленивших, киммериец обнаружил среди них человека, чей облик, несмотря на бронзовый загар и въевшуюся в кожу грязь, выдавал хайборийца. Это был старик в лохмотьях, хранивших еще признаки жреческой тоги. Прямой нос, слегка выющиеся, все еще темные, хотя и тронутые сединой волосы, и черные, похожие на миндалины глаза выдавали южанина, зингарца или аргосца. Варвар никогда не питал особых симпатий к заносчивым сынам этих народов, но сейчас обрадовался бы и ваниру, окажись кто-нибудь из извечных врагов киммерийцев рядом.

— Кто ты? — с трудом двигая распухшим языком, спросил Конан по-зингарски.

Старик вздрогнул, словно его ударили. Потом вдруг наклонился, зачерпнул пригоршню грязи и швырнул в пленника. Теплый комок угодил киммерийцу в плечо, болотная жижа стекла, немного приглушив жгучую боль.

Решив, что хайбориец на стороне дикарей и желает сим жестом доказать свою преданность, варвар издал

хриплое рычание и рванулся так, что зашатался удерживающий его кол. Однако паутина лишь слегка растянулась и снова привлекла его тело к мертвому стволу: пауки гр-ху, хоть и питались лишь гигантскими бабочками-мохао и мелкими грызунами, нити плели столь крепкие, что в них иногда запутывались коровы, сдуру забредшие в чащу.

Однако Конан судил неверно. Старик что-то сказал окружавшим его дикарям и подошел к пленнику.

— Меня зовут Бертудо,— сказал он по-аргосски, но с таким странным выговором, что киммериец его едва понял.— Согласно данным обетам, я живу среди дикарей, дабы просвещать их. Кто ты, юноша, и как попал в наши гиблые края?

— Я с севера,— сказал Конан, у которого появилась слабая надежда, что жрец ему поможет,— из Киммерии. Путешественник. Что нужно от нас этим недоноскам?

— Увы! — воскликнул аргосец, всплескивая тонкими руками.— Ты и твоя спутница попали в руки людей, в души коих еще не проник Свет Митры. Несмотря на мои многолетние усилия, они все еще поедают человеческую плоть, как делали многие поколения их предков. Но Податель Жизни милостив и терпелив, я же, слуга его, с покорством и послушанием несу свою ношу, надеясь обратить дикарей в истинную веру...

— Так делай это быстрее, если не хочешь, чтобы нас сожрали!

— Увы, увy,— повторил Бертудо,— это не так просто. Слова мои доходят, и то не все и не всегда, лишь до четырех шаманов, которых ты видишь перед собой. Они более сообразительны, но не менее кровожадны, чем их сородичи, и полагают, что поедание человечины дает им силу и мудрость...

Варвар снова зарычал и тщательно напряг мускулы.

— Да наматает Нергал на хвост твои кишки, ублюдок, если ты не уговоришь своих дружков развязать мне руки!

Глаза старика вспыхнули, и он тут же опустил их долу.

Вспомнив, что жрец Митры, несмотря на сан, все же аргосец, а кровь аргосцев не остывает даже к старости, Конан решил сменить тактику.

— Слушай, приятель,— сказал он как можно спокойнее,— хоть ты родился на юге, а я на севере, мы оба хайборийцы. Не пристало нам бросать друг друга в беде. Посмотри на эту юную девушку: хоть она и вендийка, но разве красота и молодость заслуживают столь ужасной участи?

Жрец понуро молчал.

— Ладно,— продолжал варвар,— давай наплюем на дитя джунглей, в конце концов она поклоняется ложным богам. Пусть ее сожрут. Но мы-то с тобой почитаем Лучезарного, Всеблагого и Всемилоственного Творца, а это что-нибудь да значит. Неужто ты станешь спокойно смотреть, как дикари терзают плоть единоверца?

Тут он заметил, что Ка Фрей очнулась и смотрит на него широко открытыми глазами. Конан подмигнул девушке, надеясь, что она видит его лицо в полумраке, царившем в низине.

Бертудо все еще стоял опустив голову и разглядывая свои грязные босые ступни. Вдруг, что-то решив, он обернулся к серолицым и горячо заговорил, издавая каркающие, похожие на рокот падающих камней звуки. Он указывал вверх, потом на киммерийца, потом себе на лицо, под ноги, и снова на пленника. Конан разобрал слова: «Мтрга-про-про!», произнося которые жрец мотал головой и хлопал себя по щекам так, что хлопья засохшей грязи летели во все стороны. Наконец дикарь, недавно тыкавший в пленника пальцем, кивнул и выкрикнул: «Стржгорджа! Пдзрмгну-ву, глз-ва!», после чего сел в грязь и принялсяковырять в зубах щепкой.

Аргосец застыл с открытым ртом, тараща на него глаза и слегка покачиваясь. Поняв, что жрец о чем-то договорился с аборигеном, Конан решил подать голос.

— Ты смог их убедить? — спросил он.

— Да,— кивнул Бертудо,— я сказал, что лицо и тело твое покрыты шрамами, и если они тебя съедят, то станут очень некрасивыми. Поэтому есть тебя не будут.

— Ты получишь золотой перстень, когда... — начал было Конан, но аргосец прервал его нетерпеливым взмахом руки.

— Еще Крыгтпрыга сказал, что если тебя отпустить, ты попадешь под землю и должен будешь навсегда уснуть, если не положишь в рот чей-то глаз — этих слов я не понял. Посему Ыухе решили явить свою милость: есть тебя не будут, ибо полагают, что нет ничего лучше их внешности. Они просто сдерут с тебя кожу и повесят у входа в шалаш королевы, дабы своим уродством кожа отгоняла леопардов.

Рев, вырвавшийся из груди варвара, был столь мощен, что многие дикари попадали на землю, а шаманы принялись трясти головами, словно вытряхивая из ушей воду. Потом один из служителей Священной Лягушки треснул костью-дубинкой по голове ближайшего соплеменника, и тот, вскочив и подбежав к пленнику, проворно обмотал нижнюю часть его лица паутиной, заклеив рот и прекратив тем самым ужасные звуки. После этого мертволицы словно разом забыли о киммерийце, устремив свое внимание на другую жертву.

Шаманы подошли к вендийке и принялись ее внимательно разглядывать, отчего несчастная Ка сначала залилась пунцовой краской, а потом закрыла глаза и, кажется, снова лишилась чувств. Один из серолицых с глубокомысленным видом потыкал ногтем в бедро девушке и что-то крикнул. Остальные согласно закивали и помахали дубинками.

— Мужайся, сын мой, — услышал Конан голос аргосца, оставшегося рядом, — моли Митру, чтобы твои мучения не продлились слишком долго. Спутнице твоей повезло больше: ее не станут убивать, напротив, сделают своей королевой. Ибо старой Озрдгре суждено сегодня умереть...

Он осекся, увидев, как яростно сверкнули синие глаза северянина. Потом робко заключил:

— На все воля Подателя Жизни, и грешно роптать на участь, нам уготованную.

Тем временем возле крытого пальмовыми листьями шалаша произошло какое-то движение, и Конан увидел,

как шестеро дикарей вынесли наружу тощее старушечье тело, покрытое темной коркой нечистот. Он решил было, что несут труп, но королева вдруг слабо шевельнулась и даже подняла руку, словно приветствуя своих подданных.

И еще одна процессия выступила из гущи кустов: голые воины, вооруженные остро отесанными камнями, несли на плечах странное существо: человека, лишённого рук и ног, с изуродованным лицом, на котором страшно темнели пустые глазницы...

— Это король племени, — шепнул Бертудо, наклонившись к пленнику, — Ыухе лишают своих повелителей зрения, дабы те не отвлекались суетным зрелищем повседневности. Считается также, что король ничего не должен делать, посему ему отрубают конечности. И, наконец, кастрируют, ибо королева обязана хранить девственность, не знаю уж почему. Детей у королевской четы, стало быть, не рождается, и власть передается тем, кого выберут жрецы. На сей раз властительницей племени суждено стать твоей спутнице. После того, как она вкусит плоть своей предшественницы... У вендийки будет время помолиться своим богам, ибо тело Озрдгры должно три дня пролежать на солнце, прежде чем будет готово к употреблению.

Пока он говорил, дикари отнесли старую королеву к покрытому тиной озерцу и, держа ее за ноги, без лишних слов опустили головой в воду. Тело несчастной дернулось, на поверхности вздулись и лопнули несколько пузырьков, и все было кончено. Главный служитель Священной Лягушки крикнул свое «Мтрга-дргу!», аргосец помянул Всеблагого на своем языке, после чего труп бросили рядом с озерцом, короля унесли, а шаманы Ыухе снова направились к киммерийцу.

Конан увидел остро заточенную кость, направленную ему в голову: очевидно, дикарь намеревался вначале снять с пленника скальп. Варвар напрягся, стараясь разорвать путы, но с тем же успехом можно было пытаться сдвинуть с места крепостную стену. Он почувствовал укол возле вис-

ка, и в тот же момент шаман разинул рот, судорожно хватая воздух, из уголка его толстых губ потекла желтоватая струйка крови, и дикарь рухнул лицом вниз возле ног киммерийцы.

Между тощих лопаток, обтянутых серой кожей, тускло поблескивая золотыми крапинами, торчал изящный, покрытый тонкой резьбой дротик.

ГЛАВА 9. Дангун. И женщины на что-то годятся

Город песьеголовых стоял на склонах котловины, окруженной холмами. Поверху кругом шла зубчатая стена с пятью башнями, над которыми реяли золотисто-зеленые стяги. А в центре города, там, где обычно устраивают главную площадь, зияла темная дыра каменного провала, зловещая, как вход в преисподнюю.

Когда-то сюда из-за облаков упала огромная глыба, отчего земля содрогнулась до самого побережья Бодейского залива, и огромные волны прокатились через Вендийское море, сметая жалкие хижины дикарей на множестве островов. Небесный посланец провалился в Нижний Мир, откуда ударил огненный смерч, выплеснув древний ужас и осколки тускло светящихся фиолетовым камней — зрелище было величественное и устрашающее, а потому навсегда осталось в преданиях вендийцев. Неведомые кристаллы, взлетев высоко над землей, подобно чудесному фонтану, снова исчезли в провале вслед за снопами пламени — лишь один упал на край пропасти.

Сотни раз проливались на джунгли дожди, и сотни раз сжигало травы летнее солнце, прежде чем в этих краях появилось некое племя сильных и бесстрашных людей, не убоявшихся прийти в проклятые молвой места и здесь поселиться. Привели их мудрецы, ведавшие тайну фиолетового кристалла, который стал залогом благополучия и процветания племени, построившего город в холмах, рядом с

пропастью — талисманом, дарующим счастье целому народу.

Сейчас магический кристалл покоился на дне каменного провала, и там же таились ужас и проклятие песьеголовых.

Стоя возле резных каменных перил круглой площадки дворцовой башни рядом с раджубом Абдрасаном, Конан, чьи зоркие глаза легко могли разглядеть кисточку на шлеме стражника, ходившего с копьём на плече поверху стены на противоположном холме, внимательно вглядывался в похожую на пасть гиганта круглую дыру посреди города. Серый туман клубился между каменных стен, скрывая то, что таила пропасть, за многие годы поглотившая тысячи песьеголовых. Они шли туда добровольно, отдавая свои жизни в надежде, что их потомки освободятся от древнего проклятия, порожденного не злобой волей служителей темных сил и не коварными происками врагов, а всего лишь женским состраданием и роковой неосмотрительностью.

И вот теперь в чрево земли предстояло отправиться Конану.

— Глубок ли провал, сын Снайгу? — спросил киммериец хозяина дворца.

Абдрасан печально глянул на северянина. В зеленых глазах раджуба таилась неизбывная грусть, как и у всех его соплеменников. Острые уши подрагивали, как бы к чему-то прислушиваясь. Голова его была, несомненно, собачьей, но никто не осмелился бы назвать его лицо «мордой» — в причудливой смеси черт животного и человека преобладали последние. И оба слившихся воедино существа принадлежали к самым благородным созданиям: если бы Абдрасан был псом, он спокойно и величественно возлежал бы у королевского трона, будь повелитель сынов Снейгу полностью человеческим существом — ваятели лепили бы с него статуи благородных героев древности, столь совершенных, что никто из ныне живущих не обладал безукоризненностью их черт.

К несчастью, он не был ни тем, ни другим.

— Мы не знаем, — ответил раджуб песьеголовых, теребя завитую, умощенную благовониями шерсть на подбородке. — Я уже говорил тебе, сын Коваля, что никто не возвращался из пропасти.

— Но можно бросить камень и считать, пока он будет падать, — возразил варвар.

Абдрасан кивнул.

— Мы бросали камни. И ничего не услышали.

— Может быть, у пропасти нет дна?

— Есть. Моррокан лежит там. И Хохотун обитает на дне, бродит и смеется. Ночью слышно. Камни, которые мы бросали, попадают в поле кристалла. Быть может, звук их падения слышат где-нибудь в Айдохьи или Уттакальте. Вспомни, что я рассказывал о действии талисмана.

Историю Моррокана, святыни песьеголовых, выплеснутой когда-то фонтаном подземного огня и вновь канувшего в пропасть при обстоятельствах жутких и трагических, Конан узнал за столом пиршественного зала, где, среди прекрасных статуй и колонн, украшенных тонкой резьбой, его и вендийку угощали как самых почетных гостей. Угощали фруктами, ягодами и салатами, приготовленными столь искусно, что ни одно из блюд не походило на другое. Песьеголовые избегали животной пищи и ели мясо, как узнал впоследствии киммериец, лишь закрывшись в своих комнатах и поставив у дверей стражу. Они стыдились всего, что напоминало о их двойственной природе, и самым страшным проклятием, бытовавшим среди этих существ, было пожелание недругу до конца дней своих грызть кости.

Впрочем, песьеголовые обладали весьма мягким нравом, ссорились редко, а с соседними племенами и вовсе не воевали. Случались лишь редкие стычки с болотниками. Никто из посторонних не забредал в эти земли, овеянные жуткими легендами, а сами сыны Снейгу старались не показываться на глаза людям, посылая торговать в вендийские города женщин. Женщины у них были обыкновенные, если, конечно, не считать особой привлекательности тонких черт их прекрасных лиц и изящества стана. Жены песьеголовых были столь же прекрасны, как беломраморные ста-

туи, во множестве украшавшие город, как здания и храмы, как искусная роспись стен... Всё, что видел Конан в этом городе, несло на себе печать высокого мастерства: изящная серебряная и золотая посуда, украшенная эмалью, одежда из тонкой златотканой парчи и прекрасного патола, невиданные украшения, носимые как женщинами, так и мужчинами, привлекающие не столько обилием драгоценных камней, сколько поистине фантастической виртуозностью изготовления, и, конечно, оружие: трехгранные мечи, кинжалы с двумя и даже тремя лезвиями, метательные диски, покрытые искуснейшей гравировкой, копья с наконечниками в форме птичьих голов с острыми клювами, секиры с рукоятями из слоновой кости...

Сидя за пиршественным столом по правую руку от раджуа Абдрасана, Конан вспомнил дротик, вонзившийся между лопаток серолицего вонючки в тот самый момент, когда людоед собирался снять с него скальп. Пожалуй, оружие, украшенное тонкой резьбой и золотой инкрустацией, могло бы стать прекрасным украшением самой изысканной коллекции какого-нибудь хайборийского короля. Явись киммериец с такой вещицей, скажем, к немедийскому монарху, он мог бы заработать немало звонких монет. Или стать рыцарем — за особые заслуги. Песьеголовые же так и оставили свой дротик торчать в теле жреца, нисколько не заботясь о том, что он может попасть в руки других дикарей.

Схватка на болоте была короткой. Ее даже трудно было назвать схваткой: жрецы пали под ударами дротиков, остальные бьухе с воплями разбежались. Один из песьеголовых, одетый в добрые сапоги, широкие сальвары и пурпурную куртку с золотыми пластинами на груди, приблизился к пленнику, сорвал с его лица паутину и коротко спросил:

— Киммерия?

Варвар кивнул в полной растерянности: он привык, что вендийцы слыхом не слыхивали о его родине и называли всех чужаков, пришедших из-за Гимелийских гор, просто «северянами».

Песьеголовые отвязали его и девушку от кольев. Впрочем, руки и ноги Конана оставались связанными, что на-

страивало его на весьма невеселые мысли. Ка Фрей повезло больше: ее освободили от пут и вернули платье, которое вендийка надела с крайней поспешностью. Потом неожиданные освободители подняли киммерийца на плечи и двинулись вверх по склону, туда, где за плотной стеной колючих кустов лежало зеленое плоскогорье, а дальше — холмы странного народа. Последнее, что видел варвар на дне лощины — коленопреклоненный жрец Бертудо, рыдавший над телами шаманов: единственные существа, хоть как-то разумевающие его возвышенные речи, отправились на встречу с Мировой Лягушкой, не оставив преемников, и дело, которому служитель Митры посвятил всю свою жизнь, оказалось загубленным самым печальным образом...

Наверху песьеголовые уместили свою ношу внутри крытых носилок, обитых чем-то мягким и пушистым. Туда же забралась Ка. Носилки дрогнули, поднимаемые на плечи воинов, и плавно поплыли куда-то в неизвестность.

— Проклятие, — выдавил варвар, плюясь набившимися в рот комками паутины, — из проруби да в горы! Попробуй развязать мне руки.

Но девушка только отрицательно покачала головой.

— Они не причинят нам зла.

— Почему ты так решила?

— Песьеголовые никогда зря не убивают людей.

— Прикончили же они людоедов!

— Это не люди. Они хуже... — Она хотела сказать «хуже якшей», но вовремя вспомнила, что Конан глотал с Тримрой дым ночного костра и закончила: — ...хуже обезьян!

— Вижу, ты кое-что знаешь об этих двуногих песиках, — проворчал варвар.

— Неприкасаемые и песьеголовые похожи, а потому иногда общаются. Люди презирают и нас, и сынов Снейгу.

— Сынов Снейгу?

— Так звалась их мать-прародительница. Глупые люди зря их боятся: они очень умные и добрые.

— Если так, почему меня не развязали?

— Не знаю, о супруг мой. Думаю, это вскоре разъяснится.

Ка Фрей оказалась права. Вскоре носилки опустили, полог раздвинулся, и воин в пурпурной куртке перерезал пути Конана.

Когда киммериец выбрался наружу, он обнаружил, что находится в огромном зале, полукруглый, расписанный яркими красками свод которого поддерживали украшенные резьбой колонны. Посреди зала возвышался нефритовый постамент — не то алтарь, не то подножие трона. Впрочем, на возвышении ничего не было.

Тот же воин подал киммерийцу его одежду, перевязь с мечом и сумку. Конан быстро облачился, закинул оружие за спину и, освободив застёжки, откинул кожаный клапан. Оба ореха, золотистый и тот, в котором плавал полип, были на месте. К своему удивлению он обнаружил в сумке и третий плод: побольше, с грубой, покрытой наростами кожей, обмотанный белесыми нитями все той же упругой паутины.

Варвар уже собирался спросить у выбравшейся из носилок девушки, не ведает ли она что-либо о происхождении сего предмета, но тут широкая дверь растворилась, и в зале появилась процессия существ с собачьими головами в богатых длиннополых одеждах. Ярко блестели многочисленные украшения, долетавший из широких окон ветерок слегка шевелил кисточки на островерхих головных уборах. Они выстроились полукругом возле возвышения и молча поклонились киммерийцу и вендийке.

— Приветствуем тебя, сын коваля,— услышал Конан негромкий мелодичный голос.

Вперед, прижимая унизанные перстнями пальцы к могучей груди, выступил песьеголовый в золотисто-зеленой мантии.

— Я Абдрасан, раджуб сынов Снейгу,— сказал он.— Прости, что доставили тебя во дворец связанным. Мы опасались, что, не разобравшись, ты сторяча воспользуешься своей недожонной силой, дабы обрести свободу. Поверь мне, ты больше не пленник, как и твоя спутница. Будьте гостями в моем доме.

Прикинув, что ему вряд ли стали бы возвращать оружие, замышляя при том что-либо коварное, Конан решил

проявить ответную вежливость. Он ощерил крепкие зубы, ударил себя в грудь огромным кулаком и рявкнул:

— Клянусь задницей Нергала, было очень любезно с вашей стороны вытащить нас из дерьма! Занесет в Киммерию, милости прошу в мою резиденцию. Спросите Конана Разрушителя, всякий покажет. Угощу пивом и козлятиной. Любите с кровью?

Он покинул родные доли столь давно, что вряд ли кто-нибудь теперь помнил на родине юнца, бежавшего из отчего дома в поисках приключений. Однако Конан решил держать марку: пусть принимают за киммерийского князя, если уж им ведомо, откуда он родом. Мог же и сын кузнеца добиться высокого общественного положения! А полусырое мясо, по мнению варвара, было бы самым подходящим угощением для существ с собачьими головами, окажись они каким-либо чудом у него в гостях.

Поэтому он немало удивился, заметив мелькнувшие в зеленых глазах хозяев отвращение и гнев. Впрочем, то была лишь мимолетная тень, растаявшая без следа — песьеголовые вновь смотрели на него приветливо, с какой-то непонятной надеждой.

— Благодарим тебя, киммериец,— сказал Абдрасан,— хоть мы и лишены возможности покидать стены нашего города. Пока. Но мы сможем воспользоваться приглашением, как только обретем свободу. Надеюсь, ты нам поможешь.

— Я у вас в долгу,— Конан ждал чего-либо подобного и прикидывал, какую плату от него потребуют за спасение из лап людоедов.— Но что может северянин из того, чего не могут столь сильные и храбрые воины, коими вы, несомненно, являетесь?

Произнеся эту складную речь, варвар остался весьма собою доволен: все же он кое-чему научился, обретаясь бок о бок с велеречивыми вендийцами.

— Я знаю *что* ты должен сделать,— развел Абдрасан руками,— но не знаю *как*. Возможно, у тебя есть то, что поможет решить задачу. А чтобы ты лучше понял, о чем идет речь, отправимся в трапезную и там, за угощением, я

расскажу историю нашего народа и открою причины беды, его постигнувшей.

Угощение было превосходным и подкрепляло силы не хуже доброго куска мяса. Конан не жалел даже об отсутствии вина: напитки, подаваемые прекрасными прислужниками хоть и не кружили голову, но согревали кровь и проясняли мысль.

Киммериец слушал повесть раджуба внимательно, стараясь не упустить ни малейшей детали, ибо точку в этой давней истории предстояло поставить ему. Или погибнуть.

Все началось спустя добрую сотню лет, после того как племя клинхов (так звались предки песьеголовых, бывшие тогда людьми обычными, разве что более сильными и красивыми, чем другие вендийцы) построили город Дангун на холмах вокруг пропасти. Моррокан, фиолетовый кристалл, извергнутый некогда из недр земли огненным смерчем, сделал их неуязвимыми для врагов. Камень сей обладал удивительной способностью напускать морок, и когда недруги подступали к городу клинхов, они видели стены совсем не в тех местах, где они стояли на самом деле: воины карабкались по приставленным лестницам, но укрепления вдруг таяли в воздухе, и солдаты падали с высоты, разбиваясь насмерть. Нападавшие вступали на мосты, перекинутые через глубокие рвы и казавшиеся прочными — мосты исчезали, и люди летели в глубокую воду, кипящую крокодилами. Конница клинхов атаковала вражеские войска с фланга, и пока военачальники посылали своих кшатриев отбить нападение, кони исчезали вместе с всадниками, словно мираж в пустыне, а настоящие бойцы обрушивались на врага совсем с другой стороны... Много еще чего умел чудесный камень, и не было лучшей защиты для мирного народа, желающего спокойно жить в своих землях.

Такое положение дел, конечно, не слишком устраивало воинственных князьков, всякий из которых желал прославиться великими подвигами и завоеваниями. Более всех усердствовали раджубы гадхарцев, племени, жившего по соседству с клинхами и поклонявшегося богине смерти Хали...

— Я слышал,— прервал в этом месте Конан рассказ Абдрасана,— что гадхарцы сумели одолеть Девятирукую, когда в их землях выросло гигантское дерево, затмившее листьями солнечный свет, а Богиня Смерти приняла облик тигрицы и зализывала его ствол, поврежденный незадачливыми дровосеками.

— Так говорят сами гадхарцы,— отвечал повелитель песьеголовых.— Правда или нет — никому не ведомо. Наши соседи лукавы и надменны, а их повелители не раз воевали даже с Айодхьей. Правда, раджуб, ныне сидящий на троне в Городе Слона, весьма разумен и незлобив. Думаю, он недолго удержит престол: страной обычно управляют вельможи, а не монархи. Как бы то ни было, храм Хали — главное святилище гадхарцев, а Халипуджа — их самый любимый праздник. Брахманы утверждают, что Богиня Смерти особо покровительствует тем, кто хоть раз смог оказать ей достойное сопротивление. Может, она и полюбила гадхарцев за то, что они когда-то разрезали ей язык. Но вернемся во времена, когда наши предки еще были людьми.

Однажды принц Саббха, наследник дома Дангуна, отправился на охоту. Он погнал оленя, оторвался от свиты и заблудился в чаще, где на него напал леопард. Юноша вступил в единоборство с голодным зверем, который сбил его с коня и подмял, вонзив острые когти в грудь принца. Саббха был на волосок от гибели, когда из-за кустов выскочила огромная трехголовая собака с длинным чешуйчатым хвостом, подобным хвосту дракона, и набросилась на леопарда. Она одолела хищника, но и сама получила смертельные раны. Странное существо смогло поползти до своего логова, где испустило дух, как ни старался принц ему помочь, перевязывая раны и прикладывая к ним целебные листья. То была мать-прародительница Снейгу.

— Она назвалась? — спросил Конан.

Сидевшая рядом Ка Фрей испуганно тронула киммерийца за руку, но варвар не понял ее жеста, полагая, что если у собаки может быть три головы, то почему бы хотя бы одной не говорить по-человечески.

— Нет, конечно,— терпеливо продолжил Абдрасан,— ибо не обладала даром речи. Животные разговаривают только в сказках.

Конан вспомнил о попутях и воронах, но промолчал.

В логове удивительного существа обнаружился щенок: очень крупный и сильный, но в остальном обычный, с одной головой и без драконьего хвоста. Естественно, принц взял его с собой, и собака с тех пор жила во дворце, верой и правдой служа своему хозяину.

Прошло несколько лет, Саббха сел на престол Дангуна и стал править своим народом мудро и справедливо, как все его предшественники. Пес, получивший имя Лаппа, всегда находился при нем и был настолько смышлен, что раджуб часто разговаривал с ним, как с человеком.

Тем временем повелитель гадхарцев по имени Рижас решил положить конец независимости клинхов. Принеся Богине Смерти обильные кровавые жертвы, с помощью жрецов Кали он вызвал из Нижнего Мира жуткого одноглазого демона и приказал ему похитить магический кристалл.

— Значит, чары Моррокана не действовали на одноглазого? — спросил Конан.

— В том-то и дело,— отвечал Абдрасан,— сие существо обладает способностью отличать истинное от кажущегося. Его единственный зрачок устроен таким образом, что видит морок как бы полупрозрачным, в то время как для обычного глаза иллюзия является полной. Поэтому демон нашел настоящие ворота, которые клинхи, будучи уверенными в своей полной безопасности, никогда не закрывали, проник во дворец и похитил талисман с алтаря, который ты видел в соседнем зале.

— И что же, стража его не заметила?

— Увы! Наши предки столь доверяли чарам Моррокана, что не выставляли стражу. Впрочем, демона обнаружили по жуткому хохоту, который это существо издает время от времени, и даже попытались уничтожить, но стрелы и копья отскакивали от его шкуры, словно она была из булатной стали.

— В глаз надо было бить! — стукнул киммериец кулаком по столу.— Или ваши лучники разучились стрелять, бездельничая посреди своих миражей?!

— Лучники стрелять не разучились,— спокойно ответил раджуб песьеголовых,— и десяток стрел угодили именно туда, куда были направлены. К несчастью, зрачок монстра оказался прикрыт хрустальной оболочкой, не пробиваемой для железных наконечников.

— А ваши маги? Проспали?

— Нет, не проспали. Маги применили все свое искусство и одолели демона, скинув его в пропасть.

— Так в чем же дело? — удивленно вскричал варвар.— Вам что, не дает покоя его хохот, мешающий спать по ночам? Натащите камней побольше и засыпьте бестию!

— Это можно было бы сделать, если бы не одно обстоятельство.

— Какое же?

— Чудовище низринулось в бездну, не выпуская из лап чудесный кристалл.

Ка Фрей тоненько вскрикнула и вцепилась в руку киммерийца так, словно увидела в дверях якшу со стеблями травы куша и горшком топленого масла в лапах.

— Нд-а-а,— протянул варвар и в первый раз за всю трапезу пожалел, что нет под рукой хмельной чарки, которую можно опрокинуть вместе с сынами Снейгу в знак печали,— значит, ваш талисман пропал?

— Не совсем,— сказал Абдрасан.— Камень лежит на дне пропасти. Он цел и невредим, но его действие ограничивается лишь каменным провалом, в котором обитает Хохочущий демон. Со времени его падения наш город стал незащищенным.

— У вас есть стены, оружие и воины,— проворчал киммериец, который всегда считал, что магические фокусы если и способны защитить, то ненадолго и уж гораздо менее надежно, чем добрый меч и тяжелый кулак.

— Все это у нас есть,— кивнул раджуб,— и, поверь, наши предки были неплохими воинами. Они мужественно отражали атаки войск Рижаса: немало его кшатриев на-

шли смерть под стенами Дангуна. Тогда гадхарцы обложили город, перекрыв все дороги, и приступили к осаде. Она продолжалась почти год. Запасы продовольствия кончились, и клинхи стали умирать один за другим. Тогда-то и поклялся раджуб Саббха, что отдаст в жены свою дочь, прекрасную Силлу, тому, кто принесет во дворец голову повелителя его врагов.

— Подозреваю, такой смельчак нашелся, — вставил Конан. — Кто же был сей отважный воин?

— Это был Лаппа.

— Лаппа? Собака?!

Киммериец не смог скрыть изумления.

— Да, — вздохнул Абдрасан, — любимый пес раджуба. Однажды он исчез из дворца. Рассказывают, что когда Лаппа появился возле шатра Рижаса, гадхарец, знавший чья это собака, воскликнул: «Даже неразумный зверь выбирает сторону сильнейшего!» И взял пса к себе. Лаппа лизал сапоги надменного военачальника, а ночью отгрыз ему голову, выскользнул из шатра, вернулся со своей ношей в Дангун и положил голову Рижаса к подножию трона...

Варвар был в восторге.

— Ай да зверюга! — воскликнул он, снова сожалея об отсутствии кубка, на сей раз заздравного. — Пес, конечно, получил самую жирную... Кром! Да ведь раджуб обещал тому, кто принесет голову, свою дочь!

— Вот именно, — голос Абдрасана звучал печально, — обещал. А слово раджуба — закон, и награда по праву причиталась Лаппе, который спас город: после страшной гибели своего предводителя гадхарцы сняли осаду и убрались восвояси. Посему Саббха стал думать, как выйти из создавшегося положения. Он обратился за советом к лесной жещине, жрице бога Сомы, и та обещала помочь...

— Опять колдовство, — пробурчал Конан себе под нос. Он уже догадывался, что добром эта затея Саббхи не кончилась.

Вичитравирья — так звали колдунью — явилась в Дангун и обещала помочь. Она открыла клинхам имя стран-

ного существа, спасшего некогда их повелителя от леопарда. Снейгу была последней в роду созданий, населявших земли Вендии столь давно, что память о тех временах почти изгладилась из людской памяти. Ее трехголовые предки были полусобаками-полудраконами, крылатыми порождениями демиургов, посланными небожителями в помощь древним властителям в их борьбе с Силами Тьмы. Издавна эти существа жили бок о бок с людьми, а когда срок жизни великого воина или прославленного короля подходил к концу, жрецы вырезали у него из груди еще живое, трепещущее сердце и отдавали предкам Снейгу, так что частица души героя переходила к ним — по заветам богов.

Потом наступили дни великих катастроф, и лишь немногие трехголовые их пережили. Постепенно они вырождались, теряя мощь и утрачивая способность летать, но капли крови древних героев все еще передавались из поколения в поколение, пока последняя представительница собак-драконов не пала, защищая человека. Она погибла, родив незадолго до того Лаппу, обычного с виду щенка, в теле которого, однако, трепетала еще священная искра.

Ее и предстояло разжечь с помощью бога Луны, покровителя всех превращений.

По приказу Вичитравирьи мастера отлили тонкостенный золотой купол и установили на алтаре, где еще недавно покоился Моррокан. Колдунья велела поместить пса под сверкающую полусферу и в ночь полнолуния совершила необходимый обряд. Она строго-настрого запретила поднимать купол до тех пор, пока существо, порожденное ее волшебством из тела собаки, само не выйдет из своего убежища, — с тем и удалилась.

Прошел день, другой — из-под золотой полусферы не доносилось ни звука. На пятый день страшное беспокойство охватило всех, кто знал о чародействе: что бы ни происходило с собакой, Лаппа мог умереть от голода. И больше всех волновалась принцесса Силла. Трудно сказать, что больше ее мучило: сострадание к мужественному псу или любопытство, порожденное рассказами колдуньи о древних ге-

роях, в одного из которых суждено было ему обратиться. Что если прекрасный суженный явится мертвым, погибнувшим от истощения? Мысль эта была столь нестерпима, что принцесса, захватив поднос с фруктами, тайком пробралась ночью в зал и приподняла купол...

— Так и знал! — прервал тут рассказ Абдрасана варвар. — Говаривал один кордавский палач, разогревая свое клеймо: «Все зло от женщин». Мыслью, ничего хорошего она под тем золотым горшком не увидела.

— В последнем ты прав, сын коваля, — печально молвил раджуб, — принцесса поторопилась и нарушила запрет колдуньи, хотя и из лучших побуждений. Как только она приподняла край сферы, изнутри ударил яркий свет, и Силла узрела прекрасного юношу, распростертого на алтаре. Он был жив, и тело его было совершенно, но голова... Увы, голова не успела полностью обрести человеческие черты, хотя они и стали уже проявляться.

Узнав о поступке дочери, отец был весьма разгневан и обвинил ее с песьеголовым Лаппой. С тех пор среди клинхов стали рождаться мальчики с головами собак, девочек же проклятие Сомы не коснулось.

— Ну, это несправедливо! — воскликнул киммериец. — Ведь запрет-то нарушила женщина!

— Не нам роптать на волю богов, — возразил Абдрасан. — И потом, согласись, за все, что делается в этом мире, отвечают мужчины, какие бы глупости ни творили женщины.

Варвар только хмыкнул и покачал головой: подобное утверждение не казалось ему приемлемым. Хотя, если рассудить здраво, нужно же чем-то платить за удовольствие, ниспосланное богами доблестным мужам в образе прекрасных вертихвосток. А в том, что за все рано или поздно приходится расплачиваться, Конан не сомневался.

— Ладно, — сказал он, решив не вступать в спор с гостеприимным хозяином, — теперь понял, в чем состоят ваши трудности. Но как могу помочь я?

— Спустишься в пропасть, убьешь демона и вернешь нашему народу священный Моррокан.

Конан даже присвистнул.

— Только-то! Если бы это было так легко, вы сами давно это сделали бы.

— А я и не говорю, что это легко, — сказал Абдрасан, морща нос, — сотни смельчаков погибли, пытаясь достать из провала талисман. Защитное поле кристалла действует, и там, где видятся тропинки и ступени, оказываются отвесные скалы, веревки обрываются, а корни кустов превращаются в ядовитых змей.

— Так почему ты решил, что я доберусь до дна?

— Потому что так сказала Вичитравирья. Она явилась сегодня утром и открыла нам, что в холмах появится некий киммериец, сын коваля, которого будет сопровождать юная вендийка. Потому мы выслали лазутчиков, один из которых и видел, как вас схватили болотные люди. Он вернулся в город, я послал отряд, и вот вы здесь.

Конан пожал плечами.

— Не понимаю, — сказал он не слишком любезно, — ты говорил, что колдунья заварила всю эту кашу с превращением Лаппы, а было это сто лет в обед.

— Даже больше, — не понял присказки песьеголовый, — но жрицы Сомы владеют секретом долголетия. Может быть, это вовсе не та колдунья, а ее дочь или даже внучка, не знаю. Как бы то ни было, она объявила, что северный млечх должен нам помочь. Когда Моррокан будет извлечен из пропасти, его надо истолочь и давать порошок роженицам: тогда у них будут появляться нормальные дети, и клинхи снова обретут свой прежний облик.

— Вы готовы ради этого отказаться от магической защиты кристалла?

— Готовы! За долгие годы, прошедшие после того, как Хохочущий Демон увлек наш талисман на дно пропасти, мы научились сражаться без его помощи. Достань камень, киммериец, и ты вернешь нашему народу самое ценное что есть на этом свете — свободу!

Если бы песьеголовый раджуб стал говорить о чем угодно другом, Конан еще сто раз подумал бы, прежде чем согласиться. Но свобода... Ее варвар ценил превыше всех драго-

ценностей и всего золота мира, ради нее он готов был отправиться в пасть к Нергалу или сразиться с самим Змеем Вечной Ночи.

Абдрасан попал в точку.

— А сказала ведьма, как мне спуститься вниз? — пробурчал варвар, делая вид, что всецело занят чисткой банана.

— Для этого есть только один способ.

— Какой же?

— Отдаться в лапы Хохочущему Демону. Только он обладает способностью видеть настоящий путь, ведущий вниз. Раз в год, в ночь полнолуния месяца меак, монстр вылезает из провала, и тогда кто-нибудь из нас добровольно приносит себя в жертву, надеясь вырваться из его когтей вниз и одолеть исчадие Тьмы. Увы, никому до сих пор это не удалось. Сегодня, когда стемнеет, ты можешь попытаться...

— Может быть, мне лучше сразу отрезать себе голову? Насадите ее на кол и будете пугать гадхарцев. Или леопардов.

— Ты зря так говоришь, северянин. Жрицы бога Луны не бросают слов на ветер. Вичитравирья сказала — у тебя есть нечто, что поможет одолеть демона.

— Ах, вот в чем дело. — Варвар даже хлопнул себя ладонью по лбу. — Какая смышленная старушка! Ну конечно, у меня есть Плод Желаний, только, говоря по чести, я обещал его не есть и не продавать, пока не принесу в Айодхью.

— Плод калываврикши тут не годится, — спокойно возразил Абдрасан. — Он порожден деревом, находящимся под защитой Богини Смерти, и не станет действовать против существа, ею же порожденного.

— Тогда не знаю, о чем идет речь, — пожал Конан плечами. — У меня есть еще водоплавающий полип, но не думаю, что его свет напугает страшилище.

— Он не нужен, — кивнул песьеголовый, — камни на дне пропасти и так светятся. Может быть, у тебя найдется что-то еще?

Тут киммериец вспомнил о третьем орехе, обнаруженном в сумке. Сумку тут же принесли, плод был извлечен,

паутина размотана. Верхушка ореха оказалась срезана, образуя как бы небольшую крышечку, и когда ее сняли, внутри обнаружилась совершенно белая лягушка, покрытая отвратительными язвами. Песьеголовые разочарованно вздохнули.

— Это всего лишь куикка, — сказал один.

— Ее ядом болотники смазывают свои летающие колючки, — молвил другой.

— Но он слишком слаб даже для нас, не говоря уже о Хохочущем Демоне, — заключил Абдрасан.

— Откуда она взялась в моей сумке? — спросил варвар.

Оказалось, воины песьеголовых собрали валявшиеся в грязи орехи, полагая, что они принадлежат киммерийцу. Бородавчатый плод, выроненный, очевидно, одним из жрецов Ыухе, оказался в их числе, но, увы, и он был сейчас бесполезен.

Раджуб песьеголовых предложил подняться на башню: быть может, рассмотрев получше провал, киммериец найдет решение. Стоя на круглой площадке, Конан узнал следующее. Камни, брошенные в пропасть, не издают звука. Быть может, тому виной чары Моррокана, быть может, что другое. Монстр, вылезающий из провала, хватает свои жертвы за руки, и тащит их в низ с диким хохотом, а на дне, очевидно, поедает. Лапы чудовища столь мощные, что и мыслить не стоит из них вырваться... А если вырваться невозможно, то какого беса лысого вообще затевать сие предприятие?!

Конан уже собрался сказать об этом раджубу (в конце концов, бессмысленная жертва чудовищу вовсе не входила в планы киммерийца), как вдруг вендийка, о которой он почти забыл, робко тронула его за руку.

— Кажется, я придумала, — сказала она, стыдливо потупясь.

— Я тоже, — огрызнулся Конан. — Прыгну в пропасть и попрошу Индру, чтобы у меня выросли крылья.

— Тебе не надо прыгать в пропасть, о храбрейший из млеччхов, — прошептала девушка. — Ты отдашься чудовищу, а на дне ускользнешь из его лап.

— Каким образом? Отгрызу себе руки?

— Нет-нет! — искренне ужаснулась Ка Фрей, словно и вправду поверила, что варвар способен на подобное безрассудство. — Ты сделаешь, как ящерица кашахша, которая, когда ее ловят, выskalъзывает из своей кожи.

Она улыбнулась, полагая, что он сразу по достоинству оценит ее замысел. Конан представил, как выskalъзывает из собственной кожи, ничего веселого в том не нашел и сердито буркнул:

— Сегодня один вонючий безумец уже собирался проделать со мной нечто подобное. Ты хочешь, чтобы демон довершил замысел людоеда?

Тем не менее он решил послушать, что там придумала вендийка. Когда Ка Фрей кончила излагать свой план, киммериец решил, что и женщины иногда могут кое на что сгодиться.

ГЛАВА 10. Аккасар. Роковой удар

Да, старик, — сказал Конан, выплевывая куриную кость, — твоя девчонка оказалась на высоте. Если бы не ее сметливость, не видать бы песьеголовым Моррокана, как своих мохнатых ушей. Думаю, и нас бы ты не увидел: не верю я, что потомки клинхов не ведают чувства мести, таких народов я не встречал. Как ни старался их раджуб казаться наибезобиднейшим существом, нет-нет да сквозили в его зеленых глазах искры гнева. Так что, Ка, считай, подарила свободу не только песьеголовым, но и себе — заодно с млеччхом, которого ты только что славно угостил своей курятиной.

Дядюшка Пу лишь кивнул: на его узкоглазое лицо, обрамленное жидкой бородкой, не отразилось ни радости, ни печали. Старик сидел на циновке, поджав ноги, слегка покачиваясь, словно в полусне. Глаза его были прикрыты, худые пальцы перебирали костяные четки.

— Я очень испугалась, когда эта тварь вылезла из пропасти, — негромко сказала девушка. Она сидела рядом с киммерийцем на полу хижины, в которую привела своего спутника после того, как они переправились через реку. — О Бхайрави, спаси и защити нас от исчадий Тьмы!

Варвар вспомнил существо, появившееся из клубящегося серого тумана на краю площадки, окруженной каменным амфитеатром. Сначала из глубин провала донесся жуткий хохот и скрежет — словно сотни мечников вздумали царапать своими клинками огромное стекло. Потом колю-

чие кусты на краю бездны вспыхнули, затрещали и обратились в прах. Массивная тень заворочалась, вздуваясь, как огромный гнойник, волны холода накатились на ступени амфитеатра, заставив зрителей оцепенеть в ожидании зрелища, виденного ими неоднократно, когда мужественные сородичи выходили на сцену, чутко ступая по растрескавшимся плитам, чтобы снова и снова с отчаянной безнадежностью исчезать среди клубящейся тьмы под плотоядный хохот чудовища.

Оно походило на хамелеона, улитку и жабу одновременно. Брюхо, отвисшее, покрытое тусклыми роговыми пластинами, между которыми вздувалась и опадала зеленоватая кожа, колыхалось, как огромный мешок, делая монстра на вид несколько неуклюжим; лапы имели по восемь суставов и длинные цепкие пальцы, увенчанные загнутыми когтями, алыми и блестящими, словно ногти придворного модника, покрытые лаком. Плоский хвост волочился по плитам, оставляя белесую слизь, огромные ступни по-стариковски шаркали, и непонятно было, как столь нелепое создание может карабкаться по отвесным скалам.

Впрочем, Конан вскоре убедился, что может, да еще как.

Варвар стоял в центре площадки, словно лицедей, готовый сыграть главную роль в жутком спектакле. На ступенях амфитеатра безмолвно восседали песьеголовые и их женщины; где-то там была и Ка Фрей, следившая за ним полными ужаса и слез глазами.

Демон зашипел, выпустил длинный огненный язык и, воздев над уродливой мордой длинные кривые руки, двинулся вперед, подминая колючки, пробивавшиеся между плитами. Хвост, еще недавно бесцветный и студенистый, побурел и покрылся черными полосами, повторявшими очертания трещин. Грудь его покрывало нечто округлое, красноватое, с розовыми прожилками, и Конану сначала показалось, что это какой-то щит или воротник, наподобие кольчужного, защищающего грудь латника, но, когда монстр приблизился, варвар разглядел: то была нижняя губа чудовища, а над ней, блестя желтой слюной, скалились мелкие, пощучьи острые зубы...

Длинный язык, полыхавший жаром, коснулся его лица. Вернее — маски, прикрывавшей лицо киммерийца. Маска была сделана виртуозно, как и все в городе клинхов, и, надев ее, Конан стал неотличим от песьеголовых, разве что синие глаза, смотревшие в отверстия фальшивой собачьей головы, могли бы его выдать. Однако Хохоцущий Демон распознавал лишь обман, навеянный чародейством, маска же была рукотворной, а посему чудовище видело ее точно так же, как и все остальные: не слишком отчетливо в полумраке, царившем на краю пропасти.

Конан заставил себя стоять смирно, хотя его так и подмывало воспользоваться арсеналом, которым он запасся. Варвар застыл, словно изваяние, подняв руки, продетые в полые стебли гигантского бамбука: эти наручни, согласно замыслу, должны были сыграть роль кожи ящерицы, когда он окажется на дне.

— *Kru singh omm-olul* — услышал он, словно сквозь толщу воды, хриплый крик Абдрасана. — Хали, Хали, мать наша, прими то, что повелел Сوما, Владыка Снов!

Ах вот как, значит бог Луны лично удостоил его чести стать жертвой пузатого демона! Надо же. И еще — раджуб песьеголовых ни словом ранее не обмолвился, что ведет свою родословную от Девятирукой. Кажется, он утверждал, что прародительницей его племени была трехголовая Снейгу. Нет, пожалуй, сам Ормазд, Судья Судей, не смог бы разобраться в хитросплетении верований жителей этих земель!

Впрочем, разбираться сейчас времени не было: за поблескивающей слюдянистой оболочкой похожее на желток полупрозрачного яйца глазное яблоко монстра двигалось, перетекая внутри поблескивающего нароста посреди его покато лба — по бокам, похожие на листья чертополоха, колыхались под слабым ночным ветром дряблые уши. Колыхание прекратилось, желтый шар застыл, и красная крапинка, блесквившая посредине, определилась: взгляд демона вперился, ощупывая жертву.

«Иди, — мысленно молил варвар, — возьми меня! Иди, пузатый, во имя твоей грудастой Госпожи, я, ускользнувший от Нее, жду тебя!»

Демон, видимо, что-то чуял — отблеск или запах мыслей — он взболтал единственный глаз, как повар, готовящий яичницу-болтунью, и выплеснул пучьим ртом звук, похожий на смех изувера, добравшегося до вождельной селезенки жертвы.

«Хо-о,— пронеслось над амфитеатром,— Хали-вхо-о!»

В тот же миг монстр кинул свои руки-корни, многочисленные суставы защелкали, и пальцы, похожие на бледных червей, но подобные захлестнувшей силой аркану кочевника, сдавили руки варвара.

Хрустнуло древесное волокно бамбука, на миг Конану показалось, что наручни не выдержат, и его запястья будут раздавлены безжалостной силой, но — обошлось; киммериец почувствовал пустоту под ногами и холод в животе; амфитеатр, оттаяв, ахнул: утюжа плиты, монстр отступил и канул вместе со своей добычей в логово, дарующее тьме — тьму.

Спускались стремительно. Демон, не переставая хохотать (утробные звуки кружили голову, пожалуй, пострашней спуска), вытягивал нижние лапы, казавшиеся еще недавно неуклюжими, столь проворно, что ему мог бы позавидовать любой скалолаз, рожденный по обе стороны Киммерийских гор. Его похожий на наросты голубоватого льда глаз крепко сидел во лбу — крутился под оболочкой лишь желтый зрачок, как матрос в корзине наверху мачты: выглядывал путь. Варвар висел, напоминая себе подстреленную дичь, раненную, еще не простившуюся с жизнью, но уже в тенетах — а охотник ликующе хукал, скользя по расщелинам столь же легко, как обычные звероловы ходят через вереск или теплый песок, возвращаясь с добычей.

Столько раз демон вступал на гибельные места, что голова шла кругом. Там, где была тропинка или тень лестницы, не ложились шаги его широких ступней — монстр застывал, поводя желтым зрачком, и вдруг бросался на отвесную стену. Он нес свою добычу на вытянутых руках, не касаясь ею скалы; живот под костяными пластинами гулко бухал, когда тварь с проворством ящерицы отыскивала магическим глазом лазейки на дно. И гладкая стена обраща-

лась в пологую расщелину, и на месте подозрительных осыпей возникали лестницы.

Серый туман сгущался, но, странно, становился все прозрачней, подсвеченный снизу багровыми сполохами. Спуск шел все круче, временами демон скользил надувшимся животом по гладкому, словно ледяная горка, склону, и хохотал все громче, радуясь своей ловкости.

И, съехав в очередной раз, вдруг побежал вперевалку, все так же удерживая человека — варвар болтался в его лапах, как тряпичная кукла. Багровый свет шел от камней; густо белели кости и черепа, потрескивавшие под ногами чудовища, как сухой мох в лесу. Еще ржавело на дне оружие: остатки мечей, копий и палиц, так никогда и не пущенных в ход. И рокотал, мощно вырываясь из недр, радужный фонтан, окутанный паром.

Наконец монстр остановился, красный зрачок снова уставился в прорези собачьей маски — Конану показалось, что демон разгадал обман и готов к мести.

Он не стал медлить: разжал занемевшие пальцы и отпустил круглые срезы бамбука, за которые держался. Надо сказать, из последних сил.

Тело его скользнуло вниз: монстр по-прежнему сжимал наручни, облизывая полыхающим жалом рыбы свои зубы. Конан не стал ждать, пока тварь пошевелит мозгами, если таковые, конечно, наличествовали: остро отточенная крестообразная чакра — излюбленное метательное оружие вендийцев, которым Конан учился владеть в Айодхье — с шелестом понеслась сквозь серый туман и полоснула по лбу чудовища. Вопль, сернистый дым и страшный удар стремительно удлинившейся суставчатой руки, обрушившийся на голову варвара...

Самое приятное — вспоминать былые схватки, попивая некрепкое вино (крепкое способствует пробуждению былой агрессивности, что не всегда приятно для слушателей), закусывая мяском, а потом, ковыряя в зубах костяной зубочисткой, или, на худой конец, просто щепкой, наслаждаться впечатлением слушателей. Тем паче — слушательниц.

Слушательница у Конана имелась, и слушательница благодарная: увы, будучи также и свидетельницей — во всяком случае заключительной стадии — подвига киммерийца, Ка Фрей снова сжималась и трепетала при одном воспоминании об ужасном видении, представшем ее глазам там, в древнем амфитеатре. Что ж, варвар ее понимал: его вид после появления из пронасти был отнюдь... как бы это помягче выразиться?.. отнюдь не героический.

Дядюшка Пу — где только делают столь бесчувственных старикашек? — слушая рассказ северянина, не проявлял особой заинтересованности. Он мял свои четки и жевал губами: казалось, явись пред ним Хохочущий Демон во всей своей красе, патриарх неприкасаемых и тогда бы не сдвинулся с места.

— Раджуб песьеголовых снабдил меня всем необходимым, — сказал Конан, решив для себя, что старик просто притворяется.

Киммериец никак не мог поверить, что существуют на свете люди, равнодушные к орудиям убийства. Даже Учитель, который был Приближенным Богов, когда-то счел необходимым обучать его не чему иному, как Искусству Убивать.

— И, уж поверь мне, вооружен я был почище гирканской орды, надумавшей завоевать хайборийские королевства. Помимо чакр (дисков, крестовин с загнутыми наконечниками, остроразящих звезд и вендийских шаров-зацепок, похожих на перекасти-поле, но только металлических и снабженных острыми коготками), на поясе киммерийца висели шесть кинжалов (от одного до шести лезвий каждый), гарруда (протыкающая палица), втыкач (небольшое копье, пристегиваемое к запястью), хассак (стигийский метательный нож, лезвие коего было гораздо тяжелее рукоятки — с ожидаемыми последствиями), барртаммбуги (свинцовые гири в кожаных чехольчиках на кожаных же ремешках, которые можно было раскручивать над головой, и, если враг не противопоставлял им круглый кожаный щит-турч, способные проломить не то чтобы лоб, но и шлем, его прикрывающий) и еще кое-что, столь же достойное.

Дядюшка Пу покивал и пожевал губами. Сидел ровно, плоский его зад словно с рождения попирали циновку посреди хижины.

— Когда чудовище нанесло мне удар, думая, вероятно, что тут же меня прикончило, я пустил все это в ход, — сказал Конан, поглядывая, нет ли еще закуски.

Закуски не было.

...Удар демона бросил киммерийца на тускло светящиеся камни — он упал спиной, и оружие его лязгнуло. Монстр нависал, грозя руками и зрачком: в глаз полетел следующий метательный диск и, лязгнув, отскочил.

Тогда в ход пошел меч.

Клинок поднимался и падал, а монстр только поводил руками, отбиваясь, как деревенский дурачок от прутика мальчишки. Немедийская сталь полосовала по груди и плечам, не оставляя ни малейшего следа — только взъерошивалась шерсть, и глотка чудовища исторгала хохот. Глаз его нависал, смотрел сверху на размахивающего мечом человека, и в красной искре посреди желтого шара вырастала и — сверху, с роста, из-под надбровий жабьей морды — готовилась упасть: смерть.

Смерть грозила киммерийцу не раз — тысячу: в седле, на тропе, в застенках, там, где ее не ждали, и среди пиршественного разгула, таящаяся в рукаве или кубке, и в дружественной улыбке вчерашнего соратника, и другая, за голенищем обычного вора (эта была предпочтительней, он с ней даже дружил), и в постели женщины (эту он привык распознавать и даже играл с нею — к восторгу и ужасу дам, обреченных своей покорностью тем, кто использовал их, либо страстью, над коей тщились сии создания властвовать — тщетно), но предпочтительней — в честном поединке, когда сталь против стали, сила против сила. Когда раззудится плечо, и рука идет во взмах, и не стыдно умереть...

Демоны, нежить, колдуны не ведали чести. Против них бессильными зачастую оказывались и привычное оружие, и ловкость, и даже, как ни странно, мольбы, обращенные к Митре. Только коварство и звериное чутье спасало варвара — не раз и не два.

Он бился, стараясь устоять на светящихся багровым камнях, среди тусклого тумана, пуская в ход все свое замысловатое оружие, и уже зная, что проиграл, что демону не страшны ни меч, ни летающие диски с остро отточенными краями, ни палицы, ни проникающие в глаза железные когти, надеваемые на мягкие человеческие пальцы. На то он и демон.

Они топтались по острым обломкам, приплясывая, словно танцоры, облаченные в маски; фонтан кипящей воды с шипением бил за спиной человека. В какой-то момент Конан оглянулся и увидел у подножия гремящего гейзера большой, тусклый фиолетовый кристалл: Моррокан лежал, присыпанный сверху костями тех, кто тщетно пытался вернуть его своему народу.

Монстр вдруг застыл, обратив бледно светящийся глаз на талисман клинхов. Пластины на его отвисшем брюхе разошлись, сквозь тонкую кожу проступили, словно натягивая ткань, лики: человеческие, беззвучно двигающие губами; слепые глаза, казалось, силились узреть что-то сквозь кожу демона.

— Ур-р-зыхы! — проревел монстр и разразился очередной порцией хохота. — Ус-снеш, с-па, Кон-най!

Киммериец опустил меч, оперся на рукоять, сплюнул и спросил по-киммерийски:

— Спать? Ты предлагаешь мне вздремнуть, ублюдок?

— У-ехр! — хрюкнул монстр.

— Очевидно, мне следует пролезть за твою губу, в чудесное брюхо. Ух-зы?

Он не мог уразуметь как, но чувствовал, что понимает демона и может говорить на его языке. Возможно, действовал Морриган, во всяком случае, от фиолетового камня накатывались ощутимые волны, завораживающие, усыпляющие...

Конан почувствовал, как подгибаются ноги, и крепче оперся на рукоять немедийского меча. «Окажешься под землей и должен будешь навсегда уснуть...» Кто это говорил? Ах да, заморыш-жрец перевел таким образом каркающую речь дикарского шамана. Серолицый сказал лишь

несколько слов, но значили они многое. Кажется, людоед поминал чей-то глаз, положенный в рот. Кром, неужели и вправду придется оказаться в желудке монстра и поглядеть на него изнутри?! Или... О Митра, дикарь поминал один глаз!

— Вла-а, ум-ба-ала!

— Ладно, уговорил. — Варвар сделал вид, что сдался. — Ты мне тоже нравишься. Открой пасть пошире: лечу на крыльях, о коварный мой искустель!

Демон расхохотался и отвалил нижнюю губу чуть ли не до земли. Он пригнулся, разявив черную пасть, в которой метался огненной змеей страшный язык. Что творилось под низким лбом чудовища, оставалось неизвестным, но киммериец чутьем понял: Хохотун поверил, ибо ждал, что морок окутает разум жертвы и заставит покорно броситься в чрево!

Отбросив меч, Конан побежал вперед, вытянув руки и загребая ногами по острым камням: прах павших героев окутал его до колен белым облаком. Щучьи зубы блестели все ближе, огненная змея полыхала и билась в черной дыре, бледные пальцы с алыми когтями извивались, как щупальца медузы...

Нырнув под корявые лапы, варвар ухватился за нижний край слюнявой губы и резко дернул вверх, сжимая скользкую кожу изо всех сил и моля Митру лишь о том, чтобы хватило сил не выпустить этот отвратительный, холодный и упругий кусок мяса. Сил хватило: губа чудовища покрыла его голову вместе с ушами. И вместе с хрустальным глазом-яйцом, конечно. Демон застыл, потом нижние его лапы подогнулись, он тяжело плюхнулся на камни широким задом и стал заваливаться на сторону...

Этого киммериец не открыл ни песьеголовым, когда выбрался из пропасти, держа в руке вырванный глаз чудовища, ни вендийке, которая осыпала своего «небесного супруга» поцелуями и заверила, что теперь готова «не только целовать его пятки, покрытые киноварью, но и выносить ночные вазы, вобравшие след небесных испражнений». К чему знать непосвященным подробности? Достаточно того,

что песьеголовые получили свой кристалл и отпустили их с Ка восвояси.

Дядюшка Пу, впрочем, так не думал. Он вдруг заерзал своим тощим задом по циновке, зачмокал губами, открыл розовые десна и произнес:

— Ты ведь заставил Хохочущего спать, сынок, не правда ли?

— Заставил,— подтвердил варвар, нисколько не обидевшись на «сынка», ибо Пу имел в чертах своих убедительную печать древности.— Натянул ему нижнюю губу на глаз, он и задрях.

— А потом?

— Потом? Вижу — почивать изволит, отогнул кожу, ковырнул мечом глаз, с ним и поднялся наверх. Глаз — словно магический кристалл, через него видно, где настоящие ступени, а где иллюзия.

— Это хорошо,— кивнул Пу,— теперь у тебя есть три полезных предмета. Светящийся Полип, Бледная Лягушка и Магический Глаз. Это странно.

— Почему?

— Потому что никогда еще Претендент не обладал таким набором.

— Претендент? Кром, я тебя не понимаю!

— Претендентом зовется тот, кто хочет исполнить роль Одноногого Синга. Халипуджа завтра.

— Ты забыл еще Плод Желаний.

— Нет не забыл. Но, чтобы им воспользоваться, тебе нужно будет предстать пред ликом Богини Смерти. Ты ведь не хочешь этого делать?

— Не знаю... Вообще-то Девятирукая не вызывает у меня особого восторга. Коварная, злобная... Кстати, почему у нее девять рук? С одного боку пять, а с другого только четыре.

— Ее отсекал демон Бхавани, знавший, что эта рука Хали способна испепелить всякого, к кому прикоснется. Демон затеял с богиней танец страсти и лишил ее конечности. Рука упала на гору Меру, с тех пор из ее вершины бьет огонь и летит сера.

— Странные у вас боги,— проворчал варвар.— Танец, страсть, и туда же — мечом махать. Ладно, у небожителей свои привычки. Скажи-ка лучше, старик, чем столь полезные предметы, по разным причинам оказавшиеся в моей сумке? И какое отношение имеют они к Одноному Сингу, этому великому герою древности, спасшему некогда, как рассказывала мне Ка Фрей, гадхарцев?

— Синг не был великим героем,— молвил в ответ дядюшка Пу, пожевав предварительно губами.— Он был деревенским дурачком.

В его словах не было и тени насмешки, говорил старик как всегда спокойно и рассудительно. Старейшина неприкасаемых нравился Конану, как близки его сердцу были седые скалы, хранившие покой вечности. И Аккасар, поселок, где жили отверженные, неожиданно пришелся по душе, хотя варвар ожидал увидеть грязь, нищету и развалившиеся хижинки.

Песьеголовые с благодарностями приняли из рук Конана свой талисман, но не предложили киммерийцу и его спутнице остаться в Дангуне. Хотя бы из вежливости. Впрочем, варвар считал, что это им на руку: клинки проводили его и девушку до реки и даже принесли с собой узкую лодку, которая и помогла преодолеть водную преграду.

Распрощавшись с песьеголовыми на рассвете, к полудню они уже достигли Аккасара. Вдоль берега тянулись дощатые мостки, на которых женщины в юбках из пальмовых листьев и коротких, грубой выделки кофтах стирали белье. Стоя на коленях, анупры из-под ладоней смотрели на приближающуюся лодку. Они, судя по всему, узнали Ка Фрей, но не выказали ни радости, ни удивления.

Девушка провела северянина узкой тропинкой, вившейся между бамбуковыми зарослями, в деревню. Воздух был чистый и такой благоуханный, что, казалось, оживил бы и мертвого. Мягкий ветер дарил прохладу, среди стволов раскидистых деревьев, явившихся за бамбуковой рощей, щебетали маленькие птицы, а дикие голуби нежно курлыкали в ветвях, под которыми стояли аккуратные тростниковые домики, крытые пальмовыми листьями.

Навстречу попадались местные жители. Никто из них не носил масок, а в руках мужчин встречалось даже оружие: палки с заостренными концами. Женщины несли на головах глиняные кувшины с водой из реки или плетеные корзины с бельем, лица их были спокойны, как и лица их мужей.

Среди неприкасаемых Конан заметил несколько прокаженных, причем у некоторых болезнь зашла весьма далеко. Особенно выделялся один мужчина: на спине и плечах у него, словно огромный краб, распласталась язва, посредине синяя, а по краям золотисто-желтая. У несчастной молодой девушки, попавшейся навстречу, столь же печальным образом оказалось изуродованным лицо. Вместо носа виднелась лишь дыра, скулы распухли и гноились, воспаленные глаза покраснели и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Увы, это была не маска, как решил было поначалу киммериец. Впрочем, как он заметил, несчастные, казалось, вовсе не горевали о своей беде и занимались будничными делами столь же спокойно и безучастно, как и другие неприкасаемые.

Ка провела варвара через еще один тенистый проход, и по нему они добрались до луга, на краю которого, на холме, стояла хижина старейшины поселка. Возле росло дерево тоа с длинными ниспадающими коричневато-зелеными ветвями, с коих печально свешивались узкие волокнистые иглы. Спокойную грусть навевал вид этого растения — чувство, которое царило в Аккасаре безраздельно.

Дядюшка Пу, более похожий обликом на кхитайца, чем на уроженца Вендии, встретил анупру и ее спутника без волнения, но приветливо. Угостил вареной курятиной, фруктами, терпеливо выслушал, полуприкрыв глаза и перебирая четки, и заговорил только тогда, когда узнал все необходимое.

Его сообщение насчет Синга, который, как оказалось, был тем самым мальчиком-дурачком, о котором рассказывал Конану Безголовый Рогар, удивило и заинтересовало киммерийца. Впрочем, он уже привык к самым неожиданным поворотам событий.

— В честь маленького Синга и возник обычай передавать престол Гадхары на три дня тому, кто победит в состязаниях, — рассказывал старейшина. — Состязания проводятся в честь подвигов того, кто спас гадхарцев, хотя и не был героем.

— И в чем они состоят? — спросил киммериец.

— Во-первых, надо поймать руками рыбу в бассейне, устроенном в темном помещении. Так повелось после следующего случая. Если ты помнишь, кальпаврикша была столь высока, что листья ее закрывали свет солнца. Среди гадхарцев царил голод. Когда обратившаяся в тигра Кали разрезала свой язык и покинула гору Дейгин, к дереву прибыл раджуб, приветствуемый большой толпой людей. И вот, маленького Синга случайно столкнули в реку. Когда дурачок выбрался на берег, весь облепленный тиной, он сжимал в руках огромного карпа. Говорят, с тех пор Синга заставляли нырять по десять раз на дню, и всякий раз дурачок появлялся с рыбой в руках. Правда то или молва, но во время праздника Калипуджи Претендент должен повторить этот подвиг: поймать в темноте рыбку.

— Понятно, — кивнул варвар, — здесь мне поможет полип якшей. Он светится в темноте, а вода для него — родная стихия. А на что может согдиться глаз демона?

— Синг, как многие люди, чей разум не связан устоявшимися понятиями, не боялся лесной нечисти, которая так любит пугать незадачливых страшными видениями. Поэтому Претенденту надлежит одолеть фантомов в Комнате Иллюзий. Ты же, обладающий глазом, способным распознавать морок, можешь и здесь легко победить.

Киммериец довольно хмыкнул. Ему все больше нравились праздники Калипуджи.

— А лягушка?

— Ее яд способен убить или погрузить в сон: в зависимости от концентрации. Если же прикоснуться к бородавкам пальцем, можно вызвать одервенение членов, которое проходит спустя несколько часов. Бледную лягушку специально отлавливают для подобных целей, чтобы выдерживать испытание у Священного Котла.

— Ну, я уж как-нибудь постою на одной ноге без посторонней помощи,— проворчал варвар,— тем более, держась за шест. Что еще?

— Есть еще одно простенькое соревнование, с которого все и начинается...— начал было Пу, но Конан вдруг схватил его за руку и приложил палец к губам.

— Т-с-с! Что это за звуки?

Снаружи донесся громкий шелест, похожий на хлопанье огромных крыльев.

— Где девчонка?!

Увлеченный беседой, он не заметил, как вендийка выскользнула из хижины.

— Тебе не о чем беспокоиться,— заговорил старик все так же мягко, однако чутье и опыт подсказывали киммрийцу совсем другое.

Он вскочил и, подхватив перевязь с мечом, мигом очутился снаружи.

В тени дерева тоа, под длинными свисающими иглами, ворочалось некое существо. Два огромных полукруглых крыла, черных, как ночь, горящие изумрудным светом глаза, словно прикрытые сеткой, над маленькой головкой — два длинных тонких рога. Перед ним на коленях стояла Ка Фрей, и эти рога-щупальца тянулись к лицу девушки.

Меч вылетел из ножен, привычно ложась в ладони отполированной рукоятью. В два прыжка варвар покрыл расстояние, отделявшее его от чудовища. Взмахнул клинком, стараясь вложить всю силу в удар...

— Нет! — услышал он отчаянный крик вендийки. — Не смей его трогать!

Слишком поздно: лезвие, свистнув, опустилось, развалив крылатое создание надвое.

ГЛАВА 11. Город Слона. Четвертый дурак

Окруженный джунглями и болотами, Город Слона лежал посреди небольшой долины, как драгоценный камень в зеленой изумрудной оправе. Площади и прямые его улицы всегда были политы ароматной водой, каналы и фонтаны источали прохладу, в цветущих садах деревья круглый год приносили плоды. Покой гадхарцев охраняли крепкие башни и стены, соединенные целым переплетением галерей и висячих мостов, легких и изящных, как крылья бабочки. Жители города любили похвастать, что, раз поднявшись на стены, можно бродить по ним целый день, ни разу не спустившись на землю и не проходя по одним и тем же местам.

И странно было видеть посреди белостенных домов, утопавших в зелени, на рыжем холме, где не росло ни единое дерево, черный, увенчанный островерхими шпилями, храм, окруженный мрачными изваяниями: жилище Хали. К нему вела широкая лестница, по сторонам которой в огромных чашах, укрепленных на медных треногах, днем и ночью пылали священные огни.

Впрочем, присутствие черного храма не омрачало светлого утра любимейшего гадхарцами праздника, посвященного их покровительнице, грозной, неистовой и страстной Богине Смерти. Улицы были полны народа. Приодевшиеся по случаю торжеств, шествовали в сопровождении слуг и наложниц богатые франты в плотно облегающих торс джамах с узкими рукавами, собранными от кисти до локтя в

подобие браслетов, завязанных наверху у левой подмышки. Сии пестрые одеяния оканчивались широкой юбкой, выкроенной так, что книзу обращены были длинные острые зубцы, начинающиеся от середины бедра и доходящие почти до середины голени. Талии модников стягивали разноцветные пояса, завязанные на животах пышными бантами и ниспадающие спереди длинными концами. На головах — высокие шапочки с округлым верхом, обмотанные понизу тканевыми жгутами.

Вендийские мужчины напоминали пестрых чванливых птиц, а к гадхарцам это сравнение подходило особенно. Тем более, что мужи сего племени красили яркими цветами не только зубы, ногти, но и лбы, и мочки ушей.

Богатые гадхарки щеголяли в длинных радужных юбках, широких и густо присборенных в талии. У многих спереди виднелась полоса тонкой материи, заложенная мелкими складками: чем прихотливей была подобная сборка, тем искуснее считалась ее обладательница. Иные надевали тонкие полупрозрачные юбки на яркие сальвары, а плечи и голову, несмотря на жару, покрывали большими квадратными шальями, края которых подтыкали под вырез узкого лифа. Всех модниц объединяло одно: низко открытые животы, полные, блестящие, с выкрашенными кармином пупками.

Народ попроще, мужчины и женщины, носили традиционную вендийскую одежду дхоти-курту, состоявшую из длинной набедренной повязки, пропущенной между ног и завязанной узлом на животе, и длинной рубахи с широкими рукавами. Впрочем, простолюдинки тоже не упускали случая продемонстрировать свои округлые животики, пышностью форм ничем не уступавшие сим частям тела аристократок.

Разносчики фруктов, напитков и сладостей всюду расхваливали свои товары, грохотали по мощеным камнями улицам тонги — городские экипажи, представлявшие собой две соединенные спинками скамеечки на двух колесах под навесом — запряженные небольшими мохнатыми лошадаками, а по желтым пыльным дорогам из окрестных селений

тянулись к городским воротам повозки, влекомые спокойными волами с развесистыми рогами и горбами над мощными лопатками. Жители гадхарских деревень и городков спешили на праздник.

По случаю Халипуджи люди украшали не только себя, но и своих любимцев: в гривы лошадей вплетены были бумажные цветы, рога волов вызолочены, на многих животных красовались вышитые шапочки и красные пятнышки посреди широких лбов. Извозчики, хозяева тонг, наносили на тела своих лошадей орнамент в виде оранжевых кружков, и в тот же цвет красили им ноги до колена.

Гирлянды бумажных фонариков унизывали стены домов и ветви деревьев, а в ясном небе реяли яркими мазками бумажные змеи.

Мало кто из жителей Запада, оказавшись он в это утро на улицах Города Слона, поверил бы, что все это великолепие красок, радостные лица и изысканные одежды явились в честь Богини Смерти. И покачал бы путешественник головой, и в который раз посетовал на неразумность вендийцев, с улыбкой поклоняющихся той, кто наводит ужас на праведного хайборийца...

Для человека, стоявшего в утренний час на широкой террасе великолепного дворца, выложенного из золотых кирпичей, зрелище, открывающееся внизу, было привычно. Вегаван, первый советник раджуба Гадхары, смотрел на пеструю толпу, бумажные гирлянды и змеев в утреннем небе равнодушно, с толикой легкого презрения. Забавы толпы! Он, облаченный высокой властью, обладающий многими секретам, знал многое из того, что было скрыто от непосвященных за пышной бутафорией праздника.

Глядя, как вол и буйвол вместе тянут по широкий улице одну поклажу, вазам невольно подумал, что все же в одну телегу впрячь можно и столь разных животных. Они такие непохожие, что и сравнивать трудно: буйвол низкий, коротконогий, широкий — олицетворение силы и неудержимого движения к цели. Вол из породы зебу, дымчатый, словно уттарский кот, с ровной шерстью, на высоких ногах,

и вызолоченные рога — словно дорогие украшения на голове с огромными, подернутыми дымкой грусти глазами...

Вегаван взглянул на Астрель, стоявшую рядом. Та же печаль в черных зрачках, длинные ресницы, гордый поворот головы. И он рядом: коренастый, сильнорукий, решительный... Разные, но вместе.

Советник отбросил ненужные мысли: время размышлений прошло, настала пора действовать. Слишком многое решается, и да помогут ему Девятирукая и Повелитель Снов!

— Пора,— сказал он негромко,— твой отец уже готов спуститься в шатер.

— Да,— откликнулась девушка,— я не меняю решений, но душа моя полна тревоги. Раджуб не молод, и выдержит ли его сердце сон, навеянный напитком Сомы?

— Вичитравирья не станет обманывать. Она вовсе не желает, чтобы повелитель Гадхары умер. Сон его будет неотличим от смерти, но жрица Бога Луны даст нам противоядие...

— Если мы выполним ее условие и отдадим Плод Желаний.

Вазам немного помолчал.

— Соглядатаи донесли,— сказал он решительно,— что млеччх пришел в Город Слона. Он привел на веревке ану-пру в отвратительной маске, которую хочет объявить своей женой. И принять участие в состязаниях Претендентов.

— Северянин не робок...

— Он, конечно, проиграет. Когда я стану Одноногим Сингом, я смогу предложить млеччху в обмен на Золотой Орех любое из того, что он пожелает: золото, должности, почести, все, к чему лежит варварская душа. Когда мы выполним условие Вичитравирьи и получим противоядие, объявим Совету, что можем воскресить «умершего» раджуба. В обмен на престол, конечно, и не на три дня, а навсегда. Стране нужен новый правитель, решительный, способный воскресить былую славу Гадхары. И новая правительница...

Вегаван выразительно взглянул на свою собеседницу.

— О,— прошептал он страстно,— как я мечтаю раскрасить твой лоб и соединить наши руки священными шнурами!

В прекрасных глазах Астрель промелькнул гнев.

— Молчи! — воскликнула она, отстраняясь.— Ты получишь меня только тогда, когда мой отец добровольно удалится в изгнание. Я должна быть уверена, что с ним не случится ничего худого.

— Конечно,— поклонился вазам,— все будет так, как мы замыслим.

— Но почему ты уверен, что млеччх добровольно отдаст плод? Ведь он и так может исполнить любую свою прихоть...

— Ты забываешь, что для этого варвару нужно предстать пред ликом Кали. А в храм его просто так не пустят. Если же северянин окажется настолько глуп, что откажется от моих предложений, я провожу его к Богине Смерти, и она *попросит* млеччха подарить мне Плод Желаний. Ты знаешь, как Девятирукая умеет *просить*...

Астрель вадрогнула и зябко повела плечами под тонкой шалью, хотя утро было жарким.

— Я знаю,— сказала дочь раджуба,— что тот, кому суждено испытать Взгляд Кобры, либо погибает в страшных мучениях, либо живет очень долго и, как говорят, может даже обрести вторую молодость. У Девятирукой свои пристрастия.

— Да,— кивнул вазам,— любовь богини столь же сильна, как и ее ненависть. О том ведомо и небожителям, даже Сома не станет ссориться с Девятирукой. Мы вернем Плод Желаний его жрице, а наша грозная покровительница проследит, чтобы Вичитравирья не использовала Золотой Орех нам во вред.

Советник тонко улыбнулся, довольный тем, что в силу своего высокого положения и тайных знаний смеет рассуждать о делах богов, как об обычных дворцовых интригах. Не зря он столько сил и времени положил на изучение священных шастр, не зря вместе с брахманами участвовал в леденящих кровь обрядах за черными стенами храма на

рыжем холме. В награду за труды он, Вегаван, получит прекраснейшую из женщин и власть над Гадхарой. И не только: он не станет сиднем сидеть в Городе Слона, как делает это старый раджуб, он отправится во главе кшатриев к стенам Дангуна, за которыми прячутся трусливые люди-собаки, он покорит их своей воле и завладеет священным талисманом песьеголовых. А там, если захочет Кали, войска двинутся на Айодхью, и он взойдет на престол Вендии, чтобы избавить народы от власти Деви Жазмины и основать новую династию!

Не следует, однако, прыгать через ров прежде лошади, одернул себя вельможа. Всему свой черед, и пока Совет не передал ему власть, он будет добросовестно играть роль советника раджуба, преданного и услужливого.

— Пора,— повторил вазам, снова кланяясь Астрель,— отправимся в шатер и займем места, нам подходящие. Надеюсь, ненадолго.

И они, разойдясь, двинулись каждый в сопровождении своей свиты через мраморное кружево залов — навстречу судьбе.

* * *

— Ты должен поносить меня последними словами!

— Это еще зачем?

— Таков обычай. Надо, чтобы все думали, что ты ненавидишь анупр. Тем более в день Халипуджи, когда вход в город нашей сестре вообще заказан. Делай вид, что привел меня силой.

Конан сердито сплюнул на политую розовой водой мостовую. На них и так таращились все эти расфуфыренные гадхарцы и гадхарки с раскрашенными лбами и золотыми колечками в ноздрях. Нет, конечно, и в хайборийских королевствах мужчины иногда красили зубы, часто носили в ушах серьги, браслеты на запястьях и перстни на пальцах. Но куда было какому-нибудь аквилонскому моднику до вендийского франта! Здешние мужчины, пожалуй, могли легко перещегоолять своих жен обилием побрякушек, пышностью одежд, а уж томностью манер — и подавно.

Шагая среди гудящей толпы, варвар едва сдерживал желание врезать какому-нибудь ротозею по желто-сине-красным скалящимся зубам. Он и сам был объектом праздного любопытства, а тут еще Ка в своей дурацкой маске, полученной в Аккасаре взамен канувшей в водопаде. Шею девушки охватывала веревочная петля — «небесный супруг» вел свою нареченную на аркане, как требовал того обычай.

— Ну пожалуйста, о победитель демонов, ругай меня! — услышал он снова приглушенный, полный мольбы голос вендийки.

— Ничтожное создание,— буркнул Конан,— несчастная уродина...

— Еще! И громче!

— Твоей гнусной мордой можно пугать детей. Ты достойна обитать в выгребной яме. Ты глупа, как... как пустой кокосовый орех.

Встречные, слышав его слова, одобрительно кивали, какой-то толстый коротышка даже плюнул в сторону анупры.

— Еще!

— Послушай, я уже выдохся.

— До шатра совсем недалеко.

— Ладно, будь по-твоему, кривобокая, коротконогая, плоскобрюхая дочь кастрата!

— Ну уж нет! — обиженно вскричала Ка Фрей. — Не говори плохо о моем животе! Вовсе он не плоский, а очень даже кругленький и аппетитный...

Так, переругиваясь, они достигли главной площади, куда вливались прямые чистые улицы. Мостовая здесь была усыпана белым песком. По мере приближения к площади толпа стихала, люди шли чинно, опустив головы и негромко переговариваясь.

Обогнув угол последнего здания, Конан и девушка оказались напротив длинной стены яркой ткани, над которой реял, надуваемый ветром, огромный матерчатый купол. Гигантский шатер занимал почти все пространство площади, и все же за ним хорошо были видны рыжие склоны холма с чернеющими наверху шпилями храма Хали.

Толпа втекала сквозь раздвинутый полог, более похожий на городские ворота, — в цветную тень, под сень ярких узоров, пронизанных солнечными лучами. Колышущиеся стены отгораживали теперь людей цветением причудливых красок от остального мира.

Вошедших было много, очень много, и все же в сухом воздухе царила почти полная тишина. Улыбаясь, гадхарцы рассаживались прямо на белом песке: никакой спешки, никаких резких движений. Они сошлись сюда лицеизреть таинство и готовились к нему подобающим образом.

Не слыша своих шагов по мягкому песку, вздымая сапогами легкие белые вихри, киммериец двигался туда, где посреди покрытого тентом двора стоял настоящий матерчатый дворец с синими стенами, украшенными красно-золотыми узорами. По обе стороны сооружения высились два других, поменьше, оба черные, униженные серебряными блестящими, как ночное звездное небо.

У входа в синий шатер стояли два стража с круглыми щитами и чиновник с вощенной дощечкой и стилем в руках. Тех, кто желал попасть внутрь, он спрашивал о надобности, которая привела, и о подарках, принесенных раджубу.

Надобность у варвара нашлась, с подарками вышло некое затруднение. Когда чиновник, с любопытством поглядывая на его необычную одежду, осведомился, зачем млечх желает предстать пред очами повелителя Гадхары, киммериец дернул веревку и проворчал:

- Желаю взять в жены эту девчонку.
- Имя?
- Ее?
- У анупр нет имен, млечх. Я желаю знать, как зовут тебя.
- Конан.
- Ты дваждырожденный?
- Да.
- А где твой священный шнур?
- Я его потерял.
- Чем докажешь свое право?

Конан насупился. Метод, которым он привык завоевывать свои права, тут явно не годился. Поэтому пришлось продолжить объяснения.

— Слушай, уважаемый, — сказал варвар как можно мягче, — в день Калипуджи каждый имеет право попытаться занять место Одноногого Синга, так?

— Да, таков обычай.

— Ну вот.

Чиновник удивленно поднял брови, ожидая продолжения.

Мысленно проклиная тупость вендийцев, Конан пояснил:

— Моя победа в состязаниях станет лучшим доказательством моей избранности, тогда я смогу взять в жены хоть беса лысого. Если пожелаю. А мое мудрое правление в те три дня, что я просижу на престоле вашей страны, будет лучшим подарком раджубу.

Чиновник разинул рот и машинально что-то чиркнул своим стилем. Киммериец не стал дожидаться, пока писакка вникнет во все тонкости его аргументации, и прошел мимо стражников, не ставших ему препятствовать.

Он ожидал увидеть наконец раджуба на троне, в окружении приближенных, но внутри синего шатра оказался еще один, желтый, совсем небольшой. Вокруг него на песке, поджав ноги, сидели те, кто явился докучать повелителю и просить его милости.

Появился давешний писарь, задернул входной полог и, проходя мимо присевших киммерийца и девушки, буркнул: «Вы последние». Заглядывая в дощечку, принялся выкликать имена. Потянулось ожидание: два десятка мужчин и женщин побывали в желтом шатре, прежде чем очередь дошла до Конана.

Когда киммериец и его спутница вступили под золотистый полог, взглядам их предстала величественная картина. Посреди шатра возвышался помост, на котором в резном кресле восседал сам властитель Гадхары, длинноносый старик в пурпурной мантии, с золотым обручем на седых кудрях. Трон был искусно вырезан из белой кости, опоры

его изображали слоновьи ноги, поручни — хоботы этих животных. Лицо раджуба было уныло.

Перед возвышением застыли воины дворцовой гвардии: вооруженные до зубов пуджары с лохматыми бородами, в сине-желтых кафтанах, затянутых алыми кушаками. Их тюрбаны, высотой в пару локтей, напоминали крепостные башни, из складок материи торчали рукоятки кинжалов. Спереди на тюрбанах сверкали вырезанные из стали символы пуджаров: голова кобры и полумесяц, а сверху были нанизаны, как кольца на палец, острозаточенные чакры. Все воины, как один, в такт двигали челюстями: жевали амок — траву силы.

Придворные располагались на помосте стоя. По правую руку от раджуба Конан заметил невысокого широкоплечего мужчину с решительной складкой в уголках презрительно сжатого рта, в чалме из радужной ткани, заколотой зеленой брошью, и верзилу военачальника в красных сапогах, расшитом золотом кафтане и островерхом шлеме. По левую сторону неподвижно застыл бритоголовый жрец в простой черной тоге.

Единственной, кто сидел на помосте, помимо раджуба, была женщина, закутанная в небесно-голубое сари. Она пригласилась на подушках возле подножия трона, лицо ее скрывала серебристая накидка.

— Нам сообщили, что ты желаешь стать Претендентом, млеччх, именующий себя Конаном, — надменно молвил человек в радужном головном уборе.

Киммериец только кивнул: ему не понравились ни слова, ни тон, которым они были произнесены. Что значит: «именующий себя...»? Вендиец даже не слишком скрывает, что не верит в подлинность имени чужестранца. Поговорить бы с ним по-другому...

— Это твое право, — продолжал вельможа все так же высокомерно, — но ведомо ли тебе, что состязания трудны, и лишь достойнейшие их выигрывают?

Варвар снова наклонил голову.

— Не отговаривай его, Вегаван, — вдруг заговорил длинноносый раджуб скрипучим голосом, — у нас давно не бы-

ло посторонних соискателей. Хоть какое-то разнообразие. Мы слышали, северянин, что ты желаешь взять в жены эту анупру?

— Да, государь, — не слишком любезно пробурчал Конан. — Хочу раскрасить ей лоб и вылить в огонь масло.

— Что ж, — потер сухие ладони повелитель Гадхары, — да снизойдет на тебя благодать Лакшми! Думаю, лицо сей девицы под маской столь же прекрасно, как и ее тело. Но, так как ты не смог предъявить нам священный шнур дваждырожденного, у тебя есть только один способ даровать отверженной счастье: победить в состязаниях и занять на три дня престол. В ином случае, увы, мы будем вынуждены бросить вас крокодилам: тебя — за обман, анупру — за нарушение традиций. Принимаешь ли ты условия?

— Принимаю, ваше величество.

— Тогда не станем откладывать. Вазам Вегаван, начальник стражи Кашьяна и брахман Шамяк будут твоими соперниками.

Мужчина в тюрбане с зеленой брошью, верзила в островерхом шлеме и жрец в черной тоге поочередно поклонились, причем первые двое не скрывали насмешливых улыбок.

— Начнем с самого простого, — возгласил раджуб, — сейчас каждый из вас расскажет нам короткую историю, свидетельствующую о его глупости. Вас четверо, и тот, кто займет последнее место, то есть окажется полным дурнем, выиграет.

Варвар чуть не поперхнулся от неожиданности. Так вот о каком состязании он так и не узнал от дядюшки Пу! Обиделся старик, несмотря на всю свою мудрость, обиделся, как ребенок, когда Конан, думая, что на вендийку напало чудовище, стгоряча разрубил его любимую ручную мохао. Кто ж знал, что рогатое создание с огромными черными крыльями — всего лишь безобидная гигантская бабочка, которую Ка просто собиралась покормить с руки! Теперь стали понятны и слова старейшины неприкасаемых, сказанные напоследок: «кто действует прежде, чем мыслит, легко

одолеет первую ступень трона». Обидно, конечно, но если бы оказалось верно!

Конан отлично знал, что по части придумывания историй он совсем не мастак. Что ж, решил он, не будем отчаиваться, послушаем других, авось что-нибудь и придет в голову.

Первым слово взял брахман.

— Был я тогда всего лишь пандидом,— заговорил он, покачивая головой, словно не одобряя собственные слова,— имел дом и жену. Как-то жена моя уехала навестить родителей. Была темная ночь в месяце бхадон, и под ее покровом в дом забрался вор. Я проснулся от шума и хотел закричать, но потом вспомнил, что любые дела следует сверять с расположением звезд, а посему счел за благо промолчать. Вор подумал, что я сплю, и унес все, что было в доме.

Я дождался нового полнолуния. Помню, небо было чистое, луна светлая — самый что ни на есть благоприятный момент! Глянул на звезды и понял, что настала пора действовать. Вышел из дому и закричал во всю мочь: «Воры! Воры!» Соседи сбежались на помощь. В ту пору проходил мимо один человек с деньгами, его схватили и отвели к судье.

Судья меня спрашивает: «Ты узнал вора?»

Я не был уверен и не стал утверждать ничего определенного, ибо возводить напраслину на человека не дозволяют ни Индра, ни Митра, ни остальные боги.

«Когда случилась кража?» — спрашивает снова судья.

«Восемь или десять дней назад», — отвечаю.

«Что же ты закричал только теперь?!»

«О судья, — отвечаю я ему, — звезды сказали мне, это — первая благоприятная ночь со времени кражи. А звездам виднее».

«Пошел вон, дурак!» — закричал тогда этот достойный человек.

И я пошел прочь, чтобы вскоре стать брахманом.

Раджуб лишь слегка улыбнулся и сделал знак говорить следующему.

Настал черед Кашьяны. Приосанясь, тысячник заговорил громко, словно повествуя о славном подвиге.

— Сидел я как-то на веранде и покуривал свою хукку. Вижу, едет верхом на коне афгул с тюками шерстяных одеял. Не люблю я афгулов (тут он покосился на костюм Конана), но все же остановил всадника и спросил, не продаст ли он лошадь.

«Продаю,— отвечает афгул,— но прошу дорого. Тысячу золотых».

«Беру!» — сказал я нахалу и велел ему привязать лошадь к коновязи.

Я отсчитал ему пятьсот золотых, а остальное обещал заплатить после. Афгул ушел продавать свои одеяла и вернулся через два дня. За это время я занял деньги у ростовщика под большие проценты и заплатил часть долга афгулу. За мной оставалось сто монет, но взять их было хоть убей негде. Тогда я продал лошадь афгулу за сотню и отдал долг. Поступил как честный человек, но все вокруг почему-то называли меня глупцом...

— Этот анекдот я слышал от тебя на прошлой Халипудже, — нетерпеливо махнул рукой раджуб, — неужели нельзя было придумать что-нибудь новенькое? Считаю, что на этом выбыл из борьбы. Твоя очередь, Вегаван.

— Помнишь ли ты, государь, как отправил меня искать достойных претендентов на роль Одноногого Синга? — торжественно начал вазам. — Как повелел найти самого глупого человека в Гадхаре?

Я не смог исполнить твою волю, ибо все жители нашей страны настолько умны и сообразительны, что можно лишь диву даваться.

Встретил я, например, одного человека, ехавшего верхом на муле. На голове у него была привязана тяжелая ноша. Я осведомился, зачем он водрузил ее себе на макушку, на что тот ответил: «Чтобы мулу было легче».

«Вот сообразительный парень!» — решил я и отправился дальше.

Другой раздавал милостыню: все, что у него было, в честь рождения сына. От жены, с которой развелся. «Что

ж,— заключил я,— и это разумно, не надо копить денег на содержание наследника».

Третий прибил себе руки гвоздями к крышке сундука: чтобы воры не унесли золото. Четвертый мочился в собственный колодец, чтобы воду не пили чужие...

— Хватит, хватит! — перебил раджуб.— Повезло мне с вазамом. Что скажешь о себе, млеччх?

Конан уже понял, что проиграл, еще не вступив в состязания. Он готов был померяться силой и ловкостью хоть с демоном, хоть с десятком-другим воинственных пуджаров, готов был ловить руками хищных рыб-параний или пройти без обуви по раскаленным углям, но придумать с ходу дурацкую историю... Нет, это выше его сил!

Хорошо, что за плечами добрый меч, за поясом кинжал, а грудь прикрывает зеркальная кольчуга клинхов: никто не сможет бросить его и девушку крокодилам. Во всяком случае, живыми.

Расставив пошире ноги, варвар исподлобья глянул на раджуба и мрачно изрек:

— У меня нет никакой истории. Но я могу сказать, кто здесь настоящий четвертый дурак.

Седые брови длинноносого поползли на лоб.

— Кто же?

— Ты, государь. Как еще назвать человека, который тратит время на поиски глупцов, вместо того, чтобы заниматься делом?

Стало тихо. Рука Кашьяны потянулась к рукояти сабли, вазам грозно прищурился...

Повелитель гадхарцев вдруг захохотал не по-старчески громко, потом поднялся и объявил:

— Ты победил, млеччх! Только человек, напрочь лишенный мозгов, может сказать подобное в лицо раджубу! А теперь поглядим, как ты умеешь ловить рыбу в мутной воде и отличать истинное от ложного.

ГЛАВА 12. Город Слона. Победа и поражение

Пестрая толпа опасливо жалась к стенам домов, окружавших площадь. Бритые жрецы в черных тогах сновали вдоль неровных шеренг, окропляя головы и плечи зрителей водой из украшенных дорогой инкрустацией рогов буйволов. Священный котел, стоявший на большой треноге на первой ступени лестницы, ведущей к храму Кали, почти опустел.

Посреди площади, с которой убрали шатры, высилась гора веток, присыпанная сверху рисовыми зернами. А на помосте, где три дня назад восседал раджуб Гадхары, поджав ногу и заложив за спину могучие руки, неподвижно застыл Одноногий Синг. Его синие глаза, устремленные вниз, горели неподдельным восторгом.

Посмотреть было на что. Вздыхая тучи песка, вокруг помоста неслись сильные боевые кони: пуджары демонстрировали искусство джигитовки.

Они скакали с копьями наперевес, сидя, свешиваясь и стоя в седле, подхватывали наконечниками разложенные кожаные мячи, поражали доспехи, надетые на колья, бросали копьа в подвешенные кольца... Среди отряда носились молодые неоседланные лошади, выпущенные для «обучения примером».

В разных концах площади пешие пуджары под рокот мридангов исполняли обрядовые воинственные пляски своего клана, затем, прошептав краткую молитву над разложенным на чистых полотнах оружием, вступали в жаркие ру-

копашные схватки, и Конан готов был поклясться, что видит настоящую кровь, льющуюся из ран.

Солнце, давно перевалившее зенит, нещадно жгло спину. Он стоял на помосте с раннего утра, когда началось празднество, посвященное последнему дню Халипуджи, а значит — последнему дню его правления. Стоял, не прикасаясь к шесту, укрепленному рядом, и люди кричали ему восторженные слова, видя, как мужественно Одноногий Синг выдерживает испытание, сулившее обильный урожай и спокойную жизнь.

Впрочем, Конан готов был стоять хоть до вечера: ему нравилось наблюдать воинские игры гадхарских гвардейцев.

С самого утра толпа на площади была переполнена пуджарами. Всю первую половину дня они бродили среди веселящихся горожан, отдыхали в тени домов, тут же готовили пиццу на кострах и пили бханг, напиток из тертых листьев травы амок. Они давали бханг своим коням и собакам, кони возбужденно ржали, рвали удила, а псы церились друг на друга и норовили завязать драку.

Жрецы в черных тогах тем временем совершили свой ритуальный танец вокруг помоста, полили рисовую гору священной водой и принялись за публику. Для этой цели служили специальные метелки, которые служители Богини Смерти окунали в пустотелые, наполненные водой рога, а потом махали над головами толпы, брызгая на всех поровну. Киммериец прикинул, что подобным образом котел не опустеет до завтрашнего утра, но забыл обо всем, как только начались игрища рыцарей воинской смерти.

Когда колесница Индры поднялась высоко в небо, из боковой улицы появилась процессия гвардейцев. Впереди на слоне в раззолоченном паланкине ехал их начальник, доблестный Кашьяна. За ним в беспорядке скакали на опьяненных конях босоногие всадники, а следом валом валила толпа пеших пуджар, не ведавших, как видно, воинского строя. Мелькали сине-желтые кафтаны, бесчисленными вспышками блестели золоченые наконечники копий.

Воины, бывшие на площади, присоединились к своим товарищам, и началась игра со смертью: скачки и поединки, звон стали о сталь, боевые крики и сверканье летящих чакр, молниями прочерчивающих плотные клубы пыли.

А над всем возвышался мрачный и величественный храм, и оттуда, незримая, глядела на это зрелище покровительница гадхарцев — девятирукая Хали. Несколько раз почудилось Конану между острыми, как клыки, шпилями некое марево, но, может быть, просто дрожал знойный воздух над нагретой крышей. Во всяком случае, Богиня Смерти пока не препятствовала варвару в его предприятии. Ндолго ли?

Все складывалось удачно, даже слишком удачно. Киммериец вспомнил, какое лицо было у Вегавана, когда тот увидел варвара с рыбиной в руках. Там, в черном шатре, под которым скрывался бассейн (сейчас он виднелся слева от помоста, освобожденный от матерчатого укрытия, с прозрачной чистой водой, в которой играли солнечные блики), киммериец, прежде чем раздеться, достал из сумки подарок Тримры. Полип неярко светился внутри ореха за слюдяным оконцем. Держа в руке кинжал, Конан осторожно погрузился в темную воду, поводя необычным фонарем вправо-влево.

Сначала он ничего не увидел. Потом в мутных глубинах мелькнула быстрая тень и снова исчезла. Варвар поплыл наугад, готовый пронзить кинжалом первую же неосторожную тварь. Вдруг он вспомнил, что забыл спросить раджуба: следует ли извлечь рыбу целой и невредимой или это не оговорено правилами? Кажется, дурачок Синг появился из реки с живой закуской...

Он доплыл до стены бассейна и двинулся вдоль, отталкиваясь кулаком, сжимавшим рукоять кинжала. И увидел нечто, отчего чуть не расхохотался — только вода помешала. В углу, там где сходились каменные стенки, привязанный за хвост к железному крюку, печально шевелил плавниками здоровенный белобрюхий язь.

Так вот почему так морщил нос вазам, когда раджуб объявил, что млеччх отправится на рыбалку первым! Боял-

ся, старый пройдоха, что варвар наткнется на его заготовку. Так и случилось.

Конан обрезал веревку, освободил хвост пленника дворцовых интриг и, сохранив рыбине жизнь, потащил наверх...

Вазам удалился в шатер, долго в нем пробыл, а когда вышел, завернутый в мокрое полотно, объявил, что удача сегодня не на его стороне. При этом он кинул на северянина взгляд, не суливший ничего хорошего.

Брахман Шамиак вообще отказался нырять, сославшись на неблагоприятное расположение звезд.

Раджуб, кажется, был доволен подобным исходом дела.

— Что ж, — молвил он, — и тут выиграл млеччх. Кажется, впервые за многие годы чужестранец имеет все шансы стать Одноногим Сингом. Но правила таковы, что, проиграв в одном соревновании, неудачник лишается всего. Сейчас отправляйтесь в Комнату Иллюзий, и кто из вас первым пройдет ее лабиринты, тот и воссядет на престол на время Халипуджи.

Конану подобные правила не казались справедливыми: выходит, в первых двух состязаниях можно было и проиграть. Однако на чужой пир, как известно, свои закуски не носят. Лабиринты так лабиринты.

Как могла скрываться хитрая сеть коридоров в относительно небольшом черном шатре, стоявшем по другую сторону матерчатого дворца, понять было трудно. Решив, что здесь не обошлось без колдовства, варвар нащупал в сумке глаз Хохочущего Демона и шагнул под темный полог — вслед за брахманом и вазамом.

И тут же отпрянул: прямо на него шел высокий черно-волосый человек с торчащей над левым плечом рукоятью меча. Еще один Претендент и тоже млеччх? Откуда он взялся?!

Конан уже собирался толкнуть соперника в грудь, как вдруг понял, что видит свое отражение, хотя зеркала перед ним, похоже, не было. Фантом исчез, вокруг заплясали сполохи огненных бликов, земля поплыла под ногами, и справа вдруг открылся проход, в глубине которого тлел огонек факела. Варвар увидел, что находится в небольшом зальце

со стеклянными или хрустальными стенами, которые медленно плыли, рождая в своих толщах грозные тени рогатых, многоруких чудовищ...

Рука киммерийца метнулась к рукояти меча, но он вспомнил, что не все видимое обладает плотью, которую можно разрубить, и вместо того, чтобы извлечь из ножен клинок, приложил к глазам хрустальное яйцо, вырванное из тела Хохочущего Демона.

Открывшееся зрелище было довольно жалким. Конан увидел замысловатую систему линз и зеркал и двух потных слугителей, которые, стоя в центре шатра, вращали ручки, поворачивая все это хозяйство в нужном направлении. Пяток актеров в страшных масках приплясывали и размахивали руками, изображая чудовищ. Между зеркалами, линзами и поворачивающимися медными щитами раскачивались подвесы с тяжелыми кожаными мешками на концах, призванные, очевидно, сбивать с ног незадачливых соискателей трона. Присутствовало и колдовство (потому-то глаз демона и развеял весь морок), но колдовство слабое, ярмарочное, достойное бродячих факиров. Чары напускал тощий человечек в несвежей набедренной повязке и сером тюрбане, сидевший, поджав ноги, возле медного кувшина, над горлышком которого полыхал синий огонь.

На том месте, где только что виднелся проход, обнаружился глухой медный щит: если бы варвар свернул в этом направлении, он мог бы набить изрядную шишку. Во всяком случае, звон пошел бы не слабый — на потеху соперникам.

Соперников Конан тоже разглядел сквозь кристалл. Брахман вовсе не думал никуда двигаться, сидел спокойно недалеко от входа и перебирал четки. Вегаван же уверенно двигался между зеркал и медных щитов, шевеля губами: считал шаги. Очевидно, знал тайный код, помогающий сворачивать в настоящие проходы.

Выглядел вазам весьма потешно. Сделав пяток шагов в одном направлении, он вдруг застывал, таращился по сторонам, прыгал в сторону, когда поворачивался медный щит, открывая дорогу, потом пятился, загибая пальцы, приседал,

пропуская над головой раскачивающийся подвес с тяжелым мешком на конце, иногда становился на четвереньки, иногда даже полз — все ближе и ближе к выходу.

Поняв, что зря теряет драгоценное время, Конан уверенно зашагал посреди нелепой кутерьмы, поглядывая по сторонам сквозь глаз убитого монстра. Он сворачивал туда, где были настоящие проходы, вовремя уворачивался от летающих мешков, а, поравнявшись с актерами в масках, отвесил одному из них добрый пинок пониже спины. Актер взвыл и кинулся колотить своего товарища, думая, что тот решил сыграть с ним злую шутку.

Эта небольшая задержка чуть было не стала роковой для киммерийца. Он уже миновал центр шатра, но Вегаван, опередивший его с самого начала, был в пяти шагах от выхода. Ему оставалось миновать всего один щит, и тогда...

Что будет, если вазам выйдет из шатра победителем, Конан подумать не успел. Вегаван повернулся, уверенно шагнул вперед и... ударился лбом в медную поверхность, вызвав звон и гул, подобный удару колокола.

— Прахтаматеша! — возопил советник, шаря перед собой руками. — Куда вертите, шакальи дети! Все пойдете на корм крокодилам!

Служители, врацавшие рукоятки, в ужасе застыли. Конан прекрасно видел, что никакой ошибки с их стороны не было: всему виной оказался луч голубоватого света, исходящий от магического огня, тлевшего над кувшином тощего чародея. Отражаясь от сложной системы зеркал, проходя сквозь линзы, именно он порождал фантасмагорию, призванную сбить Претендентов с толку. И Вегаван вовсе не сбился со счета. Просто расстегнулся у киммерийца ворот афгульской рубахи, и луч, отразившись от кольчуги, подаренной Абдрасаном, изменил направление и показал совсем не то, на что рассчитывал хитроумный советник. Не то и не там.

Не отрывая руки от медной поверхности, Вегаван нажал посильнее, и щит стал медленно поворачиваться, открывая проход. Еще немного, и выход окажется свободен... Киммериец рванулся вперед, уже понимая, что не успеет, что со-

ветник опередил-таки и выиграл последнее состязание... И тут кожаный мешок, опустившийся из темноты, саданул Вегавана в голову и бросил советника на землю.

Удар пришелся в левую скулу — когда вазам, постанывая, выбрался наружу, вся левая половина его лица затекла и стала багровой, как перезревший помидор. Следом появился брахман. Оба поклонились Конану, принимавшему тем временем поздравления раджуба: Шамиак бесстрастно, советник — едва сдерживая гнев.

А потом матерчатые стены упали, и начался праздник в честь Одноногого Синга — в его честь.

Облаченный в мантию и корону Конан проплыл над морем голов, стоя в золотом паланкине на спине слона, под сине-желтым широким зонтом, символом власти раджубов Гадхары. Народ ликовал, вельможи толпой следовали за своим временным повелителем, воины размахивали саблями и испускали громкие вопли.

Так продолжалось до вечера, пока слон не обошел все улицы города. На окраине несколько человек бросились под ноги гиганта и погибли, раздавленные его тяжестью. Киммериец слышал о странных обетах, даваемых вендийцами, но видеть их исполнение было не слишком приятно.

Когда сумерки опустились на столицу Гадхары, среди толпы появились люди-лампы, живые подставки, на головах которых ослепительно сияли карбидные огни. Многоэтажные нарядные светильники украшали многочисленные подвески, звенящие, как сотни маленьких колокольчиков; белоснежные факелы ярко освещали все вокруг.

Озаренная их светом нарядная толпа медленно перетекала из улицы в улицу, от дома к дому — на стенах плясали разноцветные огоньки бумажных фонариков, а ветви деревьев светились на фоне черного неба оцепеневшими брызгами огромных фонтанов.

Это несколько однообразное действо настолько утомило киммерийца, что, оказавшись во дворце, в покоях раджуба, хозяином которых он стал на три дня Халипуджи, варвар, едва успев раздеться, повалился на широкое ложе и погрузился в глубокий сон.

А ночью случилось происшествие, до сих пор не дававшее покоя своей загадочностью.

Он не видел Ка Фрей с того времени, когда старый раджуб объявил «млечча, именующего себя Конан» временным правителем Гадхары. Увел ее тысячник Кашьяна, а раджуб объяснил, что в том случае, если чужестранец желает сочетаться с гадхаркой браком согласно собственным обычаям, это не может произойти ранее, чем Конан перестанет быть Одноногим Сингом.

— Три дня Халипуджи ты не принадлежишь себе, — сказал длинноносый, — потом можешь делать, что хочешь. Своей победой ты доказал, что достоин именоваться дваждырожденным, и, объявив анупру своей женой, ты подаришь ей свободу. Пока же ее отведут во дворец, ибо она принадлежит тебе, но девица останется анупррой, пока не завершится Калипуджа, и снимет маску не ранее этого срока.

И вот, первой ночью своего временного царствования, киммериец проснулся от легкого прикосновения и, открыв глаза, увидел в колеблющемся свете лампы склонившееся лицо Ка Фрей, необычно бледное и холодное.

На длинных пальцах, лежавших на его обнаженной груди, поблескивали серебряные сердечки, скрепленные бисерными нитями с агатовый полумесяцем на тыльной стороне ладони, а тот, в свою очередь, крепился двумя тонкими цепочками к золотому браслету на тонком запястье.

Киммериец перевел взгляд на гибкий стан девушки, едва прикрытый полупрозрачной накидкой, и заметил под тонкой тканью сверкающий алыми и зелеными искрами набедренный пояс с подвесками в виде бубенчиков и петель, спускавшихся с левого бока, на точеной шее — алмазное ожерелье и шнур с золотыми розетками в густых волосах...

— Украшения клинхов прекрасны, — пробормотал он, — ты — словно дивное видение, посланное Сомой...

— Еще не проснулся, кшатрий?

Конан не узнал голоса вендийки: говорила она плавно и слова выговаривала правильно и красиво.

— Кто такие клинхи?

— Уже забыла песьеголовых?

— Ах, эти... — Дивное видение презрительно скривило губки. — Послушай, млеччх, я не знаю, почему ты решил, что мои драгоценности из Дангуна. Гадхарцы не имеют никаких дел с презренными потомками трехголового чудовища. Между чами нет взаимопонимания, хотя мы и готовы к диалогу. Но я пришла не за тем, чтобы обсуждать политические проблемы. Я пришла, чтобы молить тебя отдать мне Плод Желаний.

— Ба! — изумился варвар. — Зачем он тебе вдруг понадобился?

— Чтобы спасти моего отца.

— А что с ним?

— Он может умереть.

— Ты раньше не говорила, что твой отец болен.

— Раньше?! Когда это «раньше», хотела бы я знать?

— Ну, хотя бы на том косогоре... Момент для просьбы был поудачней.

Девушка немного помедлила, словно собираясь с мыслями.

— Мне непонятны твои слова, кшатрий, — сказала она наконец, — ты устал после состязаний, разум твой затуманен усилиями, приложенными для достижения победы. Но у меня нет времени ждать, я предлагаю в обмен на Золотой Орех самое дорогое, что у меня есть...

— Что же?

— Я позволю тебе сорвать прекрасный цветок, которого не касался еще ни один мужчина!

Тут Конан окончательно уверился, что спит и видит сон. Полнолуние все-таки, в такие ночи мало ли чего может привидеться...

— Сдается мне, — сказал он, прикрывая глаза, — что в прошлый раз ты называла это «пещерой наслаждений». И пусть я стану бородатым отшельником, если уже не вошел в нее однажды...

Она так толкнула его в грудь, что варвар мигом сел на постели.

— Презренный! — вскричала девушка, отступая вглубь комнаты. — Ты оскорбляешь меня!

— Хватит! — Киммерийцу уже надоело это представление. — Ступай к себе и надень маску. Если кто-нибудь увидит, что анупра шастает по дворцу без дозволения, ее, ду-маю, просто высекут.

Женская фигурка метнулась к двери, и он услышал слова, полные ненависти:

— Я отомщу тебе за унижение, ничтожный млеччх!

— К твоим услугам, — пробормотал Конан, откидываясь на подушки. — Когда ты снова мне приснишься...

Он почти забыл о своем странном видении за следующие два дня, наполненных приятными государственными заботами. Заботы сводились к рассылке людей, собиравших, согласно обычаю, подати для Одноногого Синга. Горы мешков, штабели сундуков и ящиков громоздились во дворе золотого дворца; непрерывной чередой шли навьюченные лошади и ослы, буйволы тянули тяжелые повозки, полные добра: гадхарцы приносили дань, долженствующую обеспечить им благоволение богов и процветание — до следующей Халипуджи. Находились, впрочем, такие, кто более полагался на острые клинки пуджаров и втайне надеялся, что млеччх не выстоит целый день на одной ноге и добро вернется к своим хозяевам; но эти помалкивали.

Пред очи Конана являлись вельможи с доносами друг на друга — он гнал их прочь. Приходили тяжущиеся — он предлагал каждому решить дело в честном поединке. Какие-то женщины с раскрашенными лбами и полными животами умоляли разрешить им повсюду следовать за любезным героем и клялись целовать следы его божественных ног — варвар только смеялся. Разве не сможет он теперь купить столько женских ласк, сколько пожелает? Зачем ему свита фанатичных привержениц, которые к тому же взвоят, как только покинут свои теплые края?

Он не видел девушку все это время и вспомнил о ней только теперь, стоя на помосте под палящим солнцем. Может быть, Ка Фрей действительно приходила к нему той ночью? Шутка? Или все-таки сон?

Воспоминание тревожило киммерийца, и смутное ощущение надвигающейся беды постепенно нарастало в его

душе. Солнце светило все так же ярко, пуджары выделяли свои штуки, радующие глаз бывалого воина, жрецы, зачерпывая воду, уже шаркали рогами по дну котла. Церемония подходила к концу, а вместе с ней близилось и освобождение: наконец он сможет покинуть уже порядком надоевший Город Слона и отправиться, куда пожелает. Он снимет с анупры маску и возьмет ее с собой, пусть будет его спутницей, пока пожелает. Когда они достигнут Айодхьи, он поделится с вендийкой своими богатствами, в конце концов, в том, что они ему достались, есть и ее заслуга. Еще немного...

Но чувство опасности все нарастало, словно темная сила, таящаяся в храме на рыжем холме, решила наконец явить свою силу. Там, за черными стенами, возникало и ширилось, как грозное облако, нечто...

И беда пришла — в облике Вегавана на взмыленной лошади. Вазам пронесся по площади, словно самум по барханам пустыни: взметая тучи песка и сбивая зазевавшихся. Разом осадил своих коней пуджары, опустили сабли, застыли, в ожидании глядя на сановника.

Натянув поводья, вазам поднялся в стременах и прокричал так, что слышали, должно быть, нищие за городскими воротами:

— Люди! Гадхарцы! Страшная весть!

Замерли жрецы, замерла толпа, теснившаяся вдоль стен.

— Наш раджуб мертв!

«Мертв... раджуб умер...» — прошелестело над площадью.

Вазам выхватил саблю, взмахнул над головой.

— Раджуб Гадхары скончался, — снова закричал он, — и убил его млеччх!

Сверкнувшим на солнце клинком Вегаван указал на помост.

ГЛАВА 13. Храм. Взгляд Кобры

Ты убил раджуба. Ты убил слона пуджаров. Ты достоин смерти.

— Лжешь... знаешь, что лжешь...

— Да, лгу. На самом деле и раджуб, и слон просто спят. Я дал повелителю напиток Сомы, а ты усыпил животное. Но это все равно. Все считают тебя убийцей. И ты не выдержал испытания...

— Это твоя месть, вазам?

— Я выше мести. Мною движут высокие побуждения. Тебе не понять их, варвар.

— Твои высокие побуждения — просто жажда власти. Чувство, знакомое даже обезьяне.

— Пытаешься меня оскорбить? Это нехорошо с твоей стороны. Я все-таки сохранил тебе жизнь... Пока!

Пот заливал глаза киммерийца. Он едва различал своего собеседника. Вегаван, облаченный в длинное фиолетовое одеяние с шафранной каймой, стоял посреди каменного круга, поставив одну ногу на красный треугольный выступ. Пылали огни в медных чашах на высоких треногах. Жара, сернистый запах и мрак, покрывавший все за спиной сановника.

В его последних словах была правда. Если бы вазам не приказал пуджарам остановиться, воины изрубили бы варвара на куски. И не спасла бы кольчуга клинхов, а ударов парировать он не мог, скованный ядом Бледной Лягушки.

— Ты знаешь, почему моя нога коснулась помоста. Если бы я не усыпил слона, он убил бы гораздо больше народа.

Конан вспомнил, как металось по площади взбесившееся животное, как бежали от него люди, как падали и, раздавленные огромными ногами, заливали белый песок алой кровью. Еще недавно смирно стоявший исполин, на котором торжественно въехал на площадь начальник гвардии, вдруг превратился в настоящего демона смерти...

— Что ты сделал со слоном, вазам?

— Овод, всего лишь маленький овод, запущенный в ухо по моему приказу. Но ты плохо осведомлен о наших обычаях: погибнуть под ногами священного слона пуджаров — великая честь...

— Может быть, для воинов и фанатиков. Но не для детей, которым еще не успели заморочить головы.

...Они стояли на краю площади: три мальчика и девочка, оцепеневшие от ужаса. Никого не было рядом, взрослые разбежались, спасая свои жизни. Видимо, мало кто почитал за честь погибнуть под мечущейся серой тушей. Подняв хобот и выпятив нижнюю розовую губу, слон неся прямо на детей...

— Отдаю должное твоей ловкости, северянин. Признаюсь, рассчитывал, что предпримешь что-либо, опасаясь погибнуть, но не думал, что варвар станет спасать каких-то там ребятишек. И все же еще раз прими поздравления: твой стремительный маневр увенчался полным успехом. Не знаю, откуда взялась в твоей сумке Бледная Лягушка, но бросил ты ее точно в пасть животному. Настоящий герой, дважды сам был на волосок от смерти: слон, падая, чуть было тебя не раздавил, а я задержал сабли пуджаров в пяди от твоей головы.

В голосе Вегавана звучала откровенная насмешка.

— Зачем? Разве ты не желал моей гибели? Яд сковал мои члены, я сам стал беспомощен, как ребенок. Проявил слабость и был наказан...

— Ты прав: забота о жизни ничтожных недостойна настоящего воина. Воин призван убивать, а не спасать. Бла-

гополучие же подданных — дело правителей. Мудрые правители пекутся о величии государства, тем самым даруя благополучие всем, не думая о каждом в отдельности.

— И ты относишь себя к сим мудрецам?

— Да и еще раз да! Все средства хороши, чтобы избавить трон от ничтожного старика, просиживающего свой зад вместо того, чтобы совершать великие деяния! Я уже говорил, что следую возвышенным побуждениям, а потому ты не нужен мне мертвым. Более того, я хочу тебе кое-что предложить.

— И для этого затащил меня в преисподнюю и подвесил, словно баранью тушу?

Ноги Конана не касались земли. Плечи горели огнем: он висел на ремнях, пропущенных сквозь надрезы в его собственной коже. Руки варвара были связаны за спиной.

— Я поступил по закону,— криво улыбнулся вазам,— ты ведь коснулся ногой помоста, а значит, должен предстать перед Кали. Или не предстать, это уж как мы договоримся.

— Чего ты хочешь?

— Хочу предложить честный обмен. Я дам тебе все, что только пожелаешь — золото, власть, женщин — а ты подаришь мне Золотой Орех, который лежит в твоей сумке.

Варвар опустил глаза и сквозь заливавший их пот разглядел на своем поясе сумку. Больше на его теле, если не считать кровоподтеков и синяков, ничего не было.

— Почему ты не взял его сам,— прохрипел он,— как все остальное?

— У тебя была всего лишь одна вещь, пришедшаяся мне по вкусу, млеччи!

С этими словами Вегаван распахнул полы своей одежды, и Конан увидел кольчугу клинхов, прикрывающую грудь вазамы.

— Отличная вещь,— сказал тот, нежно поглаживая пальцами зеркальную поверхность,— легкая и прочная. Когда я завоюю Дангун, заставлю песьеголовых одеть в такую броню все мое войско.

— И для этого тебе нужен Плод Желаний?

Сановник гордо выпрямился.

— Неужели ты думаешь, что гадхарцы не способны одолеть каких-то полусобак без помощи чар? Ты видел пуджаров, они способны победить любого врага. Хочешь, я сделаю тебя их начальником? Кашьяна глуп и мало на что годен. Соглашайся, северянин, я видел, как блестели твои синие глаза, когда ты наблюдал за воинскими забавами гвардейцев! Взамен прошу немногого — всего лишь орех, который тебе ни к чему, ибо он исполняет желания только с дозволения Хали, а Богиня Смерти на моей стороне.

— Так подойди и возьми,— зло бросил варвар,— ты победитель...

— Я не могу взять его против твоей воли,— покачал головой Вегаван,— ты сорвал его, будучи Хранителем, и лишь тот, кому ты вручишь плод по своему желанию, сможет им воспользоваться.

— А если откажусь?

— Тогда с тобой будет говорить она!

Сановник сделал величественный жест, и за его спиной возник тусклый багровый свет. Он становился все ярче, отбрасывая назад клочья мрака, и там, куда падали злоеющие сполохи, явилась огромная многорукая фигура. Ее неясные очертания увенчивал огромный череп, в пустых глазницах которого, словно в глубинах звездного неба, холодно светили голубые искры. Между ощеренных зубов свисал длинный, разрезанный на множество полос, ярко-алый язык.

Возле подножия статуи пылали светильники и стояли люди в черных тогах. Сбоку возвышалась витая колонна, наверху, на круглой площадке, молча застыл со скрещенными на груди руками брахман Шамиак.

И еще одну фигурку заметил Конан: то была женщина в темном сари и серебристой накидке, прикрывавшей ее густые волосы. Когда она откинула шаль, варвар застонал от удивления. Перед ним, бесстрастная и надменная, стояла Ка Фрей.

— Ты-ы... — выдохнул киммериец,— ты заманила меня в эту ловушку, проклятая анупра!

Женщина гордо вскинула голову.

— Не знаю, о чем ты говоришь, млеччх. Я — Астрель, дочь раджуба Гадхары. Слушай меня, кшатрий: жизнь моего отца может спасти только Золотой Плод! Отдай его нам, отдай по собственной воле, и благодарная память о тебе навсегда поселится в сердцах гадхарцев...

Конан чувствовал, что сходит с ума. Может быть, вендийка решила разыграть эту сцену, чтобы прийти ему на помощь? Но никто из присутствующих не проявляет беспокойства, значит, облик этой женщины им знаком...

— Я не верю ни единому слову, — прохрипел варвар, — все вы лжете! Ты уже приходила ко мне однажды ночью, но я думал, что это сон. Помнится, тогда ты предлагала за орех нечто весьма ценное...

— Молчи! — взвизгнула женщина.

— Ах вот как, — раздался под темными сводами холодный голос вазама. — Значит, ты поторопилась, Астрель? Готова была меня предать? Чего же стоят твои клятвы!

— Клятвы?! — Дочь раджуба в ярости топнула маленькой ногой. — Неужели ты мог поверить, что я отдам свое сердце такому человеку, как ты? Я использовала тебя, глупец! Ты умер бы на второй день после того, как получил трон!

— Твой язык сослужил тебе плохую службу, — все так же холодно сказал Вегаван. — Так кто из нас глуп? Уведите отсюда эту недостойную, мы поговорим с нею после.

Несколько жрецов бросились к вендийке и схватили ее за руки. Женщина шипела и отбивалась, как разъяренная кошка, но не в силах была одолеть силу мужчин — ее увели куда-то в темноту, и вскоре крики и шум борьбы стихли, уступив место зловещей тишине.

— Она сказала правду, — негромко молвил вазам, — раджуба Гадхары может спасти только Золотой Орех. С его помощью я верну старика к жизни, предварительно потребовав от Совета старейшин передать мне власть. И тогда буду волен исполнить любое твоё желание. Ты отдашь мне плод?

— Нет!

Вегаван обернулся и сделал знак брахману. Шамяк воздел руки, и Конан услышал знакомые уже слова древ-

него заклания: «*Kru singh omm-olu! Omm-olu Kru singh!*» И еще что-то кричал жрец, взмахивая широкими рукавами, а остальные тянули низкий зловещий звук, наполнявший душу смертной тоской, проникавший до самого сердца, которое едва трепетало, готовое вот-вот прекратить биение жизни... В висках киммерийца стучали тысячи наковален, перед глазами плыли багровые полосы, и сквозь их мутное течение он увидел, как меняются очертания Богини Смерти. На месте безглазого черепа возникла змеинная голова с широким воротником — голова кобры. Призрачная и неясная, она словно накладывалась на крепкий, вытесанный из камня череп, словно появлялась из темных провалов его глазниц, рождаясь из пустоты, скрытой за голубыми искрами. И там, где у обычной змеи бывают глаза, холодными иглами возникал новый свет, готовый пронзить ледяным холодом небытия...

«Соглашайся! — гремело под черепом варвара. — Одно слово, и ты спасен!»

«Нет! — его мысли неслись навстречу ледяным иглам. — Ты не заставишь меня подчиниться своей воле! Во имя Крома, во имя всех, кого я принес тебе в жертву, уйди!»

«Тогда уйдем вместе, — грохотал беззвучный голос, — в моих объятиях ты познаешь страсть, которую не способна подарить ни одна земная женщина!»

Он ощутил холодное прикосновение к своей груди и понял, что еще миг — и возврата не будет.

Тогда варвар решился.

— Вегаван, — выдавил он слова позора, — я согласен, ублюдок!

Неясное лицо возникло рядом, и Конан почувствовал, что его руки свободны.

— Достань Плод!

Непослушными пальцами он нащупал Золотой Орех. Ледяные иглы отодвинулись, но не исчезли.

— Молодец, млеччх, теперь отдай его мне!

Торжествующая улыбка плавала в багровой мути, как рыба... Та рыба, которую вазам не мог простить...

«Ты проиграл тогда, глупец,— сказал Конан. Не ска- зал — помыслил.— Проиграл тогда и проиграешь сейчас».

Напрягая мускулы так, словно поднимал чугунное ядро аркбаллисты, он поднес орех к губам, сунул в рот и изо всех сил сжал зубами. Золотистая кожура неожиданно легко лопнула, и плод кальпаврикши мгновенно истаял, наполнив измученное тело жаркой спасительной волной...

— А-а-а! — Вопль Вегавана полоснул, словно острая сталь.— Ты умрешь, несчастный!

Выхватив из складок одежды тонкий стилет, вазам шагнул к пленнику.

— Сначала ты отправишься к Нергалу! — взревел варвар, ощущая в легких былую силу.— Ступай прямоком к нему в задницу, падалы!

Глухой рокот родился где-то в недрах земли. Круглая плита под ногами вазам треснула, из щели полыхнуло жаркое пламя, края провала разошлись, и Вегаван канул в гудящую бездну.

В тот же миг с оглушительным грохотом лопнул каменный череп Хали. Тяжелый осколок угодил киммерийцу в лоб, и варвар уже не видел, как ступили под мрачные своды две женщины: старуха с бездонными, словно лесные озера, глазами, и молодая девушка с чистым и ясным лицом.

* * *

— Одно меня радует,— сказал Конан,— колдовство здесь ни при чем, и я не сошел с ума. Хотя готов был в это поверить, когда увидел Ка Фрей там, в храме Хали. Вернее тебя, Астрель.

— Они так похожи, что их путала даже мать,— Вичитравирья слегка улыбнулась сухими губами,— хотя по сути совершенно разные.

Они беседовали, стоя на речном берегу, залитом ярким полуденным солнцем. Возле ног старой колдуньи крутились несколько обезьян — под приглядом матерого вожака с кустистыми бровями, над которыми алели две огромные бородавки.

Киммериец уже знал историю близняшек. Обе они были дочерьми раджуба Гадхары, но Ка Фрей отлучили от семьи еще в младенчестве, ибо, согласно древней традиции, рождение двойников считалось величайшим злом и позором. Даже отец не ведал, что у него две дочери: вскоре после родов мать уложила девочку в плетеную корзину, отнесла к реке и пустила на волю течения.

— Якши принесли ко мне ребенка,— рассказывала Вичитравирья, пока врачевала раны на плечах Конана,— а я отдала девочку в Аккасар, старому философу Пу. Не насовсем, конечно. Когда Ка выросла, она стала часто бывать у меня в лесном гроте и, смею надеяться, я кое-чему ее научила.

— Притворяться, например,— проворчал варвар.

— Что ж, и это полезный навык. Как видишь, он пригодился, чтобы расстроить коварные планы Вегавана. И планы негодницы Астрель, замыслившей занять место отца, чтобы развязать войну с клинхами.

Сейчас, готовясь к отплытию, Конан снова задался вопросом: знала ли колдунья наперед все, что должно произойти? Не таились ли за ее действиями неведомые умыслы? Почему жрица Сомы столь спокойно явилась в храм Богини Смерти, и жрецы по ее приказу освободили его и отпустили восвояси? Значит, Бог Луны вовсе не такой непримиримый враг Девятирукой?

Он спрашивал о том Вичитравирью, но получил уклончивый ответ.

— Там, наверху,— сказала старуха,— не существует добра и зла. И хотя небожители зачастую враждуют между собой, их борьба — всего лишь мимолетные вихри, возникающие на спокойной глади Вечности.

Стоя в лодке и вспоминая эти слова колдуньи, Конан решил, что эти мудреные вещи теперь мало его касаются.

— Ладно,— сказал он, беря в руки бамбуковый шест,— все кончилось к общему удовольствию. Ка Фрей теперь станет именоваться Астрелью, и старый раджуб так никогда и не узнает, что та, кто займет со временем престол Гадхары, когда-то была всего лишь анупррой. Настоящая же

Астрель, кажется, тоже смирилась со своей участью и готова носить маску, пока ты, Вичитравирья, будешь одаривать ее своими мудрыми наставлениями. Клинки получили Морокан, и могут не опасаться войны с гадхарцами. Только я остался ни при чем. Подати Одноногого Синга отобрали, так как я не выдержал испытания и коснулся-таки ногой помоста. Плод Желания съеден. Даже отличная кольчуга песьеголовых канула в Нижний Мир вместе с вазомом...

— Не стоит отчаиваться, — мягко прервала его старая волшебница, — возможно, ты получил то, что ценнее всего для смертного.

— Это что же?

— Ты выдержал Взгляд Кобры, а вендийцы считают, что тот, на кого Богиня Смерти обращает свой взор, либо умирает на месте, либо живет очень долго. Что же касается Плода Желаний, то у тебя в запасе еще шесть дней чтобы испытать его силу. В Айодхье тоже есть храм Хали, отправляйся туда и пожелай, что захочешь. Или — что захочет Деви Жазмина.

Лицо варвара удивленно вытянулось.

— Я, кажется, уже отправил с помощью ореха одного ублюдка в лапы Нергала...

— Может, и так, — улыбнулась колдунья, — а может, и нет. Видишь ли, Ка Фрей вместе с другими анупрами часто прислуживала в храме, жрецы же не считают неприкасаемых за людей и не делают от них секретов. Так что Ка хорошо знала, за какой рычаг дернуть, чтобы открыть люк, в который служители Девятирукой сбрасывают свои жертвы.

Только на середине реки Конан понял, что ничего не сказал женщинам на прощание. Налегая на весла, он видел на берегу три маленькие фигурки: Вичитравирья, окруженная своими обезьянами, шла к лесу, за ней, понурия голову в уродливой маске, брела Астрель.

Ка Фрей стояла у кромки спокойной воды и махала варвару узкой ладошкой.

Глава первая

Тризну справляли в доме Ньорда. Хотя его дружина не поспела к битве, в которой сложили головы и сам Вулфер, и все его воины, а потому в клане Ньорда некого было оплакивать, но бывалый асирский воин любил своего соседа и давнего друга, как родного брата. Он не был виноват в том, что не успел привести дружину вовремя: им помешала засада. Да и не вина терзала его сердце, а сильная боль от невосполнимой утраты.

Ньорд уже не помнил, почему они враждовали с Браги — ваниром, жившим по другую сторону гор, естественной границы между Ванахеймом и Асгардом. Так было всегда. Враждовали их отцы, деды, прадеды. Кровная вражда в Нордхейме, разделенном ныне на две страны, могла продолжаться столетия. Еще в раннем детстве Ньорд знал, что ближайший сосед-ванир — враг, этому же он обучил и своих детей. Правда, биться им теперь, похоже, не с кем: все войско Браги и его старшие сыновья тоже полегли на том поле брани. Теперь в клане врага остались лишь старики да дети. Женщин можно не считать. Ни один асир никогда не будет воевать с женщиной. Но и в клане Вулфера, старого испытанного друга, теперь тоже только женщины, дети, подростки да старики. А значит, забота о них ляжет на его, Ньорда, плечи.

Сильным и богатым вождем был Ньорд. Его дружина насчитывала несколько сотен воинов, которые не только с почтением относились к своему предводителю, но и ис-

кренне любили его за смелость, мужество, справедливость. Ни разу не было случая, чтобы Ньорд нечестно поделил между ними добычу, ни разу он не наказал никого просто из-за плохого настроения. Дом, выстроенный для дружины, был не менее прочен и удобен, чем дом самого Ньорда, а на их столах всегда стояла та же еда, что и у вождя.

Окрестные рыбаки, охотники, мастеровые тоже тянулись к Ньорду и старались селиться как можно ближе к его дому, чтобы быть под его защитой. А он только приветствовал это, ибо нуждался в их умелых руках. Боги наделили Ньорда острым умом, блестящей смекалкой. Он довольно быстро понял, как лучше договориться со всеми этими людьми, и вскоре на его подворье выросли кузницы, столярни, кожевни, помещения для ткачей, склады. Он защищал вольных поселенцев и всячески помогал им, а те, в свою очередь, с удовольствием подносили ему плоды своего труда.

Хорошие мастера строили дом Ньорда. Он получился большим, просторным, удобным. Более ста шагов в длину и не меньше пятидесяти в ширину, правильной прямоугольной формы, с двумя дверями: на восход солнца и на закат. Двери, выходявшие на восход, предназначались для женщин, ибо те вставали рано, чтобы успеть переделать все дела по хозяйству и не мешать при этом мужчинам, день которых начинался намного позже. В середине дома располагался большой зал. Здесь собирались военные вожди, когда подходила пора начинать поход, тут справляли свадьбы и праздники, здесь же сейчас шла тризна по погибшим друзьям.

Высокие бревенчатые стены украшало оружие и охотничьи трофеи. В центре был установлен огромный стол на массивных ножках. Вдоль него тянулись скамьи, на которых сидели воины, каждый на строго отведенном ему месте, а во главе стола высилось кресло, покрытое шкурой белого медведя, убитого еще отцом Ньорда. Кресло всегда занимал сам вождь.

Стол был накрыт обильно, а женщины все подносили и подносили на больших деревянных блюдах жареное мясо,

запеченную и вареную рыбу, дичь. В круглых мисках дымились каши, возле лавок стояли бочонки с медом и хмельным ячменным пивом. Мужчины уже успели захмелеть и говорили все разом, не слушая друг друга, каждый о своем.

На почетном месте возле вождя сидел его гость — Конан. Он был единственным, кто вышел живым из той бойни. Еще совсем недавно он служил в туранской армии, но из-за нелепой ссоры с офицером, закончившейся для того уходом на Серые Равнины, был вынужден бежать. Добравшись до родной Киммерии, варвар недолго прогостил там. Его родное селение было разрушено врагами много лет назад, никого из близких не осталось в живых. Конан побродил по стране, побывал у друзей, а потом отправился к давнему приятелю отца — асиру Вулферу. Но в доме Вулфера он прожил всего несколько дней, и когда тот отправился на битву со своим давним врагом Браги, пошел вместе с ним.

Битва была ужасной. Казалось, воины приглашены на пир к самой Смерти. И все, упившись ее кровавым вином, легли на приготовленном ею ложе. Только двоим не ударил в голову страшный хмель: Конану и Хеймдалу — старшему сыну Браги. Они сошлись в последнем поединке, и киммериец победил. Но Имир, грозный бог нордхеймцев, послал к непокорному варвару свою дочь, прекрасную Атали. Красивая и коварная ледяная дева чуть не погубила Конана. Она попыталась отдать его своим братьям, но не появилась еще в мире сила, которая могла бы сломить могучего киммерийца. Он выстоял и против детей Ледяного Гиганта.

А потом его, израненного и обмороженного, разыскала подросевшая дружина Ньорда. Старый седой воин Горм растер варвара и вернул его к жизни. Ньорд пригласил Конана пожить в своем доме, и тот охотно согласился. Теперь он сидел по правую руку хозяина и сосредоточенно поглощал темное пиво и обильную еду. Побывав за свою пока еще не очень долгую жизнь (ему совсем недавно минуло двадцать два года) во многих странах, варвар пробовал и более изысканную пищу, и тонкое терпкое вино,

которого не знали в этих заснеженных краях, но густое ячменное пиво, напоминавшее ему то, что когда-то так умело варила его мать, показалось Конану живительной влагой. Оно как будто текло по жилам и наполняло усталое тело силой и мощью.

Крепкими белыми зубами он рвал куски мяса, обжаренного сверху и полусырого внутри, разламывал одним движением хребты печеной рыбы, обрызгиваясь при этом обильным соком, разлетавшимся во все стороны, смачно пережевывал румяные лепешки. Руками, испачканными жиром, варвар брал высокий вместительный кубок и опрокидывал в свою ненасытную утробу то хмельной ароматный мед, то горькое пиво, столь любезное его душе и желудку. Он мог подолгу обходиться без еды, и не раз ему случалось неделями довольствоваться сухарями, крошечными кусочками вяленого мяса и несколькими горстями родниковой воды, но, если выпадал случай как следует подкрепиться, киммериец поглощал такое количество еды, которого хватило бы десятку крепких здоровых мужчин.

Нельзя сказать, что он один отличался завидным аппетитом. Женщины сбились с ног, торопясь убрать со стола блюда, полные обглоданных костей, и поставить новые. Жареное мясо сменялось рыбьей икрой, копченой лосятиной и медвежатинной, хрустящими солеными грибами, зайчатиной, приправленной острыми специями, купленными еще весной у захожего торговца. Чем больше пищи исчезало в бездонных желудках, тем больше требовалось пива и меда, чтобы залить бушевавший в утробах пожар.

Ньорд, сосредоточенно работая челюстями, задумчиво смотрел на сидевших за длинным столом воинов. Почти все уже были пьяны, а жир и сок, текущие по всклокоченным бородам, капали на стол. Тризна, начавшаяся печально и торжественно, постепенно превратилась в обычный пир, где пьют, смеются, горюют, ссорятся, клянутся в вечной дружбе. Асиры, в большинстве своем открытые, дружелюбные и веселые люди, не умели подолгу горевать. Недаром у них существовала древняя пословица: «Живи

сегодня, потому что завтра ты можешь умереть». Трудная жизнь в суровых условиях, частые стычки с врагами, кроважадные хищники, в изобилии водившиеся в лесах и горах, — все это делало смерть частой гостьей в их домах, и потому тоска об усопших быстро сменялась думами о живых.

— О чем задумался, Ньорд? — повернулся Конан к вождю.

— Не знаю, — пожал плечами седой воин. — Обо всем сразу. Прежде мне приходилось отвечать только за своих людей, и воинов, и поселенцев. А сейчас и клан Вулфера — моя забота. Нашей дружбе много лет. Еще отцы, и мой, и его, бились рука об руку. У него остались малолетние сыновья. Это теперь мои дети.

— Да, — согласился варвар. — Это непросто. Но ты возглавляешь такой сильный клан, что эта задача тебе вполне по плечу.

— Ладно, — махнул рукой Ньорд. — Заботы сами меня найдут. А сейчас я хочу отдохнуть. Пойдем завтра на охоту?

— Отчего ж не пойти? А на кого?

— Вот завтра и решим. В наших лесах полно зверья. Лисы сейчас хороши. За зимнюю лису торговцы много товару дают. А повезет, так и оленя завалим.

Ньорд снова обвел взглядом пиршественный зал. Гулянье потихоньку затухало. Кто-то из воинов уже отправился спать, кто-то, ткнувшись лицом в недоеденный кусок мяса или рыбы, храпел прямо за столом. Изредка раздавались короткие вскрики: кого-то душили кошмары, вызванные чрезмерным обжорством. Ньорд усмехнулся и тяжело поднялся из-за стола.

— Будешь ночевать с воинами или подготовить тебе гостевую комнату? — обратился он к Конану.

— С воинами. Так мне лучше.

— Ступай тогда, отдохни. А я схожу к охотникам, чтобы они приготовили нам лыжи. Оружие подберем для себя сами. Завтра.

Без лыж в зимнем лесу охотникам делать нечего. Снег в этих местах выпадал такой обильный, что в него запросто

проваливался по грудь рослый мужчина. Асиры, несмотря на внешнюю веселость и беспечность, были людьми серьезными и запасливыми. Хороший охотник всегда подготавливал к зиме несколько пар удобных и легких лыж. Делать их было вроде и несложно, но так только казалось. Асгардских мужчин Боги не обидели ни ростом, ни мощностью, и потому лыжи должны были не только хорошо скользить, но и выдерживать значительный вес. Подведут они — и погиб охотник, станет сам добычей хищника.

Для лыж брали прочную и одновременно достаточно податливую древесину, чтобы ее можно было правильно обработать. Бревно раскалывали на множество дощечек, которые затем тщательно обстругивали до необходимой толщины и ширины. Отмечали середину и на определенном расстоянии от нее снова обстругивали дощечку так, чтобы она стала тоньше середины почти вдвое. Когда рамка для лыж была готова, в ней делали отверстия для поперечников, а затем и сами поперечники. Потом веревкой обматывали оба конца рамки, сгибали ее, затягивая веревку, и держали над паром. Пар размягчал дерево, в подготовленные отверстия вставляли поперечники и, уложив рамку на ровное место, передний ее конец загибали кверху. Пока древесина просыхала, из оленьей шкуры делали ремни. Шкуру посыпали древесной золой и обмазывали болотной тиной. Затем ее очищали и растягивали. Когда мягкая и гибкая кожа была готова, из нее резали длинные широкие ремни. Они шли на середину лыж, куда ставили ногу. Для передней и задней части рамы вполне подходили более тонкие ремни, которые вырезали из остатков шкуры. Это было довольно грубое изделие, но вполне надежное и удобное.

Перебрав несколько пар лыж, Ньорд выбрал наконец те, что считал подходящими для себя и Конана. Он отложил их в сторону и сказал одному из охотников:

— Эти для меня и моего гостя. Мы завтра идем охотиться. Вдвоем.

Затем вождь развернулся, отогнал пинком собаку из тех, что всегда в большом количестве жили возле охотни-

ков, и тяжелой поступью направился в отдельную комнату, где обычно отдыхал и куда строго-настрого запрещалось входить кому бы то ни было без особого разрешения хозяина.

Конан тем временем, удобно устроившись на ложе, покрытом волчьими шкурами, и укрывшись легким и теплым одеялом, подбитым беличьим мехом, крепко спал. Несмотря на огромное количество поглощенной им пищи и выпитого меда и пива, его не мучили никакие кошмары. Он спал без сновидений вообще.

Глава вторая

В доме ванирского вождя тоже справляли тризну, но по другой дружине — по дружине Браги. Поселения ванирских и асирских воинов были очень похожи и отличались лишь тем, что в Ванахейме строили отдельные дома для рабов (в Асгарде не признавали рабства, оно бытовало лишь в Ванахейме) и женщин. С женщинами ваниры обращались ненамного лучше, чем с рабами, считая их существами низшими, созданными Богами лишь для того, чтобы рожать сыновей, а также обихаживать и ублажать своих хозяев — мужчин. И только к беременным женщинам относились чуть-чуть получше. Ведь если она вынашивала сына, то на какое-то время, пока он не переставал от нее зависеть, женщина оказывалась необходимой.

Суровые, молчаливые, кровожадные ваниры ценили только мужчин-воинов и с раннего детства воспитывали мальчиков особо. Уже за несколько дней до рождения сына будущей матери каждое утро подносили чашу, наполненную свежей кровью. Она опускала в нее руки и держала их там, разговаривая с ребенком, поясняя ему, что не надо бояться крови, ее вида и запаха. Затем, вынув руки из чаши, она слегка обтирала их, но обязательно оставляла тоненькие полоски под ногтями, чтобы ребенок не отвыкал от крови ни на мгновение. Считалось полезным, чтобы беременная женщина присутствовала при наказании и даже казни рабов, чтобы родившийся мальчик знал, что жизнь низших существ ничего не стоит.

Затем, когда ребенку исполнялось три года, ему приносили поиграть едва вылупившихся птенцов. Как всякий малыш легко и беззаботно ломает свои игрушки, так ванирские мальчики, не думая ни о чем, ломали крылья и лапки несчастным созданиям, выдергивали у них перья, сворачивали шеи. Позже птенцов заменяли взрослыми птицами и маленькими зверьками, каждый раз нахваливая отпрыска, если он сумел растерзать живое существо достаточно быстро.

С шести-семи лет отцы начинали брать сыновей в море на промысел. Старшие гарпунили рыбу и даже охотились на крупных морских зверей, а младшие упивались необычным для них кровавым зрелищем. Видя, что отцы получают удовольствие от своих деяний, дети быстро привыкали к тому, что все содеянное отцами — хорошо.

Но только зрелищами воспитание будущих воинов не ограничивалось. С тех же шести лет мальчику впервые давали в руки лук. Он должен был обучиться долго держать его на вытянутой руке, сначала одной, а затем другой, чтобы они развивались одинаково. Потом его учили натягивать тетиву и пускать стрелы в цель. Одновременно мальчик впервые в жизни брал в руки кинжал. Сначала целью была нарисованная мишень, а лет с десяти уже достаточно безжалостное создание получало свою первую жертву. Юный охотник выходил в достаточно просторный двор, куда, словно зверя, выпускали немощного, а значит, ненужного хозяину раба. Как поразит жертву мальчик — стрелой или ножом, не имело значения, был бы точен удар.

Если ребенок успешно справлялся с задачей, то, уничтожив несколько жертв, он переходил к следующим урокам: его обучали обращаться с мечом. Годам к пятнадцати он уже становился вполне опытным воином, и его брали в поход. Как только он обаграл свой меч кровью первого убитого им врага, юноша мог считаться мужчиной и любая порабощенная женщина становилась его добычей.

Старый Зимурд, сидя за почти пустым столом, вспоминал, как он растил своих мальчиков, как мечтал, что они наконец-то расправятся с извечным врагом — асирскими

соседями, как радовался, видя силу, храбрость и красоту сыновей. Он даже по-своему неплохо относился к их женам, ибо те рожали лишь мальчиков, и вот уже десять лет ни одна девочка не осквернила своим криком стены старого дома. А что теперь? За поминальным столом сидят три малыша. Старшему едва сравнялось десять зим, а младший только-только произнес первые слова. Где они, красавцы-сыны? Все стали добычей воронов.

Зимурд положил тяжелую пегую голову на сморщенные ладони со скрюченными пальцами и вздохнул. Когда-то давно его волосы горели начищенной медью, а в глазах пылал огонь. Он был беспощаден к врагам, суров с рабами, ненасытен в отношениях с женщинами. Много пролил он крови, выпил целое море пива, наловил столько зверья, что можно было бы накормить всю страну, накопил большие богатства. Не сомневался он, что все это останется сыновьям и внукам. Но нет больше сыновей. А внуки малы и слабы. Кто научит их жизни? Сам он уже не мог держать в руках оружие. Приди сейчас враг — некому заступиться за слабых и беспомощных. Вырвет он последние корни клана и уничтожит их.

Неожиданно в зал, в котором за поминальным столом сидели старик и мальчики, ворвалась немолодая уже женщина и крикнула:

— Зимурд! Началось!

Глава клана встрепнулся. Жена старшего сына, Хеймдала, правда, теперь уже вдова, вот-вот должна была родить. Может, все не так плохо? Появится еще мальчик. Четвертый. Старшенькому уже десять. Года через три он сможет держать в руках меч, а еще через пару лет станет вполне крепким воином. Добра в доме накоплено немало, не на одну дружину хватит. Вот он ее и возглавит. А там, глядишь, и другие подрастут. И возродится клан, вновь засияет его слава, вновь затрепещут враги. Тогда можно и на Серые Равнины отправляться. А пока есть еще дела на этом свете. Нельзя оставлять клан без головы. И старик поднял кубок:

— За мужчин. За храбрых воинов.

Резким движением отправил он в глотку хмельной выдержанный мед, медленно прожевал кусок копченого мяса и вдруг резко поднялся. Впервые в жизни, а он встретил уже почти семьдесят зим, им овладело такое нетерпение, что он решил отправиться в женский дом, чтобы самому приветствовать первый крик внука — воплощения возродившейся надежды.

Женщины встретили его недоуменными взглядами, но никто не сказал ничего, да и ни одна женщина этого клана никогда не осмелилась бы задавать вопросы, а тем более перечить главе рода. Лишь бабка-повитуха нахмурилась и шепнула своей помощнице:

— Нехорошо это. Мужчине здесь не место. Быть беде.

Та лишь молча кивнула в ответ и повернулась к роже-нице. Повитуха пожала плечами и громко крикнула:

— Эй! Кто-нибудь! Подкиньте дров! Должно быть жарко, как в бане, а мы скоро мерзнуть начнем! И воду, воду-то несите!

Замерзнуть в комнате, где должен был родиться ребенок, мог разве что тот, кого душила лихорадка. Огонь в печи пылал так жарко, что воздух казался густым и тяжелым и обжигал легкие. На устланном лучшими мехами и тонким полотном ложе лежала молодая женщина, черты лица которой, по-видимому, очень привлекательные, исказила жуткая гримаса боли. Пышные темно-каштановые волосы были спутаны, по лицу, на котором несмотря на невыносимую жару проступила мертвенная бледность, струился пот, почерневшие от запекшейся крови губы были искусаны и распухли так, что выглядели безобразным темным пятном. Она тихо стонала.

— Ты кричи, кричи, милая, — посоветовала повитуха. — И тебе легче будет, и ребеночку.

Женщина, казалось, не слышала ее, и только тонкие пальцы судорожно сжимали мягкое беличье одеяло. По огромному животу время от времени пробегала судорога, и тогда роженица снова и снова закусывала истерзанные в лохмотья губы. Ноги, согнутые в коленях, дрожали. Вдруг женщина закричала, и старый Зимурд невольно вздрогнул: этот крик

нисколько не напоминал человеческий. Так мог кричать дикий зверь, почувствовавший приближение смерти.

Повитуха кивнула помощницам, и те протянули женщине два полотенца, но она даже не взглянула на них.

— Держись за полотенца! — приказала повитуха. — И тужься. Сейчас полегчает. Да ноги-то раздвинь. Задавишь ребенка.

Женщина посмотрела на нее мутным взглядом. Неожиданно ее глаза заблестели, и она тихо, но внятно произнесла:

— Я умру.

— Ничего с тобой не случится. Слушай меня, и все скоро закончится.

Но роженица уже не слышала ее. Пустые глаза уставились в потолок, руки лихорадочно перебирали тонкий мех. Мучительно медленно тянулось время, и Зимурд вдруг совершенно неожиданно для себя понял, что, оказавшись он на месте будущей матери, скорее всего, не выдержал бы этой пытки.

Женщина снова закричала, и от этого полукрика-полурывания у старика застыла кровь в жилах. Живот роженицы дернулся и заходил ходуном. Повивальная бабка зажгла пучок какой-то пахучей травы и начала окуривать комнату едким дымом. Когда у всех от непереносимой вони паленой травы выступили слезы, повитуха не то заговорила, не то запричитала, старательно выговаривая слова древнего заклинания. Ее помощницы положили руки на шевелящийся живот роженицы и, уловив знакомую только им фразу, резко нажали на него. Женщина завопила что есть мочи, и на мгновение подставленные руки повивальной бабки вдруг вывалились красно-лиловый мокрый комок, который тут же пронзительно заверещал. Роженица выпрямилась на ложе, как мертвец, закрыла глаза и замерла.

Зимурд вытянул шею, стараясь рассмотреть только что родившегося внука, но видел лишь спины женщин, обступивших повитуху. Какое-то внутреннее, непонятное ему чувство не позволяло старику задавать вопросы. Он бросил взгляд на вдову своего сына. Тонкое полотно, на котором она лежала, медленно багровело под струей темной крови,

фонтаном бившей оттуда, откуда только что появился младенец. Лицо женщины приобрело синеватый оттенок, грудь едва вздымалась. Похоже, она и правда умирала, но это вовсе не занимало Зимурда. То едва уловимое тепло, которое он ощутил по отношению к ней, когда смотрел на ее страдания, улетучилось, как только раздался крик ребенка. Теперь старика занимал лишь внук.

Повитуха, что-то все время приговаривая, обмыла новорожденного и, положив его на вытянутые руки, повернулась к Зимурду.

— Боги послали тебе девочку, — торжественно провозгласила она.

Старику показалось, что земля уходит из-под его ног, в глазах потемнело, кровь застучала в висках. Ярость, закипевшая в душе, ослепила и оглушила его. Зимурд вскинул над головой руки, сжатые в кулаки, и закричал:

— Будь она проклята! Будьте прокляты вы все!

Он резко развернулся, едва не потеряв при этом равновесия, и, громко хлопнув дверью, кинулся на улицу. Порыв ветра чуть не сбил его с ног, но Зимурд устоял и быстрым шагом направился к своему дому. Ворвавшись в зал, он плюхнулся в кресло, стоявшее во главе стола, и внезапно почувствовал, что силы покинули его.

Зимурд долго сидел, внимательно глядя на внуков, и думал о том, за что же так покарали его боги. Теперь у врага есть повод для радости. В клане Вулфера остались не только женщины да старики. Там подрастают юноши, которые вот-вот станут сильными воинами. Коварный асир не взял их в последний бой, и теперь его род не угаснет.

Неожиданно Зимурд встрепенулся, словно какая-то удачная мысль посетила его, взял кубок, осушил его одним глотком и уставился на старшего внука. Мальчик тоже смотрел на деда, будучи не в силах отвести взгляд. Вдруг холод пробежал по спине ребенка: в мутных, давно потерявших свой цвет глазах старика загорелся желтый огонь, а на тонких сухих губах заиграла недобрая улыбка.

Глава третья

Конан пробудился чуть свет, однако Ньорд, к немалому удивлению варвара, оказался уже на ногах. — Конан, мы сегодня поставим капканы на лис и двинемся дальше в лес. Охотники говорят, что видели неподалеку лосей.

— Лосей? Никогда не пробовал охотиться на них.

— Ты хорошо стреляешь из лука? — поинтересовался асир.

— Неплохо.

— Подбери себе подходящий, — предложил гостеприимный хозяин. — И на всякий случай стрел возьми побольше. Меня потом найдешь во дворе. Надо подготовить капканы.

Пока Конан с восторгом осматривал оружейную Ньорда, забыв обо всем на свете, асир сложил во дворе костер из смолистых хвойных веток, подкинул в него несколько совсем свежих лап и, когда от костра повалил густой пахучий дым, подержал в нем капканы и цепи к ним. У лис острое чутье, и запах железа они могли бы уловить издалека. Опытный охотник никогда не поставил бы капканы, не подготовив их перед этим.

Затем Ньорд окликнул проходившую мимо по двору женщину и попросил принести ему несколько кусков свежего сырого мяса, обязательно с кровью. Одним из них он собирался натереть руки и подошвы сапог, чтобы на капканах не осталось запаха человека и лисы не уловили следов охотников. Второй кусок предназначался для приманки.

Снегу выпало много, и мыши, которых маленькие хищники успешно ловили прежде, попрятались в норках. Так что голодные лисы наверняка захотят отведать кусочек мяса.

Когда варвар наконец-то присоединился к асиру, тот уже был вполне готов отправиться в лес. Ньорд протянул Конану лыжи:

— Наденешь, когда войдем в чащу. Умеешь с ними обращаться?

— Приходилось когда-то, — усмехнулся киммериец. — Но очень давно.

— Если хоть раз вставал на лыжи, — успокоил его Ньорд, — то справишься. Ну, пошли. Пора.

Приятели, один из которых по возрасту годился другому в отцы, направились к лесу. Было самое начало зимы. Дни стояли морозные и солнечные. Ослепительно белый и еще пушистый снег покрывал землю ровным ковром, сверкавшим тысячами крошечных холодных искорок. Прозрачный бодрящий воздух как будто сам вливался в легкие, придавая силы. Высокие стройные сосны и тяжелые мрачные ели выделялись на белом фоне замысловатым ярким и темно-зеленым узором.

Но охотников вовсе не занимала окружавшая их красота. Мужчины внимательно смотрели себе под ноги, отыскивая следы рыжих хищников. Наконец они увидели несколько протоптанных маленькими лапками тропинок, аккуратно выкопали ямки, установили капканы с приманкой и присыпали их снегом, так чтобы кусочки мяса выглядывали из него.

— Лиса — хитрый и умный зверь, — сказал Ньорд. — Почти такой же умный, как волк. Она никогда не идет напролом. Во всем, что она видит впервые, для нее таится опасность. Так что сюда нам лучше вернуться через день, не раньше. Рыжие бестии будут долго принюхиваться. Но в конце концов жадность победит. — Он вдруг расхохотался: — Совсем как ваниры! Недаром ведь и те, и другие — рыжие!

Конан тоже рассмеялся. У него было прекрасное настроение, и любая шутка, даже весьма сомнительного каче-

ства, сейчас развеселила бы его. Давно не приходилось киммерийцу вот так бродить по заснеженному лесу просто для своего удовольствия. Его жизнь была полна опасностей и приключений. Варвар любил их. Тихая спокойная жизнь казалась ему до того пресной и скучной, что он согласился бы один сразиться с целым сонмищем демонов, но только не прозябать в покое и уюте. Однако любому человеку, даже такому отчаянному, как Конан, нужно было отдыхать, хотя бы иногда. И он вовсе наслаждался. Красота суровых гор и вечнозеленых лесов была сейчас ему милее, чем ослепительная красота любой женщины, терпкий холодный воздух дарил больше веселья, чем самое изысканное вино, даже любимое красное виноградное. Киммериец был полон жизни, здоровья и сил так, что, казалось, еще чуть-чуть — и они начнут плескаться через край. Он с хрустом потянулся:

— К Нергалу и тех, и других! Никуда им от капкана не деться. Давай поищем добычу покрупнее. Ты говорил, где-то есть лоси?

— Ну уж оленя-то я тебе точно обещаю. А вот лосей сам не видел. Охотники рассказывали.

— Оленя так оленя,— согласился Конан.— Чего ж мы стоим? Думаешь, он сам к нам прибежит? Идем.

Когда-то, еще юношей, Конан охотился на оленей и помнил, что в это время года эти обычно пугливые животные становятся злобными и даже опасными. Вырастающие ранней весной рога к началу зимы превращаются у оленей в грозное оружие, острое и необычайно прочное. Да и характер у них заметно портится. Самцы рыскают по лесам в поисках достойного противника, стремясь ввязаться в драку. Их ведет могучий инстинкт, жажда убийства. Днями напролет, забывая про еду и питье, они пытаются отыскать соперника и, когда тот наконец появляется, мгновенно вступают в поединок. Нагнув сильные, красивые головы, поглядывая друг на друга налитыми кровью огромными карими глазами, самцы замирают на какое-то время, словно испытывая выдержку друг друга. Но вот один из них не выдерживает и бросается вперед. Битва начинается. Обыч-

но она заканчивается гибелью обоих, ибо крайне редко один олень насаживает на рога другого. Чаще всего их рога намертво сцепляются, и соперники уже никогда не могут разъединиться. Тогда им остается только одно: стоять бесконечно долго и ждать смерти от голода. Но это не останавливает их, и каждый раз с наступлением зимних холодов оленю, забыв обо всем, мечутся по лесам, уничтожая все на своем пути, в поисках гибели. Своей или чужой — это им неизвестно. Боги не даровали им способности мыслить.

Однажды Конан видел такой поединок. Охотясь в одиночку, он вышел на небольшую поляну, откуда доносился громкий стук, словно кто-то лупил палкой по промерзшему дереву. Его изумленному взору открылось необыкновенное зрелище: два могучих лесных красавца иступленно толкали лбами друг друга. Снег вокруг них был истоптан так, что всюду виднелась черная земля, ярко-красные языки вывалились изо ртов, в глазах, обычно кротких и добрых, горел огонь ненависти. Конан подошел к ним совсем близко, ибо даже не догадывался о грозившей ему опасности. Его вело любопытство. Олени заметили его и замерли в нерешительности, словно обдумывая, не разобраться ли им сначала с человеком. Но инстинкт оказался сильнее, и уже через несколько мгновений они снова не замечали ничего, кроме друг друга. Самцы разошлись по разные стороны поляны, разбежались и снова с оглушительным треском ударились лбами, стараясь зацепить противника и повалить его на землю.

Сейчас варвар вспомнил об этом и начал прислушиваться: не донесет ли ветер звуки битвы. Но все было тихо, и охотники все дальше и дальше уходили в лес, держа наготове луки. Вдруг Ньорд замер, вытянув шею и вглядываясь куда-то вдаль. Потом он коснулся рукава своего спутника и приложил палец к губам. Рукой, в которой он держал оружие, асир показывал вправо. Конан взглянул туда: на чистом снегу отчетливо виднелись глубокие следы раздвоенных копыт, совсем свежие. Киммериец кивнул, и они с Ньордом пошли по следу. Вскоре они услышали треск

ломавшихся веток и увидели, как шевелятся кусты. Олень был где-то совсем близко.

— Приготовься,— шепнул асир.— Как только мы его увидим, стреляй. Меться в грудь или шею.

Конан пожал плечами и вынул из колчана стрелу. Он не стал объяснять Ньорду, что уже охотился на оленей и знает, где находятся самые уязвимые места животного. Здесь надо действовать, а не спорить.

Несмотря на то что охотники старались ступать бесшумно, зверь все же почувал их и совершенно неожиданно выскочил им навстречу. В любое другое время он постарался бы убежать, но не сейчас. Не успел киммериец и глазом моргнуть, как оказался лежащим на спине. В грудь ему упирались острые развесистые рога. Еще миг — и олень превратит его в месиво. О том, чтобы воспользоваться луком, не могло быть и речи. Варвар отбросил бесполезное оружие и, извернувшись самым невероятным образом, впился пальцами в горящие злобой глаза. Олень заревел и отдернул голову. В это время стрела Ньорда, просвистев в воздухе, глубоко воткнулась в шею животного. Олень дернулся и начал заваливаться на бок. Несколько мгновений Конану хватило, чтобы одним прыжком вскочить на ноги, выхватить длинный охотничий нож и полоснуть по горлу зверя. Горячая кровь густым потоком хлынула на снег. Животное попыталось приподнять голову, но тут же уронило ее и, глубоко вздохнув, замерло. Красноватый отблеск в его глазах потух, и они остекленели.

— Спасибо,— выдохнул Конан, повернувшись к Ньорду.

— Ты и сам справился бы с ним,— весело отозвался асир, вытаскивая свой нож.— Сейчас разделаем тушу, передохнем немного и отправимся назад. Любишь свежее мясо?

— А кто ж от него откажется?

Охотники расправились с добычей за несколько минут, ловко и уверенно орудуя ножами. Самые аппетитные куски они сложили в мешок, а остальное оставили доедать мелким хищникам и птицам.

— Погоди. Еще не все,— вдруг сказал Конан.

Ньорд удивленно посмотрел на него:

— Тебе нужна шкура?

— Нет. Рога. Хочу оставить их тебе на память.

Несколькими быстрыми движениями он отделил голову оленя от туловища, а затем взвалил ее на плечо.

— Теперь пойдем. Этот красавец будет хорошо выглядеть на стене пиршественного зала.

Перебрасываясь короткими фразами и слегка подшучивая друг над другом, они поспешили домой. День близился к концу, быстро темнело, но на снегу отчетливо выделялась лыжня, и поэтому охотники без приключений добрались до опушки леса, откуда уже хорошо был виден бревенчатый тын, окружавший жилище Ньорда.

Навстречу им вышел Горм, старый седой воин, который когда-то спас жизнь Конана своими чудесными растираниями. Он был опытным, мудрым и очень много знал. Его необыкновенная память отличалась тем, что Горм никогда ничего не забывал. Это вызывало к нему невольное уважение. Но не только своей памятью заслужил он особое отношение к себе. В Асгарде, как и в Киммерии, старики пользовались особым почтением. Жизнь, полная опасностей, редко бывала длинной в этих местах, и если человек умудрялся дожидаться, когда волосы его подернутся серебром, значит, он был и умен, и ловок, и хитер, и смел. А эти качества очень высоко ценили у народов, где каждый мужчина рано становился воином.

— А мы вас заждались,— приветливо улыбнулся Горм.

— Посмотри, какого красавца мы завалили,— похвастался Конан, протягивая старику роскошную рогатую голову.

— Хорош, нечего сказать,— похвалил их седой воин.— Входите скорей, надо закрыть ворота. Поздно уже.

— Что это ты так беспокоишься? — удивился Ньорд.— Что-нибудь случилось?

— Ничего,— ответил Горм и нахмурился.— Душа не на месте. Что-то меня мучает, а что — не знаю.

— Опять ты вспомнил какую-нибудь сказку? — рассмеялся Ньорд.— Сейчас выпьем пива, отведаешь свеженького мяса, и твоё настроение изменится.

Асир передал мешок с добычей женщинам и распорядился немедленно приготовить угощение, пока они с Конаном смывают с себя грязь и кровь. У него было хорошо на душе, и ему вовсе не хотелось даже думать о каких бы то ни было неприятностях. Горм слишком много знал и помнил, а потому его часто что-нибудь беспокоило. Правда, предчувствия редко обманывали старика, но сейчас Ньорд больше всего желал расслабиться и как следует отдохнуть. Он ведь тоже давно был не юношей: сорок пять зим — это большая жизнь. Он притомился и мечтал поскорее занять свое место за обильным столом, поговорить об охоте, о каких-нибудь пустяках, а к ночи поманить пальцем жену, крепко обнять ее за плечи и вновь с непроходящим удивлением и радостью убедиться, что она все еще хороша, ласкова и желанна.

Конан тоже не обратил внимания на слова старого воина, но у него на это были свои причины. Киммериец не доверял ни предчувствиям, ни внутреннему голосу, ни магическим предсказаниям. Он привык полагаться на свои силы, быстроту реакции, хорошее оружие. Столкнуться лицом к лицу с любым врагом — это было привычнее и понятнее для него, чем движения души. «Душа не на месте», — сказал Горм. А кто вообще знает, где ее место? Варвар не любил и не умел долго размышлять. Он предпочитал действовать. И сейчас после удачной охоты ему тоже хотелось просто отдохнуть, выпить, плотно поесть. К тому же Конан поймал на себе заинтересованный взгляд прелестной златовласой молодой женщины и собирался нынешнюю ночь провести не на жестком ложе воина, а в объятиях красавицы, подарившей ему весьма недвусмысленную улыбку.

Очаровательная красotka не обманула его ожиданий, и утро следующего дня, отнюдь не такое раннее, как накануне, киммериец встретил в приподнятом настроении. Он с удовольствием набрал полную грудь свежего морозного воздуха, смачно потянулся и собрался было предложить Ньорду снова отправиться в лес, чтобы проверить поставленные вчера капканы. Если ловушки сработали, то добыча должна быть неплохой. По своему опыту охотника он знал, что

попавшиеся в капканы звери погибают не от ран, а от страха и боли. Он не был слишком кровожадным и никогда не причинял боли просто так, из-за жажды ее или равнодушия, и поэтому ему хотелось поскорее увидеть добычу и прекратить ее страдания.

Варвар шел по двору, направляясь к дому асира, когда в распахнутые ворота влетел запыхавшийся мальчишка-подросток. Он прерывисто дышал, а в светло-серых глазах его горел такой испуг, словно за ним гнались все существующие на свете демоны. Мальчик с разбегу налетел на Конана и выпалил:

— Помогите!

Киммериец встряхнул его, поставил на ноги и, заглянув в глаза, спросил:

— Кому помочь? Тебе? Кто тебя обидел?

— Я из клана Вулфера, — понемногу успокаиваясь, начал говорить мальчик. — Сегодня ночью на наше поселение напал огромный медведь. Он утащил женщину, которая закрывала ворота.

— погоди. Пойдем в дом. Расскажешь всем.

Конан отвел мальчишку в зал, где уже собрались Ньорд, Горм и еще несколько воинов. Гонец поведал им, что зверь, вломившийся в обиталище клана Вулфера, был очень крупным, шерсть его, грязная и, скорее всего, светлая (облака закрывали луну, и поэтому никто ничего толком не рассмотрел), висела клочьями. Медведь схватил молодую женщину в охапку и мгновенно сломал ей шею. Однако она успела закричать, и на крик выбежали люди, которые и увидели хищника. Всю ночь в поселении никто не спал, а наутро решили послать мальчика к Ньорду с просьбой о помощи.

— Не нравится мне все это, — задумчиво проговорил Горм. — В наших местах никогда не было зверей-людоедов. Не зря у меня было дурное предчувствие.

— Не до предчувствий сейчас, — прервал его Конан. — Я пойду с мальчиком и посмотрю, что за наглая зверюга объявилась возле их дома. Пусть медведь попробует на меня разинуть пасть. Я быстро повышибу его гнилые зубы.

— Не горячись, Конан,— остановил его Ньорд.— Вулфер был моим другом. Теперь я обязан защищать его клан от кого бы то ни было. Пойдем вместе.

— И я с вами,— предложил Горм.— Хочу посмотреть на следы зверя.

Они быстро собрались, взяли с собой мечи, кинжалы, луки со стрелами, Ньорд отдал несколько распоряжений по дому, и уже через пару минут Конан, Горм и Ньорд шагали вслед за мальчишкой, который, заметно повеселев, болтал о всякой ерунде, словно напрочь забыл о страхах прошлой ночи.

Глава четвертая

Клан Вулфера обитал примерно в полудне пути от клана Ньорда. Вернее, уже не клан, а то, что от него осталось после кровавой битвы, в которой уцелел лишь Конан. Когда-то это было одно из самых больших и процветающих семейств в округе, а дружину Вулфера составляли отборные воины, сильные, храбрые, умелые. Сам вождь имел шестерых сыновей и красавицу-дочь, на которой Ньорд собирался женить своего старшего сына. Вулфер, да и сама Эдина, не возражали, и оба рода готовились к свадьбе. Правда, теперь она откладывалась, но рано или поздно обязательно должна была состояться.

Гибель Вулфера и его троих старших сыновей была серьезной утратой для Ньорда, но он надеялся, что при его поддержке клан друга возродится. Оставшимся сыновьям было тринадцать, одиннадцать и восемь лет, так что очень скоро двое из них уже научатся всерьез обращаться с оружием. Было в клане и много молодых здоровых женщин, которые смогут родить еще сыновей. И надо же было зевруге взяться именно за них! А может, это просто какая-то случайная нелепость? Откуда в этих краях взялся старый злобный медведь? Ньорд хорошо знал окрестности. Медведи, конечно, водились тут, но белые обитали в горах, редко появлялись в лесу и уж совсем никогда не приходили к жилью человека. А мальчишка сказал, что шерсть хищника была светлой.

Впрочем, Ньорд, как и Конан, не любил подолгу рассуждать. Он торопился поскорее дойти до места, посмотреть на следы и расправиться с людоедом, нисколько не сомневаясь, что это будет не так уж и сложно. Его отец и дед убили за свою жизнь не одного медведя, да и ему приходилось встречаться с ними. Итоги всех стычек были одинаковыми: медвежьи шкуры неплохо защищали обитателей дома Ньорда от зимних холодов.

Вскоре впереди показался бревенчатый тын с массивными плотно закрытыми воротами. Конан несколько раз опустил свой увесистый кулак на тщательно пригнанные друг к другу створки. Ворота затрепали, но не поддались. Заскрипел снег под чьими-то ногами, и раздался звонкий юношеский голос:

— Кто идет?

— Открывай, Наяр, я привел Ньорда и его людей, — отозвался мальчишка-проводник.

Ворота медленно распахнулись, и Ньорд со спутниками ступили во двор. Им навстречу со всех сторон спешили женщины и дети. Они окружили воинов и заговорили все сразу, перебивая друг друга и пытаясь рассказать, что произошло нынешней ночью. Конан зажал уши ладонями, и гам на мгновение стих. Затем варвар поднял руку и громко крикнул:

— Замолчите все!

Гул затих, и только десятки глаз испуганно смотрели на возвышающегося в толпе киммерийца, ожидая его приказов. Он окинул всех взглядом, выбрал самого старшего подростка, того самого, который открыл им ворота, и распорядился:

— Говори ты.

Наяр вышел вперед и начал рассказывать:

— Мы всегда закрываем ворота на ночь. Вчера вечером одна из женщин, у которой были какие-то дела по двору, вызвалась сделать это сама. Мы уже ложились спать, когда услышали ее дикий вопль. Несколько человек успели выбежать из дома и увидели, что ее схватил огромный зверь. Он махнул лапой, что-то громко хрустнуло, и женщина на тут же замолчала. Чудище было не меньше тебя ростом,

покрытое клочкастой шерстью. Мне показалось, что это медведь. Но не бурый. Однако и на белого, какие водятся в горах, он не был похож. Как будто седой. Но я никогда не видел седых медведей и не знаю, бывают ли такие. Мы не успели даже опомниться, как хищник кинулся прочь и быстро скрылся в лесу.

— Кто еще запомнил что-нибудь? — поинтересовался Конан.

— Он бежал на задних лапах, — ответила одна из женщин.

— На задних? — нахмурился Горм. — Не нравится мне это.

— А кому вообще может понравиться, что медведи стали нападать на дома? — проворчал Ньорд. — Ладно. Разберемся. Мы проживем у вас несколько дней, посмотрим. Можете больше ничего не бояться. Мы защитим вас.

Они прошли в дом, двери которого тут же гостеприимно распахнулись для спасителей. Мужчины долго беседовали со стариками, расспрашивая их о том, что происходит в округе, какие звери водятся в лесах и не было ли раньше случаев, чтобы медведи или волки нападали на людей. Однако ничего нового им узнать не удалось. Никто из стариков не припомнил ничего необычного. Пока Вулфер и его дружина охраняли поселение, жизнь шла тихо, спокойно, мирно. Все стычки с врагами происходили далеко от дома, охота была как охота, псы, которых по ночам держали во дворе, ни разу не поднимали переполох. Вот только вчера ночью они вели себя как-то странно. Ни одна собака не залаяла, все только глухо рычали, и шерсть на загривках стояла дыбом. Похоже, они перепугались до полусмерти.

Поняв наконец, что со стариками можно разговаривать до бесконечности, Ньорд решительно поднялся:

— Надо пойти поискать следы. Может, они выведут нас к логову зверя.

Они оставили мечи и, прихватив с собой только луки и охотничьи ножи, двинулись на поиски. Возле ворот уже прошло столько людей, что ни о каких следах медведя не

могло быть и речи. Кроме того, охотникам сильно не повезло: утром шел снег, который успел присыпать следы. К счастью, он не был обильным, и потому по направлению от тына к лесу четко просматривалась цепочка довольно-таки крупных углублений, по подробно рассмотреть ничего не удалось.

Выйдя за ворота, мужчины встали на лыжи и медленно пошли по уходящей вдаль цепочке. Чем дальше они уходили в чащу, тем более отчетливыми становились следы: снегу мешали развесистые лапы деревьев, и потому довольно скоро зоркие глаза Конана рассмотрели прекрасный отпечаток. Судя по размерам лапы, медведь и правда был огромным. Но что самое удивительное, женщине не показалось с испугу, что он шел на задних лапах, как сначала подумал киммериец. Следы ясно указывали, что так оно и было.

Присев на корточки, мужчины долго разглядывали гигантскую ступню. Глубокий след говорил и о том, что зверь не только вымахал выше среднего человеческого роста, но и весил немало. Он слегка прихрамывал и косолапил, да к тому же нес свою жертву, и казалось уму непостижимым, как же он умудрился так быстро исчезнуть. Медведи умеют передвигаться довольно быстро, но для этого им нужны все четыре конечности, а этот пользовался только двумя.

Вдруг Горм схватил Конана за руку:

— Смотри!

— Вижу. Здоровый зверюга. Но ничего особенного. И не с такими справлялись.

— Ничего особенного? — чуть не подпрыгнул старик. — Ты говоришь ничего особенного? И после этого кто-то осмелится назвать тебя охотником? Где твои глаза?

— На месте глаза, — буркнул Конан, который очень не любил, когда кто-нибудь сомневался в его исключительных способностях.

— Не знаю, где у них тогда место, — продолжал кипятиться Горм. — Взгляни на когти.

— Огромные, острые, как у всех хищников, — пожал плечами киммериец.

Горм вскочил на ноги, повернулся к Ньорду и чуть ли не закричал:

— Ты тоже ничего не видишь?

— Да не вопи ты так, — поморщился Ньорд. — Если заметил что-то необычное, объясни.

— Их шесть! Понимаете, остолопы, шесть! А у обычного медведя должно быть пять!

— Ну и что? — удивился варвар. — Урод какой-то.

— Сам ты урод, — огрызнулся Горм. — Запомни раз и навсегда: шесть когтей бывает только у оборотней. Демоны вообще любят это число — шесть.

— Меня совершенно не волнует, что они любят! — взорвался Конан. — Демон, оборотень, медведь на задних лапах, задница этого медведя — мне все равно. Эта тварь сожрала женщину, и я убью гадину!

— Ладно, не злись, — вдруг сменил Горм гнев на милость. — Никто из нас нисколько не сомневается в твоей храбрости. Просто ты должен знать, что оборотня нельзя убить простым оружием. Железо не берет их.

— Да я его голыми руками... — начал было киммериец, но Ньорд остановил его: — погоди. Дай договорить Горму.

— Они боятся серебра, — продолжил старик. — Не спорь, — остановил он Конана, который уже открыл рот, чтобы возразить. — Сам знаю, что серебро не годится для оружия. Для обычного оружия. А против оборотней оно в самый раз.

— Но у нас нет ничего подобного, — сказал Ньорд.

— Значит, надо вернуться домой и сделать нож или наконечник для копья.

— Хорошо, — с трудом согласился Конан, который прекрасно знал, что опытом стариков пренебрегать нельзя. — Но сначала попытаемся все же выследить чудище.

Они двинулись дальше и через несколько шагов наткнулись на страшную находку. Под кустом, едва припорошенное снегом, лежало тело молодой женщины. Голова ее была повернута набок, словно шея уже не держала ее, руки рас-

кинуты в стороны, ноги согнуты в коленях. На груди зияла огромная рана. Сердца не было.

— Нергалово отродье! — взревел Конан. — Я загрызу его собственными зубами! Я вырву у него печень и отдам ее пожирателям падали!

Ньорд молчал. Он боялся взглянуть на лицо женщины, боялся увидеть, что это Эдина. Там, в поселении Вулфера, он не спросил имя жертвы. Это, конечно, была слабость, но асир любил девушку, как собственную дочь, и известие о ее гибели стало бы слишком сильным ударом для него. Теперь он стоял перед заледеневшим трупом и не решался поднять на него глаза. Наконец невероятным усилием воли Ньорд заставил себя сделать это, и из его груди вырвался невольный вздох облегчения: это не она.

Горм нагнулся к женщине, провел дрожащей рукой по ее белой щеке и вздохнул:

— Она была очень красива. И молода. А скольких мальчишек могла бы выносить! — Он помолчал и продолжил: — Эта гадина лишила ее сердца. Надо отнести несчастную в поселение. Придется провести долгий и сложный обряд, чтобы душа ее утешилась. Иначе и на Серых Равнинах ей придется страдать.

Конан легко, словно ребенка, поднял женщину на руки, повернулся и молча двинулся назад. Ньорд почему-то шепотом спросил Горма:

— А что за обряд? Я никогда о нем не слышал.

— Я не знаю всех подробностей, — ответил старик, — но наверняка общими усилиями мы вспомним. Надо поймать олениху и взять ее сердце. Олени — благородные и добрые существа. И глаза их напоминают человеческие. Но все же они животные, и поэтому воспользоваться сердцем оленихи можно. Потом его кладут в снег, чтобы показать Имиру. Если на другой день оно не исчезнет, значит, Ледяной Гигант не возражает против такого обмена. Сердце надо поместить в грудь умершего, произнеся при этом заклинание. Вот его-то я и не знаю. Но надо поговорить со стариками. Может, кто-нибудь и подскажет.

Больше до самых ворот они не проронили ни слова. Выбежавшие им навстречу люди приняли из рук Конана тело несчастной, чтобы подготовить его к погребению. Горм направился к старикам, чтобы узнать у них что-нибудь, а Ньорд и варвар устроились за столом и, потягивая поднесенное им пиво, принялись обсуждать дела. Они решили, что завтра пойдут охотиться на олениху, а затем Ньорд вернется домой, взяв с собой Горма. Конан останется здесь, чтобы охранять поселение. Ему на смену Ньорд пришлет десяток воинов из своей дружины.

— Пусть не торопятся, — предложил Конан. — Дня три-четыре я поживу тут, осмотрюсь. Если медведь появится снова, сам с ним управлюсь.

— А оружие? — напомнил ему Ньорд.

— Здесь тоже есть кузнецы. Надо им сказать, чтобы приготовили все необходимое.

Вернулся Горм. По его сияющему лицу было видно, что у него все получилось. Старик с порога заявил:

— Мне сказали, что неподалеку отсюда живет древняя бабка. Она знает все на свете, и в том числе нужные заклинания. Надо срочно послать за ней кого-нибудь.

— Кого посылать? — отозвался Ньорд. — Все так боятся медведя, что никто не выйдет за ворота.

— Не все, — напомнил Горм. — За нами-то пришел мальчишка. Днем оборотни не бродят.

— Тогда пусть сбегает.

К вечеру мальчик привел с собой дряхлую старуху, которая, глядя на всех исподлобья, заявила, что мужчины при обряде присутствовать не должны. От них требуется только добыть сердце, а потом они могут убираться на все четыре стороны. Она все знает и умеет и при помощи ближайших родственников погибшей прекрасно справится. Такие случаи бывали когда-то давно, и все обходилось благополучно. Во всяком случае души умерших никого не беспокоили.

На следующий день Конан и Ньорд принесли в поселение молодую и очень красивую олениху. Они отдали ее

старухе, и та буркнула под нос что-то, отдаленно напоминающее слова благодарности. Ньорд с Гормом вернулись домой, а Конан остался охранять женщин и детей. Даже страшные события последних дней не помешали ему заметить, сколько прелестниц окружает его и какие выразительные у них улыбки. Днем он намеревался исследовать окрестности в поисках логова хищника, а ночью... На ночи он строил особые планы.

Глава пятая

Когда начало темнеть, Конан сам закрыл ворота и для надежности припер их изнутри увесистым бревном, которое едва доволло до места. Если медведь снова полезет к людям, ему придется изрядно попотеть, прежде чем ворота откроются. Но все предосторожности оказались напрасными. Ночь прошла спокойно, и киммериец пожалел, что провел ее в одиночестве. Впредь, решил для себя варвар, он будет умнее. В конце концов, еще ни одна женщина не вскружила ему голову настолько, чтобы он забыл об опасности. В крайнем случае, подождет немного. Он нисколько не сомневался, что одолеет хищника, и не очень-то доверял разговорам Горма об оборотне, даже несмотря на то что увиденное ими накануне было по меньшей мере странным.

В дом его утром не пустили, ибо там готовились к необычному обряду погребения, и мужчине нельзя было на него смотреть. Собственно, Конан и не собирался провести день под крышей. Он взял оружие, кое-какую еду и направился в лес. До самого вечера бродил он по чаще, заглядывая под каждый куст, внимательно осматривая каждую кочку, но так ничего нового и не обнаружил. Медведь словно сквозь землю провалился. Никаких следов.

Когда киммериец вернулся, обряд уже был закончен и даже короткая тризна, и та завершена. Его встретили радостно, ибо все решили, что своим спокойствием обязаны именно тому, что их охраняет могучий воин, которого ис-

пугался даже такой сильный и кровожадный зверь. Женщины, оставшиеся без мужчин, так и льнули к нему, и Конан вовсе не собирался отказываться от радостей, которые мог получить от истосковавшейся по ласке прелестницы.

С видом хозяина гарема он окинул взглядом окружающих его женщин, и одна из них показалась Конану наиболее привлекательной. Ее пышные золотистые волосы были распущены по плечам, а в серых больших глазах светилось такое сильное желание, что молодой воин не смог устоять. Он шагнул к женщине:

— Как тебя зовут?

— Гельдис.

— Не подашь ли ты мне ужин? И пива.

— Сейчас принесу, — ответила женщина и лукаво улыбнулась.

Когда она вернулась с блюдом, которое едва несла, настолько оно было заполнено всевозможной снедью, киммериец попросил ее:

— Останься. Посиди со мной. Мне предстоит долгая ночь. Одному скучно.

Гельдис звонко рассмеялась, прекрасно понимая, чего хочет от нее варвар, и мгновенно согласилась. Они довольно долго разговаривали, пока Конан насыщался, а потом женщина придвинулась к нему поближе и смело положила голову на мускулистую грудь киммерийца. Его словно обдало жаром, сильное желание перехватило горло и затуманило взор, и Конан прижал женщину к себе. Она высвободилась и шепнула:

— Не здесь. Пойдем.

Взяв его за руку, Гельдис направилась по темному коридору и остановилась перед какой-то дверью.

— Это моя комната, — пояснила она. — У меня был муж, и мы с ним жили здесь. Но он погиб. Я теперь одна.

— Была одна, — рассмеялся Конан и решительно толкнул дверь.

То ли медведь на самом деле не приходил и в эту ночь, то ли киммериец ничего не слышал, но до утра в доме было

тихо. Если бы хищник попытался сломать ворота, ему бы не поздоровилось. Конан провел такую восхитительную ночь, что превратил бы в лепешку любого, кто осмелился бы вырвать его из жарких объятий. Варвар чуть не захлебнулся в бурном потоке ласки, которую изливала на него Гельдис. Такой необыкновенной женщины ему еще не доводилось встречать, хотя любовному опыту Конана мог бы позавидовать любой сластолюбец.

День начался шумно и весело. Две ночи покоя и тишины заметно улучшили настроение обитателей и этого дома, и соседних. Все начали верить, что медведь больше не появится, что бросившиеся ему вслед охотники спугнули зверя, и он убрался в горы.

Конан снова весь день бродил по лесу, но опять не нашел ничего, что говорило бы о присутствии поблизости какого бы то ни было крупного хищника. Возвращался он радостный, предвкушая сытный ужин и еще одну ночь с Гельдис. Он торопился, чтобы поскорее увидеть ее, прижать к себе, поднять на руки и бережно уложить на мягкие пушистые волчьи шкуры.

Гельдис выбежала ему навстречу. В руках она держала пустую деревянную кадку.

— Иди в дом. Я сейчас наберу воды и вернусь.

— Подожду тебя у ворот. Я не устал сегодня. Копил силы для тебя, — улыбнулся Конан.

Гельдис вприпрыжку, словно маленькая девочка, бросилась к невысокому холму, под которым протекала узкая быстрая речушка, не замерзающая даже в сильные морозы. Киммериец смотрел ей вслед, и блаженная улыбка не покидала его лица. Вдруг тишину прорезал оглушительный вопль. Конан метнулся к холму, и перед ним открылась жуткая картина: огромный лохматый медведь сжимал Гельдис страшными когтистыми лапами. Она извивалась и кричала, а хищник, словно издеваясь над варваром, не спешил расправиться с ней. Стрелой зверя было не достать, и киммериец кинулся вниз, выхватывая на ходу охотничий нож. Когда до медведя оставалось пятнадцать-двадцать шагов, он резким движением правой лапы сломал шею своей жертве, швырнул ее в снег

и пустился наутек. Монстр убегал так стремительно, что ни один человек не сумел бы его догнать.

Конан опустился на колени перед Гельдис, взял в ладони ее лицо и повернул к себе. Женщина была мертва. Киммериец медленно поднялся, повернувшись к лесу, угрозил исчезнувшему хищнику кулаком и крикнул:

— Это была твоя последняя жертва! Больше ты не причинишь горя!

Всю ночь варвар не сомкнул глаз. Он оставил ворота открытыми и притаился за одной из створок, сжимая в руке свой верный меч. Несколько раз ночные тени обманывали его, и Конану казалось, что со стороны леса медленно движется огромная, чуть сутулая фигура. Он собирался, как зверь перед прыжком, готовясь нанести удар, но снова опускал клинок и пристально вглядывался в темноту. Он был напряжен так, что, казалось, слышит дыхание земли. Даже крохотная мышка не могла проскочить мимо. И все-таки хищник обманул его: утром обнаружилось, что пропал мальчик. Конан обошел поселение кругом и нашел в бревенчатом тыне дыру. Она была проделана так аккуратно, что у киммерийца холодок пробежал по спине: он вспомнил слова Горма об оборотне. Неужели старик прав?

Варвар не находил себе места, считая, что виноват в смерти ребенка. Почему он решил, что медведь непременно пойдет к воротам? Почему он сидел на месте и не сообразил, что нужно осмотреть тын и проверить, нет ли лазеек? Непростительная самоуверенность! Конан отправился в лес и бродил там до наступления темноты, но ни следов, ни тела мальчика так и не отыскал.

Низко опустив голову, согнув плечи под тяжестью обрушившихся на него напастей, возвращался киммериец в поселение. Там его уже поджидали пятнадцать воинов, которых Ньорд прислал ему на смену. Конан собрал их вокруг себя и долго, обстоятельно рассказывал о событиях последних дней. Это отняло у него остатки сил: работать мечом для варвара было гораздо легче, чем языком. Воины внимали ему, не сводя с Конана глаз, так как прекрасно понимали, что им предстоит решить нелегкую задачу.

Сон сморил киммерийца на полуслове, и он заснул прямо за столом, опустив на руки тяжелую голову с длинными спутанными волосами. Ему снилась Гельдис. Женщина протягивала к нему руки, звала, манила, но стоило Конану хоть немного приблизиться к ней, исчезала, таяла, как утренняя дымка. Затем он увидел веселого мальчика, прыгающего на одной ножке и хлопающего в ладоши. Ребенок приглашал его поиграть, звал в лес. Киммериец делал шаг ему навстречу, но очаровательная мордашка с розовыми щеками неожиданно вытягивалась, обрастала шерстью и превращалась в злобную морду зверя с оскаленной пастью. Души жертв оборотня зывали к нему, требовали отмщения.

Проснулся Конан в холодном поту, усталый и разбитый, словно не спал вовсе. Он позавтракал на скорую руку, снова собрал воинов и еще раз объяснил им, что нужно делать. Затем варвар поднялся, взял свое оружие и решительно направился к поселению Ньорда, не оглядываясь и стараясь ни о чем не думать. Ему хотелось поскорее добраться до цели и поговорить с Гормом. У старика превосходная память, он прожил длинную и трудную жизнь и наверняка, если постарается, вспомнит что-нибудь очень важное. Гнусная тварь должна быть уничтожена.

При всей своей безжалостности и нечувствительности Конан никогда не поднимал руку на женщин и детей, считая это недостойным человека. Слабый и беззащитный не может быть противником. А кровожадная гадина охотилась именно на них. И кем бы она ни была: человеком, оборотнем, зверем, — она не должна жить. И не будет. Конан остановился, поднял голову к голубому бездонному небу, воздел к нему руки и крикнул:

— Великий Кром! Отец наш всемогущий! Я клянусь уничтожить подлое чудовище, чего бы мне это ни стоило!

Он коснулся правой рукой сердца, затем рукоятки меча, потряхнул головой и быстро зашагал вперед.

Глава шестая

В середине дня Конан уже подходил к поселению Ньорда. Там царил ужасный переполох, дома, мастерские, казарма — все гудело, как растревоженный улей. Оказывается, не случайно нынешней ночью клан Вулфера спал спокойно: медведь побывал у Ньорда и утащил мальчика-подростка. Похоже, тварь задалась целью известить оба клана. На мужчин зверь не нападал, его жертвами становились только женщины и дети.

Ньорд встретил Конана на пороге:

— Ты его видел?

— Довольно близко, — нахмурился варвар. — Но пока бежал к нему, демон скрылся. Он бежит так, словно у него крылья за спиной.

— Как он выглядит?

— Очень большой. Пегий какой-то. Старый. Но ловкий и быстрый. И, кажется, соображает не хуже нас с тобой.

— Я ведь говорил, что это оборотень, — вмешался в разговор Горм. — Я беседовал со стариками. Они говорят, что оборотни никогда не уходят очень далеко от своего дома.

— Ты хочешь сказать, это кто-то из наших?! — вскипел Ньорд.

— Не горячись. Давай посидим, подумаем.

Они вошли в дом и сели за стол, мгновенно накрытый расторопными женщинами. Как по волшебству, появились и еда, и выпивка. Постепенно к мужчинам начали один за

другим присоединяться воины, и вскоре разговор стал общим.

— Я встречался уже с оборотнями, — задумчиво проговорил киммериец. — Это было давно, в Халогге. Но там люди обращались волками.

— Это ничего не значит, — отозвался Горм. — Они могут принимать любой облик, а суть у всех все равно одна: кровопийцы и людоеды. Днем он живет с тобой бок о бок, а ночью сожрет и не подавится.

— Еще как подавится! — воскликнул Конан. — Рано или поздно мы обломаем ему зубы.

— Лучше бы рано, — грустно улыбнулся Ньорд.

В разговор вмешался совсем юный воин, который жил прежде у самой границы с Гипербореей. В тех краях оборотни встречались довольно часто. Все они приходили с восточной стороны, из глухих лесов. Они отличались невероятной силой и жестокостью, а кроме того, были необычайно живучи. Убить такую тварь очень сложно. Но даже если и удастся сразить ее обычным оружием, она оживет. Против оборотней имеет силу лишь серебро. Оно-то и несет им настоящую смерть. И еще, после гибели чудовища возвращается его прежний вид, и только тогда можно узнать, кто это был. Сам юноша участвовал в одной охоте на оборотня. Тогда погибло несколько человек, но добить гадину все же удалось. Рассказчик вздрогнул, когда начал описывать, как сквозь звериный образ постепенно проступало человеческое лицо. Страшная картина возникла у него перед глазами так ясно, словно все это было вчера. Он даже замолчал.

— И кто это был? — спросил кто-то.

— Кто? — переспросил юноша, как будто только что проснулся. — Местный колдун. О нем ходила дурная молва, но никто и подумать не мог, что он оборотень.

— Колдун? — оживился вдруг Горм. — Колдун... — повторил он и задумался.

Все тоже затихло, но постепенно разговор возобновился. Вспоминали всякие страшные истории, не то вымышленные, не то настоящие, пытались придумать, как найти мед-

ведя и в какую ловушку его можно поймать, советовали женщинам, подносившим еду, не выходить из домов с наступлением темноты и никуда не отпускать от себя детей. Неожиданно Горм вскочил с места и, ударив себя ладонью по лбу, воскликнул:

— Зимурд!

— Что Зимурд? — удивился Ньорд.

— Зимурд, отец Браги.

— Да, кажется, его зовут именно так, — пожал плечами Ньорд. — Но при чем здесь он?

— Он колдун, — пояснил Горм. — При чем злой колдун. Разве ты забыл, как он наслал болезнь на твоих родителей? Ничто им не помогло. Наш врачеватель тогда сказал, что это очень сильное колдовство, черное. А засуха в прошлом году? Звери уходили из леса, ручьи пересохли, река обмелела так, что рыба погибла. Это тоже он. А теперь Вулфер погубил его сыновей и старшего внука. В клане Браги остались лишь малые дети да старики. И женщины, конечно, тоже, но ваниры не считают их людьми. Вот он и мстит. Сначала он ополчился на клан Вулфера, а потом, видя, что ты не оставишь их в беде, перебрался сюда. Он, наверное, думает, что если перебьет всех нас, то уж с нашими-то соседями расправиться ему не составит труда.

— Погоди, — остановил его Ньорд. — Если Зимурд — оборотень, то он уже давно бы проявил себя.

— А зачем?

— Как зачем? Еще наши деды враждовали между собой. Почему он не вязался в эту склоку раньше?

— А может, у него не было нужных знаний или навыков. Да мало ли почему? Не в этом дело. Подумай: он убивает только молодых женщин, которые могут рожать детей, и мальчиков. Стариков-то он не трогает!

— Но он пока не трогал и воинов, — возразил Конан. — А чтобы уничтожить клан или хотя бы поколебать его силу, надо лишить его взрослых мужчин.

— Не знаю, — пожал плечами Горм. — Может, он решил начать с тех, с кем ему легче справиться. Или с тех, кто наиболее беззаботен.

— Погоди, погоди, — снова заговорил киммериец. — Если ты так уверен, что это Зимурд, не проще ли будет отправиться в его поселение и разобраться с ним по-мужски, пока он не нацепил на себя медвежью шкуру?

— Нет, — покачал головой Ньорд. — Это невозможно. Наши кланы действительно враждуют уже очень много лет. Я даже не могу сказать, что послужило причиной ссоры. Но мы не нападаем на поселения друг друга. Таков неписанный закон. Женщины и дети не должны страдать. Война — занятие для мужчин.

— Не должны страдать? — вскричал Конан. — А что делает эта тварь? — Он витиевато выругался. — Не на женщин и детей ли охотится оборотень?

— Но мы же люди, — возразил Ньорд. — И биться с ним должны по-людски. А иначе чем мы лучше зверей?

Конан, который свято соблюдал своеобразный кодекс чести, принятый у варварских племен, не мог не согласиться с тем, что Ньорд прав. Но горячая кровь киммерийца кипела, ему необходимо было действовать, меч, казалось, сам просился в руку.

— Хорошо, — кивнул варвар. — Я согласен с тобой. Но если это и правда Зимурд, значит, он приходит из-за гор. Надо разослать людей по окрестностям, обшарить горы и найти его тропу. Устроим ему засаду и, как только он обратится в зверя, нападём и уничтожим.

— Все это было бы слишком просто, — задумчиво произнес Ньорд. — Вряд ли он ходит одной и той же тропой. Мы ведь пытались разыскать его следы. Как ты помнишь, ничего не получилось. Тут нужно придумать что-нибудь другое.

И хотя опыта поединков с оборотнями, кроме юноши, который уже рассказал свою историю, ни у кого не было, всевозможных задумок оказалось с избытком. Кто предлагал устроить сложную сеть ловушек по всему лесу, кому пришло в голову создать оцепление вдоль гор, граничащих с Ванахеймом, кто-то даже решил, что надо пойти к Зимурду и напрямик спросить, чего тот хочет, а затем вызвать его на поединок, а одному воину пришла в голову и вовсе

нелепая идея: он настаивал на том, чтобы выбрать самых привлекательных девушек и сильных мальчиков и выпустить несчастных в лес в качестве приманки. Так, уверял он всех, клан в крайнем случае потеряет одну-двух женщин, а что получится, если никто с ним не согласится, еще неизвестно. Если бы кто-нибудь воспринял его предложение всерьез, ему бы не поздоровилось, но его просто подняли на смех.

В конце концов, так ничего дельного и не придумав, решили разойтись, выспаться и снова собраться утром, чтобы обдумать, как быть дальше. Дозор все-таки выставили. Два воина затаились у ворот, и еще десять человек до полуночи ходили вдоль тына. В полночь их сменили другие. Оборотень оказался умнее всех: он попросту не пришел. Никто не знал, отправился ли он к клану Вулфера или же спал дома, но каждый в душе тихо радовался, что главная стычка отложилась на неопределенное время. И вовсе не потому радовались, что в дружине Ньорда были трусы. Нет, все как на подбор отличались отвагой и умели обращаться с оружием, но они привыкли иметь дело с иным противником. А все неизвестное всегда вызывает боязнь.

С утра специально подобранный отряд отправился на поиски следов зверя, а Горм пошел к кузнецам, чтобы те изготовили серебряное оружие. Все понимали, что оно может пригодиться, но старый добрый стальной меч вызывал все же больше доверия. Магия не была в чести ни в Асгарде, ни в Киммерии, и потому ко всякого рода колдовским штучкам тут всегда относились скептически.

Зверь появился, как только стемнело. Но он даже не попытался проникнуть в поселение. Огромный косматый медведь вышел из глубины леса и замер, словно хотел, чтобы все полюбовались на него. Он действительно ходил на задних лапах, а передние поднял над головой, как будто грозил людям или насылал на них проклятие. Конан выхватил меч и бросился навстречу монстру, вслед за ним помчался Ньорд. Но хищник лишь презрительно фыркнул и мгновенно скрылся в чаще. Догнать его не удалось никому.

— Похоже, оборотень решил открыто объявить нам войну, — задумчиво проговорил Ньорд. — Даже, наверное, не нам, а мне. Тебя-то он знать не знает.

— Ну и что? — возмутился Конан. — У меня с ним свои счета.

— Счета счетами, а враждуют-то наши кланы. К моему поселению он пришел. Значит, мне и выходить с ним один на один, — решил Ньорд. — Все вместе мы ничего не добьемся. Он будет прятаться и действовать исподтишка. Так его не поймать. Раз он пришел за мной, я приму вызов.

Глава седьмая

Все попытки Конана убедить Ньорда, что тот не справится с оборотнем в одиночку, ни к чему не привели. Упрямый асир настаивал на своем. Для него, как и для всех северян, кодекс чести был превыше всего. Неписанный закон гласил: жизнь за жизнь. Зверь погубил нескольких человек и из клана Вулфера, и из клана Ньорда, а значит, асир не мог не выйти на поединок. Напрасно киммериец внушал ему, что законы распространяются только на людей, а оборотни — это совсем другое дело.

— Будь это обычный человек, — уверял варвар Ньорда, — я бы и слова не сказал. Но ведь он хищник, чудовище, порождение демонов. Если уж на то пошло, любой из нас вправе сразиться с демоном. Это касается не только тебя.

— Это не демон, — возражал асир. — Это колдун. При чем из рода, с которым враждует мой род. И он приходил за мной. Ты сам видел.

— Он приходил к твоему дому. Но за тобой или за кем-то другим... — пожал плечами Конан. — А может, за мной? Я ведь поклялся отомстить ему.

— Ты все равно не убедишь меня. Я пойду один.

— погоди, — остановил Ньорда киммериец. — Я ведь не предлагаю тебе созвать дружину. Возьми с собой меня.

В конце концов все эти разговоры привели только к тому, что Ньорд расщипал. Он больше не пожелал гово-

рить на эту тему и, что было совсем не в его характере, напомнил Конану:

— Ты мой гость. А хозяин тут я. Никто не может указывать вождю, что ему делать.

Конан побагровел от ярости, но сдержал свой гнев, ибо Ньорд был совершенно прав. Сам киммериец никогда не позволил бы никому держать его за руку, когда эта рука уже легла на рукоять меча. У них было много общего, у пожилого асира и совсем еще молодого киммерийца, и может, поэтому они прекрасно понимали друг друга. Но не родился еще тот человек, который мог бы переупрямить варвара. Если нельзя действовать прямо, он шел в обход, повинаясь диким инстинктам, которые были настолько в нем сильны, что жизнь в цивилизованных странах никак не повлияла на них. Он перестал спорить, но для себя решил, что все равно отправится вслед за Ньордом, но так, чтобы асир ни о чем не догадался.

Прошло несколько дней, а хищник не появлялся. Между двумя поселениями была налажена устойчивая связь. Шустрые гонцы встречались в условленном месте и обменивались новостями, так что все знали, что происходит в обоих кланах. Оборотень затаился и чего-то выжидал. Ньорд надеялся получить от него какой-нибудь знак, чтобы тут же отправиться в путь, и сосредоточенно готовился к поединку.

Умелые мастера, которых у него было предостаточно, изготовили замечательные доспехи, казавшиеся непробиваемыми. Кузнецы долго ковали медь, пока она не стала жесткой. Затем из нее сделали две прочные пластины, плотно прилегающие к спине и груди. Застежки, соединяющие их, имели сложный замок, который не могли повредить ни сильные удары, ни резкие движения. На толстых кольцах к этим пластинам крепились другие — защищающие руки. На плече и предплечье они были жесткими, а на локтях — чешуйчатыми, гибкими. Чешуйчатые же перчатки не мешали держать оружие и при этом надежно укрывали кисть. Головной убор мастера собрали из мелких колечек, соединенных вместе в несколько слоев. На него надевался прочный шлем.

Когда доспехи были готовы и Ньорд примерил их, посмотреть на диковинку собралась вся дружина. Такого они еще не видели. Задумка принадлежала старейшему кузнецу, который в молодости много путешествовал и потому знал уйму секретов разных мастеров. Ему давно хотелось сделать что-нибудь необычное, и наконец-то он осуществил свою мечту. Он подробно объяснял вождю, как пользоваться его изделием, и сиял от гордости и счастья, купаясь в потоке похвал, сыпавшихся со всех сторон.

Другой мастер поднес Ньорду массивный серебряный кинжал с простой, но очень удобной рукоятью и копье с острым тяжелым наконечником, сделанным тоже из серебра. Асир взвесил на руке оружие и выбрал кинжал.

— Копье я не возьму, — сказал он. — Для леса оно непригодно. Слишком много препятствий. А мне надо действовать наверняка. Но все равно спасибо. Хорошее оружие. Жаль, металл никчемный.

Теперь Ньорд был полностью готов к бою. Конан тоже осмотрел его доспехи и одобрил их. Однако киммериец считал, что они хороши для войны, а на поединок один на один предпочитал выходить налегке, чтобы ничто не мешало движениям. По своему огромному опыту он знал, что часто ловкость бывает нужнее, чем сила и умение обращаться с оружием. Его не раз спасали звериная гибкость, чутье и умение вовремя увернуться. И из оружия он скорее бы выбрал копье, а не кинжал. Но варвар не сказал ни слова Ньорду. Пусть поступает так, как считает нужным. Он опытный, сильный, мужественный, умелый воин и сам знает, что ему делать.

Медленно тянулись дни. Самым ужасным для Ньорда, да и для Конана, было то, что ничего не происходило. Затянувшееся ожидание изнуряло, отнимало силы, мучило. Оборотень как сквозь землю провалился. Несколько раз киммериец уходил в лес на целый день, пытаясь разыскать хотя бы старые следы, но ничего не находил и возвращался с наступлением темноты мрачный и злой. Наконец однажды утром Ньорд сказал ему:

— Мне сегодня приснился сон, в котором медведь вызвал меня на бой. Премерзкий гад. Клочкастый какой-то,

глазки злые, клыки желтые, наполовину сточенные, покрытые смрадной пеной. А когти длинные, острые, и с них капала кровь.

— Дурной сон, — нахмурился Конан. — Последний раз прошу тебя: возьми меня с собой.

— Нет, — отрезал асир. — И не будем больше к этому возвращаться. Сегодня в лес пойду я. Чувствую, он ждет. Пора.

Ньорд надел доспехи, взял кинжал, прикрепил к ногам лыжи и отправился в чащу. Выйдя за ворота он обернулся:

— Выше голову! Вечером устроим пир. Я принесу его шкуру.

— Не нравится мне что-то, — покачал головой старый Горм. — Уберег бы он свою шкуру, а с оборотня ее не снимешь.

— Не беспокойся, старик, — положил варвар ему на плечо руку. — Я иду за ним. Чуть позже, чтобы он не увидел меня.

— Возьми копье, — светло улыбнулся Горм. — Я верю в тебя.

Конан отправился в оружейную, примерил к руке копье, немного укоротил древко, а затем, прихватив с собой лыжи и, на всякий случай, свой верный меч, поспешил за Ньордом.

День выдался ясным и солнечным. На чистом искрящемся снегу четко выделялась лыжня, лыжи скользили плавно и бесшумно, и настроение киммерийца улучшалось с каждым шагом. Он нисколько не сомневался, что все закончится благополучно. Его беспокоил лишь Ньорд. Асир настолько уверовал, что кровожадный хищник — оборотень, что думал о нем как о человеке и бой представлял себе с воином, а не со зверем. Конан же ни на миг не забывал, что зверь есть зверь и, бьется под его шкурой сердце человека или медведя, вести себя он будет не по-людски, а значит, поединок предстоит непростой.

За размышлениями он не заметил, как погода постепенно начала портиться. Голубое небо затянули тучи, ветер из легкого и свежего превратился в холодный, пронизываю-

щий до самых костей, а чуть позже из туч, повисших, казалось, над самой головой, потихоньку начал падать снег. Ветер гудел все громче и громче, снежинки увеличились в несколько раз и повалили так густо, что Конан не видел ничего дальше вытянутой руки. Лыжня, оставленная Ньордом, скрылась в сплошной пелене. Какое-то время киммериец еще представлял, где он находится, но вскоре окончательно сбился со следа и остановился.

Очередной порыв ветра ударил в широкую грудь Конана с такой силой, что тот едва сумел ухватиться за ствол стоявшего рядом дерева, чтобы не упасть. На мгновение у варвара мелькнула мысль, что сам Имир, Ледяной Гигант, ополчился против него, но быстро исчезла, ибо киммерийцу приходилось думать, как выстоять в этом снежном кошмаре. Снег залепил глаза, забился в нос, уши, рот. В какую бы сторону ни повернулся Конан, ветер бил ему в лицо.

Неожиданно падающий с небес снег уплотнился и из него сложилась фигура высокого, немного сутулого старика с длинной бородой. Снежный старик пристально посмотрел на варвара, погрозил ему кулаком, громко расхохотался и исчез, рассыпавшись на мириады блестящих снежинок. Ветер завыл с новой силой, стараясь сбить киммерийца с ног, и тот понял, что внезапно начавшаяся буря — дело рук колдуна.

Ярость захлестнула Конана, и ему даже стало жарко. Он поднял над головой копье, словно факел, и закричал что есть мочи:

— Я не боюсь тебя, дряхлая развалина! Можешь бесить сколько угодно! Больше ты не будешь поганить этот мир своим смрадным дыханием! Я найду тебя и уничтожу!

И — о чудо! — буря утихла, как будто никогда и не начиналась. Тучи рассеялись, ветер опять стал легким и свежим, выглянуло солнце, словно сам светозарный Митра решил взглянуть на отважного воина.

Варвар посмотрел по сторонам, пытаясь определить, куда забрался в этой неразберихе. Тщетно. Он даже представить не мог, куда его занесло. Конан прислушался, но вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как падают с веток

крохотные снежные комочки. Тогда варвар решил идти вперед, полагаясь только на свое почти звериное чутье, которое уже не раз выручало его.

Лыжи слегка утопали в рыхлом снегу, но идти было легко, и киммериец спешил куда-то вдаль, изредка останавливаясь, а затем поворачивая то вправо, то влево. Почему именно туда, он не знал, но нисколько не сомневался, что идет правильно.

Он шел довольно долго, ибо буря основательно сбила его с пути и укрыла все следы. Но вот он остановился в очередной раз, и до его ушей донесся отдаленный, едва различимый крик, столь слабый, что, не обладая Конан необыкновенно чутким слухом, он ничего не услышал бы. Киммериец со всех ног бросился туда, и довольно скоро перед ним открылась небольшая поляна, лежавшая почти у подножия гор.

На поляне шла ожесточенная борьба огромного медведя и человека, и, судя по тому, что увидел Конан, человек эту битву проигрывал. Оба запыхались, из многочисленных ран струилась кровь, но если силы Ньорда явно были на исходе, то оборотень и не собирался сдаваться. Он оглушительно ревел и пытался поймать противника, чтобы переломить ему хребет. Ньорд отпрыгнул в сторону и, с трудом шевеля рукой в изодранных в клочья доспехах из жесткой меди, выхватил серебряный кинжал, лезвие которого блеснуло в солнечных лучах. Медведь отшатнулся, прикрыв глаза лапой, и Ньорд стремительно бросился на него. Однако праздновать победу было рано. Зверь изо всех сил ударил мощной лапой по руке асира, и кинжал, описав в воздухе дугу, вонзился в снег, довольно плотно утрамбованный за время поединка. Хищник снова зарычал и одним прыжком настиг Ньорда. Не успел тот опомниться, как тяжелая туша накрыла его, когтистая лапа потянулась к горлу.

Конан размахнулся и, почти не целясь, изо всех сил метнул в монстра копье. Сверкнув холодной молнией, оно пересекло поляну и глубоко вошло зверю под лопатку. Он дернулся, и из открытой пасти потоком хлынула кровь, так что Ньорд чуть не захлебнулся ею. Киммериец подбежал к

другу, сильным рывком скинул с него зверя, затем обернулся, выдернул кинжал из снега и перерезал медведю горло. Только после этого он посмотрел на асира:

— С тобой все в порядке?

— Ты был прав,— едва переводя дыхание, ответил Ньорд.— Я бы с ним не справился.

— Не надо об этом,— нахмурился Конан и вдруг воскликнул, указывая рукой на хищника: — Смотри!

То, что происходило у них на глазах, могло привидеться разве что в самом страшном сне. Зверь лежал на спине, запрокинув голову. Неожиданно по его телу пробежала дрожь, и сквозь жуткий звериный облик начала проступать фигура человека. Прошло всего несколько мгновений, и перед изумленными друзьями возник труп старого ванира с седой всклокоченной бородой. Мертвое лицо искажала гримаса ненависти.

— Так вот ты какой,— тихо проговорил Ньорд.— Но теперь все кончено. Больше ты не причинишь зла.

— Кончено?! — взвился Конан.— Старая змея сдохла, но гадючник-то цел и невредим. Надо отправиться в Ванахейм и вырезать весь этот клан. Зло надо уничтожать с корнем.

— Опомнись, Конан,— возразил Ньорд.— Там остались лишь женщины и дети.

— Дети вырастут,— настаивал киммериец.

— Вот тогда и встретимся с ними. В честном бою.

Конан глубоко вздохнул, понимая, что асир прав, и стараясь унять свою горячую кровь, которая снова ударила ему в голову. Он помолчал, глядя на поверженного врага, вздохнул еще раз и протянул Ньорду руку:

— Вставай. Нас ждали дома. Ты обещал устроить пир, помнишь? Ох и напьюсь же я сегодня!

Ньорд засмеялся, медленно поднялся на ноги, оперся о плечо друга, и они неторопливо побрели домой.

Громадный кулак в кольчужной рукавице обрушился на сосновые клепки. Из отверстия хлынул деготь, следом за ним на палубу драккара полетел и сам искалеченный бочонок. Та же судьба постигла еще нескольких. По черной блестящей луже разбежались радужные сполохи, а затем в нее окунулся горящий факел.

Только сейчас Конан понял, для чего предназначались эти бочонки, привезенные из самого Ванахейма. Понял и внутренне содрогнулся.

— Корабля у нас больше нет,— угрюмо и торжественно пробасил великан, исподлобья окидывая свирепым взором свое маленькое войско, которое выстроилось на берегу возле пылающей ладьи. Справа и слева от него, сомкнув узловатые пальцы на гладких рукоятках сверкающих боевых топоров, застыло около дюжины его верных родичей, похожих на замшелые утесы ванахеймских фьордов.

— А значит,— заключил Хорг,— ни один из вас, мои доблестные родичи и отважные воины из иных родов, племен и стран, в бою не решится показать врагу спину. Мы на острове, и путь к спасению лишь один — через победу.

Дружина зароптала, но никто не осмелился выкрикнуть упрек в лицо вожаку.

— Совсем свихнулся человек,— тихо проговорил Конан.— Он привел сюда всего сорок шесть рубак, и один Кром знает, сколько латников подстерегает нас на стенах этой цитадели. Мы все здесь и поляжем.

— Поляжем, если будет на то воля Имира,— процедил сквозь зубы гандер в залатанной кольчуге, надетой прямо на голое волосатое тело; под мышкой он держал рогатый

шлем,— но если останемся в живых, я Хоргу не позави-
дую.

Угрюмый исполин, по-видимому, обладал феноменальным слухом. Он надолго задержал недружелюбный взгляд на Конане, а потом посмотрел на его соседа. И Конан заметил краем глаза, как гандер, носивший на теле следы многих жестоких битв, невольно поежился под этим взором.

— Скоро, северные волки,— адменно проговорил Хорг,— вам будет позволено утолить праведный гнев. Хоть на куски меня разорвите, ежели кто-нибудь из вас доживет до завтра. Или если я доживу. Но сегодня вы не посмеете послушаться меня, вашего вождя. Потому что только я знаю врага, с которым нам придется иметь дело.

Снова — ропот. Лишь родичи Хорга молчали и настороженно зыркали исподлобья, готовые в любой момент своими телами и сталью заслонить вожака. Они были в сговоре с ним; они знали, на что шли.

— Я привел вас сюда обманом,— сказал Хорг дружине.— Вы до последнего мига верили, что вместе с объединенным флотом ванахеймских племен идете грабить богатые и слабо защищенные зингарские поселения. А вместо этого оказались на острове, перед мощной крепостью, где засел старинный и заклятый враг моего рода. Сегодня ночью я отослал кормчего спать и сам встал к рулю. И наш драккар не повернул вместе с остальными ладьями на восток, а пошел мимо Зингары к Барахским островам. И теперь под ногами у нас земля проклятого Эгьера. Считается, что остров принадлежит зингарской короне, но барон Эгьерский терпеть не может, когда ему об этом напоминают.

Близился рассвет, но и без лучей солнца на берегу было светло, как днем. Одна за другой лопались тали, канаты корчились, точно брошенные в огонь змеи. Ключья горячей парусины падали, крутясь, в море, иные долетали до Хорга и его маленького войска. Вот занялась пламенем большая ивовая корзина на топе мачты — укрытие лучника в бою — и развалилась в считанные мгновения.

— Все харчи сгорят,— посетовал гандер рядом с Конаном.— Иди теперь в драку не жвавши...

— Там! — рявкнул вожак, простирая могучую длань в сторону темного зубчатого силуэта.— Там, волки, вы скоро наедитесь сырого мяса и напьетесь эгьерской крови. Либо шелудивые псы, которые прячутся за этими стенами, полакомятся нашей требухой. Они ненавидят мой род и в плен никого не возьмут. Полвека назад на этом острове погиб мой дед, а в позапрошлом году мой младший брат вернулся отсюда с гниющей раной на бедре и не протянул даже двух месяцев. И вот настал день мести! Я верю в победу, герои! Верьте и вы! Там,— снова рука поднялась в сторону крепости,— нас ждут люди, которые только с виду похожи на мужчин. Они давным-давно не казали носу из своей цитадели, они забыли, что такое честная драка. Эти псы настолько уверовали в свою безопасность, что от скуки вцепились друг другу в глотки. Барон Эгьерский, за неимением других развлечений, обзавелся привычкой жарить подданных на кострах. Его народ запуган, многие, чтобы сберечь свою шкуру, бежали с острова. Поглядим, захотят ли остальные ради него подставить черепа под наши топоры. За мной, кровожадные акулы северных морей! И да примут Серые Равнины павших, и да будет выжившим дарована победа!

Он поднял огромный двуручный меч, ткнулся усами в испещренную рунами сталь и, гордо вскинув голову, широким шагом двинулся к крепости. Взмахивая на плечи секиры, следом затопали его коренастые родичи. А за ними гурьбой побрели ватажники, бормоча ругательства и даже не помышляя о построении в боевые порядки.

* * *

Громадная нога в сапоге из тюленьей кожи наступила на лицо поверженного врага. Раненый захрипел и умолк — силач Хорг одним легким нажатием на рукоять меча отделил ему голову от тела. Наклонившись и подняв за длинные волосы свой кровавый трофей, Хорг поглядел в мертвое лицо с приплюснутым носом, выдающимися надбровными дугами, широкими скулами, глубоко посаженными глазами и массивным, но сильно скошенным подбородком. И заключил:

— Пикты. Наемники.

Впервые Конан увидел ухмылку на физиономии этого мрачного воина. Вокруг гомонила ободренная первой — и легкой — победой дружина. Убитых и раненых ватажников можно было сосчитать по пальцам. Собственно говоря, погибли самые слабые и малоопытные из новичков, те, кого ваны, жившие исключительно разбоем и ратной службой, называли «тонконогими». Сокрушаться об их гибели было не принято. Лег костями в первом же бою — значит, судьба не сложилась.

Пиктов полегло гораздо больше, чем ватажников, остальные вместе со своими командирами из эгьерцев рассеялись по острову и возвращаться, чтобы вновь помериться силами с пришельцами, явно не собирались.

— Что я вам говорил? — Хорг отшвырнул голову и вытер о кожаную штанину окровавленные пальцы. — Деспот не надеется на своих людей, он бросил против нас диких пиктов. Они, конечно, вояки смелые, но где им тягаться с настоящими бойцами! А когда здесь был мой брат, он не успел даже высадиться из струга. Старый барон Эгьерский ударил тяжелой пехотой, потом выдвинул лучников, а когда из ворот повалила конница в стальных доспехах, брат приказал грести от берега. Он потерял больше половины дружины, даже не подступив к цитадели! Где они, эти лучники, где бесстрашные пехотинцы, где грозные всадники? Готов побиться об заклад, они казнены или мыкаются на чужбине.

Словно в опровержение его слов, крепость разомкнула бронзовые челюсти ворот и исторгла колонну всадников. Они прогремели копытами по булыжной мостовой и развернулись веером перед строем ванов, киммерийцев, асов, боссонцев — разношерстной дружиной Хорга.

— Их не больше сотни! — ободряюще крикнул великан своему вмиг приунывшему войску. — И это все, что осталось у барона за душой.

Конан не разделял его оптимизма. Ворота затворились, едва выпустили конницу, а значит, даже при успешном исходе сражения ватаге, то бишь ее жалким остаткам, еще предстоит штурм высоких стен. Нет, этот Хорг — настоя-

щий берсеркер, из тех, что жрут ядовитые грибы перед битвой. Или то жгучая жажда мести обварила ему мозги.

«У него свои счеты к барону, — сказал себе Конан, — но мы-то здесь при чем? Почему я должен гибнуть по прихоти какого-то безумца, к тому же вана?»

Ваны были исконными недругами киммерийцев. Не раз доводилось Конану мериться силой с соплеменниками Хорга. Еще не потускнели в его памяти кровавые пятна на слепащей снежной белизне, еще звенел в ушах надменный смех дочери Имира... В той войне его род победил, но только чудом душа Конана не досталась богам ледяных пустынь. И вот судьба вновь свела его с гордыми и стойкими северянами, однако на сей раз он сражается на их стороне.

Его заманили сюда обманом. Что плохого сделал Конану барон Эгьерский, ради чего он должен сражаться с этими всадниками и погибнуть? Ради чести воина? Но о какой чести может идти речь, если его самого только что предали те, кого он считал своими товарищами по оружию? Конан не почувствовал, как его пальцы с хрустом суставов сжали рукоять меча. «Мерзавец! — подумал он, глядя на Хорга. — Пригнал нас на убой, как скотину!»

Хорг резко обернулся к нему, и Конан запоздало сообщил, что произнес эти слова вовсе не про себя и даже не шепотом.

— Киммериец, не время чесать язык, — прорычал исполин. — Вот будем в этих стенах, тогда и поговорим по душам. У тебя нет выбора, храбрец. Я знаю твою породу, ты настоящий воин и раб чести. Ты не бросишь в бою своего командира, даже если он плюнет тебе в лицо. Но зато после драки обязательно захочешь пустить ему кровь. — Хорг криво улыбнулся Конану и подмигнул.

«Он прав, — подумал киммериец. — Коней на переправе не меняют».

— Ошибаешься, Хорг, — с изумлением услышал он собственный голос. — Я пущу тебе кровь сейчас.

Не веря своим глазам, он смотрел, как его правая рука поднимает меч. На огромном усатом лице Хорга появилась глубокая досада. Он не любил, когда рупились его планы.

— А, продажная душонка! — воскликнул он, указывая на Конана. — Скорее убейте мерзавца! Если эгьерцы решат, что среди нас есть трусы — они осмелеют. И тогда нам точно несдобровать.

К удивлению Конана, на него бросились не родичи великана, а воин, который сокрушался о сгоревшей вместе с драккаром еде, и двое асов. Вероятно, логика Хорга их убедила. В тот же миг ринулась в атаку и эгьерская конница. Конан сражался, как в бреду, что-то кричал, уворачивался, нападал, отступал. Вздыхался и опускался меч, мелькали перекошенные яростью бородатые лица, разлеталось лязганье оружия о рогатые шлемы, брызгала кровь. Конан ловко отразил удар и наотмашь рубанул по ногам противника. Опытный и ловкий ван подпрыгнул, но недостаточно высоко. С разрубленной стопой он повалился навзничь, но уже не киммериец, а красивый эгирский всадник отправил его душу на Серые Равнины. Но всадника длинным, как оглобля, мечом снес с седла Хорг.

Батажникам, напавшим на Конана, было уже не до него. Он оказался в кольце всадников с копьями, но больше никто не пытался его убить. Внезапно кольцо разомкнулось, и Конан увидел перед собой Хорга. Исполин его тоже заметил и с яростным ревом бросился в атаку, а Конан, надсаживая горло и легкие, понесся навстречу. Только ненависть, утроившая силу мышц, помогла киммерийцу выдержать град чудовищных ударов. Под тяжелым рунным клинком смялся наплечник, в плече Конана вспыхнула боль — не сломана ли ключица? Но на лбу Хорга уже пролегла длинная рана, кровь заливала ему глаза, и каждый удар страшного меча приходился в пустоту.

И вот — роковой выпад. Точный и молниеносный, как укус змеи, знающей, что второго шанса враг ей не даст. Великан охнул и повалился на колени.

— Мой дед, — произнес он слабым голосом, — и младший брат. А теперь и я... Но в моем роду еще есть мужчины. Они придут... и воздастся проклятой земле...

Он стал клониться вперед и ткнулся лицом в сапог Конана. Киммериец отступил от мертвеца и огляделся.

Северяне, потеряв вожака, обратилась в бегство, всадники настигали и убивали их одного за другим. И по-прежнему никто из эгьерцев не пытался напасть на Конана.

Их командир сделал жест ординарцу, тот спешил и подвел к Конану скакуна. Едва киммериец, на чьем лице отражались недоумение и горечь, взялся за повод, у него подкосились ноги, перед глазами расплылись темные пятна. Вороной заржал, и Конан, висая на поводу, сообразил, что причиняет ему боль. Ему едва хватило сил отпустить повод, а затем поле битвы утонуло во мраке.

* * *

Его обнимали. Его качали. Его осыпали цветами. Защитники острова поздравляли Конана и друг друга с победой.

Вместе с толпой горожан рослый киммериец шагал по мощенной булыжником главной улице города. Едва он оказался за воротами, острый глаз воина отметил полное отсутствие резерва. Только на стенах маячили редкие лучники. Да, барон бросил в бой с северянами все свои скудные силы. И не перейди Конан в решающий момент на сторону эгьерцев, у Хорга был бы шанс победить.

Но теперь Хорг — добыча воронья на чужой земле. Впрочем, никакой другой смерти он, наверное, и не желал себе. Скоро великан будет пировать с богами на Серых Равнинах, внимать сагам, сложенным в его честь скальдами, и, быть может, простит предателя Конана, который сам не ведал, что творил...

Проклятые колдуны! В этом мире все зло — от них. Киммериец скрипнул зубами, озирая ликующую толпу, пытаясь узнать в ней того, кто же навел чары, принудившие его к измене.

А потом он сказал себе, что наемнику, по большому счету, все равно, на чьей стороне воевать. Похоже, на этом острове его считают героем. Возможно, здесь его ждут почести и слава, а это не так уж и плохо.

Зазвучали фанфары, и вмиг затихла толпа. Потом замолкли и трубы. В мертвой тишине к Конану приблизилась группа нарядных всадников.

— Я первый сановник барона Эгьерского,— представился худощавый узколицый старик в темно-синем плаще.

Кратко поблагодарив Конана за «содействие», он сообщил, что почетному гостю на завтра назначена аудиенция у барона. Кавалькада повернула и скрылась из виду, а воины из городской стражи повели Конана к лучшему постоялому двору.

По пути Конан с любопытством всматривался в лица жителей. Они были похожи на зингарцев, но по многим чертам угадывалась примесь пиктской крови. Горожане смеялись и улыбались, но лишь когда на них падал его взгляд. Стоило отвернуться, и улыбки точно ветром сдувало, возвращалась мрачная озабоченность. От такого контраста у Конана мороз шел по коже. Но на своем недолгом веку он повидал немало племен и народов, и все они были непохожи один на другой. Возможно, тут нечему удивляться...

А потом он увидел виселицы. Длинные шеренги нехитрых, но грозных деревянных сооружений пообочь улицы. До самого дворца.

— Что-то их тут многовато,— произнес он, указывая на виселицы стражникам. Те переглянулись и не ответили, но один из них, как показалось Конану, испуганно втянул голову в плечи.

Они свернули в переулок. Вот и постоянный двор. Не бог весть что, но Конан знал и похуже. Видно, городок этот не из самых богатых,— вот почему, наверное, Хорг так и не сумел привести на этот остров всю эскадру морских разбойников. Они предпочли искать поживу на берегу Зингары.

Владелец подворья тоже не поддался на расспросы Конана.

Стражники ушли, Конан воздал по заслугам свежеприготовленной пище и весьма недурному вину, а затем поднялся к себе в комнату, упал на скрипучую деревянную кровать и решил поспать. Но сон не шел. Обуревали мысли о только что произошедшем. Об измене. О гибели тех, кто считал его своим товарищем. Конан твердо знал: будь он в здравом уме и твердой памяти, он бы никогда так не поступил. Не повернул бы меч против своих.

А значит, он был прав и в том бою не обошлось без магии...

Дверь открылась. В проеме стояла скромно одетая, но удивительно красивая молодая женщина.

«Награда для героя»,— подумал Конан, и его губы дрогнули в невеселой ухмылке. Он жестом предложил гостье войти.

Разговор завязался легко. Красавица держалась свободно, очень скоро она оказалась у Конана на коленях и, обнимая за шею, поведала свою нехитрую историю. Вот уже пять лет она — вдова солдата. У нее было много мужчин, но никогда она не встречала такого храбреца, как Конан. Она наблюдала за сражением с крепостной стены и полжизни бы отдала за еще одно подобное зрелище. А то в городишке такая скучная, пресная жизнь...

— А тем, для кого предназначены виселицы, она тоже кажется скучной и пресной? — поинтересовался Конан.

Вместо ответа красавица одарила его долгим и умелым поцелуем.

— На завтра,— произнес он, лаская ей грудь,— я приглашен к барону. Ты не расскажешь, что он из себя представляет? А то как бы мне впросак не попасть.

Гостья часто задышала, потом с тихим стоном выгнулась в его руках. И ответила не раньше, чем прошел спазм наслаждения.

— Он здесь недавно. Приплыл из Кордавы, столицы метрополии. Он — опальный родственник зингарского короля. Должно быть, в печенках засел у своей августейшей родни, вот его и спровадили сюда, в эту никчемную крепость на краю цивилизованного света,— пускай, мол, тут вволю нянчится со своими причудами и независимым нравом. До недавнего времени в Эгьере правил добрый старичок, его все любили. Хозяин он был никудышный, зато хорошо знал ратное искусство и вдребезги разбил бандитов-ванов, за это они поклялись ему отомстить. Новый же барон умеет воевать только с колдунами. Едва поселился во дворце, учинил охоту на ведьм и очень в этом преуспел. Теперь мы следим друг за другом, играем в веселую и увлекательную игру «донеси первым», и

каждый день перед дворцом казнят двух-трех бедолаг. Все бы ничего, да вот только население сокращается... и вообще мельчает народ. Шуточное ли дело — каждый день трястись за свою шкуру, ждать, когда тебя обвинят в чародействе?

Гостя говорила бодрым тоном и улыбалась, но Конан понимал, что ей не до веселья. Он стал целовать ее в шею, уже не боясь, что она замолчит. Она не отвечала на ласки. Только рассказывала:

— Сначала ведьм и колдунов прилюдно сжигали, а потом стали попросту вешать — их оказалось слишком много. Теперь здесь никто никому не верит, много людей сбежало с острова, а остальные влачат полуголодное существование. К нам перестали ходить торговые суда после того, как одного мессантийского шкипера изобличили в колдовстве и вздернули. А у него только и было что пару странных корабельных приборов! У нас был один-единственный астролог, но позавчера казнили и его. Барон углядел в его ремесле намек на колдовство. Что уж тут говорить о знахарях и гадалках... Их переловили в первые же дни.

— А почему не боишься ты? — спросил киммериец.

— С чего ты взял, что я не боюсь? — Изыщные руки, знающие толк в любовном искусстве, обвили широкие плечи Конана, и ему стало не до расспросов.

* * *

День перешел в вечер, а вечер в ночь. А когда поутру Конан проснулся, женщины, которая подарила ему упоительные мгновения, в комнате не оказалось. Он спохватился, что даже не узнал ее имени.

Киммериец умылся, оделся, спустился в трапезную, поел и отправился на аудиенцию.

Снаружи дворец казался хмурым, стражники смотрели на чужестранца негостеприимно. Но приняли его с подчеркнутой вежливостью и провели в церемониальный зал. На роскошном позолоченном кресле, очень и очень напоминающем трон, восседал барон в песцовой мантии, в ногах у него, прямо на мраморном полу, примостился на корточках шут.

Прекрасное настроение барона (показное или искреннее — определить было невозможно) диссонировало с мрачностью окружения. Он дружелюбно встретил Конана, усадил в мягкое кресло, велел слугам подать вина и фруктов и засыпал вопросами.

В его тоне, в каждом его движении сквозило радушие. И гостю он сразу пришелся по душе. Отчасти потому, быть может, что внешне был похож на Конана — такой же высокий, широкоплечий, с длинными черными волосами, вот только глаза у него были не синие, а карие с янтарным отливом.

Шут прижимался спиной к ножке позолоченного кресла и, шаржируя барона, изображал гостеприимство. Он был молод, почти мальчик, но в глазах светились ум и хитрость, черты лица были тонкие, аристократичные. Даже когда он смеялся, лицо оставалось злым. Из-под дурацкого колпака на грудь струились длинные шелковистые черные волосы. Одет он был, как подобает шуту.

Барон сказал, что он видел сражение. Что преклоняется перед героизмом Конана, что только благодаря ему защитники острова одержали победу.

— Времена сейчас нелегкие, — добавил барон. — Мне приходится воевать не только с внешними, но и с внутренними врагами. И хотя я сражаюсь за правое дело и, хвала богам, одерживаю победу за победой, мне остро не хватает надежных людей, испытанных рубак. Я нанял на службу отряд пиктов, они были весьма храбры в городских тавернах, но ты сам видел, Конан, чего они стоили на поле брани. Сегодня ночью мои люди сбились с ног, вылавливая этих трусов по всему острову. Следовало бы их вздернуть, но я не буду этого делать — не хочу омрачать торжества. К тому же, они ведь не колдуны, а просто невежественные дикари. Дам пиктам две-три старые лодки, и пусть убираются на все четыре стороны.

Шут оторвал спину от ножки кресла и стал, кряхтя от притворной натуги, грести невидимыми веслами. Внезапно он забил руками по «воде», разевая рот в безмолвных криках о помощи, и в конце концов затих на «дне».

— Конан,— проникновенно сказал барон,— если ты согласишься, я готов поставить тебя главнокомандующим над моими войсками.

Шут резко поднял голову и бросил на первого сановника настороженный взгляд. А тот стоял в отдалении и хмуро внимал своему повелителю. От Конана не укрылось, как поджались его губы, когда прозвучало слово «главнокомандующий». Лица стражников ничего не выражали, они стояли, точно гранитные истуканы, и оставалось лишь гадать, в чем истинная причина такой выдержки — в страхе перед скорым на расправу бароном или просто в хорошей выучке. Шут, словно уловив интерес Конана, встал, подошел к ним и больно ущипнул одного за ногу, а другого уколол булавкой в бок. Воины оставались невозмутимы — ни один мускул не дрогнул.

— Это очень лестное предложение, месьор,— отозвался Конан.— Но боюсь, я не смогу принять его вот так сразу. Мне бы хотелось подумать немного...

Барон милостиво дал ему срок до завтрашнего утра.

— А в чем,— поинтересовался Конан,— будут заключаться мои обязанности?

Шут, словно только и ждал этого вопроса, захихикал, подскочил к стражнику и накиннул ему на шею невидимую петлю. И резко «затянул» ее. К изумлению Конана, «гранитный истукан» захрипел, выпучил глаза и высунул язык. По всей видимости, стража в этом дворце и впрямь была превосходно вышколена.

— Защищать остров,— медленно, со значением проговорил барон,— от врагов.

— От внешних или внутренних? — пожелал уточнить Конан.

Шут одарил его кривой улыбкой, перебежал ко второму стражнику, бросил к его ногам несколько «охапок хвоста», а затем «факел». Воин замахал руками, задергал головой, стал корчиться в языках незримого пламени.

— Станный вопрос для военачальника,— заметил барон и повернулся к первому сановнику.— А ты как бы ответил на моем месте?

— Осмелюсь напомнить моему господину,— угрюмо произнес человек в темно-синем плаще,— что сегодня утром он отправил на городские улицы и площади герольдов с известием, что казней больше не будет. С колдунами и ведьмами на этом острове покончено, это ваши слова.

— Ну, конечно! — Барон жизнерадостно улыбнулся.— Мы одержали победу, да будут отныне и во веки веков мир и процветание. Но одних герольдов мало, чтобы избавить мой народ от страха. Отряды плотников с топорами, пускай порубят виселицы на дрова. А если после этого кто-нибудь явится во дворец с доносом, распорядись, чтобы ему вместо денежного вознаграждения дали полсотни плетей.— Он повернулся к Конану.— Полагаю, это можно считать исчерпывающим ответом на твой вопрос.

— Да, месьор.— Конан коротко поклонился.

В этот момент распахнулась высокая створчатая дверь, и в церемониальный зал вошла красивая темноволосая женщина.

— Госпожа моя,— насмешливо обратился к ней барон,— позволь представить тебя моего будущего воеводу.

От неожиданности Конан обмер. Он сразу узнал женщину, с которой только что провел незабываемую ночь. Так она — жена барона?!

Но красавица не подавала вида, что они знакомы. Да нет же, он не мог обознаться!

Она вежливо улыбнулась Конану и повернулась к супругу. Точно такая же улыбка мелькнула и на лице шута. Такая ли? Или таящая гораздо больший смысл?

Скрывая неловкость, Конан поспешил откланяться. Барон повторил, что ждет его завтра утром с ответом на предложение.

— Соглашайся, юноша, не пожалей,— молвила на прощание Конану баронесса.— В твои годы стать командиром нашего героического гарнизона — неплохое начало карьеры.

Издавка предназначалась не ему, сразу сообразил Конан. Мужу. Он вспомнил слова этой женщины, сказанные ему вчера вечером в гостинице. Она ненавидит барона, подумал он. За что? Уж не за то ли, что он не прижился при пыш-

ном дворе зингарского короля и привез ее в этот забытый богами уголок земли?

* * *

Когда киммериец покидал дворец через калитку в воротах, кто-то из провожавших подскочил и дал ему пинка. Конан развернулся в прыжке и занес кулак для удара, но обидчик успел скрыться за калиткой. Мелькнул только край алой накидки.

Шут, решил Конан. Ах ты, маленькая бестия!

Он не стал ломиться в ворота, чтобы расправиться с наглецом. Побоялся выставить себя на посмешище. У новоявленных героев всегда вдоволь завистников и недоброжелателей.

Он вернулся в гостиницу и, не представляя, как еще убить время, потребовал вина. В трапезной было пусто. Владелец гостиницы сам принес кувшин и кружку, молча поставил перед Конаном и удалился на кухню. Неудобные подданные и веселый король, подумал киммериец. Издалека доносился стук топоров — плотники уже приступили к работе.

«Самые тяжкие беды миновали, — мысленно обратился он к жителям этого города. — А впереди, если верить барону, — счастливые времена».

Он сидел в глубокой задумчивости, облокотясь на стол и опустив лицо на ладони. Станный остров. Здесь баронессы ведут себя, как шлюхи, а шуты смахивают на колдунов. На колдунов? Те стражники во дворце, что участвовали в пантомиме... казалось, им не было нужды притворяться. Как будто они по-настоящему испытывали муки казнимых.

Конан оторвал ладони от глаз и вздрогнул от неожиданности. Через два столика от него сидела баронесса. Вновь на ней было платье обычной горожанки. Владелец гостиницы вернулся в трапезную, узнал, что посетительница ничего не желает заказывать, и сразу потерял к ней всякий интерес.

— Поднимемся наверх? — вполголоса предложила она Конану. — У этих стен есть уши.

Они перешли в комнату Конана.

— Ты на самом деле баронесса?

— На самом деле.

— А не боишься, что тебя здесь увидят?

— Я умею замечать следы.

— Зачем ты пришла?

— Ты мне нравишься.

Уму непостижимо, подумал Конан.

— Ты жена барона Эггерского, — сказал Конан, — владыки этого острова. У тебя есть все: красота, богатство, власть, барон, в конце концов. Зачем тебе понадобился я, нищий бродяга без роду, без племени?

— Ты покори мое сердце. — Она улыбнулась.

— Я, между прочим, серьезно!

— И я серьезно. — Она топнула ногой. — Помолчи и послушай, когда с тобой разговаривает... — Баронесса оsekлась, и только теперь Конан заметил, как она взволнована: глаза блестят, щеки пылают, руки не находят себе места.

— Я ненавижу барона. Он безумец, одержимый навязчивой идеей. Он в каждом подозревает чародея. Он превратил благополучный город в огромную тюрьму, а его жителей — в бесхребетных слизняков и бессовестных доносчиков. Я больше не могу спокойно смотреть, как гибнут или опускаются до скотства мои сограждане. Я убью барона. А ты мне в этом поможешь.

— Я?!

— Завтра утром у тебя будет великолепный шанс. Когда барон дает аудиенцию, в церемониальном зале находятся всего два стражника. Конечно, там еще будет шут и, возможно, первый сановник. Я уверена, на этот раз у тебя даже не отберут оружие. А если и отберут, ты сумеешь завладеть мечом кого-нибудь из солдат. Или даже свернуть барону шею голыми руками. Уж я-то знаю, какой ты силен. — Красавица окинула Конана восхищенным взглядом. — Единственный удар мечом, об остальном позабочусь я. И ты получишь все, о чем ни попросишь. Подумай, Конан, и скажи «да».

— А как же дворцовая стража?

— Как только барона не станет, стража подчинится мне. Там есть люди, которые не в восторге от своего повелителя...

«Твои любовники?» — хотел спросить Конан, но вовремя прикусил язык.

— ... И они меня не подведут. Мы будем править вместе, Конан. И снимем оковы с этого несчастного города. Он слишком долго страдал под пятой безумца и заслужил помилование. — Она в упор посмотрела на киммерийца.

— Мы?

— Конечно. Мы с тобой. Я займу место покойного супруга, а ты будешь первым сановником. Или главнокомандующим... да кем пожелаешь.

«Хоть шутом», — подумал он и невесело ухмыльнулся.

— Я уже точно знаю, чего не желаю. Мне не хочется стать жертвой дворцовых интриг. Я воин, милая моя. И лучше погибну на поле брани, чем стану дожидаться, когда меня зарежет, как гуся, придворный палач.

— Этого не случится, — с уверенностью сказала баронесса.

— Откуда ты знаешь? Ты что, ясновидящая? — Конан схватил баронессу за плечи и встряхнул, отчего ее высокая затейливая прическа рассыпалась и густые волнистые волосы заструились вдоль тела, повторяя его очертания. Зрелище было довольно волнующим, но в свои двадцать с небольшим лет Конан научился не терять головы. Он хмыкнул и отвернулся.

— Значит, ты не согласен? — Голос женщины дрожал, но вовсе не от страха.

— Красавица, я, конечно, кидаюсь иногда по запальчивости на своих командиров, но я еще не окончательно сошел с ума. — Конан усмехнулся. — Клянусь Кромом, мне больше по душе предложение твоего благоверного.

Лицо баронессы исказилось таким неукротимым гневом, что Конан поежился. Казалось, еще мгновение, и она бросится на него с кулаками.

— Ну что ж, киммериец, сегодня ты сделал свой выбор, — процедила она сквозь зубы. — Гляди, как бы завтра не пришлось пожалеть. — Она повернулась на каблуках и быстро вышла из комнаты.

— Вот завтра и погляжу, — проворчал Конан.

Он поскучал у окна, затем решил спуститься в трапезную и возобновить приятное занятие, от которого его отвлек внезапный визит супруги правителя.

* * *

В разгаре погожего утра Конан вновь приблизился к воротам резиденции барона. Нельзя сказать, что киммериец провел бессонную ночь за раздумьями — остаток вчерашнего вечера он убил, слоняясь по городу и заглядывая в каждый кабаk, что попадался на пути. Нет, ответ на предложения барона и баронессы родился сам собой, вернее, его подсказали интуиция и инстинкт самосохранения.

Конан решил при первой возможности убраться подальше от этого мрачного острова. Не по душе ему дворцовые интриги, заговоры и охота на чародеев. Он не жаловал колдунов и ведьм (слишком часто доводилось с ними встречаться, и слишком редко эти встречи доводили до добра), но истреблять их, как бешеных собак... Да и вряд ли все эгьерцы, казненные по приговору жестокого барона, при жизни баловались магией. Наверное, баронесса сказала правду: большинство из них — ни в чем не повинные обыватели, схваченные и повешенные по навету своих недругов.

Куда интереснее и веселее махать мечом в хорошей драке, сказал себе Конан. Он уже присмотрел легкое и прочное на вид рыбацкое суденышко в небольшой бухте, обнесенной, как и город, крепостной стеной. Украсть его будет нетрудно, вот только проскользнуть за морские ворота — посложнее. Ничего, как дойдет до дела, он что-нибудь придумает. Но лучше, конечно, если барон отпустит его с миром. Скорее всего, так и случится, ведь Конан, что ни говори, спас ему жизнь. К тому же он ведь не колдун, а простой воин, из тех, кто, как говорится, с острия меча ест, из шлема запивает, седло под голову кладет, а щитом укрывается.

Может быть, барон другую награду предложит? Вместо высокой, но, увы, слишком уж обременительной должности? Всерьез на это рассчитывая, Конан шел на аудиенцию с легким сердцем.

При его приближении насушенные стражники отворили калитку в створке ворот, и Конан, как и днем раньше, оказался в небольшом мощеном дворе, среди десятка, если не больше, вооруженных до зубов солдат — кто играл в кости на мраморных скамьях, кто скучал у фонтана, а кто просто слонялся без дела.

Конан искренне пожалел этих здоровых, крепких парней. Конечно, хорошо иметь верный кусок хлеба, но стоит ли ради такого пустяка на всю жизнь впрягаться в солдатскую лямку? Да еще, как спущенные с цепи псы, кидаться на своих сограждан, которые чем-то не угодили повелителю. «Нет, — уже в который раз подумал Конан, — такой удел точно не для меня».

Анфилада парадных залов поражала роскошью, а численность караула наводила на мысль о готовящемся дворцовом перевороте. Войдя в очередной зал, Конан встретился взглядом с шутом — развалился на бархатной кушетке и закинув ногу на ногу, тот праздно натирал лоскутом войлока свой бубенчик. Глаза его были задумчивы и злы.

— Его светлость тебя ожидает. — Шут нехотя поднялся, чтобы проводить Конана в церемониальный зал.

— Что-то ты, браток, — удивленно заметил Конан, — чересчур серьезен для шута. Где же твои хохмы?

— Ты мне за них не платишь, так что весели себя сам, — ядовито отозвался шут. Дурацкий колпак очень не шел к его худому лицу с длинным костистым носом и брезгливо оттопыренной нижней губой.

Конан промолчал. Пикироваться с бездарным и ненавидящим свое ремесло паяцем? Слишком много чести.

Вот и церемониальный зал. Просторный, великолепно изукрашенный, роскошно обставленный, но все равно холодный и хмурый. Солнечный свет проникал только в узкие, наподобие бойниц, окна под потолком. Между величавых порфировых колонн в золоченом кресле восседал барон.

Конан вошел в зал следом за своим проводником и не удержался от ругательства — шут задел ногой несуществующий порог и растянулся на полу, и Конан, споткнувшись о него, едва не упал.

— О государь, тьма очей наших, — простонал шут, потирая ушибленную коленку, — нас почтил визитом сам великий Конан.

Барон даже бровью не повел. Казалось, нагловатые и подчас двусмысленные остроты своего челядинца он воспринимал, как сызмальства привычный стрекот сверчка или жужжание мухи. А шут, судя по его унылой физиономии и потухшему взгляду, вовсе не рассчитывал на отклик.

— Я ждал тебя. — Барон снова осыпал Конана комплиментами и осведомился о его решении. У каждой створки двери стояло по стражнику, справа от золоченого кресла, втянув голову в плечи, напряженно внимал разговору первый сановник с лицом землистого цвета, жидкими седыми волосами и бесцветными глазами. Эти глаза ни на миг не отрывались от Конана. Первый сановник ждал его ответа.

Конан поклонился и заговорил как мог почтительно. Конечно, для него, скромного киммерийского воина, очень лестно получить такое предложение от самого барона Эггера, но...

И тут у него вдруг закружилась голова. И неукротимая ярость вмиг завладела мозгом, сердцем, каждым мускулом. Точь-в-точь, как тогда на берегу...

Будто во сне он видел меч в своей руке, искаженное страхом и изумлением лицо барона, шута, который схватился за голову и юркнул под золоченое кресло. Еще миг, и киммериец пришил барона к креслу, как бабочку. Но внезапно ноги точно свинцом налились, руки повисли, как плети, из разжавшихся пальцев выпал грозный клинок. Не в силах даже защититься, он увидел двух стражников, бегущих к нему. Его схватили за руки, повалили на пол. На вопли первого сановника в церемониальный зал бежалась почти вся дворцовая стража. Конана быстро и умело связали, и вот он, еще не пришедший в себя, корчится на полу, а шут с лютой ненавистью во взоре попирает его ногой в остроносой матерчатой туфле.

С лица барона исчез страх, взгляд его был серьезен и задумчив.

— Развяжите его,— приказал он, когда Конан, осознав всю тщетность попыток освободиться, наконец утихомирился.

— Это неразумно,— возразил первый сановник.— Он покушался на драгоценную жизнь господина и по закону должен быть немедленно казнен.

— Закон на этом острове — моя воля,— отрезал барон.— Здесь не Зингара. Или ты этого еще не понял? Все прочь! Оставьте меня наедине с киммерийцем.

Стражники переминались с ноги на ногу, переглядывались в нерешительности.

— Но месьор...— залепетал первый сановник.

— Вон! Все! Пока я не распорядился построить новые виселицы! —Глаза барона метали молнии.

Здравый рассудок уже вернулся к Конану, и он был удивлен перемене, которая произошла с этим на первый взгляд хладнокровным человеком. Перепуганные стражники и первый сановник, пятась, ушли из зала. Последним на цыпочках удалился шут и затворил за собой дверь. Конан, освобожденный от пут, лежал на полу, невдалеке валялся его меч. Пока киммериец вставал, барон приблизился к мечу, поднял и протянул тому, кто его только что едва не убил.

— Я не верю, что ты действительно хочешь моей смерти,— медленно проговорил он.— Ты должен рассказать всю правду.

Конан изложил все по порядку, не надеясь, что барон поверит в его наваждения. Случившееся ему самому казалось непостижимым, чего уж тут ожидать от человека, которого он только что едва не отправил на Серые Равнины? Но барон выслушал его внимательно и ни разу не перебил.

— Я знаю, что у меня есть тайный враг или враги среди близких людей,— произнес он по некотором размышлении.— Пока я очищал город от скверны, измена свила гнездо в моем дворце. Уже месяц я получаю косвенные доказательства... А теперь уверен еще и в том, что злоумышленники владеют магией. Колдуны — мои злейшие враги, и я их выведу на чистую воду. Я дал клятву богам истребить

всю нечисть на этом острове и не отступлюсь от своего слова!

Барон сложил руки на груди и застыл посреди зала. От него веяло решимостью, и Конан поневоле восхитился мужеством и непреклонностью этого властелина. На острове вряд ли найдется человек, не желающий ему смерти, но барон упорно сражается один против всех во имя лишь ему понятной цели.

— Я не готов встать под твои знамена, но если способен чем-нибудь помочь, только скажи.— Конан, движимый внезапным порывом, посмотрел барону прямо в глаза и заговорил с ним просто, как воин с воином.— Я на твоей стороне. Ненавижу колдунов! Только победа в честной борьбе достойна уважения. К магии же прибегают только лживые, трусливые негодяи. И поэтому буду говорить начистоту. Нравится тебе это или нет, но я уверен, что без твоей жены здесь не обошлось.

«Кром! — воскликнул он мысленно.— Что я делаю? Или опять — наваждение?»

В этом Конан не был на сей раз уверен. Ему казалось, что он поступает правильно.

Барон удивленно поднял бровь.

— Моя жена? Да ты, верно, не в своем уме!

— Она мне предложила убить тебя. Пронзить мечом на сегодняшней аудиенции. Но я отказался, и тогда она, похоже, решила меня заставить... посредством магии.— Пытаясь добавить убедительности своим словам, Конан вновь перешел на торжественный придворный тон: — Месьор должен поверить, она очень опасная женщина.

Карие глаза увлажнились, на волевом лице застыла печаль. Барон долго молчал, а потом заговорил тоскливым, сдавленным голосом:

— Я не спрашиваю тебя, Конан, где, когда и при каких обстоятельствах ты успел переговорить с баронессой.— Он тяжело вздохнул и ссутулился, ладони прижались к глазам. Казалось, за эти мгновения он постарел лет на десять.— Соглядатаи и доброхоты не единожды доносили, что она неверна мне, но я не желал этому верить. Конан, ты

нанес мне роковой удар! Я люблю баронессу... Я жизни ради нее не пожалел бы. И потому должен знать всю правду. Если я ее уличу в колдовстве, сожгу на площади, как ведьму! — Его кулаки сжались, в глазах сверкнул огонек безумия.

— Сегодня ночью, когда все улягутся спать, — продолжал он, — мы с тобой осмотрим дворец. Заглянем в каждую комнату, в каждый чулан, проверим чердак, подвалы и клетки. Во что бы то ни стало надо найти логово, где колдунья прячет свои снадобья. Баронесса редко покидает дворец, и каждый раз стража докладывает мне об этом...

«Вот как? — подумал Конан. — А вчера и позавчера ему тоже докладывали?»

— Так что потайная комната, где она колдует, должна находиться где-то здесь, во дворце. У нас впереди трудная ночь, тебе надо отдохнуть.

* * *

Остаток дня Конан провел в дворцовой оружейной. Мечи, арбалеты и секиры работы прославленных мастеров заслуживали высшей похвалы. Конан так увлекся изучением фамильной коллекции барона Эгьерского, что даже слегка расстроился, когда в комнату бесшумно вошел хозяин дворца.

— Нравится? — с улыбкой поинтересовался барон.

— Здесь все сокровища мира.

Барон рассмеялся.

— Ну, если оружие еще кому-то нужно, значит, в мире немало других сокровищ. Возьми, что тебе больше всего нравится.

Повторять не пришлось. Конан взял двуручный меч Хорга — неимоверной длины клинок в жутких зазубринах и пятнах засохшей крови, под которыми исчезли чуть ли не все руны. С тех пор, как этот меч покинул кузницу, его ни разу не вострили и не чистили. Он был не столько боевым оружием, сколько реликвией рода, а реликвия всегда тем ценнее, чем больше сохранила следов легендарных событий.

Лишь на миг в глазах барона появилось сожаление. Затем он кивнул.

— Твой трофей. Забери его, Конан, он тебе принадлежит по праву. Но мне бы не хотелось, чтобы он вернулся в Ванахейм.

— А если я возвращу его клану Совиный Глаз от твоего имени? И передам, что Хорг сражался, как подобает герою, и с честью ушел на Серые Равнины? И что ты и твой народ преклоняетесь перед его мужеством и отвагой и горько сокрушаетесь, что вынуждены проливать кровь таких удивительных людей? Ведь, насколько я понимаю, не вы их, а они вас считают своими кровными врагами? Я хорошо знаю ванов, барон. Мы, киммерийцы, живем с ними бок о бок и воюем, сколько себя помним. Это жестокий и драчливый народ, но он падок на лесть. Мы это давно поняли и в трудные времена, когда у нас маловато силенок, всегда находим способы замириться с соседями.

Барон выслушал с явным недоверием, но, подумав немного, просиял и хлопнул Конана по плечу.

— Мой друг, зачем ты носишь доспехи? Язык тебе заменит любую броню, ведь ты прирожденный дипломат. Заманчивое предложение, я над ним обязательно поразмыслию.

— Благодарю, месьор.

«Вот он, мой ключ к свободе», — сказал себе Конан, опустив ласковый взгляд на меч Хорга.

— А теперь — к делу. Надеюсь, Конан, ты еще не забыл, что утром предлагал свою помощь?

* * *

Они покинули оружейную палату и начали обыск дворца с левого флигеля. По сравнению с обычными городскими постройками дворец был поистине роскошным. Правда, снаружи грязно-серое здание выглядело невзрачным, как тюрьма, и было очень нелегко предположить, что внутри скрывается такое великолепие. Конан едва удерживался, чтобы не стащить какую-нибудь безделушку с каминной полки. Нет, ни за что! В жизни ему нередко доводилось воровать, иног-

да — из озорства, чаще — по необходимости, но никогда он не крал в доме, где его принимали, как своего.

Конан легонько щелкнул по носу эбеновую статуэтку обнаженной красавицы и зашагал дальше.

Они долго петляли по узким коридорам и винтовым лестницам. Все дальше и дальше уходили от обитаемой части дворца. Уже совсем стемнело; в одном из залов пришлось взять канделябры и запас свечей.

Древние статуи отбрасывали причудливые тени, прохладный сквозняк шевелил златотканые гардины. Изредка попадался кто-нибудь из обитателей дворца, спешил поклониться барону и скрыться с глаз.

В левом флигеле и покоях баронессы они ничего не обнаружили. Конан заглянул в один из длинных коридоров и увидел быстро удаляющийся белый силуэт. Он бросился вслед.

Женщина в белых шелках шла очень быстро, удивительно легкой и плавной походкой, то и дело сворачивала в коридоры или исчезала за колоннадами, и легко ускользала от бегущего Конана. Но всякий раз он находил ее по громкому шелесту многочисленных юбок. Вот она уже в пяти шагах, в трех... Он вскинул и опустил меч, пригвоздив шлейф ее платья к полу. Но белый шелк, точно вода, обтек стальную препону, и незнакомка устремилась дальше.

Конан стоял, ошеломленно глядя на расколотую его клинком планку паркета. За спиной раздалось шумное дыхание барона.

— Я ее догнал, а она...

Барон усмехнулся.

— Конан, если будешь гоняться за призраками, потратишь жизнь впустую. Это же правый флигель, их здесь тьма тьмущая.

Конан оглянулся. В погоне за белой дамой он пробежал изрядное расстояние. И непременно заблудился бы, если бы барон его не настиг.

Они стояли посреди круглого зала. От него расходились четыре широких коридора, между каждыми двумя в глубокой нише тонула дверь — вероятно, в небольшое помеще-

ние. Судя по затхлому воздуху, обиталище призраков почти не проветривалось, должно быть, слуги барона старались лишний раз сюда не заходить.

Конан окинул зал внимательным взглядом и заметил под одной из дверей полоску слабого света. Он повернулся к барону, но тот уже и сам увидел сияние. Они медленно подошли к двери, Конан наклонился и посмотрел в замочную скважину.

В комнате было тесно. Посередине стоял массивный стол, на нем горели три свечи в потускневшем медном канделябре. Все остальные вещи тонули в сумраке. Не обнаружив людей, Конан выпрямился и потянул на себя дверную ручку. Никого.

Он вошел в комнату, барон — следом. На столе вокруг канделябра стояли целые полчища склянок, глиняных горшочков, деревянных и керамических шкатулок, а также весы и прочие инструменты, которыми пользуются лекари, алхимики и чародеи. Отдельно рядом лежало с полдюжины пергаментных свитков. Огромные зеркала на стенах делали комнату значительно просторнее. В углу бронзовая кадьница на изогнутых ножках источала сладковатый дымок.

— Нашли наконец, — устало произнес барон.

— Гляди-ка, это что еще такое? — Внимание Конана привлекла черная прядь волос. Она лежала на золотом подносе и, по всей видимости, предназначалась для какого-то колдовского ритуала. Барон склонился над ней, затем выпрямился и остановил долгий взгляд на Конане.

— В чем дело, месьор?

— Конан, а тебе не кажется, что это из твоей шевелюры?

Конан испуганно провел ладонями по своим длинным волосам, но тотчас спохватился и опустил руки. Барон улыбнулся.

— С такой-то буйной гривой легко не заметить пропажу.

— Это баронесса, — уверенно произнес Конан. — Она могла отрезать прядь, когда я спал... — Он смутился. — Прошу простить меня, месьор. Кажется, я что-то не то сказал...

Барон промолчал. Он выглядел усталым, даже изможденным. Он размышлял. В неровном сиянии свечей поблескивала черная волнистая прядь.

— Я знаю, как выяснить, чьих это рук дело, — произнес он наконец.

— Как же?

— Ты, наверное, обратил внимание, что наши с тобой волосы очень похожи?

— Не сравнивал. Но, пожалуй, что-то общее и впрямь есть.

— Баронесса желает мне смерти. Не тебе, Конан, твоя жизнь для нее ничего не значит. Просто она тебя избрала своим орудием. Первое покушение сорвалось, однако баронесса, возможно, готовит новую попытку.

— Но как же нам помешать ей?

— Я хочу положить прядь своих волос на место этой. Скорее всего, заклинание не подействует или подействует не так, как хочется ведьме. Но влияние чужих чар нельзя не ощутить. Только испытав на себе самом исходящее от нее зло, я смогу покарать ее, и совесть моя будет чиста. Но сердце... — Он тяжело вздохнул и понурил голову.

— Барон, но ведь это очень опасно! Она может сотворить с человеком все, что угодно. Заставить покончить с собой или еще что-нибудь...

— Вряд ли ей это удастся. Я буду начеку и в случае чего сумею за себя постоять.

— Но...

— Я так решил. Выйди, Конан, и жди меня снаружи. — Барон потянулся к изящному кинжалу, который лежал на столе.

Конан покинул комнату и спрятался в просторной нише за яшмовыми изваяниями широкоплечего псоглавого воина с двузубцем в когтистых руках и охотничьей пантеры, лежавшей у его ног, — героев мифологии Зингары или острова Эгьер. Чуть позже к нему присоединился барон.

Едва они успели задуть свечи, в конце коридора послышались легкие шаги. К круглому залу на цыпочках приближался человек в темном плаще до пят. Перед собой он

нес свечу, но лица было не разглядеть, оно пряталось за капюшоном.

— Это она, — обреченно прошептал барон.

— Да, на привидение не похожа.

Человек в темном вошел в комнату и бесшумно затворил дверь. Подобно дикой кошке, киммериец подскочил к двери и осторожно потянул ручку на себя. Появилась узенькая вертикальная полоска слабого света. Человек, закутанный в плащ, стоял к Конану спиной и что-то быстро представлял, передвигал, расстилал на столе.

Конан взглянул на барона. Тот тоже приник к дверному косяку и не отрываясь следил за злоумышленником. По его напряженному лицу пробегали судороги, но Конан пока не замечал явного влияния чародейства.

Конан переводил встревоженный взгляд с барона на его жену и обратно. Было мгновение, когда он едва не бросился на ведьму. Но барон, словно прочитав мысли Конана, удержал его властным прикосновением руки.

Тихое постукивание шкатулок и горшочков, позвякивание склянок, шуршание пергамента, плеск жидкостей бесследно глохли в могильной тишине спящего дворца. Казалось, время застыло. Конан, всегда предпочитавший действие ожиданию, задышался, как рыба на суше. И вдруг нечеловеческая мука исказила благородный лик барона. Он схватился одной рукой за голову, другой — за сердце и повалился на пол. Глаза закатились, изо рта хлынула пена, тело скорчилось, руки и ноги задергались в конвульсиях.

Человек в плаще резко повернулся на шум. Конан был готов услышать пронзительный женский визг, но из горла незнакомца вырвалось нечто совсем иное. Возглас удивления, а затем грубое мужское ругательство. Колдун резко отшатнулся и, споткнувшись о витую ножку кадилницы, потерял равновесие. С его головы слетел капюшон, и Конан узнал первого сановника. Недолго думая, киммериец схватился за меч.

«Барон убит! Барон убит!» — стучало в висках.

Конан был стремителен, как снежный барс в прыжке, но первый сановник обладал неоспоримым преимуществом —

он знал дворец как свои пять пальцев, и ему в буквальном смысле помогали стены. Он ударил ладонью по едва заметному выступу на стене, и фрагмент зеркала повернулся на вертикальной оси, явив взорам темный проем потайного хода. Первый сановник бросился туда очертя голову, и зеркало в тот же миг встало на место.

Не сразу Конану удалось найти в полумраке выступ на стене. Ему бы, наверное, пришлось разбить все зеркала, если бы чародею хватило сообразительности задуть свечи на столе, перед тем как обратиться в бегство.

Потайной ход был просторен, но петлял и разветвлялся чуть ли не через каждые пять шагов. Однако беглеца выдавал стук каблуков по каменным плитам. Конану под ноги угодила просевшая плита; он споткнулся, упал на колени и выронил канделябр. Свечи потухли; возиться с огнем не было времени. Он выругался — разумеется, про себя.

«Барон мертв! Барон мертв! Колдун, ты тоже умрешь!» — в такт шагам звенело у него в голове.

О, Кром! Нет ничего глупее, чем размахивать мечом в потемках. На очередном перекрестке Конан остановился, прислушался и почувствовал опасность. Первый сановник затаился в двух-трех шагах справа, он сдерживал дыхание, но Конан ощутил исходящее от него тепло. Он прыгнул вперед и описал мечом полукруг. Сталь встретила мягкое, податливое препятствие. Раздался болезненный возглас, за ним последовал глухой удар. Но разглядеть что-нибудь в кромешном мраке было невозможно, и Конан решил вернуться в комнату за свечой.

Там все было по-прежнему. Бездыханный барон лежал у порога.

— Я бы не стал рисковать жизнью ради лживой бабенки, — глядя на него, задумчиво произнес Конан. — Может быть, поэтому ты барон, а я — простой бродяга. Может быть, поэтому я сейчас жив, а ты — нет. Жаль, ты мне понравился.

Он сокрушенно покачал головой, затем взял канделябр и снова углубился в потайной коридор. При свете путь

казался гораздо короче. Не пройдя и тридцати шагов, Конан наткнулся на бесформенную черную грудю. Перевернув колдуна на спину, он смотрел рану. Она была очень глубока. Первый сановник медленно размежил веки и остановил на Конане угасающий взор.

— А ведь я много раз... мог убить тебя, проклятый... варвар, — еле слышно прошептал он.

— Теперь поздно себя упрекать.

— Зачем я... ее послушался? Она... погубила меня. — Раненый снова закрыл глаза.

— Эй, погоди! — Конан схватил свою жертву за плечи и энергично встряхнул. — Погоди, не умирай. Сначала ты должен мне все рассказать. Это баронесса велела тебе разделиться с бароном?

— Да... А в награду обещала себя. Я стар... и некрасив. Мне пришлось жизнью заплатить за то... что тебе и многим другим досталось даром. — Его голова запрокинулась.

— Понятно... Значит, это ты навел на меня чары, чтобы я бросился на барона с мечом?

— Да. Но баронесса об этом не знает. Никто не подозревал, что я... владею магией.

— Верится с трудом. А кто тебе приказал заняться мною во время сражения?

— Какого... сражения? — Слова давались первому сановнику с огромным трудом.

— Того самого, когда я прикончил Хорга, нашего вожака. — Вспоминать о том поединке Конану было неприятно.

— Я... ничего об этом не знаю.

— Так ты что, в тот день не колдовал?

— Нет.

— А чья же это работа?

Вопрос остался без ответа. Злокозненный чародей испустил дух.

«Барон мертв, первый сановник тоже, — подвел итог Конан. — А поутру вся дворцовая стража бросится на поиски властелина. Ускользнуть отсюда почти невозможно — слишком сильна и бдительна охрана, и немудрено — ее повелителю везде мерещились враги. А при известии о

смерти барона она не успокоится, пока не разыщет «убийцу». В эту ночь я — единственный чужак во дворце, так что оба убийства, как пить дать, припишут мне».

Да, скорее всего, так случится. Об этом позаботится баронесса — Конан хорошо помнил ее просьбу, помнил, как она угрожала ему, получив отказ. И оправдаться будет невозможно. Единственный выход — проникнуть в покои жены барона, захватить ее и объявить заложницей. И как можно скорее, пока не поднялась тревога.

А может быть, этот темный коридор ведет к потайному выходу из дворца? Надо это проверить, а уж потом идти к баронессе. Не тратя больше времени на размышления, Конан двинулся вперед.

Напрасно он озирался по сторонам, высматривая освещенный проем или хотя бы затянутую паутиной дверку в стене. В конце концов он наткнулся на препятствие. Кажется, тупик. Он стал методично, пядь за пядью, изучать глухую стену. Свечи догорали, но Конан не терял надежду. Должен же тут быть какой-нибудь выход. И он нашел его, когда затрепетал в расплавленном воске последний умирающий огонек.

Один кирпич слишком выпирал из стены. Конан нажал на него, раздался щелчок, и в тупике открылась прямоугольная брешь примерно три локтя на два. Отбросив бесполезный канделябр, Конан боком протиснулся в лаз и выпрямился в крошечной темноте.

Он оказался в царстве разнообразных ароматов. Запахи фиалки и жасмина, розы и гвоздики кружили голову, щекотали ноздри, — хотелось чихнуть, и Конан, боясь выдать себя, яростно потер переносицу. Желание чихнуть исчезло. Он шагнул вперед, и тут же его с головы до пят окутали тончайшие шелестящие ткани. И в этот миг Конан сообразил, что находится в обыкновенном платяном шкафу. Чудесные ароматы навевали мысли о прекрасных дамах, но мечтать было недосуг. Конан распахнул дверцы шкафа и вышел в комнату.

Она была довольно просторна, и даже без свечей можно было рассмотреть интерьер — в многочисленные окна проникали первые рассветные лучи. Посередине стоял широ-

кий диван, на розовых шелковых простынях лежал шут в пестрой пижаме с обилием кружев и оборочек. Расцветка пижамы была довольно веселой в отличие от ее владельца, которого Конан всегда видел только угрюмым и раздражительным. А сейчас шут выглядел еще менее жизнерадостным. Поскольку был мертв.

«Может быть, он меня разыгрывает? — подумал Конан. — Нет, вряд ли. Я ведь ему за это не плачу».

Он усмехнулся своей злой шутке. Глаза покойника едва не вылезали из орбит, скрюченные пальцы застыли, скомкав простыню.

«Вот так-то, — грустно молвил про себя Конан. — Теперь еще и убийство шута припишут мне. Три мертвеца за одну ночь, и во всем виноват чужеземный разбойник Конан. Так скажет баронесса, и вряд ли я удивлюсь, если стражники поверят ей, а не мне. Нет, надо поскорее выбираться из этого злополучного дворца».

Конан выскочил из спальни и огляделся. В коридоре не было ни души. Видимо, потайной ход тянулся от флигеля к флигелю, соединял запущенное, хмурое обиталище призраков с покоями придворных, где сейчас находился Конан. Вдалеке слышались голоса, и киммериец побежал в противоположную сторону.

В конце коридора прямо перед ним из комнаты выскользнула полуодетая женщина. Конан оттолкнул ее в сторону и побежал дальше; вслед ему летел истошный визг. Кругом захлопали двери. К женским воплям добавились басовитые окрики стражников, затем — рев и яростная солдатская брань. Вскоре за Конаном неслась толпа вооруженных мужчин.

Конан бежал не разбирая пути, отталкивая безоружных и разя мечом тех, кто пытался его задержать. Во дворце поднялась суматоха, стоял неимоверный шум. Конан уже простился с надеждой ворваться в спальню баронессы, приставить клинок к ее горлу и приказать страже, чтобы его отпустили. Он бы просто-напросто не сумел ее найти в этом огромном лабиринте коридоров, залов, анфилад и покоев. Но зато он увидел впереди заветный выход...

Еще один стражник рухнул без звука под свирепым ударом тяжелого меча, другой обратился в бегство. На глазах у дрожащего небритого дворецкого Конан распахнул высокие золоченные створки... и застыл на крыльце. Со всех сторон к нему неслись огромные сторожевые мастафы. Все ближе, ближе слюнявые пасти с желтыми клыками и черными языками... Он резко затворил дверь перед носом у самого быстрого пса и прислонился к ней спиной.

В вестибюль уже набилось десятка полтора стражников. Сомкнув ряды, они наступали на Конана. У него мелькнула безумная мысль взять в заложники стоящего рядом дворецкого, но он тотчас одумался. Кому нужна несчастная лакейская жизнь? Да режь его хоть на кусочки — пощады себе не выторгуешь. Конан нагнулся и положил меч на пол. Тотчас подскочил бледный воин с трясущимися губами и пинком отшвырнул меч в сторону.

Конана крепко связали и повели в глубь дворца под неотрывными взглядами испуганных придворных и слуг. Точно такой же страх он читал и в глазах своих конвоиров. А ведь не во мне дело, сообразил он. Они боятся судьбы. Будущего. Как бы ни был грозен и деспотичен барон, он теперь мертв, и впереди у них — неизвестность. Они не ведали его целей и помыслов, но служили верой и правдой, убивали врагов своего господина и погибали по его приказу. А теперь барона нет, цели и помыслы его так и остались тайной, и они — как осиротевшие дети, за которых всегда решал отец.

Наконец его втолкнули в церемониальный зал. На золоченом кресле сидела баронесса. При виде Конана она улыбнулась, и он, к своему изумлению, не увидел в той улыбке злорадства. Только благодарность.

— Я прошу всех покинуть зал, — властно произнесла баронесса. И вооруженные до зубов стражники, бросая на Конана недобрые взгляды, нехотя двинулись к выходу.

— А ко мне это не относится? — усмехнулся Конан.

— Нет.

Баронесса встала и медленно подошла к Конану.

— Не стоит притворяться, будто ничего не произошло, — мягко произнесла она.

Конан не откликнулся, решив подождать и послушать.

— Я знаю, ты убил барона. — Внезапно красавица поднялась на цыпочки и потянулась к уху Конана. — Но ведь ты это сделал по моей просьбе, — прошептала она.

Конан удивленно поднял бровь.

— А если я скажу, что не убивал его?

— Глупо отрицать. Я все равно не поверю. Но тебе нечего бояться, Конан. Я не предаю друзей. Я обещала сделать тебя воеводой или первым сановником, и ты им будешь. Ты правильно сделал, что прикончил и его. Теперь я безраздельно властвую в этом городе. Когда стража сообщила мне, что барон, первый сановник и шут мертвы, я сразу поняла, чьих это рук дело. Не родился еще мужчина, способный отказать мне в небольшой услуге. Даже если он варвар. — Баронесса одарила его многообещающей улыбкой. — Тебе ни о чем не придется жалеть. Мы будем править вместе и сделаем остров Эгьер богатым, счастливым...

Она умолкла и резко обернулась на шелест портьеры. Глазам Конана и прекрасной молодой вдовы явился призрак. Он остановился, сложил руки на груди и вонзил в свою неверную супругу холодный, беспощадный взгляд.

— Так ты жив? — слабея от ужаса, прошептала она. — И все слышал?

— Разумеется. Мне очень хотелось узнать, о чем ты будешь говорить с Конаном. И когда стражники перенесли меня в опочивальню, я, воспользовавшись суматохой во дворце, потайным ходом пробрался в комнату шута и убедился в его смерти, а по дороге наткнулся на труп первого сановника. Затем я незамеченным пришел в этот зал и спрятался в ожидании дальнейших событий. И они не заставили себя ждать.

— И что теперь будет со мной? — дрожа от страха, пролепетала баронесса.

— Твоя судьба решена. Я велю спалить тебя на костре. Как ведьму.

— Как ведьму? Но я даже не умею колдовать.

— Рано или поздно научилась бы. Ты ведьма по своей сути — а это куда страшнее.

— Ты не можешь так со мной поступить, — еле слышно пролепетала баронесса. Она смертельно побледнела и без чувств упала на пол. Конан двинулся было в ее сторону, но барон остановил его мановением руки.

— Не трудись. — Барон превосходно владел собой и говорил без тени былой печали. — Здоровье ей больше не понадобится. Завтра в полдень она сгорит, и этот город будет свободен от нечисти. О, боги, как я устал! — Он ссутулился на миг и прикрыл глаза ладонями, затем выпрямился и дружелюбно взглянул на Конана. — Даже к лучшему, что она нас не слышит. Я хочу с тобой поговорить.

— Но я же сам видел тебя мертвым, — растерянно произнес Конан.

— Ты видел пену изо рта и выпученные глаза. Пустяки, детский трюк. Не ты первый клюнул на эту удочку. — Барон улыбнулся краями рта. — Мне хотелось знать, как поведет себя баронесса после моей смерти. А выяснить это я мог только таким способом. Зато теперь я знаю все. Я давно подозревал, что она строит козни. А теперь уже не подозреваю, а знаю наверняка. Она была главой заговора. Если б не твое вмешательство, я был бы обречен. А после моей смерти остров вновь превратился бы в рассадник нечисти. Первый сановник и шут кое-что смыслили в магии, им не составило бы труда обучить баронессу...

— Но зачем им это? — перебил Конан. Его вежливость отступила под натиском любопытства.

— Власть, — твердо произнес барон. — Магия — это прежде всего инструмент власти. И в нашем мире он считается самым надежным.

— Не всегда. Меч еще кое-что значит — и я это доказал! Но какой власти мог добиваться проклятый шут?

Барон неопределенно пожал плечами.

— Этот паяц, — брезгливо сказал он, — не успел до конца овладеть всеми секретами мастерства, но подавал очень большие надежды. Даже слишком большие. Он метил на мое место.

— Шут на троне?! — воскликнул Конан. — Что за нелепость!

— Не скажи, не скажи. На мой взгляд, это встречается сплошь и рядом. Уж мне ли не знать об этом?

— Но кто же убил шута?

— Когда я разгадал подлые замыслы человека, которого считал умнейшим и проницательнейшим среди моих соратников, я не нашел причины шадить его жизнь. А заодно я решил выяснить, заслуживает ли доверия первый сановник. И с твоей помощью я утвердился в своих опасениях. Короче говоря, на золотое блюдо колдуна я положил волосы шута. Они давно хранились у меня — я лишь не знал, какое применение им подыскать.

— Но чья же прядь лежала там до этого?

— Моя, разумеется. Или ты думаешь, я могу не узнать собственные волосы? — Барон рассмеялся. — И я не безумец, чтобы оставлять их на столе чародея. Первый сановник хотел навести на меня смертельную порчу, но вместо этого погубил шута. И умер, даже не узнав об этом. Ты своей рукой покарал его, Конан. Если, конечно, ты еще помнишь о таком пустяке.

Конан задумался на несколько мгновений.

— Теперь мне все ясно. Кроме разве что одного... Если баронесса не знакома с магией, а первый сановник не колдовал в день сражения, то кто же навел на меня чары? Кому я обязан тем проклятым наваждением? Неужто тому же шуту?

Барон снова рассмеялся.

— Ну, что ты. Для такой сложной задачи у юнца было маловато опыта и силенок. Нет, Конан. Не баронесса, не первый сановник и не шут. Думаю, теперь ты и сам способен догадаться.

— Так ты и сам?... — Конан, напрочь сбитый с толку, скомкал фразу.

— Верно. Я полагал, ты догадаешься раньше. Так вот, отныне я самый могущественный и теперь уже единственный маг на этом острове.

— А что же все эти несчастные, которых ежедневно вешали и жгли на кострах? Чем провинились они?

— Как это — чем провинились? Они занимались колдовством. Кто в большей, кто в меньшей степени. Готов при-

знать, иные пострадали безвинно. Но я не мог допустить, чтобы хоть один чародей ускользнул от моего палача.— Барон хитро улыбнулся.— Конан, их гибель не напрасна, она послужила уроком тысячам соотечественников. И теперь в моем баронстве железная дисциплина. С колдунами здесь покончено раз и навсегда, я — единственное исключение. Может быть, я не силен в стратегии, но, пока моя власть подкреплена магией, я непобедим! Не правда ли, мы с тобой уже успели в этом убедиться, когда твои приятели хотели ограбить остров Эгьер? Да. Если бы не магия, город лежал бы в развалинах, и ты, Конан, сейчас бы пировал и делил в ванами добычу. А вместо этого ты, мой недавний враг, оказал мне неоценимую услугу. И мое предложение остается в силе. Я буду рад принять тебя на службу. К тому же не так давно при дворе появились хорошие вакансии,— добавил он с улыбкой.

Конан размышлял, все больше мрачней. Никогда еще у него не было так скверно на душе.

— Месьор,— холодно ответил он наконец,— я слишком молод для первого сановника, но слишком стар для шута. И если и впрямь воля барона — вознаградить меня, то мое единственное желание — навсегда покинуть этот остров. Это будет мне лучшей наградой. Я постараюсь как можно быстрее забыть обо всем, что здесь случилось, но прежде, если угодно, сдержу обещание. Побываю у ванов, верну меч Хорга его родичам и предложу им мир.

Барон поморщился.

— Жаль, Конан, жаль. Не такого ответа я ожидал. Но будь по-твоему. Я многим обязан тебе. И пусть меня считают излишне жестоким, никто не посмеет сказать, что за верную службу я плачу черной неблагодарностью. Бери меч Хорга и ступай к причалам. Найди любого капитана и передай, что я велел отвезти тебя, куда пожелаешь.— Он дружески приобнял Конана за плечи, затем подошел к двери и настежь распахнул створки.

— Дорогу Конану! Дорогу величайшему воину Эгьера!

Нергал меня дернул назначить встречу в корчме старого Шрухта! Зря предчувствиям не внял, выходит, а ведь было над чем призадуматься.

Тоска какая-то полезла в душу, как только свернул на Тропу Мертвецов. Тревога, видения нехорошие — гадость, словом. Иду и думаю: что за дрянь? Не оттого же мне муторно, что сумерки темно-синие из-под еловых лап уже лезут, и дорога, днем белая, песчаная, десятки раз хоженная, расплывается, словно сновидение под утренним ветерком. Что мне до тех сумерек? Не темноты здесь надо бояться и, уж конечно, не мертвецов, а если знаешь, что тебе грозит, это уже полдела. Это уже почти что ты и в безопасности.

Иду и таким вот манером себя успокаиваю. Легкая синеющая пыль вздымается под ногами и приятственно их холодит: иду я босиком, сандалии за плечами. Чего зря обувь топтать? И потом — верю я, что земля силу дает, а сила эта сквозь кожаные подошвы не очень-то проникает.

Лес в Гиблом Распадке густой: ели мхами поросли, подлесок колючий далее пяти шагов с дороги не пустит. Крякает кто-то в подлеске, ухает. Мелкие твари, нестрашные.

А страшно мне становится по-настоящему, когда поворачиваю за песчаный откос, что нависает над тропой по левую руку, тот самый, возле которого, как сказывают, настигли некогда убийцы старого князя Увлехта и кишки ему выпустили. За этим поворотом и начинается, собственно, Тропа Мертвецов, хотя вся дорожка к корчме Шрухта так называется.

Тут, за поворотом, сероволосые и ставят свои столбы. Столбы эти витые, резные, с мордами рыбьими и птичьими, локтей десяти-пятнадцати высотой, а наверху ящики с покойниками. Ящики тоже украшены страшной резьбой и снабжены крышками наподобие маленьких домиков. Оттого и зовутся — домовины. В сих скорбных хоробах — прах, кости, плоть зловонная. Сквозь стенки запах иногда доносится такой, что голова кругом идет. Тем более, мрут сероволосые последнее время немало, и все новые покойнички определяются на постоянное проживание вдоль Тропы Мертвецов. Сколько добра в тех домовинах — богам только ведомо. Здешные считают, что умершие должны все необходимое с собой иметь: утварь, оружие, даже драгоценности. Кладут, лихих людей не опасаются. А чего опасаться, когда любой малец знает, что мертвецы шутить не любят и добро свое запросто так нипочем не отдадут!

Мальцы, может, так и думают, но взрослые-то давно смекнули, что бережет кувшины, плошки, мечи и браслеты в домовинах. Днями по белой дороге разъезжает отряд стражников-ополченцев, а ночами... Ночами любой тать, если, конечно, ума он совсем не лишился, скорее даст отсечь себе руку или что еще поценнее, а только к столбам не сунется. И в сумерки не сунется, когда до появления *роя* не больше одной свечи осталось!

И вот, поворачиваю я за откос, и вижу, что возле первого столба сидит некий человек и уплетает за обе щеки пресную лепешку, из тех, которые zdeшные складывают к подножию в дни поминовения.

Само по себе это уже удивительно. Не знаю я ни одного человека, кто польстился бы на подобное угощение. Сам видел старого нищего, у которого еда мертвецов из ушей вылезла. А этот парень, синеглазый и темнокожий, здоровый, как буйвол и спокойный, как Толстая Башня в стольной Кельбаце, трескает за милую душу, расевшись у основания погребального столба, словно в немедийском трактире. Рожа у парня наглая, подбородок тяжелый, одет он в какие-то обноски, а между колен зажат короткий меч в потертых ножнах.

Ладно, мы всяких видели. И таких, между прочим, что в Гиблый Распадок гоголем влетали, да курицей ошипанной улепетывали. Если, конечно, боги давали ноги унести. Немало костей белеет в окрестных чащах, и никто не думает погребать их в домовинах.

Так я думаю и пылю спокойненько мимо. Парень на меня синие зенки таращит и молча челюстями двигает.

Миновал я уже почти глупца здорового, и тут вдруг язык зачесался. Сколько раз говорил себе: кто рот раскрывает, тот часто глаза навек закрывает! И не только говорил, видел тому подтверждение. И в Бритунии затрюханной видел, и на севере, и на юге. Везде одно и то же. Держи свое при себе — дольше проживешь. Ну, да наверное, судьба у меня такая: во все соваться. Одно слово: Альбинос...

— Эй,— говорю парнишке,— позволь тебе заметить, что ты ешь пищу мертвых.

Он набычился, рукоять меча своего погладил и говорит:

— А ты кто таков, чтобы мне советы давать?

— Зовусь я,— отвечаю,— Халар Ходок, меня здесь все знают. А тебя что-то не припомню.

— Меня,— отвечает здоровяк,— только тот помнит, кто мне по нраву. Остальные ждут. На Серых Равнинах.

И осклабился. Зубы у него белые на удивление, на лице — ни парши, ни «огня бледного». Хорошее лицо, хоть и злобное.

Я, конечно, свою палочку тут поудобнее перекинул, чтоб он заметил. Палочка крепкая, на одном конце медный наконечник с крючком, на другом — свинцовый набалдашник. Может, кто меч или там булаву предпочитает, а мне и с палочкой хорошо. Редко подводила.

— Ты,— говорю,— видно, иноземец. Похож на киммерийца, коих даже в дикой Бритунии почитают за варваров. Лет тебе немного, шестнадцать-семнадцать. В наших краях не бывал. Так послушай, ежели желаешь, доброго человека. У нас тут так: не укрылся на ночь за стенами — погиб. Мне плевать, что ты мертвецов объедаешь, это пусть старейшины да жрецы яйца чешут, но ежели мозги твои по весу

достойны тела, пораскинь ими. Корысти у меня нет, предупредить хочу.

— Ладно,— бурчит здоровяк,— предупредил. Что за твари ночные, коих вы так боитесь? У меня,— тут он снова погладил свой меч,— кое-что для них имеется.

— Против этой заразы,— отвечаю,— твоя игрушка что веер придворной дамы супротив насильника. Сколько ни махай — толку не будет.

Тут он поднимается, и я вижу, что киммериец на пол головы меня выше и в плечах шире раза в два.

— А откуда ты,— гудит,— моль бледная, узнал, сколько зим минуло с моего рождения и откуда я родом?

Не стал я ему объяснять, что вижу гораздо больше: и то, что был он гладиатором в жуткой Гиперборее, и бежал оттуда, и приключений имел немало... Положа руку на сердце, сам не знаю, как это у меня получается, а только люди для меня — не загадка. Хотя и отведал яиц оотека лишь дважды, и открыл их пагубную тайну,— потом отворотился от дурного пристрастия, чего и всем желаю.

«Моль бледную» в другой раз, может быть, и не стерпел бы, но встреча у Шрухта была куда важнее случайной стычки на вечеряющей дороге, и грусть-тоска почти отпустила, не знаю почему. Быть может, здоровяк-киммериец, жрущий пиццу мертвых со спокойной ухмылкой, всколыхнул в душе что-то далекое и полузабытое.

— Ладно,— говорю примирительно,— не след на ночь глядя тут торчать. А ежели мечом помахать хочешь не за просто так, а по делу, приходи в корчму «Божий глаз», далее по дороге. Там буду тебя ждать. Солнце взойдет, тогда и выясним, кто моль бледная, а кто шут колдунов гиперборейских...

Тут он на меня и прыгнул. Хорошо прыгнул, по всем правилам: меч сразу из ножен долой, и выпад мне в живот, да еще с выкрутом! Такой выкрут, ежели дело до конца довести, кишки по елкам развесит. «Штопор» у гладиаторов зовется, а откуда то ведаю — не спрашивайте, никогда в казармах Халог не был, да и не очень туда собираюсь.

С трудом я отбилась палочкой, живот свой тощий от потрошения спас, а юноша северный уже снова в атаку летит, и тут я смекаю, что не зря дурные предчувствия меня мучили. Многих супротив моя деревяшка стояла, а такой ярости по пустяку ее хозяин доселе не выдывал! Решил, видать, за пару слов меня северянин порешить, не иначе.

Ладно. Скакали мы в синей пыли довольно долго. Задел он мне плечо, хитон разорвал и плечо оцарапал, да я ему единожды набалдашником свинцовым ляжку огрел — смешные поранки! Пока топтались, темень совсем упала. И вижу, палкой размахивая, как из-под лап нависших, из-под подлеска, начинает выползать... Он, *рой* гибельный!

— Стой! — ору я киммерийцу.— Стой, дубина оледенелая, иначе обоим хана!

Он, даром что воин пылкий,— чутье, как у животного,— сразу застыл, только гляделками синими вращает и острие клинка с меня не сводит. Дыхалка у него сразу успокоилась, взгляд осмысленный: рубака, как есть, бывалый. То и спасло нас.

— Стой,— повторяю,— ежели в домовину на пару со мной не хочешь! Говорено: утром у нас оружием машут, вечерами же гибель грозит любому. Глянь за дорогу...

Он глянул. Ничего ему, конечно, пришлому, страшного там не открылось. Как туман легкий, как дымок едва воскурившийся,— лезет *рой* из-под ветвей и тихо так шелестит крылышками, как камыш под ветром. И принять его легче всего за туман лунный. И думает мой киммериец, что хитрость я применил, отвлечь его желая...

Я, знамо дело, не воин никакой и никогда таковым себя не выпячивал. Куда уж выродку до подвигов ратных. А только *вижу*: арена в Халог, кровью залитая, бойцы по ней мечутся, и те, кто желает снова в казармы вернуться, не только силой да натиском врагов одолевают... Вижу: здоровенный шемит с сетью и трезубцем, а супротив него вертикальный замориец... В чем только душа держится, и как такого заморыша ведьмы да колдуны гиперборейские на круг выпустили? На трибунах гвалт и крик великий: «Убей! Убей!» Нет надежды у заморийца, но он цепок до жизни, ох

цепок! Вот — в лицо ему летят три заточенные смерти, взмах меча, еще, еще... Слабеет рука: отчаяние и скрежет зубовой! И орет мой замориец, плюгавый шакалишка, орет, обливаясь потом и кровью: «Ты! Оглянись! Во имя Мардука, воина небесного, оглянись!» И еще что-то невнятное...

— Во имя Крома! — ору я киммерийцу. — Оглянись! Там — смерти!

И бросаю свое оружие под ноги, в темно-синюю пыль.

Надо отдать должное варвару: он не пользуется пустыми руками противника. Он косится через плечо, и на сей раз лицо его мертвеет. Северянин сейчас похож на волка, почуявшего гибельную близость прикрытой травой ямы. Ничем *рой* пока не изменился, все то же туманные облачко, и шуршит по-прежнему тихо, а только киммериец мой чует: шуршит то гибель, и гибель мучительная.

Тут я, конечно, мысленно благодарю всех богов, что послали мне не тупого немедийца либо насмешливого аквилонца — варвара-киммерийца послали! Почти что родственника. Хотя предки наши и воюют не на жизнь, а на смерть.

— Струхнул, белобрысый? — говорит он неуверенно, поводя головой направо-налево и прислушиваясь к пагубному шелесту. — Я, хоть и шут гиперборейский, а вкуса печени еще не забыл.

— А я, — отвечаю, — хоть лицом и волосами блее снегов асгардских, но от слов своих не отрекусь. Завтра драться будем — а пока ноги уносить отсюда надо!

— Знаю, не врешь, — и киммериец вдруг убирает в ножны свой меч. — Дрянь, что лезет из-под кустов, мне не нравится. Что ты там о корчме говорил?..

И мы бежим, словно два загнанных оленя, поднимая ногами темно-синюю пыль, и столбы с домовинами мелькают по сторонам. Бежим, ощущая за спинами шелест крыльев смерти...

* * *

— Давненько тебя не видел, Ходок, — сказал Шрухт Гнилой Желудь, подавая гостю кружку с гречишным медом.

— Не напрашивайся на любезность, почтеннейший. — Тот, кого назвали Ходок, опрокинул зелье единым махом и оттер губы тонким запястьем, на котором красовался массивный золотой браслет. — Не могу сказать, что особо заскучал, не видя твою рябую рожу.

Шрухт хихикнул, и не подумав оскорбиться.

— Если уж говорить о рожках, — прогнусавил он, отирая рукавом засаленной курки поверхность дубовой стойки с застарелыми подтеками, — хорош ты был вчера со своим приятелем, когда я впустил вас за дверь! Клянусь потрохами Увлехта, на ваших задницах сидело по десятку кровососов!

— Заруби на своем кривом носу, — буркнул Ходок, оглядываясь через плечо, — парень, который сосет брагу в обществе Зубодера и Проповедника, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Мы встретились на Тропе Мертвецов, я признал в нем иноземца и счел своим долгом предупредить об опасности.

— Какая трогательная забота! — воскликнул корчмарь в притворном умилении. — Проповедник останется доволен: хоть одну заблудшую душу он наставил на путь истинный! Можешь хоть сейчас отправляться в Бельверус, послушником в храм Митры. Сказывают, кормят там неплохо, а молитвы тебе теперь только в радость придутся. Что скажешь? Или угодно сперва закусить на дорожку?

— По зубам тебе дать угодно, если пасть не прикроешь, — все так же мрачно отвечал Ходок.

— Да будет тебе, — Шрухт приподнял подол кожного фартука и обмахнулся, морща пористый нос и закатывая белесые глазки, — мне уже страшно! Ладно, Альбинос, громилу этого ты все же зря с собой притащил. Глехтен-Глас будет недоволен.

Альбинос, чьи светлые волосы и бледный цвет кожи служили лучшим подтверждением его прозвища, насторожился.

— Он здесь?

— Он здесь и ждет тебя. Проводить?

Ходок кивнул и, отставив кружку, на дне которой плескался лишь мутный осадок сомнительного зелья, последовал за хозяином корчмы. Огибая стойку, он шлепнул по ней узкой ладонью и украдкой бросил взгляд на киммерийца, сидевшего в дальнем углу зала. Молодой северянин был занят беседой со своими нечаянными собутыльниками: тощим, похожим на стручок сушеного перца человеком по прозвищу Зубодер, и Проповедником, багроволицым потным толстяком. Первый непритворно восторгался зубами киммерийца, второй вяло пытался втолковать молодому человеку преимущество Бога Истинного над демонами языческими.

— Пойми, темная душа,— говорил толстяк, уплетая куриную ножку и запивая ее добрыми глотками аренджунского,— ваш Кром есть лишь заблуждение, коему подвержены северные народы. Я сам бывал в Асгарде, Киммерии и Ванахейме и могу сказать, что варвары столь же угодны Подателю Жизни, как и остальные народы. Не все, правда, варвары, а лишь те, кто открыл сердца свои Огненному Свету Несотворенного.

— И мне,— вторил ему Зубодер, прихлебывая из оловянной чашки,— довелось пожить в землях северных народов, и могу утверждать, что нижние и верхние ости весьма сходны у тамошних жителей и у народов южных: зингарцев, аргосцев и даже, как то ни прискорбно, шемитов...

— Отчего же «прискорбно»? — басил Проповедник.— В Заветах Митры сказано: «Пред Лицом Моим нет ни хайборийца, ни гирканца, ни тварей, коих бы Я ей облагодетельствовал...» Посему и последний зембабвиец столь же угоден Всеблагову, как и благочестивый аквилонец.

Зубодер при этих словах нахмурился и молвил веско:

— И все же, жевательный аппарат весьма отличен у истинных хайборийцев и у уроженцев тех мест, где доминируют допотопные племена. Так говорит наука.

— Дареному коню в зубы не заглядывай,— невпопад обронил Проповедник.

Зубодер тут же обиделся.

— Да ежели на то пошло, уважаемый, я могу по зубам отличить не только хауранского скакуна от шемского тяжеловоза, но и какого-нибудь киммерийца от сродственного сему племени вана...

Тяжелое молчание повисло над кошмой, на которой расположились трое.

— Ты, кажется, сравнил киммерийцев с лошадьми? — подал голос молчавший доселе варвар.

Зубодер что-то пробормотал, желая оправдаться, и тут же замолк, ощутив крепкую руку, схватившую его за шиворот. Завидев яростный блеск в глазах северянина и тут же пожалел о своих необдуманных словах.

— Я лишь хотел сказать,— прохрипел он,— что наука... исследование челюстей...

— Твои челюсти я исследую, когда проломлю тебе башку! — рявкнул киммериец и толкнул несчастного специалиста так, что тот отлетел на добрую дюжину шагов и стукнулся затылком о земляной пол корчмы. — А сейчас, если ты мужчина, поднимись и защищайся! Посмотрим кто сильнее: твой Митра или Кром, мой покровитель!

— Угомонись, юноша,— возгласил Проповедник, взмахивая куриной ножкой,— не то гнев Пресветлого обратит тебя...

Во что обратит гнев Митры богохульника, никто из раскрывших рты посетителей «Глаза бога» так и не узнал. Задняя дверь распахнулась, и оттуда вылетел тощий долговязый малый с палкой, увенчанной свинцовым набалдашником на одном конце и медным острием с крюком на другом,— вылетел с резвостью птицы, ускользящей из сетей птицеловов...

За ним, размахивая мечами, повалили воины в доспехах с гербом короля Бритунии на кожаных нагрудниках.

* * *

Сам не знаю, что меня насторожило в словах Шрухта. Не в словах даже, а в тоне его и ужимках: вроде бы все, как обычно, и морда гнусная, и щурится, как девственница

на фонарь веселого дома, а только засвербило что-то у меня за грудиной, и все тут.

Второй раз оплошал Альбинос, за один только день — и второй раз! Поспешил расслабиться, когда мы с киммерийцем влетели в корчму.

Шрухт уже поднимал лестницу, и дверь готова была вот-вот захлопнуться, оставив опоздавших на растерзание *роя*. Собственно, схватил нижнюю ступеньку северянин, да так, что двое дюжих прислужников во главе с хозяином, не смогли приподнять ее ни на пядь. А когда мы поднялись на площадку между двумя здоровенными вязами, где, словно гнездо, примостилась корчма «Глаз бога», мой новый знакомец, почесывая задницу (пятки-другой кровососов, опередив *рой*, все же успели прокусить ему штаны), осведомился, что это за дрянь, от которой мы с ним улепетывали во все лопатки.

Пришлось ему рассказать, что это за дрянь. Собственно, никакого секрета тут нет: о Гиблом Распадке болтают от Граскаала до Бельверуса. Думаю, где-нибудь в Тарантии и Кордаве тоже болтают, но для тамошних слушателей дела наши — сказки дикой страны. А между тем, ничего сказочного в наших комарах нет, разве что их размеры: с кулак величиной и с хоботками, что твой большой палец. *Рой* поднимается из Провала с наступлением сумерек и бесчинствует до первых солнечных лучей. Причем далее границ Гиблого Распадки отчего-то не летает, предпочитая добычу неподалеку от Провала...

Тут мой пытливый юноша интересуется, что за Провал такой и с чем его едят.

Провал, объясняю, это такая дыра в земле, весьма обширная, с отвесными скалистыми краями. А что там внизу — никому не ведомо. Сказывают только, что лежит на дне пропасти легендарный щит Агibalла, небесного великана, вступившего во времена оны в соперничество с самим Митрой. Податель Жизни вызвал великана на бой и вышиб из его рук волшебный щит, который рухнул с вершины небесного купола, упал, взметнув море огня, на землю и образовал пропасть на границе нынешней Бритунии и

Немедии. Так и лежит щит небожителя на дне. Как он выглядит и на что годен — никто не знает, а те, кто хотели прознать, навсегда канули в бездне.

— Так уж и все? — любопытствует варвар.

— Все! Из пропасти нет возврата. *Рой*, видать, на дне обитает, а что может *рой* многие видели, не надо и вниз спускаться. До костей человека объедают проклятые твари, и нет от них спасения ни конному, ни пешему, ни знатному, ни простолюдину. Кровососы, правда, тяжелы телом и выше трех локтей над землей не летают. Оттого и поднимают в Гиблом Распадке дома на деревья, либо на холмах строят, и окна густой тканью затягивают. Но ежели кто к ночи под кров не поспеет: пусть на себя пеняет. Кровь выпьют и плоть обгложут.

Северянин только хмыкнул и презрительно сплюнул.

Вижу, не поверил мне юноша. Его, в общем-то, дело, но выпили мы к тому времени уже изрядно, язык у меня развязался, и поведал я варвару историю месьора Дхрангаза, искателя приключений.

Сей месьор, родом не то из Аквилонии, не то из Зингары, поклялся, что проведет ночь в Гиблом Распадке. Ставкой в споре был, кажется, родовой замок. Дхрангаза заказал себе чудные доспехи из сплошного металла, под которые нацепил войлочные штаны и рубашку, пропитанную каким-то магическим противоядием, купленным втридорога у колдуна в Бельверусе. Затем героический месьор приказал доставить его под развесистое дерево на Поляне Берцовой Кости, усадить и оставить коротать ночь. Коротал он ночь с двумя знатными мехами пуантенского и бычьей лажкой.

Когда утром закладчик в споре, местный бритунский князь Увлехт, прибыл на поляну, месьор еще издали помахал ему закованной в металл рукою. Увлехт уже оплакивал свое родовое поместье, но, откинув забрало дхрангазова шлема, в ужасе отшатнулся. Из-под каски вылетели, шурша крыльями, проклятые кровососы. Они-то там внутри и копошились, шевеля доспех уже мертвого Дхрангаза. Видно, твари, забравшись под броню, проворонили рассвет и

продолжали пиршество как ни в чем не бывало. Солнце мигом их убило, но от месьора Дхрангаза, увы, остался лишь хорошо обглоданный костяк.

Через пару месяцев вассалы Дхрангаза подстерегли Увлехта возле песчаного откоса на Тропе Мертвецов и выпустили князю кишки, однако история их господина навсегда отбила у остальных охоту испытывать судьбу в Гиблом Распадке.

Киммериец мой и бровью не повел. Не знаю уж, что он там себе думал, может быть прикидывал, как щит Агибал-ла достать. С него станется, юноша решительный.

Ночь мы скоротали мы на соломе в задних помещениях, а утром решили головы поправить. Пока Шрухт нам кружки таскал, прибыли Зубодер и Проповедник, известные болтуны, и начали языками чесать, благо я подкинул северянину пару золотых и выпить на что было. Деньжат я ему дал с единственной целью: отделаться и поискать Глехтен-Гласа, моего покупателя старинного.

Тут-то Шрухт, старая болячка, и сообщил, что Глехтен-Глас со вчерашнего дня меня дожидается, а знака не подал, мол, потому что товарищ мой подозрения его вызвал. Ладно. Стоило бы мне сразу засомневаться: отчего это покупатель таким подозрительным стал. Словно я всегда один в корчму являюсь. Словно мало я кого с собой приводил: и беглых рабов, и разбойничков лихих, и даже стражей купленных. Иных жадность толкала, иных глупость... И вот иду я в каморку убогую, где всегда с покупателями встречаюсь, и обнаруживаю там одноглазого Глехтен-Гласа собственной персоной. Сидит он и зенку свою единственную на меня пялит. Поздоровкались.

— Принес? — спрашивает старый ублюдок.

— Принес, — говорю.

— Давай.

Начинаю я мешочек свой развязывать, где оотэка лежит, а тут у стенки, что за спиной одноглазого, кусок вываливается (щиток там есть, лаз тайный, мне хорошо известный) и оттуда выступает во всей своей красе Хредх, начальник кельбацкой стражи в старом шишаке и с маленьким круг-

лым щитом у пупа. И не один выступает, а в сопровождении вояк своих в кожаных нагрудниках и с арканами у пояса.

— Садись, — говорит мне Хредх ласковым голосом. — А мешок свой на стол положи.

Сажусь и кладу. А что еще делать?

— Что же ты, друг мой, опять за старое? — говорит Хредх совсем уже елейно. Радуетя, сучий потрох, а когда ищейка радуется, то и зубы спрятать может. Признаюсь, больше всего не люблю, когда меня берут с улыбкой ласковой. Лучше сразу — в морду. Как в Немедии. Там церемониться не любят, и пятки у стражи кованые, железные. Или где-нибудь в Туране: там, ежели арест пережил, считай, хорошо отделался. А вот в Зингаре плохо берут: прежде чем по сопаткам съездить, разговоры разговаривают, пыжатыся, гордость свою южную тешат. Подозреваю я, что Хредх в Зингаре родился, хотя и служит королю Бритунии.

— Ну-с, — тянет начальник королевской стражи, — предупреждали тебя, Альбинос?

— Предупреждали, — говорю.

— Не внял увещаниям?

— Не внял.

Чего отнекиваться, когда оотэка — вот она, на столе лежит. Глехтен-Глас зенкой своей в пол пялится и молчит.

— А дружок твой, — гнусавит Хредх, кивая на несостоявшегося моего покупателя, — раскаялся. Раскаялся и тебя выдал. Смекнул, плевок гнойный, что Его Величество шутить не любит. Смекнул, а?

Глехтен-Глас кивает и подтверждает, что смекнул. А еще, говорит он, Митра его просветил и глаза открыл. Вернее — один глаз, но открыл широко. И решил он, Глехтен-Глас то есть, избавить мир от скверны. Скверну же Ходок поставляет, единственный человек во всем мире, коему путь в Провал не заказан.

— Знаешь, сколько вельмож от дряни твоей спятило? — спрашивает Хредх. Я только плечами пожимаю. Думаю, немало. И не только вельмож.

— Митра Пресветлый! — Хредх аж подпрыгивает, изображая праведный гнев. — Величество наш, храни его боги, едва твоей заразы избегнул! А князь Влоуш так и помер, и жену перед тем зарезал...

— Что ж, — говорю, — такова его планида, видать. Я ему оотэку не продавал. Чтоб вы знали, яйца я только посредникам сбываю, а уж куда они их везут — Сету ведомо.

— Ты Сета не поминай тут, — щерит гнилые зубы Хредх, — на Суде Жрецов поминать будешь!

Суд, как же! Судить меня никто не станет. Поорут, посохами помашут и сожгут на площади. Даром что среди жрецов покупателей оотэки не менее, чем среди придворных интриганов. Ну как же: яйцо за щеку, и вот ты уже видишь, что твой соперник в мыслях своих таит. Недолго, правда, видишь, пока яйцо за губой тает. Но кто, Нергал их задери, велит потреблять «лучезарные зерна» без меры? Никто не велит, кроме честолюбия неумного и желания верх над соперником одержать. Оотэка же коварна: ежели долго «зерна» ее за губой держать — мозг в губку превращается и работать нормально без яиц Жрицы Агибалловой уже не может. Еще бы: человеку такое открывается, что тут не только жену зарежешь, но и себе кишки выпустишь.

— Сет, — стараюсь я говорить сдержанно и даже подобострастно, — тут ни при чем, это вы, месьюр, верно заметили. Алефтин-книжник из Кельбацы у меня яйца заказывал, говорил — изучает он оотэку. Ему и поставлял через посредников.

Легенда, конечно, плохонькая, но, когда тонешь, и соломинка подспорье.

Хредх скалится довольно.

— Алефтина-книжника твоего, — говорит, — седмицу назад возле Толстой Башни сожгли. Яиц ему в рот насовали и спалили, по приговору Суда Жрецов... Да ты палочку-то свою положи, от греха подальше.

Тут только замечаю, что сижу я на лавке и палку свою меж колен сжимаю. Воины королевские за спиной начальника своего маячат, мечи наголо, а четверо — по бокам от

меня топчутся, клинки оглаживают. Что им, рубакам старым, кривой посох какого-то там прощелыги?

В ошибке своей двое разувериться так и не успевают. Первому наконецник с крючком попадает в глаз, второй валится от удара свинцового набалдашника. Глехтен-Глас вопит и падает на пол. Правильно — его мне уже не достать: пятеро стражников с рыком кидаются вперед...

Не знаю, может выродок я, действительно, белобрысый, с глазами бесцветными, презираемый от южных до северных пределов, где мне побывать случалось, или Провал так действует. Более всего мне схватки не любы, боюсь я схваток. Но, как до дела дойдет, тут со мной это и приключается. Словно в воду попал, и напали на меня обитатели пучин: страшные, но медленные, неуклюжие. Плынут они из мути, щупальцами шевелят, норовят схватить и в пасть свою затянуть. Только мне-то в пучинах тех привольно: и двигаюсь быстрее, и сообразить успеваю, откуда нападение и чем оно чревато.

Пока пятеро вперед скачут, я уже на ногах и бью тупым концом своей палки. По причинному месту бью — это, хоть и не по правилам, но результат имеет. Стражники вопят и валятся. Хредх, потрох кури, решил гирькой разбойничьей воспользоваться, даром что представитель закона. Гирьку он из штанов вынул и над головой крутнул... Она медленно так ко мне поплыла, поймал я дуру свинцовую и назад кинул. Пока грузило летело медленно в лоб начальнику стражи, я успел еще троих завалить, потом назад сиганул, дверь каморки спиной выбил и через стойку перекатился...

И тут диво мое кончилось, как и не бывало его. Сижу я на полу, а сверху сталь блестит угрожающе: ублюдков-стражников слишком много для меня оказалось, и лезут они из дверей, что твой рой из доспехов покойного Дхрангаза!

Успел я еще подумать: хана! Глехтен-Глас, ублюдок, Хредх, чтобы вас все демоны преисподней задрали, Атрис же, мою девочку существо безответное, боги храните... Будьте

прокляты ублюдки, прости меня, любя моя ненаглядная! Не дожидаться тебе меня, сирого, не упокоиться нам двоим на дне Провала...

И тут сталь блеснула, но не опустилась, башку мою грешную рассекая, а покатались стражи, плескаясь в крови, словно рыбы в струях речных, — покатались под ударами варвара, о коем я и забыл почти.

Верно изречено в Заветах: «Не избирай ближнего, ибо сам придет...»

* * *

— Как тебя величают, северянин? — спросил Альбинос.

Они сидели в кустах на краю Провала, держа оружие наготове. Короткий меч киммерийца тускло блестел в лучах неяркого бритунского солнца, Ходок, по обыкновению, сжимал палку со смертоносными набалдашниками между колен.

— Мать звала меня Конаном, — сплюнул густую жвачку варвар. Он жевал лист акуции, мясистый и даже вкусный, если, конечно, вкушающий сей дар лесов достаточно голоден.

— Не помню, как звала меня родительница, — пробурчал его спутник, — но в Бритунии я известен под именем Халар Ходок, другие же кличут Альбиносом. Первое прозвище дано мне в знак уважения, второе употребляют люди, меня презирающие.

— Альбинос — это то же, что «белая ворона», выродок, — заметил варвар спокойно, словно речь шла о бараньей ножке на ужин. — Ты заслужил это прозвище. Погляди в озеро и успокойся.

— А я спокоен, — хмыкнул Ходок, — и твои речи мне не обидны. Варвары привыкли называть вещи своими именами, не то что цивилизованные люди, норовящие в любое слово вложить подспудный смысл. Да, я «белая ворона», о чем говорят цвет моих волос и кожи. Кстати, мать моя родом из Асгарда. Ничего?

Он спросил так, отлично зная, что асы и киммерийцы — извечные враги.

— В казармах Халого я знал уроженцев твоей страны, — откликнулся Конан. — Некоторых я убил, другие убивали иноплеменников. Мы все были там равны.

Ходок невесело усмехнулся.

— Пожалуй, если бы Митра решил установить всеобщий мир и благоденствие, как о том трактуют жрецы, он выпустил бы колдунов Гипербореи из-за Врат Черепа, дабы правили землями от Кхитая до пустошей Пиктов! Слушай, северянин, ты спас мне жизнь там, в корчме, и я тебе обязан. Поверь, рад бы помочь, да нечем. Впереди нас Провал, а позади — псы короля Бритунии. Их слишком много, чтобы отбиться. Я уйду на дно пропасти, куда вояки не сунутся. Рад бы пригласить тебя с собой, но не могу.

— Из-за *роя*?

— Да чепуха этот *рой*! Внизу есть вещи и поопасней.

— Если ты их не боишься, я — тем более! Что можешь ты, белобрысый, из того, что не могу я?

Альбинос задумчиво потер лоб, потом сказал:

— Меня не зря зовут Ходоком, киммериец, только я способен спускаться в пропасть... Вернее, спуститься в Провал может всякий, но вот покинуть его... Я один, Альбинос, выродок рода человеческого.

Где-то сзади, за густым подлеском, послышался лай собак: ищейки Хредха шли по следу беглецов.

Варвар провел крепким пальцем по белоснежным зубам, вытирая налипшую жвачку.

— Слушай, белобрысый, — сказал он, — выбора у меня нет. Я иду с тобой. И заруби на своем бледном носу: Конан-киммериец всегда делает то, что считает нужным!

— Даже если его предупреждают о неминуемой гибели?

— Даже так! А гибель — она повсюду...

В этот самый миг ветви кустов раздвинулись, и десяток дюжих стражников ринулись на беглецов, размахивая мечами.

Клинок киммерийца и палка Ходока заработали одновременно. Кожаные нагрудники не были помехой ни для остро отточенного лезвия, ни для бешено мелькавших на-

конечников: подлесок обагрился кровью, а чистый, напоенный ароматами хвои воздух огласился предсмертными криками.

И все же нападавшие одолевали: варвар и Альбинос пятились к Провалу, проклиная свою неосмотрительность. Хредх на сей раз обманул и опыт Ходока, и чутье северянина: оставив собак в отдалении, он приказал авангарду незаметно подкрасться через кусты...

Подожвы драных сапог Конана и сандалий Альбиноса оскальзывались на мелких камнях, с каждым шагом назад спуск становился все круче, и стражники, почуяв преимущество атакующих сверху, входили в раж: клинки мелькали стремительнее, вопли становились все воинственнее, а маячившее позади лицо начальника отряда багровело, подобно грозному лику Мардука.

И вдруг все кончилось.

Конан успел заметить, как легкая пелена нависла над скалистыми утесами, отрезая путь преследователям. Он словно нырнул в мутную стоячую воду — ряска сомкнулась над его головой и тут же исчезла. Небо было все таким же ясным, и варвар отчетливо видел жаворонка, парившего в вышине. И видел он вояк Хредха, остановившихся в нерешительности перед невидимой преградой. Сотник отчаянно орал что-то неслышное, разевая рот, как рыба, вытасченная из воды, и махал мечом, и награждал своих подчиненных пинками, но те, огрызаясь, топтались на месте, выставив перед собой мечи, не страшные уже и бесполезные...

— Все,— услышал киммериец негромкий голос Ходока,— мы в Провале.

* * *

— Все,— сказал я северянину,— мы в Провале.

Он стоял, выставив перед собой меч, потный, еще не остывший от схватки, и синие его глаза устремлены были вверх, туда, где толпились стражники.

— Давай,— сказал я ему,— спускайся полегоньку. Они сюда не сунутся.

Он обернулся через плечо и злобно буркнул:

— Не вижу причины, почему бы псам не растерзать дичь.

— А потому,— говорю,— что псы не настолько глупы, чтобы совать свои морды в западню. Я тебя предупреждал.

И стали мы спускаться. Вояки королевские нас, конечно, прекрасно видели, и тропу зрели, по которой дичь ускользает. Только я на них не смотрел, чего смотреть, когда и мальцу ясно: в Провал идти — живот потерять. Они и не шли, убогие, ножонками только край обрыва топтали да ругались неслышно.

Надо признать, варвар мой только пару раз через плечо глянул, а когда понял, что преследователи нас оставили, пошел рядом, меч свой за ненадобностью в ножны сунув.

Долго ли коротко ли, достигли мы дна пропасти. Тропа вывела на опушку донного леса, а лес тот с первого взгляда обычный — ели, сосны да осины в низинках. Впрочем, со второго взгляда лес тоже обычный. Если кто не присматривается и костяков многочисленных под ветвями не видит.

Киммериец сразу смерть учуял.

— Что это,— вопрошает,— поле бранное? Неудобное место выбрали военачальники, ежели заставили воинов своих сражаться в лесу.

Пришлось ему объяснить что к чему. Что не было здесь битвы, а скелеты многочисленные, белеющие среди трав да кустов, принадлежат дурням, кои сюда носы сунули. Лес их кости хранит и прахом стать не позволяет. Возле многих до сих пор самоцветы лежат во множестве, ну и, конечно, оотэки сгнившие.

— Видишь ли,— объясняю, как можно спокойней,— многих героев прельщала пропасть, и сколько им ни втолковывали, что назад ходу нет — героев несть числа.

— Ты, видать, и втолковывал? — говорит догадливый северянин.

— Втолковывал,— отвечаю честно.— Как тебе. Мне скрывать нечего.

Конан-варвар брови хмурит: вижу, не верит ни единому моему слову. Его дело. Идем дальше.

А дальше лес расступается и начинаются *травы*. Как только мой киммериец их видит — сразу меч наголо. Еще бы: я когда первый раз в Провал спустился, тоже оружие из рук не выпускал. Впечатляет местная поросль: любая травинка локтей сорок в высоту, мясистая, душистая и все такое... На новичков действует.

Спутник мой вопросами больше не донимает — и на том спасибо. Чувствует, видеть, себя карликом из легенд, что мать ему рассказывала. И то сказать: сильный мужик, воитель знатный, гладиатор бывший, а травинки над ним нависают, словно пагоды вендийские над паломником. Есть отчего призадуматься.

Только юный киммериец недолго лоб хмурит. И спрашивает, что я среди трав гигантских забыл и отчего меня, выродка-альбиноса, так король бритунский недолюбливает. Над вопросом его я, убогий, там, наверху, посмеялся бы, но мы-то шлепаем подошвами по дну пропасти, и вряд ли мой спутник кому что наверху расскажет... А посему таить от киммерийца я ничего не собираюсь и, дабы скоротать путь наш, рассказываю и о щите Агибалла, и о «лучезарных зернах», кои столь большой популярностью среди интриганов пользуются, и о своем проклятии, наложенном невесть кем и невесть за что...

Он слушает и вдруг говорит то, о чем я не раз думал:

— Значит, ты избранник богов. А почему не богат?

Варвар — он варвар и есть. Умеет не в бровь, а в глаз врезать.

— А потому и не богат, — отвечаю, — что таким, как я, выродкам, место только на костре у Толстой Башни. Каштаны из огня многие чужими руками таскать горазды. А когда каштаны зубы портят — руки те отрубают.

Тут юноша мой задумывается и долго шагает молча.

— Я видел драгоценные камни возле скелетов, — бурчит он наконец, — почему бы тебе не носить их из пропасти? Ты мог бы сбывать самоцветы в Бельверусе или еще где...

Конечно. Я много чего мог бы. Если бы не щит Агибалла. Сила, довлеющая над Провалом, сила древнего небожителя, охраняющего свои сокровища.

О том и говорю варвару. Еще я говорю ему (тайн на дне пропасти нет), что никто не может поднять наверх несметные сокровища, разбросанные по донным лесам и *травам*, подобно росе после теплой ночи. Останки тех, кто пытались, среди колючек белеют. И еще, говорю я ему, многие смотрят, но не *видят*. Я тоже слепцом сюда пришел, не в том, конечно смысле, что бельма у меня на глазах были, а смотрел, но не *видел*.

— И что же ты такое узрел, белобрысый, чего я рассмотреть не могу? — интересуется варвар с ухмылкой.

Пусть себе ухмыляется. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. А я надеюсь еще поскалить зубы за верхней кромкой Провала.

— Да ничего особенного, — спокойно отвечаю ему, — вижу я примерно то же самое, что и ты. Деревья, травы гигантские, камешки разноцветные вперемешку с костями. Только вот камешки те мне несколько по-иному представляются: темно-синие, к примеру, — тоска смертная, желто-коричневые — тревога, что душу, словно дикий зверь гложет, красные — просто ужас...

— Что же в них такого страшного?

— Чтоб тебе понятней стало, расскажу одну историю. Жил-поживал князь бритунский по имени Увлехт. Ты, должно быть, знаешь, что король наш слаб, власти почти не имеет, и вассалы только делают вид, что ему подчиняются, а живут обособленно, и всякий в своих землях царь, бог и судья подданным. Так вот, Увлехт этот тоже себя властителем знатым мнил. И прознал он как-то, что бродит по его вотчине некий выродок белобрысый, именуемый Ходоком или Альбиносом. И не только бродит, но и спускается в Провал, на дне которого лежит щит Агибалла и куда иным смертным путь заказан. Не ради праздного любопытства спускается, а корысть имея. И таскает сей Альбинос со дна пропасти разные диковинки...

— Ты же врал, что никто не может сокровища наверх поднять! — перебил меня киммериец, очень довольный, что во лжи уличил.

— Ну, это как поднимать,— говорю.— Те, кто здесь вечный покой нашли, мешками драгоценности с собой тащили, да надорвались. Я же смекнул вовремя, что камни надо поштучно выносить, потому и жив все еще. Так вот, князь Увлехт послал гонцов, которые меня разыскиали и в замок к нему привели. Не совсем добровольно, конечно, но и без особого моего сопротивления: знал я, что один камешек получив, князь и другие захочет. Так и оказалось. Увлехт купил синий самоцвет и потребовал, чтобы я принес ему желтый, а потом красный...

Очень он гордился, что имеет камни со дна Провала. Вставил их в перстни и перед другими нобилиями при каждом случае хвастал. Довольный по округе ездил, аж светился. А потом стало твориться с ним неладное. Заговариваться князь начал, на людей кидаться. Раз в лесу возле своего замка наехал на трех лесорубов, что по его же приказу деревья для какой-то постройки валили, решил, что это воры, и зарубил несчастных. Ладно бы только вилланы от его руки страдали, так и на людей благородных ополчился: чуть что, меч из ножен долой — и пошла потеха. Многих на Серые Равнины отправил, ни мольбы, ни посулы выкупов богатых не трогали его сердце.

Была у князя жена, молодая красавица Астель. И нашли раз бедняжку в колодце, что во дворе замка. Как она туда попала — Митра Всеблагой лишь знает, тем более что княжна, конечно, ведра в дом сама не таскала.

Увлехт совсем умом тронулся: построил челядь и стражу свою у крепостной стены и ну вдоль строя с арбалетом бегать. каждому пятому лично болт в горло всаживал. Не выдержала тогда дружина, повязала князя. Три седмицы он в горячке пролежал, а когда очухался, повинился перед людьми. Не прошло и трех дней — призвал меня и велел красный камень ему принести.

— И ты, конечно, принес,— понимающе кивнул северянин.

— Принес. Заказчик платит, купец товар доставляет.

— И что случилось с твоим заказчиком?

— Ввязался в один глупый спор, закладчика своего до смерти довел и сам от руки слуг одного мучительной кончиной скончался... Но камешки разноцветные — это, конечно, семечки. Есть в Провале кое-что поинтересней. «Лучезарные зерна» прозываются. Закладываешь за щеку и любого насквозь видишь: что на уме, что на сердце. Вот за зернышки-то эти по-настоящему большие деньги взять можно.

— Берешь?

— Брал. Но счастье мое, видать, кончилось, если сам король Бритунии допер: не все, что хорошо, хорошо же и кончается. «Лучезарные зерна» столь же коварны, как и самоцветы здешние. Раз заложив их за щеку, хочется принимать еще и еще. И открываются иные сферы, жуткие, с ума сводящие. Полны они чудищами бесплотными и видениями столь тоскливыми, что жить не хочется. Ну и, конечно, представь себе сколь скорбно наблюдать постоянно людшек без всяческих масок, тех кто друзьями прикидываются и верность свою лукаво преподносят... Князь Влоуш, к примеру, как Хретх сказывал, жену свою порешил и сам на Серые Равнины вслед за ней отправился.

Шагали некоторое время молча. Киммериец что-то обдумывал, морща лоб и тихо бормоча себе под нос неразборчивое. Потом спрашивает:

— Значит, накрылась твоя торговлишка? Что делать станешь?

— А делать я стану,— отвечаю,— вот что. Найду где-нибудь тут оотэку, «лучезарные зерна» содержащую, поднимусь наверх, проберусь куда подальше, в Бельверус либо в Гальперан аквилонский, продам и больше в Провал — ни ногой. Деньжат я скопил, в надежном месте припрятаны, так что пора начинать добродетельную жизнь, как жрецы велят. Пожалуй, десятую часть храма Подателя Жизни отпишу.

Северянин снова помолчал, потом говорит:

— Раз так, я отставать не стану. Кромом клянусь, глупо упускать возможность подзаработать. Укажи, белобрый, где искать твою оотэку или как там ее, поделим поровну, наверх влезем и разбежимся.

Смешной парень. Странно, к другим я никогда симпатий не питал, а этот сразу по нраву пришелся. Даром что готов был меня прикончить на Тропе Мертвецов. Жаль мне его стало, да что поделаешь, видать Кром этот, которого поминал киммериец, немного отпустил ему ходить по земле.

— Я толковал уже,— замечаю,— что наверх нет тебе дороги. Ты не поверил. Вольному воля, счастливцу — удача. Только удачи тебе не будет, северянин. Не отпустит тебя Провал.

— Да? — скалится он насмешливо, лихо срубая мечом своим подвернувшуюся травину. — И что это за твари, путь преграждающие?

— Никаких тварей нет,— объясняю. — Так что сражаться тебе не с кем. А только щит Агибалла так сделает, что живым тебе не уйти.

— Тогда покажи, где этот щит, и я его уничтожу!

Тут я не выдержал и расхохотался. Представил, как киммериец клинком по штуке этой лупит и просто зашелся. И вижу краем глаза: варвар мой ощерился зловеще, вот-вот снова на меня бросится...

— Ладно,— говорю,— отведу тебя, куда просишь. Только уж не обессудь, ежели силенок не хватит.

Он хотел что-то ответить, но тут стена *трав* впереди колыхнулась, и выше наших голов локтей на десять явилась лупоглазая морда Жрицы. Она разевала маленький черный клюв, а посреди зеленоватого туловища, сложенные, как руки молящегося, подергивались страшные лапы, подобные пилам с двойными рядами острых, загнутых внутрь зубцов...

* * *

Чудовище, явившееся взорам Конана и Альбиноса, носило в своем облике странную смесь зловещей уродливости и изящества.

Его передние лапы, толстые у основания и увенчанные длинными, изогнутыми подобно серпам косарей лезвиями, были похожи на веретена и усеяны красивыми черными

пятнами с белыми глазками внутри; жемчужные разводы дополняли странный наряд. Снизу от локтевых суставов шел двойной ряд острых шипов: по дюжине на каждой лапе, черные попеременно с темно-зелеными. Наружный ряд был более прост и состоял только из четырех зубьев, острых, словно иглы. Наконец, три самых длинных шипа торчали позади двойного ряда. Великолепные орудия смерти едва заметно покачивались в такт дыханию твари.

— Что за гадина? — поинтересовался варвар, с любопытством разглядывая монстра из-за густой поросли, где они с Ходоком укрылись.

— Везет нам,— негромко отвечал белобрысый,— говорят: на ловца и зверь бежит. Воистину, северянин, ты удачлив. Это Жрица Агибалла. А раз она появилась, и пузо у нее не отвислое, значит оотэка рядом где-то.

— Жрица Агибалла? Эта пакость что ли охраняет щит?

— Ничего она не охраняет и ума у нее не более, чем у деревенского дурачка после обильной выпивки. Тварь свирепая и весьма кровожадная, но, ежели будем сидеть тихо, она нас не заметит и уберется. Тогда поищем оотэку, забрем и отвалим.

— Ты обещал мне... — начал было киммериец и умолк.

Из-за бурого листа, не уступавшего размерами ярмарочному помосту, появилась стройная фигурка. Это была тоненькая нагая девушка. Длинные желтоватые косы падали на маленькую грудь и волнами спускались ниже пояса. Девушка, не обращая внимания на чудовище, неторопливо побрела среди мхов, доходивших ей до колен.

Жрица крунула башкой, глаза ее, похожие на каски немедийских рыцарей, уставились на незащитное существо. Монстр шагнул вперед, разваливая заросли *трав*...

— Клянусь дубиной Крома,— хрипло прошептал киммериец. — Куда ее несет, эту красотку? Глупая девчонка...

Он не договорил и полез из кустов на прогалину.

— Это не девчонка! — отчаянно крикнул Ходок ему в спину, но было поздно: Жрица заметила варвара.

Огромное тело монстра содрогнулось, словно под ударом бича великана. Жесткие надкрылья на спине стремительно

откинулись в стороны, вздыбившись, подобно парусам корабля, конец брюшины скорчился, то поднимаясь, то опускаясь, растягиваясь резкими движениями, издавая шелест, похожий на шуршание распутившегося хвоста индюка. Гордо опершись на четыре задние ноги, чудовище расправило грудь, держа ее вертикально, передние хватательные лапы, сначала сложенные, словно для молитвы, теперь раскрылись во всю свою длину, обнажив подмышки, украшенные перлами и черными пятнами с белыми глазками.

Неподвижная в своей угрожающей позе, Жрица пристальным взглядом следила за человеком, слегка поворачивая голову. Слышалось сухое потрескивание, словно занимался огнем хворост, этот звук, негромкий, но угрожающий, должен был лишить противника воли к сопротивлению.

Однако на сей раз Жрица столкнулась с достойным соперником. Варвар стол, широко расставив крепкие ноги, выставив перед собой короткий меч, исподлобья глядя на монстра. Выйдя на открытое место, он не сделал более ни одного движения, справедливо полагая, что этого именно и добивается чудовище. Судя по конвульсивным движениям передних лап и брюшины, Жрица, несмотря на огромные размеры, способна была действовать гораздо более стремительно, нежели человеческое существо.

— Назад, северянин! — услышал Конан за спиной крик Альбиноса. — Назад, тебе с ней не справиться!

Краем глаза киммериец заметил, что девушка, даже не обернувшись, скрылась в зарослях.

— Давай, оглобля зеленая! — рывкнул варвар, слегка поводя острием клинка. — Хочу посмотреть, какого цвета твоя печень!

Огромные бесцветные крылья Жрицы с зеленой каймой по наружному краю слегка трепетали, многочисленные золотистые прожилки сверкали, переливаясь завораживающим блеском. Их сияние кружило голову, и Конану вдруг мучительно захотелось бросить оружие и прилечь в мягкий высокий мох. Забыться, заснуть, погрузиться в негу, дарующую покой... Вечный покой...

Зарычав, киммериец ринулся вперед. Его меч успел задеть отвратительную лапу-веретено: по роговому щитку, прикрывавшему зловещую пилу, потекла зеленоватая струйка сукровицы. В тот же миг Жрица стремительно выбросила вперед лапы и схватила человека. Конан ощутил, как земля ушла из-под ног, и увидел надвигающийся черный клюв, отверстый, готовый насладиться добычей... По бокам клюва сидели огромные сетчатые глаза, и за их радужной оболочкой киммерийцу почудился насмешливый блеск. Тогда, чувствуя, что тело его вот-вот будет разрезано надвое, варвар испустил боевой вопль и из последних сил всадил в смеющийся глаз короткий гиперборейский клинок.

* * *

— Тебя, видно, в кузне выковали, — сказал Альбинос, прикладывая к ранам Конана мясистые листья, ароматные, дарующие измученному телу покой и прохладу.

— Мой отец точно, коваль, — откликнулся северянин, — но родила меня обычная женщина.

Он лежал на подстилке из сухого мха в ста шагах от тела поверженного чудовища. Ходок притащил целебные растения, натер варвара липкой массой и напоил какой-то терпкой, обжигающей горло жидкостью.

— Много здесь тварей ползает, — ворчал он, пользуясь своего спутника. — Сдается мне, то обычные букашки-таракашки, кузнечики, саранча, кобылки... Только невесть почему вымахали они с кобылу настоящую. Так вот, Жрицы из них самые кровожадные. Часами могут в зарослях таиться, а как жертва неосторожно к ним подпрыгает, вылезают и ну крылья топорщить. Пугают. Добыча от их шуршания и потрескивания цепенеет и шагу ступить не может, так и ждет, пока Жрица их схватит. А как схватит, тут тварям ползающим и летающим конец: из пил этих страшных никто ускользнуть не может. Ты первый. Идти-то сможешь?

— Смогу. А что за девица голая нам являлась?

Альбинос поморщился.

— Не было никакой девицы. Тоже козни Жрицы. Сколько раз наблюдал, как твари эти морок на своих жертв напус-

кают: кузнечик — самка кузнечика, саранча — ее любовь... А нам вот тоже самочку подослала, только человечью. Признаюсь тебе, северянин, я и сам бы купился, коли впервой такое увидел. Ладно, если шагать способен, поднимайся и давай поищем оотэку. Она здесь где-то, неподалеку.

Они углубились в заросли *трав*, осторожно ступая по сырой подстилке, готовые в любой момент встретить новую опасность.

Поиски были недолги: Ходок вскоре обнаружил пучок бурых растений, похожих на водоросли, и раскидал их своей палкой. Конан увидел листообразную сумку локтя три длиной, цвета пшеничного зерна. Оотэка была сделана из вещества, похожего на шелк, но не разделяющегося на нити, а представляющего сплошную пенистую массу. Верхняя сторона сумки была выпуклой и разделялась тремя продольными поясками.

— Счастлив твой Кром! — осклабился Ходок. — Бывало, я дня три—четыре средь *трав* бродил, прежде чем яйца найти. А тут, на тебе, сразу натолкнулись.

— Яйца? — переспросил киммериец.

— Да, северянин, «лучезарные зерна» — приплод Жрица, который эти твари откладывают в оотэках. Не знаю уж, почему он обладает столь удивительными свойствами, но, думаю, виной тому щит Агибалла.

— Ты обещал отвести меня к нему.

— Обещал и сделаю. Не хочу, чтобы ты винил меня в том, что не сможешь выбраться из Провала. Хочешь добрый совет, киммериец?

— Нет.

— И все же послушай. Уйти отсюда ты не сможешь. Построй хижину где-нибудь возле ручья и живи мирно. В лес, что у подножия скал, не суйся, ты видел, что стало с теми, кто через него пройти пытался. Пища здесь хоть и не изысканная, но сытная: листья, корни, живность. Думаю, вскоре привыкнешь гигантских кузнечиков вкушать. Мясо у них хоть и горьковатое, но есть можно.

— А я вот что думаю, — сказал Конан, почесывая подбородок. — Думаю я, белокрысый, что врешь ты. Для того и

«зерен лучезарных» мне не нужно. Только не пойму, зачем врешь. Ну да неважно. Думаю я еще, что хорошо бы тебя прикончить. Драться ты умеешь, знаю. Да только загоняю я тебя, так мыслю. Ежели спуску не давать, дышалки у тебя не хватит. А когда силы кончатся — сам палку свою ки-нешь и пощады попросишь.

Альбинос и глазом не моргнул.

— Правда твоя, северянин, — отвечал спокойно, — загнать ты меня, конечно, можешь. Грудь у тебя пошире моей, да и моложе ты годов на десять. Только что в том толку? Жрица — не самая коварная тварь в Провале. Ты силен и проворен, слов нет, да только к силе и проворству еще и опыт надобен. А опыта у тебя нет. Так скажу: я тебя сюда не звал, ты мне не кум и не брат, скрыться я мог бы сейчас же, но делать этого не стану. Помню, чем тебе обязан: избавлением от костра у Толстой Башни. Кстати, спросить хотел, по каким таким рассуждениям ты за меня в схватку мою со стражниками влез?

Варвар пожал плечами.

— Не знаю, белокрысый. Видать, не люблю, когда семеро одного бьют. В Халогге бывало: выпускали на арену пятерых-семерых против одного. И потом, завожусь я, как только герб королевский на броне увижу.

— В том мы похожи, — кивнул Ходок, — кто родился под свист ветра, не станет желать ни оков, ни хором. Так вот, киммериец, я обещал, что отведу тебя к щиту Агибалла, и слово свое сдержу. Толку в том никакого, но хочу, чтобы ты на меня зла не держал.

С тем они и двинулись между огромных стволов, которые в других местах просто шуршали бы под ногами.

* * *

Не знаю, из чего сделаны киммерийцы. Предки мои по матери более с ними воевали, а иногда и вступали в боевой союз, как предания рассказывают. Асы и потомки атлантов (а киммерийское племя почитает себя наследниками сего народа допотопного) не раз ходили в набеги на южные земли и часто одолевали закованных в броню рыцарей.

Думаю, и к тому меня доблесть безответная двух народов северных склоняет, что, забудь асы и киммерийцы раздоры, покорили бы они мир и заставили трепетать и насмешливых аквилонцев, и гордых зингарцев, и шемитов, и даже стигийцев, обитающих за великой рекой Стикс и мнящих себя потомками самого Сета, Змея Вечной Ночи.

Ежели этого парня пилы чудовища не разрежали, ему все нипочем. Раны его затянулись на глазах, и после схватки, любого другого отправившей бы на Серые Равнины, он шагал среди *трав* столь бодро, словно прекрасные банщицы аграпурские только что натерли его тело целительными мазями.

Я, признаться, пожалел даже, что не смогу уговорить киммерийца навсегда поселиться на дне Провала. Славная была бы компания. Девуцу какую сверху бы притащили, усадьбы где построить, я ведаю, а то, что воздух здешний (или чары агибалловы) для здоровья полезны и жизнь продлевают практически бесконечно, в том убедился уже, и не убедился даже, а просто — *знаю*. Жить, как говорится, поживать, а добра наживать здесь не надо. Ни к чему здесь добро.

Шагаю я среди порослей огромных и видится: год-другой минует, и делаемся мы с киммерийцем все выше и выше, равняемся со здешними обитателями, кровы свои перестраиваем. И жены наши от нас не отстают. Десять зим минует и, чем Сет ни шутит (прости, Хредх, что имя Змея Вечной Ночи поминаю), и вот — здешние твари становятся что обычные букашки для ноги человеческой. *Вижу*. А тогда, если видение меня не обманывает, поднимаемся мы в мир людской, и нет нам ни удержу, ни помехи...

— Эй,— окликает меня тут варвар,— что за дерьмо Нергалье?

Впереди, за порослями, открывается *щит*. Более всего похож он на панцирь гигантской черепахи, зарывшейся в землю. Чтобы его пересечь, шагов пятьсот надо сделать. Поверхность, более всего сходная действительно с роговым черепашьим панцирем, круто уходит вверх, а на крае противоположном, знаю, обрывается. Там, под обрывом, видны

огромные колонны, некогда державшие круг, словно крышу храма. Колонны глубоко ушли в землю, а *щит* оплели вьюны коричневатые, сухие, и на пластинах, поверхность этой штуки составляющих, греются на солнышке пяткок-другой огромных кузнечиков.

— Щит Агибалла,— говорю варвару.— Может, и не щит, а жилище его, с неба рухнувшее, а может, еще что. Хочешь разбить — разбей.

Он нос морщит, совсем по-волчьи воздух нюхает.

— Нехорошо здесь,— говорит, и, слышу, голос совсем не такой уверенный, как прежде.

— Давай,— говорю,— действуй.

Киммериец на меня зенками синими зыркнул и зубы оскалил. Вижу, мысль в глазах его метнулась, и радуюсь, что не только порывам своим он следует, но и осторожность имеет.

— Не темни, белобрысый,— слышу,— не стал бы ты меня сюда просто так вести. Что под щитом сокрыто?

— Кто его знает,— отвечаю осторожно. Пусть сам думает.

— Ежели бы ничего внутри не было,— гудит варвар,— не стал бы щит свои владения охранять. А коли охраняет...

«Давай,— умоляю я мысленно,— соображай, сметливый юноша!» И юноша *сам* приходит к заключению.

— Ежели бы ничего внутри не было,— говорит он,— не хранил бы Агибалл свои владения. Щит — он защита и есть, любой воин тебе скажет. Ты врал, что нет для меня пути отсюда, но если небожитель, либо его хоромина, ограждают владения от пришлых, это, клянусь пяткой Крома, что-то да значит. Не раз доводилось мне подбирать оброченные в битве щиты, и хранили они не хуже купленных!

— Так ступай и подними то, что поднять не можешь,— говорю я.

Честно признаюсь, не ожидал от варвара такой смекалки. Многим приходилось суть дела разжевывать. Случались и такие, кто до конца не верил в возможность спасения. О тех палка моя ведает, да Нергал, души их принявший.

Варвар только глянул на меня злобно и вперед ринулся. Вскоре я смог убедиться, что «лучезарные зерна» ему и впрямь ни к чему. Киммериец пару раз ударил клинком в щит, убедился, что крепость одного подобна стене крепостной, и тут же принялся поддевать мечом пластины, составляющие поверхность.

Ждать я не стал. Взобрался на крышу хоромины агибаловой, нагретую солнцем (кузнечики прыснули в стороны и застрекотали в зарослях — словно полтыщи игрецов ярмарочных свои инструменты в ход пустили) и помог варвару отколупнуть роговую штуковину.

Снизу она была сырая, пористая, и выступы обычные на ней замечались, за которые так держать удобно. Настоящий щит.

— Что ж,— говорю,— ты, видать, решил, что спасение обрел. Рискни. Только я ни за что не отвечаю.

— А я тебя и не прошу, выродок,— бурчит он, прилаживая пластину локтя два длиной наподобие щита настоящего.

И повел я северянина к тропе, что вилась через лес донный. Среди костей да камешков самоцветных — наверх, в мир, к обоим нам, думаю, не слишком ласковый.

Северянин шагал впереди, прикрывшись пластиной. Словно в бой шел против целой армии. Меч он не выпустил и готов был, видно, сразиться, хоть с выводком демонов. Я за спиной его выптагивал, и муторно мне было, словно ядовитый гриб съел.

Миновали мы *травы*, лес миновали и подошли к скалам.

Тут варвар мой и говорит, обернувшись:

— Не знаю, правду ли ты мне сказывал, белобрысый, и смогу ли я из сего гиблого места ноги унести. А только давай поделимся. Думаю, «лучезарные зерна» мне так же пригодятся, как и тебе.

Справедливо сказал. Попросил я у него меч, разрубил оотэку пополам и ему часть отдал. Что ж, пропадать добру, так пропадать.

Топаем вверх по тропинке, что среди скал вьется. Я уже муть, закрывающую вход в Провал, вижу, а северянин

мой весело насвистывать принялся. Киммерийцы они киммерийцы и есть, и в двух шагах от смерти веселиться будут.

И вот, наблюдаю, занялся щит в руках его бледным пламенем. Пламя то все возгорается, свирепеет, миг — и руки северянина уже объаты его холодными языками. Знаю я, что жжет ему руки, и грудь тоска смертная холодит, и ноги подкашиваются... Многих я видел, кого водил в пропасть, и ужас их видел, и отчаяние, и тщетные попытки спастись. Затем и водил, что Провал двоих не отпускает, и один, первым идущий, должен щит перед собой нести, второму дорогу прокладывая. И когда последний сполох, яркий, как зарница в грозовом небе, поглотит незадачливого героя, следом идущий, выродок белобрысый, получит свободную дорогу наверх, к людям, которые презируют его и жаждут его диковин, со дна пропасти принесенных...

Только ничего этого на сей раз не было. Конан-варвар, прокладывавший мне путь, только помянул Крома своего неведомого, щит из рук не выпуская, зеленые сполохи оплели его тело, пыхнули и растаяли, как туман под утренним ветром. И понял я, что тоска и предчувствие беды там, на Тропе Мертвецов, не обманули. Время Ходока ушло, путь в Провал ему отныне заказан, а Агибалл, небожитель неведомый, обратил лик свой на иное человеческое существо...

* * *

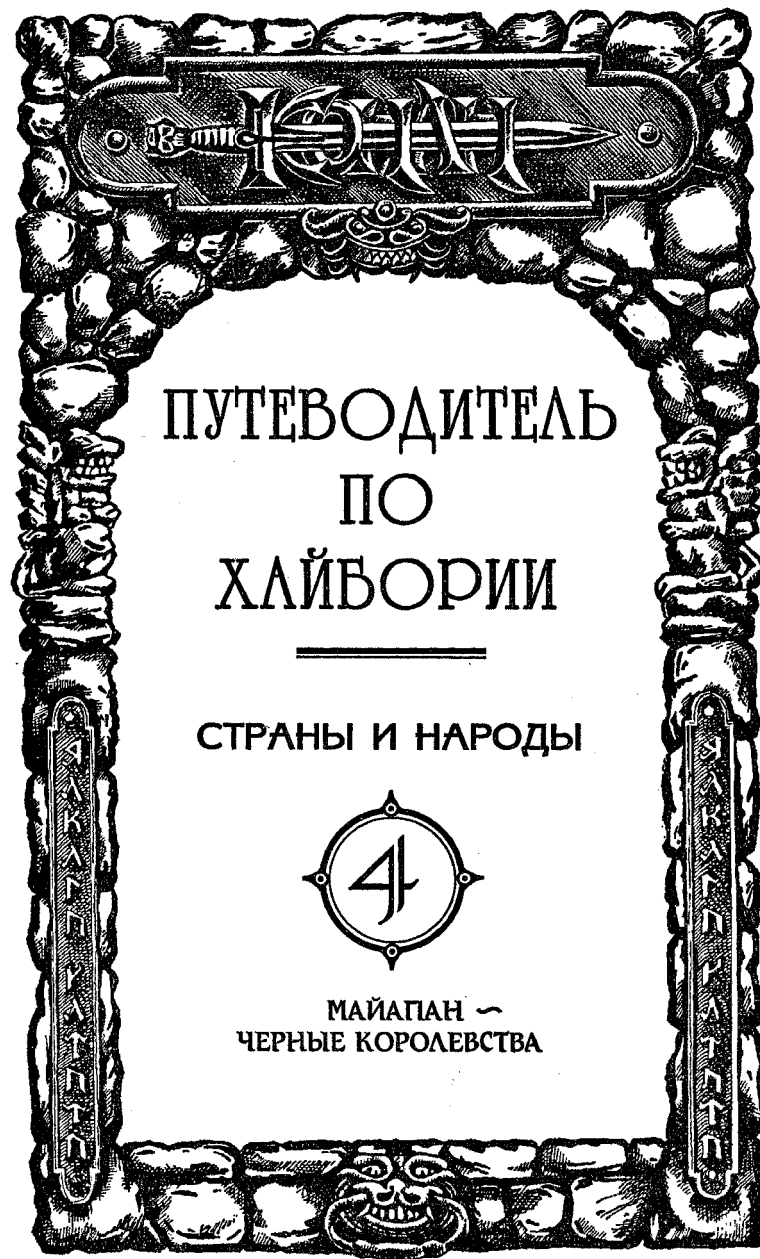
— Прощай, белобрысый!
— Прощай и ты, Конан-северянин.
— Видишь, слаб оказался твой Агибалл.
— Слаб или милостив — не нам судить.
— Что делать станешь?
— Не бойся, не пропаду. Деньги у меня есть, есть и невеста, нежная и преданная. Построю усадьбу в долине Лема, обнесу высоким тыном, собак во двор напущу и стану жить, с людьми не знаясь.

— Все еще оотэка покоя не дает?

— Может, и так. Ты свою долю сбудь подальше отсюда. Лучше всего в Заморе, стране воров, тамошние толстосумы падки до зелий неведомых. И упаси тебя Кром возвращаться в Провал. Прощай.

— Прощай и ты, Альбинос. Мир велик, есть что посмотреть, кроме дыры этой затхлой. Смотри, не клади за щеку «лучезарные зерна», люби свою жену слепо, до правды не доискивайся!

Они махнули на прощание друг другу и разошлись, вздымая пыль: Конан-варвар — подошвами потертых сапог, Халар Ходок — босыми, привычными к окольным путям ступнями.

МАЙАПАН см. АНТИЛИЯ

МЕРУ

М. — это страна в самом сердце Гимелийских гор. О ее происхождении мало что известно достоверно, если не считать красивых легенд, и даже о самом существовании М. мир узнал сравнительно недавно. М. упоминается в единственной повести *Л.Картера и Л.Спрэга де Кампа «Город черепов»*.

Дорогие друзья!

*—Первая часть справочника—
«Путеводитель по Хайбории»—
«Страны и народы: Агадея-Ап»*

—была опубликована в томе—

«Конан и Сердце Аримана»,

—Вторая часть справочника—

«Страны и народы: Аргос-Зингара»

—в очередном томе—

«Конан и Багровое Око»,

—третья часть—

«Страны и народы: Иранистан-Кхитай»

—в томе—

«Конан и призраки прошлого»

История. По меруанской легенде, долина, именуемая Чашей Богов, являлась прежде Крышей Мира и представляла собой абсолютно плоскую ледяную равнину, протянувшуюся от пиков Гимелийских гор до самых вершин Талакмасы. Далее в меруанских сказаниях говорится: *«И решил тогда Яма, владыка демонов, создать эту долину для нас, своего избранного народа, дабы могли мы там жить и процветать. И наложил он чары на Крышу Мира, и заставил ее прогнуться. Задрожала земля, загрохотала, точно десять тысяч громов, и брызнул раскаленный камень из расщелин, и встygнули леса, и обрушились горы»*. Когда же завершились эти чудовищные катаклизмы, между двумя горными грядками образовалась глубокая долина, согретая внутренним теплом Земли, так что там смогли найти приют животные и растения южных стран. *«И сотворил тогда Яма первых меруанцев, и привел их в долину, дабы могли они жить там вечно»*. Некоторые хайборийские ученые придерживаются мнения, что в легенде в поэтическом переложении дано описание Великой Катастрофы, погубившей Атлантиду. В доказательство своей теории они указывают, что никакими иными причинами невозможно объяснить существование в изолированной от внешнего мира долине таких животных, как носороги, тигры и прочие обитатели джунглей.

Союзники и враги. М. практически не имеет контактов с внешним миром. Некоторые гирканские племена торгуют с меруанцами, выменивая у них золото и самоцветы, однако большинство кочевников предпочитают держаться подальше от жителей долины.

География. Чаша Богов лежит между Талакмийской и Гимелийской горной грядой. Озеро, именуемое Сумеро Тсо (Sumero Tso), покрывает большую часть долины. Семь священных городов М. — Аузакия (Auzakia), Исседон (Issedon), Палиана (Paliana), Тогара (Thogara), Троана (Throana), Шамбалла (Shamballah) и Шондакор (Shondakor) — стоят на берегах озера, у подножия гор, на равном расстоянии один от другого. Благодаря вулканической активности, продолжающейся в недрах гор, климат в М. достаточно жаркий, почти тропический. Здесь отлично чувствуют себя многие растения и животные, населяющие Черные Королевства.

Карта магических областей. М. является территорией с повышенной концентрацией магической энергии.

Общество. Большинство меруанцев низкорослы, смуглокожи, внешне похожи на *вендийцев*. Их цивилизация пребывает в состоянии длительного застоя, причем общественная жизнь находится под строгим контролем шаманов и жрецов **Ямы**. Правителем М. является *римпоше*, который считается сыном самого **Ямы**, за ним следуют верховный жрец, знать, духовенство, землевладельцы и военные.

Обычи. Меруанцы убеждены, что все хорошее и дурное, что случается с человеком на протяжении жизни, является результатом действия кармы. Если их постигнет неудача, они считают, что таким образом расплачиваются за прошлые преступления, если же им улыбнется удача, они воспринимают ее как награду за добрые дела в прежней жизни. Поэтому меруанцы с равным спокойствием воспринимают любые повороты судьбы. Помимо этого, меруанцы привыкли безоговорочно повиноваться жрецам. Отчасти, благодаря незыблемой вере в то, что жрецами рождаются лишь люди, достигшие высокого уровня духовного развития, отчасти — опасаясь гнева бога **Ямы**. *Римпоше* (король-бог) считается главой государства и церкви. Сейчас им является **Ялунг Тонгпа** (Jalung Thongpa), именуемый также **Грозой Людей** и **Тенью Небес**, его считают воплощением **Ямы**. Когда умрет **Ялунг Тонгпа**, жрецы по всей стране примутся искать младенца, родившегося точно в миг смерти предыдущего *римпоше*. Именно этот ребенок, даже если он окажется калеккой, будет считаться инкарнацией правителя.

Право. Меруанские законы просты и состоят в безусловном повиновении жрецам. Жречество является источником правосудия (поскольку жрецы якобы провозглашают волю самого **Ямы**), и речи их считаются боговдохновенными. Для меруанцев смерть отнюдь не является высшей мерой наказания. Смерть освобождает душу для нового воплощения, и потому не является ни карой, ни наградой, но лишь переходным периодом, лишенным собственной этической значимости. Поэтому величайшим наказанием для преступника является продажа в рабство, гребцом на галеры, курсирующие по озеру **Сумеро Тсо**. Меруанцы верят, что раб лишается права считаться личностью и вообще человеком, и потому после смерти бывший раб не сможет возродиться в человеческом облике. Поэтому рабы редко бунтуют, даже если осуждены несправедливо, надеясь заслужить прощение покорностью и искупить прошлые грехи.

Религия. Меруанцы поклоняются богу **Яме**.

Вооруженные силы. Конница неизвестна в **Чаше Богов**, и потому армия М. состоит из пеших воинов, вооруженных в основном пиками. Впрочем, в условиях почти полной изоляции от окружающего мира в армии практически нет нужды.

Язык. Меруанский язык лишь косвенным образом связан с другими современными языками. Некоторые меруанцы, особенно на севере, немного говорят по-гиркански.

Имена и названия. Имена жителей М. напоминают тибетские: *Танзонг Тенгри* (Tanjong Tengri), *Ялунг Тонгпа* (Jalung Thongpa). Некоторые меруанские имена звучанием похожи на *гирканские* или *вендийские*.

НЕМЕДИЯ

Н. является вторым по значимости государством в хайборийском мире и основным соперником *Аквилонии*. В то время как в *Аквилонии* всегда очень сильны были стремления к независимости провинций, что нередко служило причиной междоусобиц и восстаний, в Н. феодальная централизация превалирует над подобными настроениями.

Конан был вором в *Нумалии*, что описано в повести *Р. Говарда «Бог в чаше»*, позже, в романе *Л. Карпентера «Конан-Воитель»* столкновения с законом в Н. привели его за решетку. На несколько лет он покинул эту страну, после чего вернулся с далекого севера в *Бельверус* (см. *Р. Джордан «Конан-Победитель»*, в рус. пер. *«Тень властелина»*). И наконец, в *«Чаше дракона» Р. Говарда*, Н. нападает на *Аквилонию*, воспользовавшись помощью ахеронского колдуна **Ксальтотуна**.

История. История Н. начинается с приходом кхарийцев и возникновением древнего **Ахерона**. Когда кхарийцы, спасаясь от восставших рабов-гирканцев, бежали на запад, на здешних плодородных землях ими были основаны три королевства: *Древняя Стигия*, *Старшая Гиперборея* и *Ахерон*. Владения **Ахерона** простирались на территории, где сейчас расположены северо-восточная *Аквилония*, Н., *Бритуния*, *Коринфия* и *Офир*. *Старшая Гиперборея* — это сегодняшняя юго-восточная *Аквилония*, *Пограничное королевство* и южная *Гиперборея*; наконец, *Древняя Стигия* располагалась в границах нынешнего **Шема**, *Стигии* и *туранской* пустыни. Когда с севера на юг устремились племена хайборийцев, **Ахерон** пал почти мгновенно. *Пурпурнобашенный Пифон*, где обитали лучшие колдуны державы, оказался стерт с лица земли. Хайборийцы прочно обосновались в этих местах и основали немедийское королевство. С тех пор ни одному захватчику не удавалось покорить Н. Короли Н. восседают на **Троне Дракона** вот уже три тысячи лет. Со временем *Аквилония*, более юное государство, военной мощью превзошло древнего соседа. Но Н. по-прежнему остается культурным центром хайборийской цивилизации.

Текущие дела. Н. занимала последнее время выжидательную позицию, прежде чем начать победоносный поход, надеясь, что ураган междоусобной войны охватит *Аквилонию*. Однако смерть *Нумедидеса* и восшествие **Конана** на престол полностью изменили ситуацию, лишив короля *Нимеда* возможности захватить воделенные территории восточной *Аквилонии*. Репутация **Конана** как отважного и умелого полководца также сыграла свою роль, и правитель Н. принял решение не рисковать понапрасну войсками и даже попытаться заключить перемирие с новой династией. Примиренческая позиция короля *Нимеда*, однако, пришлась не по вкусу большинству немедийских дворян,

убежденных, что на *Аквилонию* следует напасть, пока страна еще не окрепла после гражданской войны. Убедившись, что правитель не намерен уступать давлению со стороны, знать пошла на крайние меры, включая заговор с целью свержения владыки.

Союзники и враги. Основным соперником Н. является *Аквилония*, и Н. прилагает массу усилий, дабы везде, где только возможно, превзойти соседей. Также у Н. случаются разногласия по различным поводам с *Бритунией*, *Заморой*, *Кофом* и *Офиром*, но конфликты эти не носят затяжного характера. Единственным постоянным союзником (практически вассалом) Н. является *Коринфия*, которая, с одной стороны, играет роль буфера между Н. и *Кофом*, а с другой, служит основным поставщиком всевозможных товаров, идущих с востока через *Агратур*, по *Дороге Королей*.

География. Н. — во многом схожа с восточной *Аквилонией*. Здесь практически не осталось хищных животных, ибо земли эти освоены человеком уже более трех тысячелетий. С двух сторон Н. окружают горы, и лишь северная и восточная граница проходят по равнине. Горы служат барьером, защищающим страну от захватчиков, поскольку обученные немедийские воины способны в горных ущельях и на перевалах остановить даже самую мощную армию.

Географический справочник.

Бельверус (Belverus) — столица Н. Бельверус — это очень красивый город. На Западе сравниться с ним может разве что *Хоршемин*, правители которого истратили целое состояние, тщась роскошью сравняться с величественной немедийской столицей.

Нумалия (Numalia) — второй крупнейший город в Н. Нумалия лежит на *Дороге Королей*, связывающей крупнейшие города Запада. К югу от Нумалии идут дороги, по которым караваны отправляются в *Коф*, *Офир* и *Шем*.

Пифон (Python) — древняя столица *Ахерона*. Местонахождение **Города Пурпурных Башен** доподлинно никому неизвестно, однако некоторые ученые высказывают предположение, что он находился на северо-востоке Н., недалеко от *Пограничного королевства*. Утверждают также, что руины *Ахерона* и по сей день скрывают неслыханные сокровища.

Тора (Tora) — баронство в Н.

Ханумар (Hanumar) — город на севере Н. В Ханумаре процветает распространенный в Н. культ богини *Ибис*.

Экономика. Н. производит множество товаров, таких как оружие, доспехи и некоторые достаточно сложные механизмы, а также ювелирные изделия тонкой работы. Рудники Н. практически истощены. Весьма важным источником дохода Н. являются пошлины, получаемые с торговцев, следующих по *Дороге Королей*.

Карта магических областей. В Н. наблюдается достаточно низкий уровень концентрации магической энергии и практически полное ее отсутствие в регионах, близких к *Пограничному королевству*. В восточной части страны, где лежал прежде *Ахерон*, концентрация магии возрастает и достигает максимума в районе некоторых ахеронских капищ.

Общество. Основу населения Н. составляют хайборийцы, с легкой примесью древней *кхарийской* крови, доставшейся в наследство от покоренных *ахеронцев*. Во многом политическое устройство Н. схоже с *аквилонским*, однако связи между феодами здесь значительно сильнее, тогда как личная свобода жителей ограничена. В течение долгого времени Н. была основным соперником *Аквилонии*. Немедийские политики прилагают большие усилия, чтобы доказать преимущество своей державы во всех областях. Однако, несмотря на высокий культурный уровень, достигнутый немедийским обществом, стране недостает богатства природных ресурсов, которые позволили *Аквилонии* вырваться вперед. В целом, на настоящий момент соперничество двух держав зашло в тупик, и ни одна не может похвастать тем, что одержала безусловную победу. В Н. существует типично феодальная система правления. Ступенью ниже короля Н. находятся принцы, вслед за которыми следуют графы, бароны и рыцари. В городах велико значение бургомистров и состоятельных торговцев. Рабство существует, хотя и не в столь жестоких формах, как в менее цивилизованных государствах.

Феодальная иерархия. Н. поддерживает феодальную иерархию гораздо строже, чем другие хайборийские державы. Каждый житель занимает в ней свое место, каждый приносит вассальную клятву верности сюзерену и имеет четко очерченный законом круг прав и обязанностей. Феодалы и должности передаются по наследству старшему сыну, исключительно на основе родственных связей. Если у правителя не будет сына, который взойдет бы на престол, для определения наследников привлекается сложный кодекс законов и установлений о степенях родства. Многие государственные, а также военные посты могут занимать исключительно лица благородного происхождения. Кроме того, лишь нобили имеют право заседать в суде или в королевском совете. Лишь среди ученых и людей искусства происхождение имеет меньшее значение, нежели природные способности, хотя и в этих областях наличие состоятельного мецената существенно облегчает существование, и требуется поручительство дворянина, чтобы добиться признания знати.

Право. Законы Н. уложены в особый кодекс, весьма запутанный и сложный, именуемый **Немедийскими Доктринами**. В них определяются права граждан, обвиненных в совершении преступления, наказания за проступки различной степени тяжести и, в особых случаях, даже дозволяется нобилу (но не низкородженному) привлечь к суду самого короля. Немедийский суд славится своей справедливостью. Судей назначает сам король или властитель провинции. Существуют также так называемые **дознавательские советы**, призванные отыскивать улики и привлекать к суду преступников. Особенно жестоко обходятся в Н. с должниками. Если человек не способен уплатить значительного размера

долг, суд может постановить продать его в рабство вместе с семьей, дабы расплатиться с кредиторами. Таким рабам выжигают на плече крест, служащий знаком их статуса должника. С другой стороны, рабство существует в Н. в гораздо более мягкой форме, чем в большинстве хайборийских держав. Закон защищает раба от непомерной жестокости господина и оговаривает, что ребенок, родившийся от раба и свободного человека, считается свободным. Также многие хозяева по различным причинам могут предложить своим рабам свободу, однако большинство из них отказываются, предпочитая оставаться сытыми рабами, нежели голодать, будучи свободными.

Религия. В отношении религии Н. является самой либеральной из хайборийских держав. Помимо культа *Митры*, являющегося государственной религией Н., здесь существуют, к примеру, философские секты скептиков и храмы, посвященные шемитским божествам, культ таинственной богини *Ибис* (более нигде не известной) и даже стигийского *Сета*. Подобная религиозная неразборчивость является одной из причин постоянных трений между Н. и *Аквилонией*. Храмы *Митры* в *Аквилонии* практически полностью контролируют религиозную жизнь страны и на протяжении веков пытались оказывать давление на аквилонских владык, дабы те воздействовали в том же русле на *Трон Дракона*.

Наука. Немедийское общество с уважением относится к научным изысканиям и любому знанию. *Трон Дракона* привлекает на службу лучшие умы *Хайбории*, создающие бессмертные творения в области различных наук, истории, искусства и теологии. В числе прочих следует отметить *Немедийские хроники* — исторические анналы, создающиеся придворными историками на протяжении столетий. Хроники поражают своей беспристрастностью и полнотой, и именно им мы обязаны большинством знаний о хайборийской эпохе.

Вооруженные силы. Армия Н. включает в себя практически все виды войск, от пехоты до тяжелой кавалерии, причем все они отличаются образцовой выучкой и дисциплиной. Особым приемом является постоянная ротация войск, дабы каждый отряд мог ознакомиться воочию со всеми доступными видами территории, где могут происходить боевые действия. Также, в *Бельверусе* существует *Военная Академия*, чьи выпускники по праву пользуются во всем мире славой непревзойденных военачальников. Там теоретики военного дела заняты изучением всевозможных приемов и способов ведения войны, существующих в современном мире.

Язык. Немедийский язык находится в близком родстве с *аквилонским*, у них сходный алфавит, хотя правила произношения претерпели за многие века существенные различия. Немедийцы зачастую бегло говорят на языках соседних держав, в особенности *аквилонском* и *офирском*.

Имена и названия. Немедийские имена напоминают аквилонские и зачастую также имеют латинскую или греческую основу:

Алкимед (Alcimedēs), Альтаро (Altaro), Амальрик (Amalric), Аридей (Arideus), Астрей (Astreas), Брагорас (Bragoras), Деметрио (Demetrio), Диана (Diana), Дион (Dionus), Карант (Caranthes), Нимед (Nimed), Октавия (Octavia), Осторио (Ostorio), Постумо (Posthumo), Промеро (Promero), Тараск (Tarask), Энарос (Enaros).

НЕХРЕМ

Н. — степная холмистая страна неподалеку от *Гиркании*, где *Конан* служил наемником в войске царя *Токтыгая* (см. роман *Г. Эйлата «Бич Нергала»*). От своих предков, южногирканских кочевников, нехремцы унаследовали воинственный и независимый нрав. Они давно живут оседло, промышляя земледелием и разведением скота, но в них дремлет страсть к завоевательным походам; гордость Н. — численно небольшая, но эффективная и боеспособная армия, от которой не отказался бы любой монарх. Низшее сословие весьма трудолюбиво и законопослушно, оно могло бы жить в рукотворном раю, если бы вместо голых холмов и безводных солончаков ему досталась плодородная земля.

История. С возникновением прославленного караванного тракта — *Великого Пути Шелка и Нефрита* — связано и появление нехремцев как самостоятельной нации. Своим названием этот народ обязан не какому-то конкретному роду или клану, а духовному кодексу «некрами», который соблюдался несколькими гирканскими племенами. «Некрами», кое-как увязывая традиции пришлого митрианства с языческими корнями, довольно сумбурно и противоречиво регламентировал быт кочевых племен. Разумеется, он давал превосходную почву для ереси и сектантства, и неизвестно, к чему бы это привело, если бы с переходом к оседлой жизни южные гирканцы не отказались от своего кодекса, сразу утратившего актуальность. Примечательно, что его тут же «подобрали» соседние кочевые племена — те самые, что совсем недавно воевали с некрамитскими царьками, одержимыми навязчивым желанием весь белый свет обратить в свою веру.

Текущие дела. Наследственное пристрастие нехремцев к конным рейдам и вторжениям в чужие пределы часто приводит к вооруженным столкновениям с соседями. На веку *Токтыгая* — далеко не самого воинственного из династии нехремских царей — несколько кровопролитных кампаний, им же самим и начатым. Наследнику престарелого монарха достанется разоренная *апийцами*, обнищавшая страна; непременно скажутся и последствия скрытого агадейского воздействия. Пожалуй, из амбициозных деяний короля *Абакомо* только стратегия экономических диверсий привела к успеху — она была великолепно продумана и превосходно замаскирована. Властелины Н., *Когира*, *Пандры* и *Вендии* даже после отречения *Абакомо* от трона не заподозрили, что на протяжении нескольких лет самые светлые умы *Агадеи* дено и ношно подпиливали экономические столпы их власти. Но у Н. есть надежда «выкарабкаться» — сопредельные государства ослаблены в гораздо большей степени, чем он.

География. Южная граница Н. проходит по высоким, суровым и труднопроходимым горам *Гимелии*. Горные ущелья и перевалы на границах *Пандры* обжиты племенами разбойников — восточных вазулов, которых никакая сила не стонит с караванных дорог. Северный сосед Н. — бандитский *Ал*, неукротимый и непримиримый; на востоке лежит *Агада*, охваченная анархией, но по-прежнему таинственная, а потому грозная.

Климат. Несмотря на преобладание бесплодных земель, климат благоприятствует земледелию в поймах рек и отгонному животноводству. В свое время власти намеревались освоить целинные земли, но частые губительные засухи заставили их вернуться к традиционным способам землепользования. Главные города *Самрак* и *Бусара* расположены в оазисах среди холмов, где летом часты ливневые дожди и из-под земли бьют горячие ключи.

Экономика. Животноводство и земледелие — лишь второстепенные статьи дохода нехремской знати, первооснова ее благосостояния — торговля. Н. расположен очень выгодно, Великий Путь *Шелка* и *Нефрита* — нить, связующая Восток и Запад — для него поистине золотая жила. В городах процветают ремесла — широко известен цех лафатских камнерезов, а бусарские гончары бережно хранят секрет знаменитой свинцовой майоликовой глазури.

Карта магических областей. Жрецы *Митры* снисходительны к прикладным разновидностям магии — лечебной, земледельческой и т.п., — но непримиримы к откровенно языческим школам колдовства. И тем не менее по всей стране распределено довольно полное отрицательное магическое поле — это, безусловно, наследие свирепых народов, в незапамятные времена обитавших на этой земле.

Общество. Кроме обычных сословий (знать, крестьяне, городские ремесленники, купечество, жречество, воины), следует упомянуть пограничную стражу. Это целые племена *гирканцев*, которым разрешается кочевать и пасти скот на государственных землях, а в обязанности вменяется ратная служба нехремскому престолу. *Гирканцы* самобытны, власти не вмешиваются в их обычаи и религию.

Право. Юридическая деятельность во всех аспектах — гражданском, торговом, уголовном, духовном — исключительная прерогатива верховной власти. В зависимости от моды она может принимать любую форму (например, жреческий суд или даже третейский с опорой на прецеденты), но по существу была и остается непрекращаемой волей самодержца. Широка практикуется смертная казнь, а иначе где взять «актеров» для понастроенных в разные времена «*Зинданов Танцующих*», «*Альковов Молящихся*» и прочих заведений. Уже в преклонные годы *Токтыгай* учредил должность Верховного Защитника, который обязан защищать в суде и вельможного мздоимца, и мелкого жулика из простонародья, то есть любого, кого царь захочет отправить на *Пыточную Площадь* с соблюдением юридических приличий. По этому поводу было

пушено столько острот, что придворный Защитник уже и сам считает себя кем-то вроде шута, что, впрочем, не вынуждает его подать в отставку.

Религия. Официальная религия — *митрианство* на бесплодной степной почве не могла не приобрести языческих наслений. Вполне осознавая необходимость очистить догматы от свирепых мотивов «некреми», жречество поступило не очень оригинально, зато очень эффективно: сначала основательно подпилило клыки языческим богам, затем разжаловало их в рядовые духи и демоны и наконец всем скопом зачислило в пантеон пресветлого *Митры*, где они благополучно потерялись на фоне более ярких и респектабельных персонажей.

Вооруженные силы. Армия — самая дорогая и любимая игрушка *Токтыгая*. Наиболее боеспособна дворянская тяжелая кавалерия — суперэлита, украшение всех парадов. Легкая гирканская конница — гроза разбойных *апийцев* и вазулов; костяк тяжелой пехоты составляют наемники. В редчайших случаях набирается ополчение из горожан — на это *Токтыгай* идет крайне неохотно, отдавая предпочтение воинам-профессионалам.

Язык. Почти не отличается от *гирканского*, который, в свою очередь, близок *иранистанскому* и *туранскому*. Нехремца превосходно поймут и *афгул*, и *вендиец*, ибо корни его языка распространены по всему Востоку.

НОРДХЕЙМ

Н. является самой северной страной хайборийского мира. Н. разделяется на две части — *Асгард* и *Ванахейм*. Именно там родина светловолосых варваров, давших изначальный толчок хайборийскому переселению народов.

Конан впервые встретился с нордхеймцами в юном возрасте. К началу их совместных приключений ему сравнялось шестнадцать зим (см. *Р. Говард «Легионы мертвых»*). Позже киммериец неоднократно имеет дело с асирами (см. *Д.М. Робертс «Конан-Победитель»*; *«Конан доблестный»*, в рус. пер. «*В чертогах Крома*»; и *Р. Говард «Дочь Ледяного Гиганта»*). Одним из спутников *Конана* был в свое время *Сигурд Ванахеймский*, родом из Н. К тому времени, как *Конан* встретился с *Сигурдом* (см. роман *Л. Картера* и *Л. Спрэгга де Кампа «Конан корсар»*, в рус. пер. «*Корона Кобры*»), оба прожили в цивилизованных странах достаточно долго и в значительной мере утратили сходство со своими сородичами. Потому едва ли следует уподоблять всех ваниров *Сигурду*, равно как и *Конана* не стоит считать типичным киммерийцем. Тем не менее из поведения и рассказов *Сигурда* можно сделать определенные выводы относительно его родины.

История. Светлокожие северные варвары, прогнавшие хайборийцев к югу, были потомками племен атлантов, бежавших далеко на север в ходе атланто-пиктских войн. В суровых северных краях атланты

деградировали почти до животного состояния, затем сумели постепенно подняться, но в целом так и остались дикарями. Нордхеймцы (общее название, данное хайборийцами северным племенам) всегда считались отважными воинами, хотя (подобно большинству хайборийцев) практически неспособны к объединенным боевым действиям, требующим согласованности и дисциплины. Традиции Н. возносят героя-одиночку над группой. Поэтому северяне могут быть непобедимы в небольших стычках, где действует каждый сам за себя, но почти беспомощны перед организованными, спаянными армиями южан. В 74 г. п.п.А. Н. раскололся на две части. Два великих вождя, Ван и Ас, решили объединить племена, породнившись между собой. Хунд, сын Аса, должен был взять в жены одну из дочерей Вана. Далее история звучит по-разному, в зависимости от того, какая сторона ее рассказывает. Асиры (потомки Аса) утверждают, что Хунд должен был жениться на Грете, младшей дочери Вана, прекрасной, как Атали, дочь бога *Имира*. Ваниры же, напротив, убеждены, что супругой Хунда, по обычаю северян, должна была стать Хельга, старшая, а никак не младшая дочь Вана, далеко не столь красивая, как сестра. Когда же под венец подвели дурнушку Хельгу, Ас впал в ярость. Поднять оружие друг на друга вождям не дали лишь мольбы родни, поскольку пролить кровь на свадьбе было бы дурным знамением. Ван забрал дочь, покинул празднество, поклявшись отомстить Асу. Вражда между двумя племенами продолжается и по сей день. Светловолосые асиры обитают в восточной части Н., именуемой *Асгардом*. Рыжеволосые ваниры живут на западе, в *Ванахейме*.

География. Н. — крайне негостеприимный край, покрытый заснеженными горами, ледниками, тундрой и тайгой на юге. *Синие Горы* разделяют Н. почти пополам и служат, таким образом, естественной границей между *Ванахеймом* и *Асгардом*. В горах Н. живут пещерные медведи, белые медведи и мастодонты. В тайге обитают мыши, лисы и мускусные быки. Нордхеймцы не возделывают землю и не пасут стада. Они живут охотой, рыбной ловлей и собирательством, перекочевывая на другое место, когда вокруг прежней стоянки запасы пищи истощаются.

Карта магических областей. Н. обладает низкой концентрацией магической энергии.

Общество. Большинство нордхеймцев высокие, со светлой кожей, широкоплечие и сильные, как киммерийцы. Волосы у асиров обычно русые, у ваниров — черные, каштановые или рыжеватые. И асиры, и ваниры носят бороды. Племенами асиров и ваниров правят вожди. Ступенью ниже идут военные вожди и обычные воины.

Обычаи. Обычаи нордхеймцев просты, под стать их простому укладу. Вождь племени правит единолично, ни с кем не делись властью. Военная добыча распределяется между вождем и воинами. Однако как таковое *права* на добычу, кроме вождя, не имеет никто. И лишь от его щедрости зависит, как много получают простые воины. Из двух племен ваниры являются более мрачными и сдержанными. Помимо охоты, они добывают пропитание в море, плавая на маленьких каяках, гарпунят

крупную рыбу и чаек. Они враждуют с киммерийцами, однако к югу спускаются редко, поскольку киммерийские племена оказывают им слишком жестокий отпор. Асиры отличаются более открытым и дружелюбным нравом. Каждый вечер в их домах звучат песни и смех. Как гласит древняя асирская пословица, «*живи сегодня, потому что завтра можешь умереть*».

Право. У нордхеймцев достаточно примитивный кодекс чести, и в соблюдении его они весьма прямолинейны. Это, разумеется, не означает, что они не способны на обман и предательство, однако для нордхеймца имеет огромное значение общественное мнение. «Доброе имя» ценится здесь превыше богатства, поэтому за соблюдением своих неписаных законов северяне следят очень строго. Нордхеймцы зачастую подвержены вспышкам ярости, и ссоры порой заканчиваются убийством, даже между членами одного племени. В таких случаях закон прост: жизнь за жизнь. Однако, если погибший пал в честном бою, его противник может откупиться от родичей покойного, уплатив т.н. *виру*, или *выкуп крови*. *Вира* за убийство равна сумме дохода за семь лет жизни покойного. В случае, если потерпевший только покалечен, *вира* несколько меньше. Это отнюдь не означает, что богатый нордхеймец может убивать безнаказанно. *Вира* принимается обычно лишь в тех случаях, когда смерть произошла в результате честного поединка, без злого умысла одной из сторон. Если существует хоть слабое подозрение на предумышленное убийство, или если поединок проходил «не по справедливости», наследники покойного вправе отказаться от *виры* и объявить обидчику кровную месть. Кровная месть заканчивается лишь с гибелью последнего из членов семьи. Иногда случается, что кровная месть не стихает на протяжении столетий, как между ванирами и асирами. Существует и другой способ разрешения конфликтов. Время от времени в Н. устраиваются всеобщие торжища, на время которых прекращается любая вражда. О таких торжищах широко объявляется по всей стране, они происходят в определенное время года или бывают приурочены к какому-либо значительному событию или торжеству. Человек, ложно обвиненный в убийстве, вправе прийти на торжище и попытаться оправдаться. Даже изгой и преступники чувствуют себя здесь в безопасности, однако им лучше покинуть торжище до истечения назначенного срока.

Религия. Нордхеймцы поклоняются ледяному гиганту *Имиру*, его дочери *Атали* и духам предков.

Вооруженные силы. Нордхеймские воины побеждают в схватках за счет своей огромной физической силы и умело разжигаемой боевой ярости. Однако против организованных воинских формирований южан выстоять им практически невозможно.

Язык. Нордхеймский язык происходит от языка древних атлантов, подобно киммерийскому. Письменность отсутствует.

Имена и названия. Нордхеймские имена напоминают норвежские: *Браги* (*Bragi*), *Вульфере* (*Wulfhere*), *Горм* (*Gorm*), *Нуорд*

(Niord), Ньял (Njal), Ранн (Rann), Сигурд (Sigurd), Хеймдул (Heimdul), Хорса (Horsa), Эгил (Egil). В ходу также отчества. Так, сын Ньяла будет именоваться Ньялссон, а дочь — Ньялсдаттер.

ОФИР

О. самое богатое хайборийское королевство. Это обусловлено не уровнем развития промышленности, сельского хозяйства или торговли, а наличием большого количества золотосодержащих рудников на его территории. О. — место действия трех произведений «Саги»: в романе Р.Джордана «Конан-Триумфатор» (в рус. пер. «Тайна врат Аль-Киура»), где описывается, как Конан борется против демонического культа, защищая это королевство; «Тени во Тьме», в котором Конан спасает короля Хорайи от О.; и наконец, «Звезда Хораллы», в котором Конан приносит эту драгоценность королеве О.

История. О. был основан приблизительно на 300 лет раньше Аквилонии одним из хайборийских племен, которое сумело покорить эту дикую местность. Основание О. приходится на тот период, когда мелкие хайборийские государства начали поглощаться более могущественными соседями (подобно Гандерланду или Боссонским Топям). Аналогичная участь могла постигнуть и О., который бы стал частью Аквилонии и вынужден был бы довольствоваться разработкой своих скудных рудных месторождений, отдавая все золото Тарантии, если бы не хитрость одного из первых королей Ианты — Альварика. Пользуясь тем, что постоянно враждующие между собой Аквилония и Немедия с одинаковым усердием направляли свои жадные взоры на золотые прииски О., Альварик ухитрился подписать договор о мире, военной взаимопомощи и защите от посягательств на свою свободу с каждым из сюзеренов. Взамен этого О. обязался платить золотом и предоставлять своих воинов для формирования наемных отрядов Аквилонии и Немедии. Таким образом оба короля подписали договор с О. и поклялись защищать эту страну от происков своего противника. Хитроумный Альварик своими интригами и звоном золота добился того, что Аквилония и Немедия стали готовиться к войне друг против друга. Но сражение так и не состоялось. Стараниями Альварика районы дислокации армий обеих стран были рассчитаны таким образом, чтобы те встретились на немедийско-аквилонской границе. Это привело к тому, что каждая из сторон обвиняла другую в том, что та осмелилась вторгнуться на ее территорию. Это резко изменило все планы военной кампании. Державам стало уже не до О., стычки в приграничных областях грозили обернуться затяжной и кровопролитной войной. О. не замедлил уверить в своей поддержке каждой из сторон и добровольно взял на себя обязанность укрепить границы каждого королевства так, чтобы они были неприступны для противника. Но на строительство заградительных сооружений требовались огромные суммы. Альварик щедро ссуживал деньгами обоих сюзеренов. Война все не начиналась, а долги обеих сторон росли с каждым днем. К тому времени, когда конфликт был улажен, обе державы уже весьма задолжали О. Владелец

Ианты великодушно простил эти долги, взамен подписав договор о ненападении. И Аквилония, и Немедия, а позже и Коф легко пошли на это, рассудив, что куда прибыльнее принимать щедрые дары и ссуды от золотосодержащего О., нежели развязывать дорогостоящую войну против этого королевства и тем самым ослаблять свои позиции перед агрессивными соседями. Успокаивая себя тем, что на вырученные суммы они могут значительно усилить собственные армии, за счет привлечения наемников, сверхдержавы Запада оставили О. в покое.

Текущие дела. В последнее время золотые прииски О. начали истощаться. Золотоискатели бросились на поиски новых золотых жил, но если удача отвернется от них и новые рудники не будут открыты, то О. разом потеряет все свои политические преимущества, добытые Альвариком.

Союзники и враги. Нет такого государства в Хайбории, которое бы устраивала данная ситуация с О. Но щедрый поток золота из этой страны охлаждает самые горячие головы, не говоря уже о том, что некоторые страны, бедные месторождениями (как, например, Коф), всецело зависят от офирского золота. Это позволяет О. существенным образом влиять на политическую ситуацию на западе Хайбории. Кроме того, О. нередко выполняет функции посредника в урегулировании споров между странами, что также затрудняет по отношению к нему агрессию любой из держав.

География. О. состоит в основном из равнин, перемежающихся редколесьем. На востоке местность становится гористой, начинаются предгорья Карпаш, которые образуют естественную границу между О., Немедией и Коринфией. О. имеет достаточно прохладный климат, обусловленный большим количеством осадков и горными селями. Летом в О. снег можно увидеть только на вершинах гор, но зимы здесь морозные. Температура опускается ниже нуля, что, в общем, нехарактерно для стран Центральной Хайбории.

Географический справочник

Ианта — столица О.

Лодьер (Lodier) — баронство в О.

Меканта — графство в О.

Ронноко (Ronnoco) — город-государство на территории О., близ равнины Шаму.

Терсон (Terson) — баронство в О.

Фросол (Frosol) — графство в О.

Шаму (Shamu) — равнина, традиционное место баталий в юго-восточном О., на границе с Кофом.

Экономика. О. изобилует золотыми и серебряными рудниками, а также алмазными копиями. Наиболее прекрасные драгоценности Запада добыты и обработаны в О.

Карта магических областей. О. не имеет областей с высоким уровнем магической энергии, возможно, это обусловлено тем, что большое количество шахт и пустот в земле, препятствует ее концентрации.

Общество. О. — государство с ярко выраженной хайборийской культурой, напоминающей *аквилонскую*. Отличительная черта — богатство народных масс. Например, офирские воины носят позолоченные доспехи, а любой торговец, лавочник имеет огромное количество золотых украшений и драгоценных камней. Подобное богатство и связанный с этим высокий уровень жизни приводит к тому, что офирцы заслужили репутацию великодушных и незлобивых людей. В народе говорят: «не родился еще офирец, который бы испытал чувство голода или ночевал под открытым небом». Пожалуй, в О. самый высокий уровень жизни во всей Хайбории. Может, благосостояние офирцев и преувеличено, но жители этой страны равнодушно относятся к богатству и известны своей благотворительной деятельностью по отношению к населению более бедных стран. Социальное устройство общества — стандартное для Хайбории.

Религия. Жители О. — *митрианцы*. Этот культ здесь известен в более мягкой разновидности, чем в большинстве других стран. В отдаленных селениях встречается пантеизм — обожествление природы.

Вооруженные силы. О. предпочитает пользоваться услугами наемников. О. имеет возможности щедро оплачивать их услуги, покупая тем самым их преданность. Однако и офирцы охотно служат в армии, богатство этой страны не сумело подавить воинский дух истинных хайборийцев. Офирская армия не имеет своей ярко выраженной специфики. Но хорошее вооружение и щедрая плата делают ее одной из самых хорошо подготовленных армий Запада.

Язык. Офирский — типичный хайборийский язык, лишенный красот и изящества.

Имена и названия. Офирские названия напоминают латинские: *Баррас (Barras)*, *Гарус (Garus)*, *Марала (Marala)*, *Фронтон (Fronto)*, *Челкус (Chelkus)*.

ПАНДРА

В романе Г. Эйлата «Бич Нергала» эта страна упоминается достаточно часто, но непосредственно в ней действие не происходит. П. играет важную роль в завоевательных планах короля Абакомо. Описанные в романе

события приходится на конец правления этого монарха, а также пандрского царя Сеула по прозвищу **Выжиги**.

История. В недалеком прошлом П. была северной провинцией *Вендии*. Она отделилась после многих межэтнических конфликтов на религиозной почве — вендуизм так и не смог примириться с своеобразным *митрианством* пандрцев. Помимо того — появление богатого караванного пути в горах *Гимелии*, а следовательно, и щедрые пошлины пробудили в пандрцах вкус к самостоятельности, что в конечном счете привело к тому, что они взялись за мечи и почти поголовно вырезали *вендийские* гарнизоны. Затем объединились с *афгулами* и отбили все атаки *вендийских* кшатриев. В П. началась гражданская война всех против всех, *вендийцы* махнули рукой на свою мятежную провинцию, а союзники повстанцев — *афгулы* — захватили никому, казалось, не нужную власть. Но они недолго удерживали бразды правления. Под видом странствующего колдуна-провидца в П. проник *шемитский* авантюрист Сеул. Он действительно обладал кое-какими познаниями в магии, но более полагался на опыт жулика и природный дар интригана. Вскоре он уже стоял во главе самого мощного союза повстанческих шаек и контролировал добрую четверть страны. На «освобожденной» земле он приказал безжалостно уничтожать *афгулов* и вообще всех пришедших, нимало не стыдясь своего иноземного происхождения. Все население П., давно вошедшее во вкус кровопролития, азартно поддержало его почин, и незадачливые *афгулы* разделили судьбу *вендийского* губернатора и его солдат. Сеул стал правителем. Разумеется, в такой стране, как П., он мог удержаться на троне только ценой жесточайшей расправы над инакомыслящими. И он пошел на это без малейших угрызений совести, даже с удовольствием. Он призвал подданных активнее доносить на «злоумышленников», и даже слабая тень правдоподобия в доносе была равнозначна смертному приговору. Управляя несчастной П. по стратагеме «бей своих, чтоб чужие боялись», он ухитрился просидеть на троне не один десяток лет, хотя никогда не ставил перед собой такую цель. В П. ему было неуютно. Он мечтал провести старость в спокойной *Вендии*, в роскошном дворце, построенном на деньги своих обманутых и ограбленных подданных.

Текущие дела. Мечта Сеула **Выжиги** рухнула вместе с его дворцом и сокровищницей. В П. снова вспыхнул мятеж, царская стража разбежалась, и Сеул, охваченный ужасом, попытался укрыться в *Вендии*. Но на границе его схватили злопамятные *афгулы*, подвергли пыткам, а затем умертвили.

География. П. расположена на отрогах *Гимелии* южнее *Нехрема*. На востоке граничит с *Аадеей*, на юге — с *Вендией*.

Экономика. Назвать экономикой ту изощренную систему тотального ограбления, что сложилась в царствование Сеула **Выжиги**, можно лишь в ироничном смысле. Сеул исповедовал принцип «лучше дохлая и ошпиная синица в руке, чем журавль в небе». Все, что можно было отнять и продать, было отнято и продано.

Карта магических областей. Уровень магии весьма невысок, несмотря на обилие колдунов, ведунов, ворожей и провидцев всех мастей. Настоящие мастера своего дела давно погибли или покинули страну, остались только шарлатаны и самоучки. При дворе **Вьжиги** одно время подвизалось несколько чужеземных магов (Сеул еще в молодости проникся уважением к эзотерике), но они, в основном, служили телохранителями либо ясновидцами — доносили, у кого из подданных **Сеула** еще остались припрятанные деньги.

Общество. Очень однородное, состоит из тех, кто беден и недоволен своим положением. Те, кто богат и доволен, к обществу не принадлежат. Это парии у власти — царская стража, немногочисленное чиновничество, мытари. И родственники **Сеула** — на высших государственных должностях.

Армия. Очень малочисленная и целиком наемная — **Сеул**, не доверяя своим подданным, был вынужден тратить на чужеземных солдат. Армия едва ли годилась для войны с внешним противником, но с карательными задачами до поры справлялась неплохо.

Религия. Жречество в П., чтобы выжить, самоотделилась от государства. Жрецов *Митры* уцелело немного — **Сеул** боялся любой организованной силы, а потому казнил жрецов под любыми предлогами. В духовном плане простонародье предоставлено самому себе; отсюда — падение нравов, почти незаметное, впрочем, на фоне общего упадка.

Язык. Искажённое северовендийское наречие с обилием привнесённых *иранистанских* и *афгульских* слов.

ПАНТЕНИЯ (см. ТУРАН)

ПИКТСКИЕ ПУСТОШИ

П.П., именуемые также *Страной Пиктов*, — это все, что осталось от некогда бескрайних просторов нецивилизованного Запада после хайборийского нашествия. Эта область простиралась прежде от *Западного океана* до границ древнего *Ахерона*, теперь же от нее осталась лишь десятая часть. В Стране Пиктов происходит действие четырех повестей *Р.Говарда* «*За Черной рекой*», «*Кровавая луна*», «*Сокровища Траникоса*» и «*Волки по ту сторону границы*», а также в романе *К.Леннарда* «*Конан — вершитель судеб*» (в рус. пер. «*Источник судеб*»). Все происходящее в П.П. чаще всего связано с историей аквилонской экспансии на западных территориях.

История. Когда Великая Катастрофа уничтожила *Атлантиду*, погибли также *Пиктские острова*. Многие уцелевшие пикты основали маленькую колонию в горах южной *Валузии*. Пиктов, народ менее развитый по сравнению с атлантами, катастрофа затронула не столь сильно, и им удалось сохранить основы своей культуры. На протяжении 500 лет колонии

атлантов сражались с пиктами. С течением времени атланты утратили владение речью и огнем, а пикты вернулись к каменному веку. На этом уровне развития пикты оставались долгое время, поклонялись своим таинственным темным богам, господствовали на западных просторах. Им не удалось покорить другие нации, такие как *шешитов* и *земрицев*, которые сохранили начатки прежней культуры и знаний, но, со своей стороны, и эти малочисленные народы были не в силах совладать с пиктами. С возникновением *Стигии* и *Ахерона* пикты утратили лишь незначительную часть своей территории. И хотя теперь против них было не только оружие южан, но и запретная магия Востока, пиктам удалось уцелеть. По-видимому, *кхарийцы* были попросту не заинтересованы в захвате этих диких земель. С приходом *хайборийцев* владения пиктов еще более сократились. Как и прежде, они отступали медленно, отдельные племена оказывали упорное сопротивление захватчикам, однако их рано или поздно уничтожали, а прочие бежали на запад. На протяжении тысячи лет *хайборийцы* неумолимо отесняли пиктов все дальше и дальше. Наконец пришло время, когда дальше отступать стало некуда, и пикты перешли к активному сопротивлению. *Хайборийцам* вскоре пришлось уяснить, что земли по ту сторону *Громовой реки* принадлежат пиктам, и те не намерены отдавать их захватчикам. И лишь недавно, с образованием *Западной Марки*, ситуация вновь изменилась в пользу *Аквилонии*.

Текущие дела. На аквилонской границе не прекращаются военные действия. *Западная Марка* подвергается постоянным нападениям пиктских отрядов. Основной угрозой для хайборийцев остается возможность объединения племен пиктов в единую силу. Пикты не собираются мириться с *аквилонской* экспансией, и поселенцы по ту сторону *Громовой реки* будут и впредь подвергаться опасности.

Союзники и враги. Основными противниками пиктов являются *аквилонцы*, постоянно отесняющие тех с обжитых земель. Наиболее активное противостояние у пиктов с поселенцами *Западной Марки*, недавно образованной *аквилонской* провинции. Кроме того, у них происходят периодические столкновения с *зингарцами* и *кimmerийцами* — давним и беспощадным врагом пиктов.

География. С севера П.П. ограничивают *Иглофийские горы*, с востока — *Черная река*, океан — на западе и *Зингара* — на юге.

Флора и фауна. П.П. представляют собой девственную чащу, где водятся хищники, единственные в своем роде в *Хайборийском* мире. Климат здесь умеренный, схожий с *аквилонским*, хотя зимы зачастую мягче, благодаря теплым течениям *Западного океана*. Здесь встречаются саблезубые тигры, гигантские питоны, обезьяны и стегозавры, наравне с обычными волками, лосями и медведями. В пиктских чащах можно встретить практически любую разнообразность лесной фауны. Помимо разнообразных обычных животных в П.П. встречаются также существа, которые «помнят» еще культ *Джеббал Сага*. Эти звери обычно размерами и умом превосходят собратьев и легче попадают под влияние пиктских шаманов.

Карта магических областей. П.П. — это область высокой концентрации магической энергии.

Общество. Пикты — это примитивный народ. Невысокие ростом, приземистые и коренастые, у них, как правило, черные глаза и черные волосы. Они находятся на достаточно низком уровне развития, и более совершенное оружие и предметы обихода обычно выменивают или похищают у *зингарцев* или *аквилонцев*. Главой племени у пиктов является вождь. Шаманы также пользуются в общине большим авторитетом.

Лигурейцы. На раннем этапе хайборийского нашествия часть *ахеронских* колдунов, именуемых *лигурейцами*, бежала вглубь П.П. В лесной глуши, ставшей для них домом, их магия претерпела значительные изменения. Со временем *лигурейцы* утратили воспоминания о своем *ахеронском* происхождении, смешались с *хайборийцами* и превратились в жрецов, поклонявшихся силам природы, в противовес культу *Джеббал Сага*. Пикты, как и следовало ожидать, пытались уничтожить лигурейцев. Но колдуны с легкостью дали отпор примитивной магии шаманов *Джеббал Сага*, и на сегодняшний день пикты предпочитают держаться от лигурейцев на расстоянии. В то время как *Джеббал Саг* символизирует мощь Зверя, богиня, которой поклоняются *лигурейцы*, являет собой воплощенную Природу, включая не только животных, но также и погодные явления. Большую часть времени *лигурейцы* проводят в своих священных рощах, созерцая природу и пытаясь достичь единства с окружающей средой. *Лигурейцы* выполняют и еще одну функцию. Несмотря на то что память об *Ахероне* была ими практически утрачена, они помнят, каким чудовищным надругательством над силами природы была магия *кхариццев*. Неоднократно *лигурейские* жрецы приходили на помощь *хайборийским* правителям в борьбе против власти *Сета* и *етигийских* колдунов. Более того, некоторые ученые считают, что культ *Митры* и верования *лигурейцев* имеют общие корни и практически идентичны, если не считать половой принадлежности верховного божества, так что изначально *лигурейцы* вполне могли быть изгоями-*митрианцами*. Сами *лигурейцы*, однако, предпочитают хранить молчание об этом.

Обычаи. Пиктские племена живут крайне обособленно и почти не вступают в контакт друг с другом. Имя племени дает его животное-тотем: так, существуют племена Орла, Ястреба, Черепахи, Медведя, Волка, Ворона и т.д. Вождь племени является, как правило, лучшим воином общины и пользуется поддержкой шамана. Суровые нравы пиктов не отличаются снисхождением к тем, кто не способен сам за себя постоять, поэтому очень редко вождем может стать человек преклонных лет или старейшина. Пикты являются отличными охотниками и следопытами. Они не занимаются земледелием и не содержат домашних животных, добывая себе пропитание исключительно охотой. В лесах они становятся практически невидимыми, поэтому все *аквилонские* форты на западной границе окружены «мертвым полем», чтобы исключить возможность засады. Не все пикты одинаково враждебны к иноплеменикам. *Зингарские* суда

периодически совершают рейсы на север, куда везут страусиные перья и драгоценности с юга, а также оружие, в обмен на шкуры, медную руду и золотой песок. Однако подобная торговля является достаточно рискованным делом. Многие капитаны, которые не были достаточно осторожны, окончили жизнь на пиктских жертвенниках, тогда как их корабли были разграблены дикарями.

Религия. Пикты поклоняются богам-животным из пантеона *Джеббал Сага*.

Вооруженные силы. Пикты являются отличными воинами, но зачастую берут числом, там где не могут взять умением — в чем пришлось на собственном опыте убедиться *аквилонцам*.

Военные действия. Перед боем пикты наносят на лицо и тело особую боевую раскраску, чтобы призвать на помощь силу своего тотема. Если иноплеменик убьет пикта, носящего боевую раскраску, даже в мирное время, это считается самозащитой, и примитивный кодекс чести пиктов не позволяет преследовать убийцу. Однако величайшим оскорблением считается убийство пикта, не носящего такой раскраски — в таком случае на убийцу обрушится гнев всего племени покойного. Пиктам чужды *хайборийские* представления о рыцарстве и чести. Для пиктов считается совершенно естественным напасть на врага сзади или из засады. Когда же пикты преследуют противника в лесу, они оглашают чащу истошными воплями, чтобы вселить ужас в сердце врага. Основным оружием пиктов является лук, копье и дубина. Они редко пользуются *хайборийскими* мечами и боевыми топорами, однако ценят стальные кинжалы. Они никогда не носят лат и доспехов. В качестве трофеев пикты отрезают поверженным врагам головы и подвешивают их в хижинах или возлагают на алтарь в своих селениях. По верованиям пиктов, если они принесут голову врага домой, то дух его будет вынужден служить им в загробном мире. Несмотря на всю кровожадность пиктов, у беглецов остается единственное спасение: священные места, являющиеся убежищем в чаще. Если в таком убежище укроется беглец, никто из членов племени, соорудившего убежище, будет не вправе тронуть его. Подобное отношение не является проявлением милосердия: пикты считают эти места обиталищем демонов и злых духов, которые в состоянии сами, без их помощи, покарать святотатца. И хотя немногим *хайборийцам* удалось выйти из убежища живыми, чтобы затем поведать о нем другим, многие нашли там смерть от когтей сверхъестественных чудовищ.

Язык. Пиктский язык не имеет ничего общего ни с *хайборийскими* языками, ни с языком *атлантов* и происходит от иных, куда более древних и таинственных наречий. Письменность у пиктов отсутствует.

Имена и названия. Пиктские имена являются примитивными и грубыми на слух: *Зогар Саг* (*Zogar Sag*), *Сагьетха* (*Sagyetha*). Имена *лигурейцев* скорее напоминают латинские. *Дивиаатрикс* (*Diviatrix*) — единственное из них, которое упоминается в «*Саге*».

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

П.К. — это сумрачные земли, находящиеся между северной границей *Немедии*, *Аквилонии* и Илофийскими горами, которые служат южной границей *Киммерии*. Оно разделено на несколько крупных феодалов, каждый из которых имеет собственного правителя. П.К. описано в «*Саге*» в рассказе «*Ведьма Туманов*» («*Гиперборейская колдунья*») и в романе *Р.Грина* «*Конан неутомимый*» (в рус. пер. «*Конан против Звездного братства*»).

История. Когда орды хайборийцев захватили почти весь центр континента, то на северо-западе они дошли только до территории современной *Немедии* и *Кофа*. В поисках новых земель хайборийцы двинулись на север, рассчитывая, что там обитают менее цивилизованные народы, которые будет легко поработить. Поскольку хайборийцы двигались с севера, то часто пересекали землю, теперь известную как П.К., но надолго не задерживались там, т.к. природа П.К. бедна, растительность редкая и чахлая, а засоленные почвы непригодны для земледелия. Оттого эта узкая полоса и оставалась нетронутой в течение столетий. Впоследствии, когда молодые хайборийские государства породили собственную знать, то среди местного дворянства начали появляться недовольные новым укладом. Часто вспыхивали мятежи, которые жестоко подавлялись, и бунтовщики вынуждены были бежать из родных земель. Некоторые из них попали в П.К. Кто-то для того, чтобы остаться здесь навсегда, но большая часть лишь для того, чтобы залечить раны и собраться с новыми силами.

Через какое-то время в П.К. возникло множество мелких наделов, где трудились владившие полуголодное существование крестьяне. Кроме того, в этой местности обитали и коренные племена — получеловеческая раса обезьянолюдей, покрытых шерстью. Они находились на чрезвычайно низкой ступени развития: из одежды им были знакомы только набедренные повязки, а пищей служили раки, лягушки и мелкая живность.

Текущие дела. В последнее время в П.К. хлынул большой приток жителей, прежде всего сторонников *Немедии* в недавней войне *Немедии* и *Аквилонии*. Большой частью это были слуги, лишившиеся своих хозяев.

Враги и союзники. Правители П.К. имеют только личных врагов, большей частью, со своей бывшей родины. Понятно, что беженец из *Аквилонии* будет опасаться именно этой страны и может не иметь никаких отношений, например, с *Бритунией*. Пожалуй, единственное исключение составляет *Немедия*, которой контрабандисты П.К. наносят существенный ущерб. Однако немедийцы сурово расправляются с любым княжеством, на которое совершают набег, не разбирая, связан правитель с контрабандистами или нет. Безусловно, такая политика не способствует популярности этой державы в П.К.

География. П.К. — это «унылая пустошь», оживляемая лишь «скрюченными, чахлыми деревьями». Селения представляют собой скопище плетеных хижин с обмазанными глиной стенами. Единственным каменным строением на много лиг обычно является замок хозяина здешних мест.

Карта магических областей. П.К. имеет ничтожный уровень магической энергии. Даже племена полулюдей лишены каких-либо магических или способностей.

Общество. Жители П.К. 3 большей частью *аквилонцы* и *немедийцы*, с легкой примесью *офирцев*, *аргосцев* и *кофийцев*. Они живут охотой, разведением овец и коз, а также набегами на *Аквилонию*, *Бритунию* и *Немедию*. Часто П.К. пересекают караваны, чтобы уклониться от пошлин на немедийских дорогах. Местные князьки также требуют плату за проход по их землям, которая, однако, ниже, чем немедийские дорожные пошлины. Хотя случается, что какой-нибудь зарвавшийся местный правитель попросту грабит караваны, проходящие через его территорию. Социальное устройство П.К. имеет свою специфику — там нет дворянства как такового. Существуют правители отдельных уделов, ниже по социальной лестнице идут его дружинники, затем крестьяне и рабы.

Вооруженные силы. Некоторые из повелителей П.К. содержат небольшие отряды нерегулярной пехоты, или пикинеров. Кое-где встречается и конница, но этот род войск непопулярен из-за болотистой местности П.К.

Язык. Большинство беженцев в П.К. говорит на *аквилонском* или *немедийском*. В П.К. не сложился собственный этнос и собственный язык.

ПУНТ см. КУШ и ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

СТИГИЯ

С. является второй «империей зла», возникшей в *Западной Хайбории*. Потомки *кхарийцев*, стигийцы повсюду вызывают ненависть и страх. Сама политика С. мало способствует установлению добрых отношений с соседями. С. — это родина *Тот-Амона* и колдунов *Черного Круга*.

История. После Великой Катастрофы область, где позже возникла С., населяли *змеелюды*, выходцы из древней *Валузии*. Когда эта раса пришла в упадок, многие *змеелюды* мигрировали на юг, найдя пристанище в глухих джунглях. Там еще во времена *Конана* можно было обнаружить развалины их храмов и городов, населенных бывшими рабами-людьми и немногими уцелевшими *змееголовыми* владыками. Когда *кхарийцы* бежали на запад из древнего *Кхутана*, они наткнулись на останки этой цивилизации и

покорили ее. Внешне **змеелюди** напоминали богов, как те описывались в **кхарийских** легендах, и потому им приписали божественное происхождение. Что касается рабов, то они просто сменили одних хозяев на других. Государство **кхарийцев**, названное **Стигией**, вскоре расширило свои границы, простираясь от **Огненных гор** и захватывая почти все земли современного **Шема**, тогда как **Ахерон**, родственное С. королевство, был расположен к северу от **Кофийских гор**, на территории, где ныне расположены западные хайборийские державы. Когда **Ахерон** был сметен с лица земли хайборийским нашествием, стигийцы укрылись за рекой **Стикс**, оставив бывших рабов-шемитов в одиночку противостоять угрозе с севера. В **Шеме** стигийцы никогда не имели прочных позиций и потому уступили с легкостью, как только шемиты восстали, требуя независимости. Во времена **Конана** С. являлась грозной сумрачной державой, вратами в **Черные Королевства** и основной цитаделью бога **Сета**.

Текущие дела. В последнее время из С. доходили слухи, что некая неизвестная сила бросила вызов могуществу **Черного Круга**. Несколько сильных магов бежали и закрепились в различных регионах бывшей империи змеелюдей. От главы **Круга**, колдуна **Тот-Амона**, уже долгое время никто не имеет никаких известий.

Союзники и враги. Все без исключения хайборийские народы с ненавистью и презрением относятся к стигийцам, служителям **Змееголового Сета**, давнего соперника **Солнцеликого Митры**. Вместе с тем иные западные государи не гнушаются услугами стигийских колдунов, стремясь с их помощью укрепить свою власть и достичь своих тайных целей. **Туран** делает определенные шаги навстречу С., надеясь извлечь определенную выгоду из их возможного союза. Однако, большей частью из-за косности стигийских правящих кругов, переговоры движутся крайне медленно. Вместе с тем, если две эти державы сумеют объединиться, у хайборийцев появится новый очень опасный противник.

География. Территория С. представляет собой прямоугольник, расположенный между **Шемом** и **Черными Королевствами**. Большую часть территории С. занимает пустыня, где нередко встречаются древние развалины и руины загадочных сооружений. По стигийским легендам, пустыня эта возникла в результате некоего мощного колдовского заклятья. Некоторые приписывают его кхарийцам, другие считают, что такова была месть последних змеелюдей завоевателям с Востока. На побережье **Западного океана** имеется узкая полоска лесов и болот. **Болото Пурпурного Лотоса** в центральной части С. подпитывается реками южных джунглей. Другая относительно плодородная местность расположена вдоль **Стикса**, периодически удобряющего свою пойму, благодаря сезонным разливам. Особенно плодородной является район **Тайя**, расположенный в нижнем течении реки.

Географический справочник.

Бахра (Bakhr) — река, приток **Стикса**, впадающая в него к северу от **Луксура**. Некогда Бахра была судоходной, однако со временем пересохла и сделалась недоступна для крупных судов.

Болото Пурпурного Лотоса (Purple Lotus Swamp) — заколдованное болото в центральной части С., где произрастает пурпурный лотос.

Кеми (Khem) — жреческая столица С. Этот город черных стен расположен на побережье **Западного океана**, однако является закрытым для чужестранцев. Таким образом, вся торговля осуществляется исключительно через посредство стигийских судов.

Кешатта (Kheshatta) — город колдунов на юге С.

Луксур (Luxur) — административная столица С., где находится **Трон Слоновой Кости**.

Небтху (Nebthu) — город на берегу реки **Бахры**, близ **Стикса**. Основной достопримечательностью Небтху является гигантская статуя шакала-сфинкса, возвышающаяся над городом.

Нилус (Nilus) — река (см. **Стикс**)

Птейон (Pteion) — разрушенный город в С., населенный демонами.

Сиптах (Siptah) — остров у южного побережья С., где некогда обитал стигийский колдун **Сиптах**. Сам маг, по всей видимости, давно уже мертв, однако демоны и чудовища, порожденные его колдовством, все еще населяют остров.

Стикс (Styx) — самая крупная река С., именуемая также **Нилусом**. По реке Стикс проходит южная граница С. Почти вся она является судоходной. Исток Стикса находится в **Пунте**, в **Золотых горах**, она течет на север до самой **Тайи**, затем резко сворачивает на запад и впадает в **Западный океан**.

Сухмет (Sukhmet) — город на юге С., недалеко от **Дарфара**.

Тайя (Taia) — гористая местность на северо-востоке С., там, где река **Стикс** совершает крутой поворот с севера на запад. Тайю населяют шемиты, поклоняющиеся **Митре**, осевшие в этих местах задолго до того, как **Шем** сбросил стигийское владычество. Тайя является самым беспокойным регионом в С., источником постоянных тревог для правительства.

Тхуран-в-горах (Thuran-on-the-heights) — столица **Тайи**. Тхуран был основан **митрианским** жрецом и почитается священным для тайцев.

Хаджар (Khajar) — оазис в **Стигийской пустыне**. По слухам, именно здесь обитает колдун **Тот-Амон**.

Харахт (Harakht) — город на реке **Стикс**, где поклоняются древнему богу-ястребу стигийцев.

Флора и фауна. Змеи являются одним из самых популярных представителей животного мира в С. Часто встречаются здесь также шакалы, львы и прочие хищники. В *Стиксе* и *Бахре* нередко огромные крокодилы и водяные лошади (гиппопотамы). В древних долюдческих руинах обитают такие загадочные магические создания как *мантикоры*, *ламии* и *мермеколионы*.

Экономика. С. практически не торгует с внешним миром, лишь изредка предлагая ляпис-лазурь, кварц и самоцветы в обмен на продукты сельского хозяйства (скот и зерно), когда год выдается особенно голодным. Экономика С. базируется на кочевом животноводстве, рыбной ловле и выращивании фиников. Население С. невелико, отчасти из-за непригодного для жизни климата, отчасти из-за человеческих жертвоприношений, совершаемых жрецами ежедневно. Многие стигийцы зарабатывают на хлеб производством всевозможных амулетов, снадобий и магических приспособлений. Другие производят на продажу оружие и шелка, хотя стигийские клинки мало где в мире пользуются популярностью. Стигийские купцы торгуют также слоновой костью, жемчугом, шкурами и рабами, которых доставляют по *Стиксу* из *Черных Королевств*, а затем перепродают в *Шем*, *Аргос* и *Зингару*.

Карта магических областей. Концентрация магической энергии в С. является очень высокой, в особенности в районе *Луксура* и *Кеми*. В пустыне на востоке, однако, уровень магии постепенно сходит на нет, и в некоторых книгах имеются указания, что это следствие заклятия, наложенного в древности на эту область.

Общество. Жречество является главенствующей прослойкой стигийского общества. Храмам принадлежит большая часть обрабатываемых земель, жрецы также занимают большинство руководящих должностей. Стигийская теократия весьма консервативна и крайне отрицательно настроена к любым видам сношений (в том числе, торговым) с внешним миром. Стигийское общество делится на касты, основываясь, большей частью, на расовой принадлежности. Чистокровные потомки *кхарийцев* составляют верхушку аристократии. Они худощавы, с черными волосами и светлой кожей. Однако их крайне мало — в жилах большинства стигийцев течет смешанная кровь. Следующей кастой являются средний класс и мелкая аристократия. Они отличаются более смуглой кожей и имеют, как правило, орлиный профиль. Именно их большинство чужеземцев почитает за истинных стигийцев. Они занимают ключевые места в храмах и органах управления, тогда как истинные аристократы проводят время в праздности при дворе в *Луксуре*. Низшей кастой являются крестьяне, ведущие род от *кушитов*, *шемитов*, *хайборийцев* и *стигийцев*. Немногие чужеземцы, проживающие в С., автоматически относятся к этой же касте.

Обычаи. Обычаи стигийцев — тайна, покрытая мраком. Жрецы контролируют практически все аспекты личной и общественной жизни граждан. Чужеземцы, будь то купцы или посланники других держав, содержатся в изоляции, им не позволяют проникнуть в святая святых

стигийского общества. Известно, что в С. отсутствуют постоянные дворы и харчевни, а будучи вдали от родных мест, стигийцы никогда не принимают пищу в присутствии посторонних. Также стигийцы крайне неохотно рассказывают о своей стране. Те, кто намеревается туда вернуться, опасаются давать критические отзывы. Те же, кто возвращаться не собирается, предпочитают и вовсе забыть о бывшей родине. Одним из чрезвычайно странных (для хайборийцев) обычаев в С. является присутствие на улицах городов ритуальных животных, таких как змеи, гиппопотамы и коршуны. Эти животные считаются священными, и им запрещено причинять какой бы то ни было вред. Гиппопотамы являются самыми безобидными и не вызывают особого страха у горожан. Другое дело — парящий над толпой коршун или скользящий по мостовой гигантский питон. Завидев их, стигийцы замирают в ужасе, ожидая, пока священное чудовище изберет себе жертву. Избранный почитается счастливчиком, поскольку он якобы «благословен» богами. Никто не сделает попытки спасти назначенную жертву, и ее ожидает ужасная гибель.

Право. В С. существует единая судебная система, охватывающая как светскую, так и религиозную жизнь. Наказания крайне суровы, вплоть до увечий и смерти. Трупы преступников оставляют гнить, не предавая земле или огню, лишая их тем самым вечной жизни, в соответствии с канонами бога *Сета*. Стигийские законы полны всевозможных ограничений. Необходимо получить особое разрешение, чтобы, например, сменить место жительства или отъехать дальше, чем на 20 лиг от дома, на владение оружием или доспехами. Мзда за выдачу подобных разрешений приносит бюрократам постоянный доход и не позволяет объединяться недовольным. Нередко в разрешении отказывают без всяких объяснений и возможной апелляции. С путешествующих без разрешения взимаются штрафы, они могут также подвергнуться аресту. Еще более сурово караются преступления на религиозной почве. Штрафы взимаются с тех, кто не посещает церемоний или не платит храму положенной десятины. Каждый землепашец обязан пригласить жреца благословить посевы (за плату, разумеется), каждый ребенок должен быть посвящен *Отцу Сету*. Тот, кто регулярно пренебрегает своими культовыми обязанностями, может быть обвинен в святотатстве. Этого несчастного ждет жестокая казнь, все имущество его будет конфисковано, а семья обращена в рабство.

Религия. Культ *Отца Сета* является главенствующим в С. Жрецы Сета искореняют все проявления иных религий. Храмы, посвященные другим богам, возводить запрещается, а поклонение им приравнивается к государственной измене.

Вооруженные силы. Основой стигийской армии являются пешие воины и легкая конница. Уровень подготовки войск достаточно высокий. С. редко демонстрирует свою военную мощь. В армии господствует традиционалистский подход, поэтому во многом она отстает от армий хайборийских держав. Кавалерия используется исключительно в дорожных дозорах и для передачи сообщений. В отличие от *Хайбории*, в С. не набирают в войска рекрутов-крестьян.

Язык. Стигийский язык имеет мало общего с другими языками Запада. У него имеются общие корни с древним *кхитайским* языком.

Имена и названия. Стигийские имена отчасти напоминают египетские: *Амнун* (*Amnun*), *Бахотеп* (*Bahotep*), *Зерити* (*Zeriti*), *Кмесфон* (*Kmesphon*), *Кутамун* (*Kutamin*), *Менемхет* (*Menemhet*), *Менкара* (*Menkara*), *Нехекба* (*Nehekba*), *Рамвас* (*Ramwas*), *Сунмакс* (*Siptah*), *Тот-Амон* (*Thoth-Amon*), *Тотмис* (*Tothmises*), *Тотмекри* (*Thothmekri*), *Тутамон* (*Turhamon*), *Тутотмес* (*Thutothmes*), *Шуат* (*Shuat*), *Хазз* (*Khaza*), *Хаккет* (*Hakket*), *Хафра* (*Khafra*), *Хетерка* (*Heterka*), *Хотеп* (*Hotep*).

ТУРАН

Т. — это «новое государство» хайборийской эры, которое населяют *иранистанские* племена и бывшие *гирканские* кочевники. Влияние Т. распространяется далеко за пределами страны, и его экспансионистская политика представляет серьезную угрозу для западных держав. Т. часто упоминается в «*Саге*». Существует целый «*туранский*» цикл романов, повестей и рассказов (аналогичный «*заморанскому*» циклу «*Шахдизарские ночи*») о службе *Конана* владыке *Илдизу*, включающий в себя как произведения самого *Р.Говарда*, так и его последователей.

История. Основателем Т. был гирканский мистик и провидец *Тарим*. Согласно туранской легенде, *Тарим* посетил загадочную страну *Патению*, лежащую далеко на севере, и там обрел откровение патенского божества *Эрика*. Вернувшись в свое племя, *Тарим* принялся проповедовать священную войну во имя нового бога, с целью завоевания обширных западных земель. *Тарим* оказался не только пророком, но также блестящим оратором и вождем, сумевшим объединить под своей властью множество гирканских кланов, и повел их в поход против племен, обитавших к югу от моря *Вилайет*. Перед лицом гирканской военной угрозы эти племена объединились, создав государство *Иранистан*. Однако иранистанцам оказалось не под силу сдерживать натиск орды кочевников. Через несколько лет под властью гирканцев оказалось все побережье моря *Вилайет*, от порта *Рамдан* на востоке, до *Шахпура* на западе. Гирканцы, вопреки обыкновению, не стали разорять захваченные земли. Для коневодов-кочевников, выросших в безводных восточных степях, плодородное побережье *Вилайета* оказалось искушением, устоять перед которым было невозможно. Кочевые обычаи и презрение к цивилизации были забыты, и номады стали править захваченными территориями, заняв дворцы *иранистанских* владык. Сам же *Тарим* принял корону правителя. Вскоре после смерти пророка его призывы к продолжению священной войны и религиозные заветы были забыты *гирканцами*. В жизни простых людей со сменой правителей практически ничего не изменилось, более того, многие из них были довольны приходом к власти сильных, энергичных лидеров. Сегодня Т. переживает несомненный подъем. Переняв некоторые обычаи иранистанцев, бывшие кочевники отчасти утратили свой боевой пыл и непримиримость, приобрели некоторый налет цивилизованности.

Тем не менее они остаются грозной силой, с которой не могут не считаться остальные государства Запада.

Текущие дела. Т. медленно, но упорно продолжают политику экспансии. За последние два десятилетия они захватили часть территории *Заморы* на побережье моря *Вилайет*. Фортификационные укрепления, возведенные туранцами на границе, открыто угрожают *Хаурану*, *Шему* и *Стигии*, поскольку служат не столько для защиты своих пределов, сколько в качестве базы для военных вылазок против этих держав. Однако правители Т. сознают, что дальнейшее продвижение на Запад может привести к объединению хайборийцев с шемитами против Т. и вызвать активное противодействие *Стигии*, а это грозит *гирканцам* неминуемым поражением.

Союзники и враги. У Т. мало сильных союзников. Разумеется, *гирканские* кочевники по-прежнему считают туранцев братьями по крови, но относятся к ним без прежнего уважения, поскольку считают, что цивилизация «смягчила» суровый нрав соплеменников. Король *Заморы* практически является вассалом *Ездигерда*. *Коф*, *Бритуния* и некоторые шемитские племена платят Т. дань. *Аграпур* делал также попытки угрожать *Стигии*, но до сих пор эта политика не принесла особых результатов. Что касается врагов, то их у Т. великое множество. Имперские замыслы этой державы и периодические военные вылазки настроили против Т. *Немедию*, *Офир*, *Коринфию* и *Вендию*. Одной из причин напряженных отношений Т. со *Стигией* также являются непрекращающиеся нападения туранцев на их приграничные поселения.

География. Т. расположен в холмистой местности, к югу от побережья моря *Вилайет*. К востоку Т. простирается до самых *гирканских* степей. На западе, благодаря последним завоеваниям, Т. удалось присоединить территории вплоть до границы с *Заморой*, *Кофом* и *Стигией*. Климат в Т. сухой, в конце осени и зимой там нередки сильные бури. Море *Вилайет* славится своими внезапно налетающими штормами, достаточно жестокими, чтобы стать угрозой даже для самых крупных судов.

Географический справочник

Аграпур (*Aghrapur*) — столица Т. Это крупный порт, расположенный на реке *Ильбарс*, на другой стороне *Вилайета* от города *Рамдана*. Аграпур, помимо столицы, является также крупнейшим торговым центром Т., где сходятся сухопутные караванные пути с юга и морские — с востока. Аграпур представляет собой весьма красивый город, полный памятников архитектуры, дворцов и прекрасных статуй. Усилиями кочевников-гирканцев, торговцев и иранистанских ремесленников и крестьян в городе были собраны богатства, позволяющие Аграпуру на равных соперничать роскошью и красотой с такими городами, как *Тарантия*, *Бельверус* и *Хоршениш*.

Акиф (*Akif*) — город в Т.

Вакла (Wakla) — туранский форт на границе с *Шемом*, возведенный для защиты караванов от нападений зуагирских кочевников (см. *Шем*).

Вилайет (Vilayet) — внутреннее море к северу от Т., державшего под контролем все порты и морскую торговлю в этом регионе. Здесь процветает пиратство, и в действительности туранские суда редко заплывают севернее *Шахпура*, однако за Вилайетом устойчиво держится репутация «туранского озера».

Замбула (Zamboula) — крупный торговый город в туранской пустыне. Замбула является интернациональным городом, который построили *стигийцы*, населяют *шемиты*, тогда как правят здесь *туранцы*. В Замбуле множество рабов-*кушитов* и *дарфарцев*, и каннибальский культ *йогитов* настолько силен, что считается небезопасным ночевать в городе под открытым небом.

Запорожка (Zaporoska) — холмистая местность, населенная полудикими племенами, на юго-восточной оконечности побережья *Вилайета*. Особенности рельефа делают эту местность почти непроходимой, и потому туранцам так и не удалось завоевать ее. При жизни *Конана* Запорожка оставалась вольной.

Запорожка (Zaporoska) — судоходная река, протекающая в одноименной местности, вдоль которой расположено множество пиратских становищ. Т. неоднократно направлял в этот район карательные экспедиции, однако ни одна из них так и не увенчалась успехом.

Зуразский архипелаг (Zhurazi Archipelago) — небольшой архипелаг в южной части моря *Вилайет*, состоящий из двух крупных и множества мелких островов. Зуразы являются излюбленным местом встречи пиратов. Многочисленные отмели и рифы служат надежной преградой для более тяжелых туранских боевых галер.

Ильбарские горы (Ilbars Mountains) — небольшая горная гряда на территории бывшего *Иранистана*, служащая ныне границей между *Иранистаном* и Т.

Ильбарс (Ilbars) — река, протекающая к северу от *Ильбарских* гор, вдоль западной оконечности *Туманных* гор. Ильбарс впадает в море *Вилайет* в районе *Аграпура*, севернее *Туманных* гор.

Колхийские горы (Colchian Mountains) — небольшая горная гряда к югу от *Вилайета*, протянувшаяся на запад от *Запорожки* до самого побережья.

Ксапур (Xapur) — остров в море *Вилайет*, где сохранились развалины города, возведенного догирканской расой. В настоящее время Ксапур остается необитаемым.

Майпур (Maypur) — город в западном Т., севернее форта *Вакла*.

Незвая (Nezvaya) — река в северном Т., к западу от моря *Вилайет*.

Остров Железного Идола — небольшой остров в северной части моря *Вилайет*. На острове расположены древние развалины, основной достопримечательностью которых является зал, уставленный рядами железных статуй. Остров пользуется дурной славой у мореходов, которые считают, будто он населен демонами, и стараются всячески его избегать.

Рамдан (Rhamdan) — порт на восточном побережье моря *Вилайет*, где начинается большой караванный путь из Т. в Кхитай. Рамдан лежит прямо на восток от *Аграпура*. Доставленный купцами товар грузится здесь на корабли, плывущие на запад. Затем из *Аграпура* торговые пути расходятся по всему хайборийскому миру.

Самара (Samara) — город в Т.

Секундерам (Secunderam) — крупный туранский город на краю гирканских степей. Области вокруг Секундерама не относятся непосредственно к территории Т., но являются военной сатрапией со своим собственным правительством.

Султанapur (Sultanapur) — туранский порт, именуемый также «золотой королевой *Вилайета*». Подобно *Аграпуру*, Султанapur возник на месте древнего заморанского поселения, но давно утратил все корни, связывавшие его с прошлым.

Туманные горы — горная гряда, протянувшаяся вдоль западного побережья моря *Вилайет*, южнее *Аграпура*.

Хаварисм (Khavarism) — самый южный порт в западной части Т.

Хедпур (Khedpur) — город на севере Т.

Хорбул (Khorbul) — туранская цитадель севернее Гулистана.

Хорусул (Khorusul) — город золотых дел мастеров на западе Т.

Шахпур (Shahpur) — туранский порт на западном побережье моря *Вилайет*.

Экономика. В море *Вилайет* туранцы добывают жемчуг, также Т. славится самоцветами и разнообразными деликатесами. Основным источником дохода, однако, являются проходящие по территории Т. караванные пути из *Кхитая* на Запад.

Карта магических областей. Концентрация магической энергии в Т. колеблется от низкой до нормальной, но в целом туранцы не испытывают интереса к колдовству.

Общество. Культура Т. представляет собой сочетание обычаев независимых, вольнолюбивых гирканских кочевников с более древней, упадочнической цивилизацией *Иранистана*. Туранцы переняли *иранистанские* титулы и систему управления, однако отказались от принципа племенной независимости, ставшего причиной падения *Иранистана*. Большинство правящих должностей в Т. занимают *гирканцы*. Внешне они отличаются крючковатыми носами, темными волосами и светлой кожей. Местные уроженцы обычно ниже ростом, более смуглые, с иссиня-черными волосами. Со времени завоевания этих краев кочевниками прошло слишком мало времени, чтобы две эти культуры успели смешаться между собой, так что представители каждой из них до сих пор сохраняют характерные черты своей нации. Правителем Т. является король, следом идут шахи, калифы, эмиры, ханы. Ниже по социальной лестнице находятся военные чины, торговцы, ремесленники и пр.

Обычаи. Правители Т. отличаются жестокостью и нетерпимостью. При малейшем подозрении на неповиновение в провинциях, туда молниеносно высылаются войска, готовые беспощадно подавить любое восстание. Если местным уроженцам придет в голову поднять оружие против гирканцев, за каждого убитого солдата будет казнено пятьдесят человек, включая женщин и детей, и это не считая тех, кто официально уличен в государственной измене. Вместе с тем лица, лояльно относящиеся к режиму и соблюдающие туранские законы, вправе рассчитывать на значительные послабления. Подобная политика кнута и пряника позволяет малочисленным гирканским завоевателям прочно удерживать бразды правления. Т. — это сугубо восточная культура. Женщины здесь закрывают лицо накидкой. В некоторых районах с более строгими обычаями от них даже требуется ношение покрывала, скрывающего все тело, с ног до головы. Мужчины носят тюрбаны, кушаки и шаровары, излюбленным оружием является кривая сабля, именуемая также *ятаганом*, или изогнутый гирканский лук. Разумеется, местным уроженцам запрещено владеть подобным оружием, если только они не являются телохранителями или солдатами.

Право. Основой туранской законодательной системы является абсолютная власть гирканских правителей. В случае, если простолупин убьет *гирканца*, даже в честном бою, его ждет мучительная смерть под пытками. Если же убийцей станет *гирканец*, он отделается лишь небольшим штрафом. Преступления, совершенные внутри одного класса, караются более справедливо. В большинстве случаев виновный обязуется уплатить определенное возмещение пострадавшему. Вор при поимке уплачивает штраф, в три раза превосходящий стоимость украденного, а также возвращает похищенное, в противном случае, ему отрубают правую руку. Преступления против правящего класса, заговоры и мятежи караются смертью, причем изобретательность туранских палачей является в этой области общепризнанной.

Религия. Туранцы поклоняются *Эрлику* и его пророку *Тариму*, именуемому также *Вечноживым Таримом*, принесшему людям заветы огненного божества.

Вооруженные силы. Легкая конница является основой вооруженных сил Т. Кроме того, недавно были созданы отряды тяжелой кавалерии и пехоты. Большинство войск отлично обучены и могут смело быть названы отборными частями. В случае, когда военные действия требуют введения пехоты, эти отряды набираются из местных крестьян. Уровень их подготовки несравненно ниже, но они, как правило, служат лишь прикрытием. Политика экспансии, проводимая Т., и подчинение местных племен были бы невозможны без надежной, дисциплинированной армии. Военная служба является одной из редких возможностей для негирканцев достичь высокого положения в обществе. Офицеры в армии выдвигаются из наиболее способных представителей нижних звеньев, причем отпрыскам благородных семейств здесь практически не оказывается предпочтения. Все туранские солдаты равно хорошо владеют копьями, ятаганами и луками, хотя и не столь блестяще, как гирканские конники-номады. В отличие от армий западных стран, в туранских войсках практикуется ротация командного состава, так что гибель командира в бою создает лишь кратковременную заминку, пока его место не займет другой. Сама армия отличается высокой дисциплиной и особым кодексом чести, благодаря чему войска способны выполнять не только карательные функции, но и способствовать поддержанию мира и порядка в туранских границах, не вызывая особого сопротивления местных уроженцев. Отношение к туранскому флоту отнюдь не столь уважительное. Законы Т. позволяют конфисковать любое судно на море *Вилайет*, если оно «нарушает интересы Туранской империи». Подобная политика призвана не дать прочим государствам выхода к морю. Этому способствует также и тот факт, что Т. контролирует все крупнейшие порты на *Вилайете*. Таким образом, основной задачей флота является борьба с пиратством, однако отсутствие контроля за их действиями позволяет морякам самим предаваться грабежам, что делает их неотличимыми от обычных пиратов.

Красное Братство. Т. необходим более совершенный флот. Пиратство процветает в водах *Вилайета*, благодаря наличию огромного количества островов и тайных бухт, многие из которых не нанесены ни на одну карту. В Красное Братство, как именуют себя пираты, входят бывшие торговые корабли нетуранского происхождения, чьи капитаны сочли пиратство более прибыльным, чем обычную торговлю, бывшие туранские военные суда, служившие прежде эскортом купеческим кораблям, недовольные слишком низкой оплатой, и многие другие, ускользнувшие от туранского флота или туранского «правосудия». Основными жертвами Братства, как правило, становятся суда, идущие из *Аграпура в Рамдан* и обратно. Эти суда перевозят сказочные богатства с Востока, либо медь, золото и серебро, которое платит за них Запад. Когда же торговля замирает на время, и добычи не хватает на всех, пираты не брезгают прибрежной контрабандой, помогая торговцам провезти свой товар, не уплачивая налогов в казну *Ездигерда*. Все усилия флота уничтожить Братство остаются бесплодными и по сей день. Попытки разгромить островные базы пиратов стоили туранцам множества жизни и потопленных судов, однако так и не принесли результатов. И лишь надежный эскорт военных кораблей, сопровождающих все ценные морские перевозки, служит защитой от пиратских нападений.

Казаки (**козак**и). Если бы *Красное Братство* являлось единственной проблемой *Ездигерда*, не исключено, что рано или поздно ему удалось бы ее разрешить. К несчастью, существуют еще казаки, представляющие собой отряды наемников, беглых иранистанцев и зуагиров-кочевников, нападающих на туранские караваны в южной пустыне. Справиться с казакками, однако, несколько проще, чем с пиратским братством. Число оазисов в пустыне не так велико, и армия нередко устраивает там засады. Нередки случаи, когда туранским войскам удавалось захватить не менее сотни казаков, загнав их в ловушку, и уничтожить всех до единого. Тем не менее спустя некоторое время казакские отряды возрождаются вновь, с новыми вождями, и продолжают грабежи и разбой.

Язык. Основным языком в Т. является *гирканский*, язык завоевателей. Среди коренного населения сохранился также просторечный язык, являющийся диалектом *иранистанского*.

Имена и названия. Туранские имена, в большинстве своем, напоминают турецкие или арабские: *Абдул* (*Abdul*), *Арам Баки* (*Aram Baksh*), *Амалис* (*Atalis*), *Бакра* (*Bakra*), *Банарик* (*Banaric*), *Вардан* (*Vardan*), *Гурран* (*Ghurran*), *Джамаль* (*Jamal*), *Джелаль* (*Jelal*), *Ездигерд* (*Yezdigerd*), *Зосара* (*Zosara*), *Илдиз* (*Yildiz*), *Мулаи* (*Mulai*), *Мунтассен* (*Munthassen*), *Мурад* (*Murad*), *Тавик* (*Tavik*), *Турег* (*Tureg*), *Шанур* (*Shapur*), *Халид* (*Khalid*), *Хамар Кур* (*Hamar Kur*), *Хормаз* (*Hormaz*).

УТТАРА см. ВЕНДИЯ

ХАББАТЕЯ

Х. расположена на юго-восточном побережье моря *Вилайет*; столица Х., город *Хабба*, лежит напротив *Аграпура*, столицы *Турана*. Х. подробно описана в повести *М.Мэнсона «Ристалища Хаббы»* и упоминается в другом романе этого же автора — *«Конан и дар Митры»*.

История. Согласно древним преданиям, хаббатейцы пришли на берега *Вилайета* в незапамятные времена с юго-востока, из-за *Афгульских гор* (*Гимелийского хребта*), из Средней *Вендии*, и обосновались за рекой *Запорожкой* вскоре после Малого Потопа, когда множество озер в том краю слились воедино, образовав море *Вилайет*. Хаббатейцы были весьма воинственным народом, почитали боевые искусства и славились как непревзойденные лучники и отличные наездники — благодаря чему смогли защититься от *мунган* и прочих диких племен, обитавших на востоке, в *Гирканской* степи. Даже в эпоху нашествия кочевников, которые затем создали на западном берегу моря *Вилайет* великую державу *Туран*, хаббатейцам удалось отстоять свою независимость, хотя подвластные им земли сильно сократились в размерах. После возникновения *Турана* опасность нашествий с востока уменьшилась, и Х. начала процветать и

расширяться — в основном вдоль северного берега моря *Вилайет*; в это время были выстроены две столицы: *Хабба* — на юге, и *Хот* — на севере. Но, по мере того как ослабевала опасность набегов кочевников и укреплялись торговые связи с *Тураном* и далеким *Кхитаем*, Х. начали раздражать междоусобицы. Кончились они тем, что аристократия северной части страны объявила *Хот* независимым государством и отделилась от юга, избрав себе нового правителя. Из *Вендии* хаббатейцы принесли тайные знания и магические искусства, однако с течением лет почти все забылось; тем не менее часть *Великого Пути Шелка* и *Нефрита*, проходящую по территории Х., и в настоящее время освещают волшебные шары-светильники. Разбираются хаббатейцы и во всевозможных зельях, а также славятся как хорошие лекари.

Текущие дела. Во времена *Конана* правителем Х. являлся *Гхор Кирланда*, носящий традиционный титул *громоносного владыки*. Ввиду уединенного положения Х., уже долгие годы не подвергавшейся вражеским нашествиям, страна эта процветает — в основном за счет торговли и ремесел. Положение правящей династии устойчиво, благодаря преданности войска.

Союзники и враги. Х. ни с кем не заключает военных союзов, хотя поддерживает добрососедские отношения с *Тураном* (на западе) и с городами-государствами *Селанда* и *Дамаст* (на востоке). Исконным врагом хаббатейцев являются кочевники из *Гирканской* степи, однако укрепленная граница и река *Запорожка* позволяют не бояться их внезапных набегов. Но после отделения *Хота* у Х. появился новый враг на севере, и конфликты между двумя странами часто разрешаются вооруженным путем. Спор идет, в основном, из-за торговых преимуществ, льгот и караванных путей, которые *Хот* желал бы перехватить у более богатой Х.

География. Границы Х. определяются с юга рекой *Запорожкой*, с запада — морем *Вилайет*, с востока — холмами, за которыми лежит *Гирканская* степь, с севера — рубежом с *Хотом*. По форме территория Х. напоминает расширяющееся от моря к степи лезвие секиры; по площади Х. невелика и примерно равна *Хаурану* или аквилонской провинции *Пуантен*. Площадь *Хота* в два раза меньше. Город *Хабба* — единственная крупная гавань Х., но на *Восточном Пути*, ведущем в *Селанду*, *Дамаст* и далее, в *Меру* и *Кхитай*, расположены три небольших города: *Хира*, *Сейтур* и *По-Ката*. *По-Ката* стоит на восточной границе страны. Прибрежные земли Х. весьма плодородны и отличаются превосходным климатом; там выращивают виноградную лозу, маслины, фиги, персики и иные фрукты. На востоке страны хорошо растет ячмень, есть великолепные пастбища. Лес в основном привозной, но много каменоломен, и потому строят в Х. из камня. Богатых рудников и залежей металлов нет.

Географический справочник

Запорожка (*Zaporoska*) — главная река Х., но хаббатейцы контролируют лишь ее северный берег; на южном кочуют разбойничьи

племена мунган. Истоки Запорожки лежат неподалеку от плоскогорья Арим, у города Селанда; река впадает в море Вилайет.

Хабба (Habba) — столица Х. лежит к северу от устья *Запорожки*. Хабба большой и богатый город, расположенный амфитеатром на склоне огромного холма. Вблизи моря находится предпортовая окраина с узкими шумными улочками, где теснятся лавки, склады, кабаки, веселые дома, странноприимные дворы, бани и казармы; выше тянутся зеленые прямые аллеи — там, в просторных строениях из розового камня и дворцах с посеребренными шпилями, обитает хаббатейская знать; на самой вершине холма высится дворец, длинное двухэтажное строение, увенчанное множеством башен. В Хаббе тщательно следят за порядком и соблюдением законов — разумеется, тех, которые выгодны местным нобилиям и купцам.

Климат. Климат Х. преимущественно морской, влажный и теплый. Восточная часть страны, прилегающая к гирканским степям, более засушлива, но и здесь почвы плодородны и почти не бывает холодов.

Экономика. Основным источником богатства Х. является торговля, так как *Хабба* — главный перевалочный порт на дороге из *Кхитая* в страны Запада. Как и в *Султанпуре*, сюда приходят караваны из *Кхитая*, *Меру*, *Дамаста*, *Вендии* и других восточных государств. Обилен и обратный поток грузов — тех, что доставляют с запада в *Туран*, перевозят морским путем в *Хаббу*, а затем отправляют караванами в страны Востока. Со всех товаров правитель и знать Х. взимает пошлины; кроме того, сами хаббатейцы и благородного, и простого звания, активно занимаются торговлей. Но и сама *Хабба* производит многие товары. Здесь строят отличные корабли, выделывают посуду, лишь немногим уступающую кхитайскому фарфору, куют великолепные клинки. Также Х. знаменита своими виноградниками и *брандом* — крепким хмельным напитком, секрет которого неизвестен более нигде в мире.

Карта магических областей. Х. имеет нормальное распределение магической энергии; единственная ее высокая область простирается вдоль Пути Нефрита и Шелка, от *Хаббы* на восток, до города *По-Ката*.

Общество. Хаббатейцы — одно из древних вендийских племен, почти не смешавшееся с чужими народами и сохранившее чистоту крови. Внешность их своеобразна: они — люди невысокого роста, склонные к полноте, однако крепкие и мускулистые, с широкоскулыми смуглыми лицами, толстыми губами и большими глазами навыкате. Структура хаббатейского общества напоминает касты *Вендии*. Выше всех стоит правитель, ниже следует сословие *нобилей-кинатов*, владеющих собственностью, согласно наследственным привилегиям. За ними идут чиновники, воины, мореходы, ремесленники, земледельцы и слуги.

Право. Законы в Х. устанавливаются правителем и поддерживаются чиновниками. Законы весьма суровы к ворам, торговцам-обманщикам и нарушителям спокойствия, ибо *Хабба* строго блюдет свой статус торгового города, где соблюдаются правосудие и порядок. За большинство преступлений казнят смертью, и здесь имеется лишь одно исключение, связанное с национальными традициями хаббатейцев, которые являются большими поклонниками воинского искусства. В *Хаббе* есть немало амфитеатров—ристалищ, где встречаются в бою воины. Большинство из них — рабы, но есть и преступники, кому смертная казнь заменена участием в поединке. Выживший считается очищенным богами от всех грехов и не подлежит наказанию.

Религия. Хаббатейцы демократичны в вопросах религии и считают ее личным делом каждого, приветствуя всех иноземных богов. Но имеется в *Хаббе* и свое божество — шестирукий *Трот* с тремя головами, чьи святилища напоминают трехгранные пирамиды с тремя входами; и над каждым из них высечен один из ликов бога: грозный, пьяный или похотливый. *Трот* являлся универсальным божеством, символизирующим одновременно дела мира, войны и власти, выгоды и любви, а также все плотские удовольствия.

Вооруженные силы. Х. располагает отличным войском конных лучников, которое подчиняется непосредственно правителю. Пехота малочисленна и серьезного боевого значения не имеет; пешие воины в основном несут патрульную службу. Есть небольшой военный флот из гребных галер, охраняющий морские подступы к *Хаббе* и не чинящий пиратам особых хлопот. Вообще же вилаетских пиратов в город допускают неохотно, но в море их не преследуют и даже платят им некую дань, чтобы разбойники не слишком вредили морской торговле. Хаббатейским нобилиям, после мятежа и отделения *Хота*, особым указом запрещено иметь личные дружины.

Язык. Хотя хаббатейцы сохранили как свою независимость, так и чистоту крови, язык их претерпел гораздо большие изменения, чем внешность и обычаи. Некогда он относился к одной из групп *вендийских* языков, но ныне похож на *туранский*, хотя в нем осталось много древних слов.

Имена и названия. Хаббатейские имена напоминают индийские и афганские: *Gih Matara* (*Gih Matara*), *Ghor Kirlanda* (*Ghor Kirlanda*), *Cunax Shashem* (*Sipah Shashem*).

ХАУРАН см. КОФ

ХОРАЙА см. КОФ

III. — государство в Центральной Хайбории. Месторасположение заставляет его выступать в роли своеобразного буфера между Востоком и Западом, *Хайборией* и *Тураном*. III. — это земля воинственных городов-государств, где процветают наемники и превыше всего — власть золота. III. описан во многих историях «*Саги*». Так, *Белит* была шемиткой. III. упоминается в романе *П.Андерсона «Конан-Мятежник»* (в рус. пер. «*Конан и Секира Света*»). Упоминания о III. встречаются повсюду в «*Саге*», но центральным местом действия III. выступает лишь в рассказе *Р.Говарда и Л.Спрэга де Кампа «Ястребы над Шемом»*. В некоторых других историях упоминаются кочевники-*зуагиры*. Отряд *зуагиров Конан* возглавлял в период своей жизни, который был описан в повести *Р.Говарда «Знак ведьмы»* и далее в рассказе «*Черные слезы*». *Зуагиры* упоминаются в романе *Б.Ниберга «Мститель»*, а также в романе *О.Локмита «Песчаные небеса»*.

История. В самом начале хайборийского вторжения кочевники из южных областей побережья моря *Вилайет* двинулись в путь в поисках новых пастбищ. Самые упорные из них достигали даже областей восточной *Стигии*. Эти люди, именующиеся *Сыновьями Шема*, неустанно искали лучшие земли. Наступление пустыни понуждало их откочевывать все дальше и дальше. *Сыновья Шема* все прибывали и прибывали с Запада, и *стигийцы*, всерьез обеспокоенные этим вторжением, не раз предпринимали попытки отодвинуть их на прежние рубежи, но постоянно терпели неудачу. Тогда *стигийцы* предложили кочевникам присоединиться к их государству и стать частью *Стигии*. *Сыновья Шема* стали вассалами *Стигии* и продолжили уже в новом качестве свое продвижение на запад. Но сколько *стигийские* жрецы ни старались насадить среди них культ *Сета*, все их старания оборачивались прахом. *Сыновья Шема* имели собственный пантеон богов, поклонение которым было куда более простым и не требовало сложных ритуалов, в отличие от пугающего культа *Великого Змея*. Когда хайборийцы поработили *Коф*, *Стигия* отодвинула свои границы южнее реки *Стикс*, оставив шемитов на произвол судьбы и рассчитывая на то, что они станут шитом, огородившим их от свирепых варваров-хайборийцев. В 588 п.п.А. шемиты подняли восстание в ответ на увеличение *Стигией* размера дани. Ради победы над *Стигией* они заручились поддержкой *Кофа*, что не принесло желаемого успеха, ибо они просто поменяли одного хозяина на другого — *Коф* стал сам притеснять шемитов, с успехом заменив *Стигию* на этом поприще. Примерно с 923 п.п.А. шемиты обрели сложившуюся государственную систему и почувствовали себя достаточно сильными, чтобы выдворить из страны кофийских наместников и провозгласить независимость. Но государственности III. хватило лишь настолько, чтобы отразить внешнего врага. После того как угас пафос освободительной войны, местные князья не замедлили вцепиться друг другу в глотку и затеять междоусобную войну, что привело к тому, что III. превратился в конгломерат независимых городов-государств. Теперь, по крайней мере, в восточном III. всегда отыщется работа для наемников. Каждому полису приходится отражать не только постоянные нападения своих

воинственных соседей, но и набеги кочевников-*зуагиров*. Единственное относительно спокойное место в III. — западные области вокруг *Асгалуна*, правителям которого удалось установить мир на своих территориях.

Текущие дела. Восточный III. всячески избегает заключения мирных договоров между своими городами-государствами. Продолжаются стычки с *Кофом*, что, вкупе с набегами *стигийцев* и *туранцев*, не способствует спокойной жизни этого региона. Однако многие удельные правители активно проводят мысль об объединении перед лицом грядущей гирканской угрозы. *Туранские* эмиссары поддерживают идею слияния, несмотря на то что тогда их собственное влияние в этом регионе значительно уменьшится. Это связано с тем, что центр III. перенесется в *Асгалун*, восточные границы в районе *Заморанской* пустыни останутся вне его поля зрения, что позволит *Турану* рассчитывать на присоединение этих земель к своей территории.

Союзники и враги. Города-государства III. находятся между собой в весьма натянутых отношениях. Объединяет их лишь ненависть и презрение к *Стигии* и *Кофу*, своим бывшим хозяевам. На сегодняшний день боевая слава III. осталась в далеком прошлом, что не мешает кофийским и стигийским владыкам с осторожностью присматриваться к этой стране. Несмотря на это исторически сложившееся недоверие, шемиты успешно торгуют с *Кофом* и *Стигией*, равно как с *Тураном* и *Заморой*. Но их взаимоотношения не выходят за рамки торговых соглашений и не могут считаться союзами в полном смысле этого слова.

География. III. находится между *Кофом* и *Стигией*. Западной границей служит океан; восточная теряется в *Туранской* пустыне. Земли западного III. представляют собой плодородные холмистые луга. В восточном направлении земля делается суше, растительность становится все скуднее, по мере приближения к пустыне.

Географический справочник

Аббадрах (Abbadrah) — город-государство в южном III. На Аббадрах сильное влияние оказала стигийская культура. Так, близ города располагаются обширные гробницы, явно стигийского происхождения.

Акбитания (Akbitania) — город-государство на севере III., близ кофийской *Хорайи*. Акбитания издавна славится прекрасными кузнецами, которые изготавливают отличное стальное оружие и броню.

Акхария (Akkharia) — город-государство на юго-западе III.

Анакия (Anakia) — город-государство в западном III.

Асгалун (Asgalun) — столица *Пелиштии* (*Pelishitia*). Асгалун — наиболее крупный морской порт III. Расположен он в устье реки, на побережье Западного Океана. Дни славы Асгалуна — в прошлом, и ныне город

представляет собой причудливое скопление как полуразрушенных хижин, так и красивых каменных монументов.

Ахлат (Akhlat), именуемый также «Проклятый», — оазис, где расположен торговый город, заложенный еще до шемитов в земле *Макан-э-Мордан* (*Makan-e-Mordan*), части *Шан-э-Сорх* (*Shan-e-Sorkh*) (названия, по всей видимости, *ахеронские*). В Ахлате правил демон Старшей Ночи, носящий имя *Горгон* (*Gorgon*), который не мог существовать вне границ Ахлата и был хранителем *Шан-э-Шорха*, о чем говорят древние *ахеронские* источники.

Дан-марках (Dan-marcah) — деревня в *Пелиштии*, находящаяся на побережье.

Гхаза (Ghaza) — город-государство в III., известный центр виноделия.

Кутхемес (Kuthchemes) — разрушенный город на границе юго-восточного III. Кутхемес, *ихарийский* город, был один из первых поселений, основанных ими на западе. В Кутхемесе властвовал маг *Тутра Хотан* (*Thugra Khotan*). Город был разрушен хайборийцами в период захвата *Кофа*.

Кирос (Kiros) — город-государство III., известный виноделием.

Либнум — холмистая местность в *Пелиштии*, к югу от *Асгалуна*. Либнум — один из самых плодородных районов III.

Макан-э-Мордан (Makan-e-Mordan) — часть *Шан-э-Шорха*, место паломничества.

Нипр (Nippr) — город-государство в III.

Пелиштия (Pelishtia) — самое западное королевство в III. *Асгалун* является столицей Пелиштии. На короткий период *Асгалун* был даже столицей объединенного III., но лишь до тех пор, пока тот не распался вновь на мелкие города-государства. Пелиштия, пожалуй, единственная область III., хорошо известная западным народам (*зингарцам* и *аргосцам*), т.к. она доступна с моря.

Сабатея (Sabatea) — город-государство III. Сабатея имеет дурную репутацию большей частью из-за того, что жители ее исповедуют кровавый культ *Золотого Павлина*. Адепты этой веры — законченные палачи и садисты. К их услугам охотно прибегают правители многих шемитских городов-государств.

Шан-э-Сорх (Shan-e-Sorkh) — «Красная Пустошь» — жаркая и бесплодная пустыня в восточном III. Свое название получила из-за песка красноватого оттенка и почти полного отсутствия оазисов.

Шумир (Shumir) — древний город-государство на востоке III. Согласно легенде, шемитский бог воров *Бел* был рожден в Шумире.

Шушан (Shushan) — «Имперский город», самый большой город-государство в восточном III. Шушан и *Пелиштия* — два главных конкурента в борьбе за государственность III. Шушан и *Асгалун* оспаривают право называться столицей объединенного III., с самых тех пор, как III. распался на мелкие города-государства, после восстания против *Кофа*.

Эрук — город-государство в III.

Экономика. Города III. производят множество товаров, начиная от брони и оружия и заканчивая драгоценностями и изделиями из кожи. Каждый город специализируется в ряде товаров, которыми они торгуют между собой.

Карта магических областей. Западный III. имеет нормальный уровень магии, восточный — пониженный.

Общество. III. — государство, состоящее из разрозненных полисов, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом и с кочевниками пустыни. Большинство этих городов-государств весьма невелики по размерам. Самое большое внутреннее государство — *Пелиштия*, оно охватывает почти весь западный III. Маршруты всех караванов пересекаются в III. Несмотря на взаимную враждебность полисов, ни один из городов-государств не обладает достаточной экономической независимостью, чтобы процветать без торговли. Некоторые города-государства занимаются в основном производством оружия, другие — виноделием или земледелием, но все они разводят скот. Шемиты среднего роста, широкоплечи, крепкого телосложения. У них ястребиные носы, темные глаза и иссиня-черные волосы. Они носят длинные курчавые бороды, по форме напоминающие лопату и суживающиеся книзу (подобно древним ассирийцам). Король *Пелиштии* номинально является правителем всего III. Но на практике каждый город имеет собственного владыку и не подчиняется воле *Асгалуна*.

Зуагиры. Кочевники-зуагиры живут в восточных пустынях III. Основной их промысел — набеги на караваны, проходящие через восточную пустыню. Зона их влияния простирается вплоть до *кофийского Хаурана*. Зуагиры ценят свою независимость и ведут кочевой образ жизни. Они нападают на шемитские, *заморанские* и *туранские* караваны, захватывая продовольствие, оружие и товары. Многие купцы стараются не проходить караванами через III., страшась безжалостных номадов. Правители *Турана* неоднократно высылали карательные экспедиции, чтобы отогнать кочевников от своих границ.

Право. Каждый шемитский полис имеет собственные законы, сильно разнящиеся друг от друга. В III. существуют различные законы для коренного населения и для чужестранцев. Так, в некоторых городах существует особый «гостевой квартал» для приезжих. Там царят более либеральные нравы, дабы караванщики ненароком не нарушили местные законы и не подверглись наказанию. Порой эти законы принимают

достаточно странный характер, типа запрещения публичного потребления пищи или пива, или публичной демонстрации роскоши и богатства. Зачастую эти нелепые правила служат лишь для вымогательства или расправы над неугодными.

Религия. Шемиты имеют собственный пантеон богов. У каждого города есть собственный идол, наличие которого, по шемитским верованиям, символизирует присутствие и покровительство самого божества.

Вооруженные силы. Шемитская армия представляет собой причудливую смесь различных родов войск. Так, в некоторых городах предпочитают конницу и имеют лишь немногочисленную пехоту; в других излюбленный род войск — пикинеры, а пехота и кавалерия почти не представлены. Существуют даже армии, основой которых служат осадные машины. Благодаря непрерывным военным действиям, вооруженные силы Ш. хорошо обучены и закалены в сражениях. Но лучшие отряды — это т.н. **Вольные**, состоящие из хорошо обученных наемников, которые готовы продать свои мечи тем, кто больше заплатит.

Язык. Шемитская семья языков обособлена как от *хайборийской*, так и от стигийской, однако, в результате взаимопроникновения культур, имеет общие с ними корни. *Зуагирский* язык представляет собой диалект шемитского.

Имена и названия. Шемитские имена похожи на ассирийские, вавилонские или древнееврейские: *Арамаз (Aramas), Африт (Afrit), Белит (Belit), Даман (Dathan), Джилзан (Gilzan), Енох (Enosh), Зебах (Zebah), Зиллах (Zillah), Yin Алла (Yin Allal), Исаяб (Isaiab), Матенбаал (Mattenbaal), Мена (Mena), Нахор (Nahor), Нитокар (Nitokar), Уриаз (Uriaz), Эбанезеб (Ebunezeb), Эблис (Eblis), Элохар (Elohar).*

ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

см. КУШ и ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

СПИСОК СТРАН ХАЙБОРИИ

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ» СТРАНЫ И НАРОДЫ (ЧАСТЬ 1) (том «Конан и Сердце Аримана»)

Агадея
Антилия
Аквилония
Ап

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ» СТРАНЫ И НАРОДЫ (ЧАСТЬ 2) (том «Конан и Багровое Око»)

Аргос
Асгард (см. Нордхейм)
Барахские о-ва
Бритуния
Ванахейм (см. Нордхейм)
Вендия
Гиперборея
Гиркания
Гулистан
Дарфар
Замора
Зембабве
Зингара

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ» СТРАНЫ И НАРОДЫ (ЧАСТЬ 3) (том «Конан и призраки прошлого»)

Иранистан
Камбуя (см. Кхитай)
Кешан
Киммерия
Когир
Коринфия
Косала
Коф
Кусан (см. Кхитай)
Куш и Черные Королевства
Кхитай

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ» СТРАНЫ И НАРОДЫ (ЧАСТЬ 4)

(том «Конан и заговор теней»)

Майапан (см. Антилия)

Меру

Немедия

Нехрем

Нордхейм

Офир

Пандра

Пантения (см. Туран)

Пиктские пустоши

Пограничное королевство

Пунт (см. Куш и Черные Королевства)

Стигия

Туран

Уттара (см. Вендия)

Хаббатейя

Хауран (см. Коф)

Хорайя (см. Коф)

Шем

Черные Королевства (см. Куш и Черные Королевства)

Продолжение «Путеводителя по Хайбории»
читайте в следующих томах
Саги о Конане

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Мак-Грегор. Чужая клятва	7
А. Олдмэн. Заговор теней	125
К. Стайл. Оборотень	281
Г. Эйлат. Охота на ведьм	331
А. Олдмэн. Щит Агibalла	367

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: СТРАНЫ И НАРОДЫ

Майапан	403
Меру	403
Немедия	405
Нехрем	409
Нордхейм	411
Офир	414
Пандра	416
Пантения	418
Пиктские пустоши	418
Пограничное королевство	422
Пунт	423
Стигия	423
Туран	428
Уттара	434
Хаббатейя	434
Хауран	437
Хорайя	437
Шем	438
Черные Королевства	442
Список стран Хайбории	443

Литературно-художественное издание

ДУНКАН МАК-ГРЕГОР
АНДРЕ ОЛДМЕН
КРИСТИНА СТАЙЛ
ГИДЕОН ЭЙЛАТ

КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ

Ответственный редактор: *Наталья Баулина*
Главный художник: *Сергей Шикин*
Художественный редактор: *Екатерина Соболева*
Обложка: *Юрий Киргизов*
Художник: *Алексей Федоренко*
Верстка: *Елена Посадова*
Технический редактор: *Елена Шараева*
Корректор: *Вера Чаленко*

Издательство «Троль».
410027, г.Саратов, ул.Одесская, 9.

Лицензия № 010945 от 05.03.93 г.
Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».
Тираж 30 000 экз.
Заказ № 246.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

издательство
«Северо-Запад»

продолжает серию

SCIENCE FICTION

Готовятся к изданию:

ФИЛИП **ДИК**
«Лабиринт смерти»

МИКАЭЛА **РОССНЕР**
«Точка исчезновения»

УИЛЬЯМ **ТЕНН**
«Обитатели стен»

ФИЛИП **ФАРМЕР**
«Сумерки Вселенной»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте :

sevzap @ infopro. spb. su

